Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Калмыцкий государственный
университет имени Б.Б. Городовикова»
Институт Конфуция

ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, КУЛЬТУРА

Материалы II Международного форума
15 - 18 октября 2019 г.

Элиста, 2019

УДК 8:32:94(510)(082)
ББК Ш0(2Рос.Калм)я431+Ш0(5Кит)я431+Ф4(5Кит)я431+Т3(5Кит)я431
О-421

«Один пояс – один путь: образование, наука, культура», II Международный форум (2019; Элиста). II Международный форум «Один пояс – один путь: образование, наука, культура», 15-18 октября 2019 г. [Текст]: материалы / редкол.: В.О. Имеев [и др.]. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019 – 215 с. – ISBN 978-5-91458-326-9.

Сборник содержит материалы докладов и выступлений ученых из вузов Российской Федерации, стран Ближнего и Дальнего зарубежья, академических институтов по вопросам востоковедной лингвистики, истории, культуры, фольклора, вопросам образования и методики преподавания иностранных языков.

Сборник адресован научным работникам, аспирантам, магистрантам и студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами востоковедения.

Редакционная коллегия:

В.О. Имеев (отв. редактор), Э.Б. Турдуматова,
М.М. Алжеева, Б.В. Буданова, А.Б. Зунгруева

Международный форум
«Один пояс – один путь: образование, наука, культура»
проведен при финансовой поддержке Министерства науки
и высшего образования Российской Федерации,
Штаб-квартиры Институтов Конфуция и Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова

Материалы публикуются в авторской редакции

ISBN 978-5-91458-326-9

© ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», 2019

© Авторы, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ КИТАЯ

Салаев Б.К. Калмыцкий государственный университет в российско-китайском взаимодействии 5
Авлиев В.Н. Распространение христианства среди населения Калмыцкой степи Астраханской губернии в последней трети XVII-XVIII вв. 10
Ахмедов О.Н. Взаимоотношение Узбекистана и Китая в сфере образования на современном этапе 14
Бадмахалгаев Л.Ц., Хуцаева А.Х. Проблемы и перспективы сотрудничества России и Китая 18
Владимирова О.В. Исследование изменений и тенденций экономических отношений между Россией и Китаем 21
Горяев М.С. Первая православная миссия среди калмыков 23
Джагаева О.А., Манджиев О.С. Современное состояние Центрально-Азиатского региона 29
Димитрова С.В., Иномова Д.А. Принцип «недеяния» в «обществе риска» 32
Засорин С.А. Геополитические аспекты современных российско-китайских отношений 36
Кейдун И.Б. Регламентация правил домашней жизни в Древнем Китае (по материалам главы «Нэй Цзэ» конфуцианского канонического трактата «Ли Цзи») 38
Кукеев Д.Г. «Джунгарское» пограничье как место появления письменных источников, написанных чиновниками и ссыльными Цинской империи 42
Менкенова К.В. Тибетские народные сказки, переведенные на русский язык 46
Молозаев Д.Э. Современное состояние тайваньской проблемы 47
Никитенко В.С., Шорваева Н.В. Гуманитарное сотрудничество России и Китая 50
Омакаева Э.У., Егоров В.К. Межстрановые исследования демографических процессов в России, Китае и Монголии: проблемы старшего поколения 54
Очир-Гаряева И.К., Анкарлеева Т.В. Современное состояние Шанхайской организации сотрудничества 58
Петрова Д.Б. Организационно-правовые средства противодействия коррупции: российско-китайский опыт 60
Тараскаева В.С. Особенности миграционной политики современного Китая 65
Уланов М.С., Уланова Г.В. Женщина в буддийской культуре Индии и Китая 68
УлюмджиеваД.Д. The history of multiparty cooperation in China 73
Филонов С.В. Бодхисаттва Кшитигарбха в культурном пространстве традиционного китайского храма: на примере храма Дицзанъань в Синьчжуане 76
Цао Инхуа 俄罗斯企业在中国投资的法律基础分析 81
Шорваева Н.В. Военно-техническое сотрудничество РФ и КНР на современном этапе 84
ЭдняшеваД.Ю. Caroline Humphrey's contribution to Oriental Studies 88
Ярымова О.В. Отношения России и Китая в сфере безопасности в рамках инициативы «Один пояс – один путь» 93

КИТАЙСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Алексахин А.Н. Изучение китайского языка и роль алфавита и звукобуквенного стандарта слова 95
Алжеева М.М.张爱玲作品中展示出的女性生命价值 99
Ао Дуньху 汉语诗歌教学的民族文化适切研究 102
Байармend Боржигин 从蒙古语词汇观察蒙古文化的多重结构 107

Бугаева Э.С., Алжеева М.М. Сравнительный анализ дунганского языка и путунхуа 115
Ван Сюецзяо 浅谈汉语量词及针对教授俄国成年学生量词的教学建议 118
Воропаев Н.Н., Ма Тяньюй Классификация прецендетных феноменов китайскоязычного культурного пространства 119
ДаржиноваЛ. В. Using a behavioral measurement for assessment of written comprehension in bilinguals 124
Зунгруева А.Б., Мушаева О.К. Уважение в калмыцкой и китайской лингвокультурах 129
Корнеева А.Х., Корнеев Г.Б. Термины китайского буддизма в буддийской терминологии ойратов 134
Манджиева А.И., Алжеева М.М. Особенности употребления фразеологических оборотов с названиями животных в китайском языке 139
Намжавин С. Язык как отражение культуры народа (на материале китайской лексики) ... 142
Оголова Л.А., Чеджиева Ж.Д., Боктаева В.Л. Словообразовательные гнезда в современном калмыцком и английском языках 144
Окладникова С.В. Особенности фонетических заимствований в китайском языке 147
Очирова В.С. Омакаева Э.У., Чеджиева Ж.Д., Оголова Л.А.Отражение гендерных ролей мужчины и женщины в калмыцкой лингвокультуре (на материале пословиц и поговорок) 151
Санджиева Д.Ц. Проблемы перевода эмоционально-оценочной политической лексики на материале выступлений Дэн Сяопина и Си Цзиньпина 155
Салыкова В.В., Карманов А.А., Горяев Т.С.Буддийское восприятие мира в эпической стране Бумба 157
Турдуматова Э.Б., Лиджи-Горяева М.С. Лингвокультурные особенности гендерной ассиметрии в китайском языке 161
Чалбанова К.В. Художественное своеобразие ранней женской прозы Китая 164
Чеджиева Ж.Д.Очирова В.С., Оголова Л.А., Мучкаева Г.М. Зоонимические фразеологические единицы в калмыцком и английском языках 167
Чень Сюе Обучение иностранному языку на фоне квалификационного экзамена CATTI для переводчиков 170
Чжан Жуй 中俄高等教育交流合作的状况与发展 175
Чжао Линьцзян 天津外国语大学网上中华文化体验室的建设设想 177
Эрдниева Е.А. Китайские заимствования в калмыцком и монгольском языках 182

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ

БайрамоваС.И. Особенности формирования фонетико-фонологической компетенции взрослых, изучающих китайский язык в системе дополнительного образования 186
БолдыреваО.Н. Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка как иностранного стажерам из Китая 190
Ванчарай Батмаа Статус-кво и перспективы обучения китайскому языку в Монголии 192
ГолубеваЕ.В. Особенности преподавания синтаксиса у студентов-китайцев 196
ДальдиноваЭ.О-Г, КекееваТ.М. Этнический аспект в обучении иностранными языками .. 199
ДышинА.В. Некоторые особенности академического предпринимательства в КНР и их использование в высших учебных заведениях Российской Федерации 201
ДякиеваР.Б. Вклад высших учебных заведений России в гуманитарную политику мира (на примере КалмГУ) 203
ЛюбимоваВ.А. Поликультурное образование как фактор развития общества 207
Нин Хуайин Информатизация образования и интернет-образование 209
Староверкина Л.А. Роль коммуникативных умений при адаптации иностранных граждан на довузовском этапе 210
Шасаидова Л. Ш. Особенности обучения устной речи студентов-филологов на младших курсах (китайский язык) 212

ИСТОРИЧЕСКОЕ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ КИТАЯ

Б.К. Салаев,
Элиста, Россия

КАЛМЫЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

В мире формируются эффективные практики поддержки и развития различных форм кооперации в сфере науки, образования, технологий, инноваций, учитывающие особенности развития этой сферы в условиях масштабных изменений в международном разделении труда и глобальной конкуренции. В последние несколько лет в России особое внимание уделяется формированию эффективной научной и инновационной политике, её международной составляющей. Так, государственная программа «Развитие науки и технологий» до 2020 года задает ориентиры на достижение уровня фундаментальных и поисковых исследований, соответствующего уровню в странах-лидерах, высокой степени международного сотрудничества в целях создания современной технологической базы экономики страны. С запуском в 2013 г. Проекта по повышению конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров (Проекта 5-100) перед отечественными вузами поставлена задача кардинального усиления международной интеграции как в сфере образовательных программ, так и в области исследований и разработок. Повышение эффективности международной кооперации выступает ключевым фактором успешного выполнения планов и достижения целевых индикаторов развития отечественного научно-технологического комплекса, намеченных в Указе Президента Российской Федерации. О создании благоприятных условий для интеграции системы образования Российской Федерации с системами образования других государств на равноправной и взаимовыгодной основе свидетельствует статьи Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г.

2019 год по многим причинам является для Калмыцкого государственного университета определяющим с точки зрения формирования приоритетов развития международной деятельности на ближнесрочную перспективу. В этом году Министерство науки и высшего образования РФ официально включила три научные площадки университета в федеральный перечень общественно значимых мероприятий:

– Международная научно-практическая конференция «Социально-экономические и экологические аспекты развития Прикаспийского региона», организованная под эгидой Ассоциации университетов Прикаспийских стран и Правительства Республики Калмыкия, которое было первым масштабным научным мероприятием по различным аспектам изучения Каспия и сопредельных территорий после августовского саммита глав прикаспийских государств, который провел опорный Калмыцкий государственный университет.

– II Международный форум «Один пояс – один путь», приуроченный к 70-летию создания Китайской Народной Республики и 10-летию официального открытия Института Конфуция на базе Калмыцкого университета при поддержке Штаб-квартиры Институтов Конфуция.

– III Международный научный форум «Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских и тюркских этносов во времени и в пространстве».

Для всего научно-педагогического сообщества нашего вуза и для нашей республики в целом – это событие знаменательное, поскольку является признанием значимости научных достижений ученых Калмыцкого госуниверситета в данных областях, а также актуальности тех приоритетов, которые сегодня обозначены в стратегии развития международной деятельности вуза.

Геополитическое, геокультурное значение региона Юга России в истории российского государства, исторически сложившиеся и культурно-обусловленные связи Калмыкии с восточным миром формируют основу международного научного сотрудничества, способствуют продвижению позитивного имиджа университета, экспорта российских образовательных услуг в эти зарубежные государства.

2019 год является важной датой и в истории мировой политики – 70 лет назад были установлены дипломатические отношения между Москвой и Пекином. Наша страна первой признала только что созданную Китайскую Народную Республику (2 октября 1949 года). Вступив в XXI век, Пекин и Москва подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ, который стал важной вехой в истории дипломатического сотрудничества между нашими странами.

Президент страны Владимир Владимирович Путин высоко оценил успехи в развитии конструктивного сотрудничества на самых различных направлениях, которых Москва и Пекин достигли за последнее время. Расширился содержательный политический диалог на всех уровнях, координируются усилия в решении актуальных вопросов региональной и глобальной повестки дня - в том числе в рамках ООН, ШОС, БРИКС и других многосторонних структур.

Китайская Народная Республика и Российская Федерация наладили отношения, имеющие сильные внутренние движущие силы, достигшие высокого уровня зрелости и заслуживающие звания «образцового примера современных международных связей». Об этом заявил директор Центра по изучению России Восточно-Китайского педагогического университета Фэн Шаолэй, отметив также, что всесторонние, тесные, откровенные и эффективные политические контакты на высоком уровне между двумя странами стали важным ведущим фактором и фундаментом для развития китайско-российских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху.

Образование и наука занимают важнейшее место в системе международных отношений между нашими странами.

История научно-образовательного взаимодействия между Калмыцким госуниверситетом и китайскими вузами начинается с 1999 года, когда впервые в рамках реализации программы «Регионоведение» было введено преподавание китайского языка. С этого периода начинается научно-образовательное сотрудничество с китайскими вузами. В список стратегических партнеров в настоящий момент входят 12 вузов Китайской Народной Республики, в том числе:

- Университет Внутренней Монголии (г. Хух-Хото)
- Северо-западный педагогический университет (г. Ланьчжоу)
- Синьцзянский университет (Синьцзян-Уйгурский автономный район)
- Муданьцзянский педагогический университет (г. Муданьцзян)
- Хайнаньский профессиональный институт экономики и бизнеса (г. Хайкоу)
- Цинхайский национальный университет
- Аграрный университет Внутренней Монголии (г.Хух-Хото)
- Цюнтайский педагогический институт (г. Хайкоу)
- Пекинский университет языка и культуры (г. Пекин)

Как известно, Университет Внутренней Монголии на протяжении вот уже почти 15 лет является надежным международным партнером Калмыцкого госуниверситета. Именно под эгидой этого университета в 2009 году в числе первых в России был открыт Институт Конфуция.

Сегодня формы и область взаимодействия Калмыцкого государственного университета с партнерскими вузами Китая затрагивает разные направления образовательной, научной и культурной деятельности. Это студенческие обмены, совместные научно-исследовательские проекты, научные и образовательные стажировки

преподавателей и студентов, создание центров языка и культуры на площадках вузов-партнеров, функционирование Института Конфуция, культурные обмены и другие формы сотрудничества.

Одним из приоритетных направлений взаимодействия с вузами КНР является реализация программ академических, научных обменов и стажировок. Студенты Калмыцкого университета выезжают по программам академических обменов в Китай, около 100 студентов китайских вузов ежегодно приезжают в Калмыцкий государственный университет. Реализуются программы летних студенческих лагерей и фестивалей, в рамках которых вузы-партнеры организуют обмены лидерами студенческих объединений и творческих студий для участия в международных молодежных и культурно-творческих мероприятиях. Кроме академических обменов реализуются проекты научных стажировок студентов и преподавателей.

В 2019 году состоялся первый выпуск студентов направления «Зарубежное регионоведение», магистерской программы «Актуальные проблемы социально-экономического и политического развития стран Восточной Азии».

Многопланово сотрудничество университета с китайскими вузами-партнерами и в научной сфере. Теперь это не только реализация совместных проектов, поддержанных Российским фондом фундаментальных исследований, но и работа в новом формате временных научных коллективов, формирующихся в рамках приоритетных научных отраслей деятельности вуза.

С целью укрепления сотрудничества с международными образовательными и научными организациями КалмГУ в 2017 году учредил внутривузовские гранты под создание временных научных коллективов ученых по приоритетным научным направлениям деятельности университета, в том числе, под развитие сетевого востоковедения. За период существования данной практики к реализации таких проектов под руководством ученых Калмыцкого университета в разное время были привлечены исполнители из Университета Внутренней Монголии (КНР), Северо-Западного университета национальностей (КНР), Аграрного университета Автономного района Внутренней Монголии (КНР), Монгольского государственного университета (МНР), Ховдского государственного университета (МНР), Варшавского государственного университета (Польша), Иссык-кульского университета им. К. Тыныстанова (Кыргызская Республика), Атырауского государственного университета имени Х. Досмухамедова (Республика Казахстан), Института археологии им. А.Х. Маргулана (Республика Казахстан), Казахского национального университета им. аль-Фараби (Республика Казахстан), Института языка и литературы Монгольской академии наук (МНР), Монгольского национального университета (МНР).

Всего, в период с 2017 по 2019 гг. на реализацию этой инициативы было выделено 15 млн. руб. Основными результатами научных проектов, реализованных в формате временных научных коллективов стали совместные публикации в изданиях, индексируемых международных базах данных, совместные заявки на конкурсы грантов РФФИ и РНФ, коллективные монографии, экспедиции.

В ноябре 2018 года в стенах КалмГУ прошел I Международный форум «Один пояс – один путь: образование, наука, культура», который объединил в себе несколько значимых мероприятий:

– Научно-практическую конференцию по одноименной тематике, собравшую ведущих китаистов из разных субъектов РФ, Монголии, Китая;

– Всероссийскую студенческую олимпиаду по китайскому языку, для участия в которой в республику прибыло более 40 студентов из разных вузов России.

Тогда, по результатам форума совместно с Институтом востоковедения РАН, Сибирским федеральным университетом, Университетом Назарбаева был создан научный коллектив по теме: «Изучение истории границ Китая и России в центральной Азии: современная историография».

Как было сказано ранее, одним из приоритетных направлений научной деятельности вуза является расширение гуманитарного сотрудничества в области востоковедных исследований и продвижения русского языка и культуры. Ключевые результаты по данному направлению достигнуты за счет стратегического проекта Программы развития университета как опорного вуза «Калмыкия как трансграничный регион в восточном векторе России». Его реализация позволила сделать качественный скачок в развитии международного и межрегионального сотрудничества. Одним из основных результатов реализации стратегического проекта стало создание экспертно-аналитического центра «Комплексная безопасность региона. Гуманитарное сопровождение внешнеэкономической деятельности». Направленность работы центра – активизация участия Республики Калмыкия в восточно-ориентированной политике Российского государства.

Одной из задач деятельности данного экспертного центра является создание гуманитарной основы развития культурных связей региона со странами восточного мира через:

– расширение сферы распространения русского языка и культуры за рубежом;

– реализацию актуальных научных проектов в области ориенталистики в кооперации с ведущими востоковедными центрами России, ближнего и дальнего зарубежья.

Приоритетным направлением деятельности университета по первому блоку задач стала работа по расширению сети Центров русского языка и культуры за рубежом. В соответствии с утвержденной программой работы центров уже реализованы следующие мероприятия:

– выделены и оборудованы специализированные помещения для организации курсов русского языка как иностранного;

– набраны группы по изучению русского языка из числа школьников, студентов и взрослого населения;

– направлены преподаватели русского языка как иностранного с целью организации работы курсов на базе центров;

– организована методическая поддержка работы созданных центров.

Первый Центр русского языка и культуры за рубежом был создан на площадке Университета Внутренней Монголии. Другие центры открыты в Северо-Западном педагогическом университете (Ланьчжоу), колледже информационных технологий (г. Цюнхай), Хайнаньском институте экономики и бизнеса (г. Хайкоу). Ежегодно на площадках центров проводятся многочисленные мероприятия, знакомящие всех желающих с богатейшей русской культурой. Среди них: научные конференции, дни русской культуры, конкурсы по страноведению, олимпиады и повышение квалификации для учителей русского языка как неродного. Ежегодно такими мероприятиями охватываются более 1500 человек.

С 2013 года в КалмГУ реализуется проект «Россия онлайн», в который вовлечены разные категории университетского сообщества китайских вузов: студенты, преподаватели, слушатели центров русского языка в Китае и др. Проект позволяет участникам успешно закрепить свои знания русского языка, лучше узнать культуру нашей страны через проведение занятий посредством программы Skype и видеоконференций. Занятия по русскому языку проводят преподаватели КалмГУ. По окончании курса участникам вручаются сертификаты о прохождении программы с указанием количества прослушанных часов. Самые активные участники проекта получают возможность принять участие в летних языковых школах по русскому языку. Так, по итогам реализации этого проекта Хайнаньский профессиональный институт экономики и бизнеса, Северо-Западного педагогического университета стали долгосрочными партнерами КалмГУ, студенты которого ежегодно приезжают на языковые стажировки и лагеря по русскому языку.

На базе Калмыцкого госуниверситета с 2008 года фунционирует Института Конфуция, чья деятельность позволяет развивать дружеские взаимоотношения Китая с Россией. Институт Конфуция Калмыцкого государственного университета реализует большое

количество мероприятий и проектов, способствующих росту понимания китайской истории, культуры и традиций в России:

- курсы китайского языка и культуры;
- конкурсы и мероприятия по популяризации языка и культуры Китая;
- проведение квалификационного теста по китайскому языку;
- студенческие и преподавательские стажировки в Китае, консультации по обучению в КНР;
- проведение научных конференций, посвященных Китаю;
- подготовка и издание учебной литературы по китайскому языку.

В 2015 году на базе Научной библиотеки Калмыцкого университета был открыт Центр постижения китайского языка и культуры Китая. На его базе проходят занятия для слушателей Института Конфуция, встречи китайских и российских студентов, семинары, мастер-классы, просмотры китайских фильмов, дни открытых дверей, а также хранится библиотечный фонд, китайская атрибутика для знакомства с культурой КНР.

Направления совершенствования и развития деятельности Института Конфуция включают:

- мероприятия по развитию института как эффективного образовательного центра по китайскому языку и культуре для удовлетворения растущего спроса любителей китайского языка и культуры любого возраста
- мероприятия, позиционирующие Институт Конфуция в качестве авторитетного научно-исследовательского и культурно-образовательного центра.
- масштабирование деятельности Института Конфуция в качестве экспертного учреждения по профессиональной подготовке китаистов.
- укрепление роли Институт Конфуция как научно-образовательного и дружеского моста между Китаем и Россией.

Среди других направлений, способствующих укреплению нашего сотрудничества с вузами Китайской Народной Республики – организация культурного сотрудничества. В сентябре 2019 года в рамках мероприятий, приуроченных к 70-летию установления дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией, при поддержке Штаб-квартиры Институтов Конфуция, Посольства КНР в РФ и Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова состоялось выступление артистов труппы Тяньцзиньского молодежного театра пекинской оперы. Пекинская опера – уникальный жанр традиционного китайского искусства, национальная гордость Китая, внесенная ЮНЕСКО в список всемирного культурного наследия.

В 2019 году студенты нашего университета приняли участие в Международном фестивале «Студенческая весна стран БРИКС и ШОС», а также в IV Международном фестивале культур, который прошел 20-21 апреля 2019 года в г. Ланьчжоу Китайской Народной Республики.Фестиваль собрал участников из 48 стран, а также китайских школьников и студентов. В этом масштабном мероприятии Калмыкию представили студенты Института калмыцкой филологии и востоковедения.

Укреплению российско-китайских отношений способствовали и встречи на уровне ректоров, организованные в Университете Внутренней Монголии, Посольстве Китая в Российской Федерации. Делегации КалмГУ неоднократно выезжали с деловыми и рабочими визитами в Китай, где посетили Университет Внутренней Монголии, Северо-Западный педагогический университет, Северо-Западный университет национальностей, Цинхайский национальный университет, колледж информационных технологий, Хайнаньский институт экономики и бизнеса, Аграрный Университет Внутренней Монголии и ряд других университетов Китая. На базе Калмыцкого госуниверситета с участием Университета Внутренней Монголии проводятся заседания Попечительского Совета Института Конфуция. В марте 2019 года Калмыцкий университет посетила делегация провинции Хэбэй КНР во главе с заместителем генерального директора Министерства иностранных дел Народного

правительства провинции Хэбэй. Ежегодно в рамках международных соглашений о совместной деятельности порядка 10 сотрудников и преподавателей КалмГУ выезжают в вузы-партнеры Китая с целью проведения занятий, обсуждения вопросов реализации научных проектов, в рамках деятельности центров русского языка и культуры и Института Конфуция.

Работа по взаимодействию КалмГУ с вузами Китая получила высокую оценку и со стороны Посольства Китайской Народной Республики в РФ во время визита Чрезвычайного и Полномочного посла, господина Ли Хуэя в республику, который предложил проведение крупных двусторонних мероприятий на базе КалмГУ.

***

В.Н. Авлиев,
Элиста, Россия

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVII-XVIII ВВ.

Появление калмыков в европейской части России относится к началу 17 столетия, когда Хо-Орлюк со своим подвластным народом занял земли в междуречье Яика и Дона, а также обширные стенные пространства от берегов Волги до предгорья Кавказских гор. Так как они обладали на тот момент значительными военными силами в данном регионе, то российское правительство, имея на них далеко идущие виды, не предпринимало, по крайней мере, явно, попыток распространить среди них православие. Однако сами калмыки, оторванные от своих прежних мест и оказавшиеся в совсем другой культурной, религиозной и языковой среде, со временем поддавались влиянию русскоязычного населения. И, не смотря на прямые запреты и противодействие со стороны правящей элиты и буддийского духовенства, христианство постепенно проникает в калмыцкие улусы. Так, шертная запись калмыцкого правителя Аюки 1673 г. впервые указывает на наличие в пределах Калмыцкой степи крещеных калмыков [4, 6 об.]. По этой записи он за себя и всех калмыцких владельцев давал присягу на верность Русскому царству. В обмен на «некрещеных калмыков и татар его Аюковых улусов, которые учнут уходить в города Царского Величества, и тех беглецов отдавать некрещеных назад», Аюка обязывался оказывать военную поддержку русскому правительству, не принимать государственных преступников и не разорять русские земли [6, Т.I, с. 925].

Таким образом, на основании данного документа, можно говорить, что в калмыцких улусах был небольшой процент населения, принявший православие. Более точное указание на существование этой категории населения дает шерть Аюки 1677 г., в которой, согласно решению, «которые калмыки по своим желательствам в Православную христианскую веру крестятся, и тех … им тайшам и улусным их людям не просить, и об них Великому Государю не бить челом …» [4, 7 об.].

Из этого видно, что уже в тот период царское правительство оказывало покровительство новокрещенным, принимало их в русских городах и старалось, по мере возможности, оградить их от притязаний со стороны владельцев-нойонов. Этим и объясняется подтверждения данной шерти новым договором в 1683 г., согласно которому калмыки, принявшие крещение, официально получали покровительство русского правительства [6,Т. II, с. 497]. В свою очередь это привело к тому, что крещение многими из них использовалось как средство избегания наказания за совершенные преступления в калмыцких улусах. Возможно, что данный метод был очень популярным среди калмыцкого народа, поэтому власти, скорее всего, под давлением недовольного калмыцкого правительства, были вынуждены пойти на некоторые уступки. Так, из одной из статей

следует: «чтобы его улусных людей калмык, которые своровав учнут бежать в государевы города, одни, или с женами, или с детьми – не принимать и не крестить, а задерживать их в городах и писать об них к Москве и к нему Аюке; а которых воеводы крестят за указом, и на них на воеводах править денег по тридцати рублев за человека и отдавать ему Аюкаю, или и градские люди то учинят и те деньги править по тому же на воеводах, а их писать в службу» [6, T.III, с. 331].

Сумма в 30 рублей, скорее всего, по мнению правительства, должна была компенсировать улусовладельцам потерю личной собственности, которые весьма болезненно относились к акту крещения и всеми силами старались этому препятствовать. Однако как видно в дальнейшем, число желающих уйти от своих природных владельцев и принять крещение, возрастает. И в начале XVIII в. русским правительством для новокрещенных калмыков было построена слобода на речке Терешке[1]. Там же для них была выстроена церковь [5, с. 52].

И хотя через некоторое время Аюка-хан сжег слободу, а всех крещеных калмыков увел в улусы, это не привело к оттоку желающих принять православие. Еще одним шагом русского правительства по защите крестившихся калмыков было переселение их в город Чугуев Харьковской губернии, где они были включены в состав казачьего сословия с получением причитающегося жалования. Так указ Правительствующего Сената от 15 марта 1716 г. говорит: «пришедших от Аюки хана калмык Серкен Мергена с товарищи … с женами и с детьми, которые пришли на Дон … и желают воспринять христианскую веру … отослать в Чугуев … и тамо их по желанию в христианскую веру крестить и написать с тамошними новокрещеными калмыки в службу и жалование им давать против тех же, для того, что с Дону могут они и крещение приняв, паки к Аюке или на Кубань уйти. А о принятии в Чугуев калмык … с женами и с детьми и о крещении их в христианскую веру …» [6, T.V, с. 202].

Из этого постановления становится видно, что поводом к нему явилось то обстоятельство, что некоторые калмыки, принявшие крещение, особенно те, кто проживал на Дону, возвратились в пределы Калмыцкого ханства или ушли за Кубань. И там вновь вернулись к религии своих предков.

Что касается мер к распространению православия среди калмыцкого народа, то таковых в этот период не было. В основе своей, калмыки принимали крещение либо для того чтобы избежать наказания за свои проступки в улусах, либо под давлением своих работодателей из числа русскоязычного населения. В то же время эти новокрещенные хоть изредка, но посещали улусы Калмыцкого ханства, что приводило к усилению недовольства со стороны калмыцких владельцев. Аюка-хан был вынужден вмешаться и просить русское правительство прекратить принятие и крещение беглых калмыков, а также запретить новокрещенным посещать улусы и склонять своих сородичей к христианству. О чем и вышло постановление Правительствующего Сената от 14 января 1717 г.

В 1720 г. впервые упоминаются льготы для принявших крещение. Так указ Правительствующего Сената 1 сентября 1720 г. говорит: «Которые не крещеные … восприняли Православную … веру, или которые впредь воспримут … тем во всяких государственных сборах и изделиях давать льготы на три года, дабы тем придать к восприятию веры … лучшую охоту …» [6, T.VI, с. 234-235].

Этим постановлением и заканчиваются мероприятия по распространению среди калмыков православия. Принятие христианства за этот период времени, по большому счету, носило характер случайный, и было шагом не осознанным, а вынужденным. И зависело, во многом, от правового и материального положения новокрещенного. Были случаи, когда калмыки принимали православие, будучи в услужении у своих русскоязычных хозяев, не терпящих идолопоклонничество. Либо они калмыки были в малолетстве, либо долгие годы проживали среди православных. Т.е., путей к принятию святого крещения было много.

[1] Протекает в современных Саратовской и Ульяновской областях

Количество принявших православие за этот период не известно. Можно только утверждать, что случаю были единичные, массовых обращений не наблюдалось.

Бывало так, что принявшие крещение калмыки бежали обратно в улусы и вновь возвращались к старой вере. Бывало и то, что они же совершали обратный процесс.

Большая часть калмыцкого народа оставалась верной старой вере и нередко склоняла принявших православие в веру предков.

Русское правительство понимало важность распространения христианства среди калмыков и считало, что главным препятствием служат светская и духовная аристократия. До этого времени обращение калмыков в православие было делом случайным и никаких государственных распоряжений о распространении христианства не было. Но 20 января 1724 г. вышел Именной указ, который прямо повелевал «склонять владельцев и законников калмыков в христианство учением и дачею и книги нужныя перевесть на их язык» [6, Т.VII, с. 207].

В том же году умер Аюка-хан и в Калмыцком ханстве начинается борьба за власть. Правительство не могло не воспользоваться ситуацией и делает ставку на сына умершего ранее наследника престола Чакдоржаба Досанга. Однако тот категорически отказался и астраханский губернатор Артемий Петрович Волынский решает обратить внимание на его брата Баксадая Дорджи и направить его в столицу на встречу с императором Петром Алексеевичем. При этом было озвучено о желании претендента принять святое крещение. Что и произошло 24 ноября 1724 г. Восприемником его стал сам императором, а новокрещенный получил имя Петра Петровича Тайшина.

Крещение нойона такого ранга без сомнения имело важное значение в истории распространения христианства среди калмыцкого народа. Во-первых, это был несомненно пример, пример не только для представителей аристократии, но и для его подвластных. Во-вторых, что еще важнее, это акт вызвал у русского правительства желание к успешному и скорейшему распространению христианства среди калмыков с помощью создания Православной миссии. Ее основные мероприятия выпадают на период правления императрицы Екатерины Алексеевны.

Так, первым и важным законодательным актом Екатерины II по отношению к миссионерству среди инородцев Российской империи был указ от 20 февраля 1764., который предписывал иноверцам «мужского полу отцам сыновьям за восприятие веры греческого исповедания … из числа сколько кому оного сверх трехлетней льготы дать надлежит для зачету мужскому полу в подушный сбор давать им квитанции, по которым квитанциям после прошествия данной им трехлетней льготы засчитать оплату подушного сбору» [7, с. 140]. В то же время русские власти исходили, прежде всего, из целей защиты интересов империи: принцип религиозной терпимости соблюдался настолько, «насколько такая терпимость может согласовываться с интересами государственного порядка» [7, с. 140]. Исходя из этого, можно констатировать, что государство отказалось от политики всеобщей христианизации неправославной части населения. Согласно указу ликвидации подвергалась христианская миссия для нерусских народов Поволжья - Новокрещенная контора, образованная еще в 1731 г. для казанских и нижегородских мусульман. Т.е., фактом закрытия конторы было признано, что последняя, как миссионерское учреждение, не может более существовать в своем прежнем виде, что результаты ее деятельности и различные мероприятия показали ее несостоятельность. Кроме того, указ определил приоритеты последующей миссионерской деятельности, которые ложились на плечи местных преосвященников.

В числе мер к распространению и утверждению православия среди калмыков применялось такое средство как походно-улусная церковь. 8 июля 1762 г. Коллегия Иностранных дел, по представлению состоявшего при Комиссии калмыцких дел бригадира Бехтеева, предписала Астраханской губернской канцелярии выделить одну тысячу рублей на постройку походной церкви, которая была бы «непостыдная от азиатских народов» [9, с. 36]. Что и было исполнено.

Что касается количества калмыков, принявших православие в 60-70-х гг., то данные на этот счет разнятся. Так, в 1764 г. более 200 семей калмыков Ик-цаатновского рода Яндыковского улуса, кочевавшие по северо-западному побережью Каспийского моря, изъявили желание перейти в христианство. Вследствие этого, они были выведены из под власти своих правителей и, после крещения, приписаны к ведомству Астраханского епархиального начальства, поступив в состав Моздокского полка Терского войска [2, с. 165-166].

В 1774 г. 10 семей умершего в Санкт-Петербурге нойона Яндыка по их просьбе были приобщены к таинству крещения. Но уже 2 августа того же года они подали на имя астраханского губернатора П.Н. Кречетникова прошение, в котором выражали недовольство тем, что Астраханская губернская канцелярия поступила с ними несправедливо – отдав их в вечное и потомственное холопство бывшему губернатору Бекетову Н.А.

8 июля 1780 г. 64 калмыка обоего пола (40 мужчин и 24 женщины при 18 кибитках) Дербетовского улуса, проживающие близ Калмыцкого Базара, подали коллективное прошение о своем желании принять православие. Что было связано с тем, что они находились в кабале у переводчика Везелева, которому, в свою очередь, продал бывший их нойон Ценден. Крещение было проведено 23 сентября священником проповедников Петром Васильевым, однако, скорее всего, этих калмыков вернули бывшему хозяину, так как он их купил до принятия христианства и на руках у него были все документы, доказывающие законности покупки. Ни светские государственные органы, ни ходатайство местных церковных иерархов так и не смогли преломить ситуацию [9, с. 36].

По сведениям Астраханского Калмыцкого управления, калмыков принявших православие в 1765 г. насчитывалось 28 человек, 1775 г. – 37, 1783 г. – 27, 1791 г. - 898 человек обоего пола [3, с. 154]. Вероятнее всего, эти сведения не полные, так как выявленные материалы показывают большие противоречия между сведениями Астраханского Калмыцкого управления, данными Астраханской Духовной консистории и Московской Синодальной конторы. Но это уже дело будущих, дальнейших исследований.

Нельзя не учитывать и того факта, что успеху деятельности православных миссий способствовали сами правители калмыцких улусов. Так, дети калмыцкого хана Дондук-Омбо и его жены княжны Джан – Рандул, Додьба и Асарай, приняли христианство. Самым известным из них является Додьба, который являлся правителем Багацохуровского улуса под именем Алексея Дондукова и был ревностным христианином [8, с. 580].

Но одним из самых главных факторов негативного последствия миссионерства среди калмыков стал их уход из России в 1771 г., а также последующие события. Так, по мере увеличения переселенческого населения в Ставропольской губернии, участились взаимные претензии и ссоры из-за пахотных земель и водопоев [1, с. 612]. Недовольство и набеги калмыков приняли еще больший размах, что было связано с ограничительными мерами правительства по отношению, как к населению Калмыцкого ханства, так и к самому наместнику Убаши, с увеличением русскоязычного населения в крае, строительством казачьих станиц по берегам Волги и военных поселений по Волге, Уралу, Самаре и Тереку. Кроме того, в калмыцкие улусы для наблюдения за калмыками назначались особые чиновники – приставы, которые злоупотребляли своей властью. Так, без их особого разрешения калмыки не могли покинуть свои улусы по своим дела, а жалобы, подаваемые ими, возвращались тем же приставам для разбирательства. К тому же, в улусах начинают циркулировать слухи о том, что на имя астраханского губернатора последовал указ о наборе в солдаты 10 тысяч калмыков и 5 тысяч перевести в казачье сословие. Тем более, что 5 тысяч калмыков уже действовали в Молдавии в составе войск князя Прозоровского.

Все это, в купе с деятельностью одного из претендентов на ханский престол Цебека–Дорджи, который через бегство из России надеялся при помощи влиятельного духовенства и крупных нойонов стать ханом, а также нойонов Бамбара и Шиаренга, привели к трагедии 1771 г., когда большая часть калмыцкого народа навсегда покинула пределы Российского государств. Здесь на Волге осталось только около 13 тысяч кибиток. Вместе с бежавшими из

пределов России ушла и как-то часть калмыков, принявших православие и увлеченная общим потоком.

В отношении же к оставшимся крещенным калмыкам наблюдается усиление тенденции к их закрепощению за отдельными лицами, а также практикуется их покупка и продажа. Закрепощение со стороны русских властей привело к тому, что принявшие православие, подстрекаемые ламаистским духовенством, откочевывают за Куму. Сюда, также, откочевали и крещенные калмыки Моздокского полка Терского войска.

После подавления пугачевского выступления русское правительство, с целью снижения накала недовольства среди населения Поволжья и Урала, запретило все мероприятия по ограничению местных верований, в том числе и буддизма-ламаизма. 17 июня 1773 г. Святейшему Синоду был дан указ о свободе всех вероисповеданий, а архиереям было запрещено касаться религиозных дел инородцев, как-то строительство молельных домов по их обычаям. Все дела, касательно религии, передавались в ведомство светских властей. Т.о., мы приходим к выводу, что события первой половины 70-х гг. XVIII в. вынудили правительство проводит более мягкую религиозную политику по отношению к оставшемуся населению Калмыцкой степи Астраханской губернии.

Литература

1. Витевский В.Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. – Казань, 1897. – С. 612.
2. Костенков К.И. Калмыки Моздокского казачьего полка (необходимое прибавление к статистическим сведениям о калмыках) // Труды Астраханского губернского статистического комитета. – Вып. 1. – Астрахань, 1869. – С. 165-166.
3. Костенков К. О распространении христианства у калмыков // Журнал министерства народного просвещения. – СПб., 1869. – С. 154.
4. Национальный архив Республики Татарстан (далее НА РТ). Ф. 10. Оп. 2. Д. 1248. Л. 6 об.; НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1248. Л.7 об.
5. Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках. – СПб., 1834. – С. 52.
6. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Т. I. № 540. – С. 925; Т. II. № 990. – С. 497; Т. III. № 1591. – С. 331; Т. V. №3001. – С. 202; Т. VI. № 3637. – С. 234-235; Т. VII. - № 4427. – С. 207.
7. Софронов В.Ю. Государственное законодательство России по конфессиональным вопросам и православное миссионерство в конце XVII – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. – 2007. – С. 140.
8. Терещенко А.В. О обращении калмыков в православную веру // Астраханские епархиальные ведомости. – 1881. – № 37. – С. 580.
9. Юштин Ф.М. Обозрение мероприятий правительства к распространению христианства между калмыками // Астраханские епархиальные ведомости (№ 21-24). – Астрахань: Тип. Губ. правл.– 1883. – С. 36.

***

О.Н.Ахмедов,
Ташкент, Республика Узбекистан

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ УЗБЕКИСТАНА И КИТАЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Торговые, культурные, межличностные связи между узбекским и китайским народами начались более двух тысяч лет назад, во времена Великого Шелкового Пути, который протекал по территории Средней Азии. В наши дни узбекско-китайские отношения переживают новый виток развития, вызванный стремлением двух государств к дальнейшему

расширению взаимовыгодного сотрудничества во всех областях, обогащения традиционно дружественных отношений между народами. По признанию аналитиков и экспертов, Узбекистан обладает большим геополитическим влиянием в регионе и является значимым партнером Китая. Сотрудничество в политической, экономической, культурной и других собластях, в том числе в сфере безопасности, а также взаимодействие в вопросах, затрагивающих региональные и международные отношения, в настоящее время достигли заметных успехов. Этому содействовала схожесть позиций по вопросам борьбы с угрозами и вызовами современности и твердая поддержка Узбекистаном взвешенного внешнеполитического курса Китая по защите единства страны, по борьбе с силами «трех зол» – терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. Наши государства активно взаимодействуют как на двусторонней основе, так и в рамках международных и региональных организаций, в том числе в структурах ООН и ШОС. Сотрудничество наших стран в этих организациях становится серьезным фактором в деле укрепления стабильности и безопасности в регионе и в мире в целом.

Основа двусторонних отношений между Узбекистаном и Китаем была заложена 27 декабря 1991 года, когда Китай признал независимость Узбекистана. Дипломатические отношения между Китаем и Узбекистаном были установлены 2 января 1992 года. Все прошедшие годы узбекско-китайское партнерство характеризуется возрастающей динамикой в политической, торгово-экономической, кредитно-финансовой, культурной, научно-образовательной областях. С первых дней независимости Узбекистан в лице Китайской Народной Республики приобрел надежного партнера, испытанного временем друга и близкого соседа, проводящего миролюбивую взвешенную политику.

Прочная база для развития дружеских межгосударственных связей, основанных на взаимном доверии, была заложена в ходе первого официального визита Первого президента Узбекистана Ислама Каримова в Китай в марте 1992 году. Важным этапным событием в двусторонних отношениях стал государственный визит Президента Ислама Каримова в КНР 25-27 мая 2005 года, в ходе которого был подписан Договор о партнерских отношениях дружбы и сотрудничества. Этот основополагающий документ открыл широкие горизонты для углубления сотрудничества между двумя странами в торгово-экономической, инвестиционной, культурно-гуманитарной и других сферах. Новый импульс взаимоотношениям между Узбекистаном и Китаем придал государственный визит председателя КНР Ху Цзиньтао в Ташкент 9-10 июня 2010 года, по итогам которого был подписан ряд важных документов, в том числе Совместная декларация о всестороннем углублении и развитии партнерских отношений дружбы и сотрудничества.

Первый Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов посетил с визитами КНР в 1992, 1994, 1999, 2005, 2011, 2012 и 2014 гг. В 2001 и 2006 гг. Первый президент Узбекистана посетил г. Шанхай, в 2012 г. Пекин для участия в саммитах ШОС, а в августе 2008 г . – Пекин для участия в открытии 29-х летних Олимпийских игр, что свидетельствует о высоком уровне тесного сотрудничества Узбекистана с Китаем во всех областях. С ответным визитом Узбекистан посетили председатели КНР Цзян Цзэминь (1996 г.), Ху Цзиньтао (2004 г., 2010 г.) и Си Цзиньпин (2013 г ., 2016 гг.). Состоявшийся 11-13 мая 2017 г. Государственный визит Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева по насыщенности встречами и переговорами стал этапным в истории отношений Узбекистана и КНР: состоялись переговоры с Председателем КНР Си Цзиньпином, Председателем Всекитайского собрания народных представителей Чжан Дэцзяном, премьером Госсовета Ли Кэцяном, руководством ряда ведущих китайских высокотехнологичных компаний. Эти визиты стали важными этапными событиями в двусторонних отношениях, способствуя дальнейшему расширению и углублению многосторонних узбекско-китайских отношений.

Особое место в деле укрепления партнерских отношений двух стран занимает торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество: действует режим наибольшего благоприятствования, что способствует неуклонному росту взаимного товарооборота. Узбекские предприятия выпускают товары, имеющие спрос на китайском рынке, включая

химическую продукцию, продукты нефтепереработки и нефтехимии, пластмассу, полиэтилен, цветные металлы, каолин и др. Успешно развивается сотрудничество в финансовой сфере. На основе кредитов правительства Китая в Узбекистане реализуется ряд приоритетных проектов в социальной сфере, нефтегазовой отрасли, сфере телекоммуникаций, здравоохранения, по поставке мелиоративной техники и компьютерного оборудования. С каждым годом растет число китайских компаний в Узбекистане. В настоящее время в республике функционирует 347 предприятий с участием китайских инвесторов, из которых 57 – со стопроцентным китайским капиталом, открыты представительства 64 китайских компаний в Узбекистане. Необходимо отметить активную деятельность на узбекском рынке таких известных корпораций, как «СИТИК», «Чайна Машинери Корпорейшн», «Хуавей», «Шанхай Белл» и т.д. Успешно работают построенные при участии китайских специалистов Кунградский содовый завод, Дехканабадский завод калийных удобрений, хорошо зарекомендовали себя поставленные Чжучжоуской электровозостроительной компанией современные высокоскоростные электровозы. Уверенными темпами развивается двустороннее сотрудничество Узбекистана и КНР в сфере энергетики: страны участвуют в строительстве газопровода «Узбекистан-Китай».

Большой импульс в последние годы получило научно-техническое сотрудничество – налаживаются тесные контакты между соответствующими научно-исследовательскими институтами двух стран, разрабатываются совместные проекты, ведется обмен делегациями, проводятся совместные конференции, стажировки специалистов. В планах – узбекско-китайский проект по созданию в Джизакской области промышленного парка высоких технологий по развитию электротехнической, строительной, агропромышленной, машиностроительной сфер с участием китайских компаний.

В Узбекистане совместно с компанией «Huawei» реализованы важные проекты по расширению телекоммуникационных сетей, развитию сетей мобильных операторов и провайдеров, внедрению технологий высокоскоростной передачи данных посредством оптико-волоконных линий связи. Компания «Huawei» будет участвовать в развитии в нашей стране систем «Безопасный город», «Электронное правительство», службы экстренной медицинской помощи, а также в разработке систем искусственного интеллекта и организации учебного центра по подготовке специалистов для развития таких сфер, как электронное правительство, цифровая экономика, информационные технологии, телемедицина, IT-телефония и др.

В своем выступлении Си Цзиньпина отмечает, что проект «Один пояс, один путь» полностью созвучен со Стратегией действий, принятой в Узбекистане по пяти приоритетным направлениям развития. Наши страны заинтересованы в развитии торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. Китай поддерживает проекты по развитию бизнес-связей на современном этапе, расширению масштаба совместных проектов в энергетической сфере, строительству коммуникаций, по укреплению сотрудничества в научной, культурно-гуманитарной сферах, созданию Центра китайской культуры в Узбекистане. Китайская сторона также поддерживает планы по реализации проекта «Самарканд сити». Китай, как один из крупнейших торгово-экономических и инвестиционных партнеров Узбекистана, последовательно увеличивает товарооборот, превысивший по итогам прошлого года 6,4 миллиарда долларов. Объем привлеченных китайских инвестиций и кредитов в экономику нашей страны превысил 8 миллиардов долларов. Глава нашего государства подчеркнул, что Узбекистан полностью поддерживает инициативу «Один пояс, один путь» и готов внести практический вклад в ее полномасштабную реализацию.

Наши государства имеют огромный потенциал в сфере туризма, который является историческим наследием Великого Шелкового Пути. Большие возможности сотрудничества имеют жемчужины Шелкового Пути: Самарканд, Бухара, Хива. Еще одним фактором, способствующим сближению наших народов и увеличению туристического обмена между двумя странами, является сотрудничество в культурно-гуманитарной сфере. Разноплановое взаимодействие двух стран в рамках ШОС также активизирует взаимовыгодное партнерство

в этом направлении. В частности, во время председательства Узбекистана в ШОС в 2010 году в Ташкенте прошла международная выставка художников стран ШОС «Великий шелковый путь – путешествие во имя мира», в экспозиции которой было представлено более 100 живописных работ, рисунков тушью и шелковых картин, раскрывающих художественные традиции стран-членов ШОС, их уникальное историко-культурное наследие и своеобразное современное изобразительное искусство. К примеру, в последние годы при содействии посольств и Академий художеств и искусств двух стран проводятся многочисленные выставки произведений фотографов и художников Узбекистана и Китая. Наши известные мастера кисти, резца и фотографии принимают участие в знаменитых на весь мир Международных Ташкентских и Пекинских биеннале и других фестивалях изобразительных и иных видов искусств.

Активно развивается взаимодействие в области образования, что отражает стремление жителей двух стран к постижению языка и культуры наших народов. Так, в Узбекистане из года в год растет число желающих изучить китайский язык и получить образование в Китае по разным специальностям. Уместно отметить, что традиции обучения китайскому языку в Узбекистане были заложены в 1977 году, когда в Ташкентском государственном институте востоковедения началось преподавание китайского языка, литературы и истории, число ежегодно изучающих китайский язык достигало ста человек. Основы китайской филологии в далеком 1977 г. преподавали три педагога из КНР, и сегодня ежегодно лучшие студенты ТашГИВ проходят языковую стажировку в высших учебных заведениях Китая.

В настоящее время возможности изучения китайского языка, постижения культуры Китая расширились благодаря деятельности Института Конфуция и Центра китайского языка. Первый в Узбекистане офис Института Конфуция был открыт в 2005 года в Ташкенте, два года назад Институт Конфуция был открыт в Самарканде. С момента открытия Институтов Конфуция более 3,5 тысяч граждан Узбекистана познакомились с китайским языком, с достижениями великой китайской культуры. С 2007 года в Университете мировой экономики и дипломатии успешно функционирует Центр китайского языка, полностью оснащенный современным аудио-визуальными средствами изучения иностранных языков, предоставленными китайской стороной на безвозмездной основе. Данные образовательные учреждения предоставляют прекрасную возможность многим желающим овладеть основами китайского языка, ближе познакомиться с историей, культурой и экономическим чудом современного Китая. Сотрудничество двух стран в области образования активно развивается в форме обмена студентами и стажерами по разным программам. Ежегодно по линии Института Конфуция лучшие студенты продолжают обучение в вузах Китая. Так, в 2014/2015 учебном году правительство КНР по двустороннему соглашению и в рамках ШОС предоставило грант 120 узбекским студентам и стажерам. В ноябре 2013 г. утверждена Программа культурного обмена студентами между Узбекистаном и Китаем на долгосрочную перспективу. Расширяется обмен студентами и стажерами по государственной и межведомственной линиям, в том числе в рамках изучения китайского и узбекского языков в наших странах. Большой вклад в дело подготовки высококвалифицированных специалистов-китаеведов вносят Ташкентский государственный институт востоковедения, Университет мировой экономики и дипломатии, Узбекский государственный университет мировых языков и Самаркандский государственный университет.

В Узбекистане большое внимание уделяется постижению великой китайской цивилизации, с этой целью ежегодно переводится и издается научная, научно-популярная, художественная, общественно-политическая литература. Так, несколько лет назад была переведена на узбекский язык и издана при сотрудничестве Китайского издательства книга «Си Цзиньпин о государственном управлении», в которой изложено содержание инициативы «Один пояс, один путь», которая по достоинству была оценена узбекским читателем.

В свою очередь значительное внимание уделяется узбекскому языку в Китае. Так, с сентября 2005 года в Центральном университете национальностей КНР функционирует кафедра узбекского языка, с 2010 года отделение узбекского языка включено в созданный

факультет русского языка и языков стран Центральной Азии в Центральном университете национальностей КНР, с 2012 г. узбекский язык преподается в Пекинском университете иностранных языков, 15 мая 2013 г. открылся первый в КНР «Центр исследований Узбекистана и образовательных обменов» на базе НИИ публичной дипломатии ШОС при Шанхайском университете, сотрудники которого занимаются всесторонним анализом внутренней и внешней политики нашей страны.

Сближению народов способствуют культурно-массовые мероприятия, проводимые в двух странах. Взаимодействие в сфере культуры осуществляется на основе Программы культурного обмена между Министерством по делам культуры и спорта Узбекистана и Министерством культуры КНР. В Китае с большим уважением относятся к духовным ценностям и уникальному историческому наследию узбекского народа. Регулярно проводимые здесь крупные мероприятия служат дальнейшему ознакомлению китайской общественности с богатой культурой, историей и искусством Узбекистана. На постоянной основе в наших странах проводятся Дни кино, художественные выставки, фестивали, направленные на укрепление сотрудничества в сфере культуры. Китайские артисты регулярно участвуют в международном музыкальном фестивале «Шарк тароналари». Дальнейшему познанию народов двух стран способствует Общество дружбы «Узбекистан-Китай», учрежденное в 1998 году, и Общество дружбы «КНР – страны Центральной Азии», образованное в 2007 году. Под патронажем этих организаций в стране проводятся широкомасштабные культурно-образовательные, научные мероприятия. В рамках празднования 25-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Узбекистаном 13 марта 2017 г. на территории Шанхайского университета был открыт памятник Алишеру Навои. Укреплению всестороннего сотрудничества способствуют побратимские связи, установленные между Ташкентом и Шанхаем, Навои и Чжучжоу (провинция Хунань), Бухарой и Лоянем (провинция Хэнань) Ташкентской областью и провинцией Хунань, Самаркандом и Сианем (провинция Шэньси), Самаркандской областью и провинцией Шэньси.

Таким образом, на современном этапе двустороннее политическое, экономическое сотрудничество двух стран, культурно-образовательные, научные и торговые отношения получают новый импульс к дальнейшему расширению и углублению.

***

Л.Ц. Бадмахалгаев, А.Х. Хуцаева,
Элиста, Россия

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ

В основе партнерства России и Китая на современном этапе лежат их глобально-стратегические интересы. Сегодня российско-китайское сотрудничество представляет собой всеобъемлющее партнерство и взаимодействие. В последнее время Китай и Россия усилили сотрудничество по широкому кругу вопросов. Во многом это связано с тем, что Украинский кризис 2014 года спровоцировал российско-американское противостояние, а вступление Дональда Трампа в Белый дом в 2017 году обострило конкуренцию между США и Китаем. Таким образом, давление Вашингтона как на Пекин, так и на Москву, возможно, не является главной причиной растущего сближения между Россией и Китаем, но оно, безусловно, способствовало как его скорости, так и глубине.

В настоящее время бурно развивающийся Китай позиционирует себя как сила, набирающая глобальную значимость. Он ищет равноправного сотрудничества с мировым сообществом в поддержании глобальной и региональной стабильности. В этом плане стратегическое партнерство с Россией помогает Китаю обеспечивать свое развитие в региональном и глобальном масштабах и противодействовать вызовам Запада.

Можно сказать, что Россию и Китай объединяет их соперничество с США. Но что важно, так это то, насколько диверсифицировано это соперничество: Россия конкурирует на политическом и военном уровне, а Китай - главным образом в экономической и торговой сферах. Эта разница становится долговременным фактором, влияющим на сотрудничество Пекина с Москвой.

Сегодня, как видно из Таблицы 1, Китай является крупнейшим торговым партнером России. Стоит заметить, что в 2018 г. товарооборот России и Китая побил рекордную отметку в 100 миллиардов долларов. Такие показатели впервые зафиксированы в истории торговых отношений Москвы и Пекина.

Таблица 1

Торговый оборот России по странам в 2016-2018 гг. (млрд. долл. США)

№ п/п	Страна	2016 г.	2017 г.	2018 г.
1	Китай	66 123,3	86 974,6	108 258,5
2	Германия	40 709,9	49 965,7	59 606,8
3	Нидерланды	32 281,9	39 499,8	47 164,3
4	Беларусь	23 457,0	30 618,2	33 998,9
5	Италия	19 813,0	23 939,5	26 986,0

Динамика сотрудничества России и Китая остается положительной. РФ продает все большие объемы нефти в КНР. В ближайшее время Китай будет продавать большие объемы природного газа. Начиная с 2014 г., отмечается особая активизация сотрудничества стран в нефтегазовой сфере с ориентацией на долгосрочную перспективу. В мае 2014 г. ПАО «Газпром» и Китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC) подписали рассчитанный на 30 лет договор стоимостью 400 млрд. долл., в соответствии с которым Россия обязана осуществлять в Китай поставку 38 млрд. куб. м. натурального газа в год по газопроводу «Сила Сибири» (восточный маршрут). Подписав данный контракт, Китай взял на себя обязательства принимать непосредственное участие в разработке и финансировании Чаяндинского и Ковык-тинского восточносибирских месторождений природного газа [2].Для России Азиатско-Тихоокеанский регион выступает одним из наиболее перспективных направлений диверсификации экспортных рынков. По итогам 2018 года поставки российской нефти в Китай выросли до 71,49 млн тонн или 1,43 млн б/с, что почти на 20% больше, чем в 2017 году [3].

Активно развивается военно-техническое сотрудничество между странами. Среди приоритетных направлений военно-технического сотрудничества можно выделить модернизацию военно-морских и военно-воздушных сил НОАК КНР. Следует отметить, что в настоящее время ВПК Китая самостоятельно обеспечивает вооружением свои сухопутные силы, в то время как модернизация ВМФ, ВВС и систем ПВО полностью зависит от поставок вооружения из России. По данным Министерства обороны России, в 2016 году объем продаж военно-технического оборудования превысил 3 миллиарда долларов [5]. На Китай в настоящее время приходится около 20% российского экспорта вооружений, что составляет около 15 миллиардов долларов в год. Текущие продажи оружия включают в себя как минимум три крупных проекта, а именно: продажу двух полков ракетных комплексов С-400 (САМ), одного полка (24 самолета) истребителей Су-35С и проекта противокорабельной ракеты. Другие важные компоненты российского оборонного экспорта в Китай включают авиационные двигатели, запасные части и модернизацию ранее проданного оружия. Для России военно-техническое сотрудничество с КНР выгодно с точки зрения получения финансовых средств для развития отдельных отраслей российского ВПК. Китай видит в сотрудничестве с Российской Федерацией возможность модернизации своих вооруженных сил. Углубление российско-китайского военно-технического сотрудничества должно осуществляться по линии взаимодействия поставок продукции военного назначения для ВМФ, ВВС, авиационных двигателей, а также в области космоса, с помощью реализации

совместных проектов и программ. Все это должно привести к усилению стратегического партнерства между двумя государствами.

Кроме того, Россия и Китай договорились об активизации сотрудничества в рамках работы китайского проекта «Один пояс - один путь». [4]. Намерение России и Китая о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и Экономического Шелкового пути было подтверждено совместным заявлением во время встречи лидеров двух стран в мае 2015 года. На протяжении шести лет с момента выдвижения КНР проекта "Один пояс и один путь" наблюдался ряд разногласий между странами, однако теперь следует ожидать более активную динамику двустороннего сотрудничества.

Итак, основные перспективы развития сотрудничества России и Китая лежат в области энергетики, военной и оборонной промышленности и транзита китайских товаров в Европу.

Однако реализация истинного потенциала китайско-российских экономических отношений невозможна без решения ряда проблем и разногласий между странами.

Во-первых, растущее влияние Китая оказывает влияние на то, что Россия считает своей сферой влияния. Россия предприняла попытку дипломатического вовлечения постсоветского пространства как в экономическую сферу, так и в сферу безопасности через Евразийский экономический союз и Организацию Договора о коллективной безопасности. Тем не менее, благодаря китайской инициативе «Один пояс - один путь»., Пекин создает экономическое влияние в регионе, которое может уменьшить долгосрочное влияние Москвы. Однако, чтобы избежать отчуждения России от своих расчетов по Центральной Азии, Китай выразил заинтересованность в координации Китайской инициативы «Один пояс - один путь». с Евразийским экономическим союзом и заявил, что она не будет играть роль в области безопасности в регионе. Но так как эти обязательства еще не определены, они вызывают определенную озабоченность России.

Второй проблемой является Тихоокеанский регион, поскольку обе страны граничат с Тихим океаном. Стремясь играть активную роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Россия развивает свое региональное партнерство по мере ухудшения отношений с Соединенными Штатами и Европейским союзом. Таким образом Россия нормализовала отношения с бывшими товарищами по «холодной войне», Индией и Вьетнамом, и создала новые партнерские отношения с Японией и Южной Кореей. Но стоит отметить, что роль России в регионе по-прежнему ограничена и сталкивается с проблемами, особенно в экономической сфере из-за санкций США, а у ряда азиатских стран сложились напряженные отношения с Китаем (например, с Индией, Японией и Вьетнамом).

Конечно, Китай – это сложный партнер. И возникновение трудностей в двусторонних отношениях совершенно естественно, так как каждая из сторон стремится защищать прежде всего свои национальные интересы, исходя из собственного представления о них.

Основой стратегии партнерства России и Китая должны стать стремление двух сторон к взаимовыгодным отношениям, заинтересованность в построении многополярного мирового порядка.

Литература

1. Единый портал внешнеэкономической информации. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.ved.gov.ru

2. Королева А. «Сила Сибири» выдерживает график // «ExpertOnline»: Ежедн. интернет-изд. – 2016. – 26 августа.

3. Россия снова на первом месте по поставкам в Китай // Электронное периодическое издание «Нефть и Капитал». – 2019. – 25 января.

4. Россия и Китай активизируют работы по проекту "Один пояс - один путь" // РИА Новости. –2019. –3 октября.

5. Шойгу: Россия и Китай за год реализовали контаркты в сфере ВТС на 3 млрд долларов // Делоая газета «Вгляд». –2016. –23 ноября

6. Vasily Kashin Russian-Chinese Cooperation: A Russian Perspective // NBR Special. – 2019. – №79.

***

О.В. Владимирова,
Элиста, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ И ТЕНДЕНЦИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ

Мировая экономическая ситуация послужила толчком для нового этапа в развитии российско-китайских отношений. Договорно-правовая база двустороннего экономического сотрудничества России и Китая была заложена Соглашением между правительством РФ и правительством КНР о торгово-экономических отношениях России и Китая от 5 марта 1992 года. Взаимоотношения Российской Федерации и Китайской народной Республики направлены на достижение баланса внутренних и внешних, краткосрочных и перспективных интересов обеих сторон, что способствует развитию экономического сотрудничества максимально взаимовыгодно. Рассмотренные характерные черты и проблемные моменты обеих стран говорят нам о возможности сотрудничества данных стран с целью устранения возникших вопросов путем интенсификации экономического сотрудничества между Россией и Китаем. Анализ внешней торговли между Россией и Китаем показал, что на протяжении 2008-2013 гг. планомерно увеличивается товарооборот, а в 2015 г. мы наблюдаем его сокращение. Данное изменение обусловлено объективными факторами, которые сформировались в 2014 г., отложенный эффект от которых в полной мере проявился в 2015 г.: общая геополитическая напряженность, замедление темпов экономического роста как в России, так и в Китае, падение мировых цен на энергоносители и сырьевые товары, снижение покупательской способности российских потребителей китайской продукции в силу резких колебаний курса рубля, усиливающееся давление нисходящего тренда во внешней торговле Китая. Согласно данным единого информационного портала в отечественном экспорте преобладают товары сырьевой группы (топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки), доля машинно-технической продукции незначительна, в импорте из КНР машины и оборудование занимают первое место. В 2014 г. были подписаны более 30 соглашений между Россией и Китаем в частности энергетического партнерства, инфраструктурного развития, в финансовой и образовательной сферах позволяют рассматривать Китай как крупного покупателя на долгосрочный период. Но являясь, по сути, основным покупателем сырьевой продукции Китай может диктовать свои условия, что требует постоянного пересмотра договорных отношений.

Развитие и изменение торгово-экономических отношений между Китаем и Россией в новых условиях набирает большую популярность в различных исследованиях. Торговля электромеханической продукцией в обеих странах растет очень быстрыми темпами. С развитием торговли между Китаем и Россией, электромеханическая продукция стала основным продуктом торговли. Импорт данной продукции в Россию в 2017 году составил около 60%, а экспорт из России - около 35% . В последние годы импорт и экспорт между двумя странами постепенно увеличивается, в том числе, растут темпы торговли электромеханическими продуктами, что привело также к увеличению объемов торговли другими продуктами.

Китай является аграрной державой, и сбыт сельскохозяйственной продукции играет важную роль в развитии сельского хозяйства страны. Ежегодно КНР импортирует большое количество сельскохозяйственной продукции, самой большой страной экспорта является Россия. По российской таможенной статистике, Китай является самым главным импортером российской сельскохозяйственной продукции, в том числе, из России поставляется большое количество рыбной продукции, и с каждым годом объем импорта в Китай возрастает. Сотрудничество в области сельского хозяйства стало новой важной точкой торгово-

экономического и практического сотрудничества между Россией и Китаем. Сельское хозяйство является основой национального развития, углубленное сотрудничество в этой области играет важную роль в содействии быстрому развитию сельского хозяйства, а также стимулирует развитие торговли другими товарами между двумя странами, эффективно способствует устойчивому развитию торговых отношений между Россией и Китаем [1].

Россия обладает богатыми запасами природных ресурсов, нефти и газа. Энергетическое сотрудничество является основной формой развития торговли между Россией и Китаем, Российская Федерация ежегодно экспортирует в Китай значительные объемы нефти и газа. Наряду с развитием торговли энергоресурсами, страны расширили сотрудничество в области нефтегазового финансирования, производства нефтегазового оборудования и развития технологий. Нефть и газ являются важными источниками энергии, необходимыми для развития Китая, в связи с чем российско-китайское энергетическое сотрудничество – это относительно новое для стран направление развития торговли, которое выводит экономические и торговые отношения меду Россией и Китаем на новый уровень и способствует дальнейшему плодотворному развитию товарооборота.

Российско-китайское трансграничное сотрудничество в области электронной коммерции становится все более развитым, чему способствуют регулярные связи стран в торгово-экономической сфере эпоха интернета, открывающая перед данной областью сотрудничества новые перспективы и возможности. В сетевой среде существует множество платформ электронной коммерции, такие как Ali, Jingdong,Taobao и т. д., которые обеспечивают базовую защиту для развития трансграничной электронной коммерции. Ускоренное торговое сотрудничество между Россией и Китаем предоставляет возможности для ее развития, а быстрое ее развитие также способствует углублению торговли между двумя странами. В настоящее время российско-китайское трансграничное сотрудничество в области электронной коммерции становится все более зрелым и превращается в новый формат торгового сотрудничества [3].

Российско-китайское финансовое сотрудничество вступает в новый исторический этап развития. Экономические санкции, введенные западными странами в отношении России, в какой-то степени способствовали российско-китайскому финансовому сотрудничеству, которое перешло на новый исторический этап развития. Основные проявления: механизм финансового сотрудничества постоянно совершенствуется, коммуникация более удобна, области сотрудничества постоянно расширяются, практическое сотрудничество постоянно усиливается, роль юаня в Китайско-Российском экономическом сотрудничестве еще больше усиливается, эффект сотрудничества более значителен. Развитие финансового сотрудничества между Россией и Китаем способствует развитию торговли и экономического развития ними. Как показывает практика, китайско-российское финансовое сотрудничество отвечает потребностям экономического развития двух стран.

Дальневосточный регион нашей страны граничит с Китаем, и по мере углубления экономического сотрудничества между Россией и Китаем, уровень сотрудничества между соседними регионами постоянно повышается. Объемы региональной торговли продолжают расти, структура торговли постоянно оптимизируется. Механизм консультаций по региональному сотрудничеству постоянно совершенствуется, региональное сотрудничество развивается в направлении глубокого многопланового развития. Китайско-российские прилегающие регионы являются субъектами российско-китайского экономического сотрудничества. В связи с активизацией экономического сотрудничества в приграничных с Китаем и Россией регионах ускорилось развитие экономических связей в других регионах, что сыграло важную роль в развитии экономического сотрудничества двух стран[4].

На уровне правительств России и Китая активно развивается взаимовыгодное сотрудничество в торгово-экономической, инвестиционной и гуманитарной сферах, определен перечень инвестиционных проектов и дорожная карта гуманитарного сотрудничества. Государственная поддержка является ключевым фактором устойчивого развития российско-китайского экономического сотрудничества. Совершенствование

механизмов сотрудничества между Россией и Китаем в Приднестровском регионе требует поддержки со стороны правительств двух стран. Совершенствование механизмов и функций сотрудничества способствует долгосрочному развитию российско-китайского экономического сотрудничества.

Литература

1. Китайско-российское экономическое сотрудничество. Международные торгово-экономические исследования. – 2003, 19 (6). – С. 23-27.

2. Ли Сюэсин. Китайско-российские отношения в новых условиях стимулируют исследования развития Северо-Восточного региона.Теоретические исследования–2018 (5). – С. 100-106.

3. Ли Чжан Мяо, Чэн Бохуа. Китайско-российское экономическое сотрудничество в контексте одного пояса и одного пути– 2018 (30). – С. 66-69.

4. Лю Ян. Исследование оптимизации российско-китайского регионального экономического сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь».Внешнеэкономическая деятельность– 2018 (06). – С. 9-10,103.

***

М.С.Горяев,
Элиста, Россия

ПЕРВАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ СРЕДИ КАЛМЫКОВ

Во второй четверти XVIII столетия процесс христианизации калмыков, до этого весьма стихийный, принимает целенаправленный характер. То есть, миссионерская деятельность предполагается не только среди простых калмыков, расселенных по всему Волго-Донскому бассейну, Сибири и Урала. Она затрагивает само Калмыцкое ханство - вотчину верховной власти хана и буддийской церкви.

Масштабы и методы миссионерской деятельности православной церкви среди калмыков проводились с учетом не только внешних и внутренних факторов, но и изменения статуса калмыцкого народа в составе России. В зависимости от этих переменных в определенные исторические периоды миссионерская деятельность РПЦ приостанавливалась или поощрялась государством, менялись ее формы и методы. За прошедшие десятилетия учеными-калмыковедами было опубликовано немало трудов, посвященных христианизации калмыков и миссионерской деятельности Русской православной церкви. Однако это либо статьи, либо параграфы или главы в отдельных научных монографиях. То есть, они фрагментарны, а сегодня существует необходимость более глубокого и широкого исследования христианизации калмыцкого народа и миссионерской деятельности православной церкви.

В основу данной статьи легли работы ученых – историков Витевского В.Н. [6], Батмаева М.М. [2], Гурия (Степанов) [8], архивные источники [1]; Российский государственный исторический архив [16], Полное собрание законов Российской империи.

Целью данной работы является изучение миссионерской деятельности РПЦ и ее результатов среди калмыков как составляющей внутренней и внешней политики Российской империи, т.е. рассмотрение их в общем контексте политической истории страны в XVIII – конце XIX вв. и отношения центральных властей к кочевой аристократии. Миссионерская деятельность была одним из эффективных способов ослабления власти правителя Калмыцкого ханства и буддийской церкви.

Методологическую базу исследования составляют описательно-исторический, сравнительно-исторический, системный методы анализа явлений и событий, основанные на принципах историзма, комплексности и объективности. Это позволяет видеть процесс христианизации в его реальном развитии, во взаимосвязях и взаимодействии с другими

историческими событиями и явлениями. Использование указанных принципов и методов дает возможность объективно оценить события и факты с учетом специфики конкретного периода как в истории России в целом, так и собственно Калмыкии.

В вопросе массовой христианизации населения Калмыцкой степи правительство первостепенное значение придавалось обращению в православие представителей калмыцкой кочевой аристократии и одним из первых представителей калмыцкой элиты, принявшим крещение, был внук Аюки-хана, Баксадай Доржи, в крещении Петр Тайшин. Это был политический расчет, связанный с тем, что после смерти Аюки в 1724 г. в Калмыцком ханстве обострилась борьбу между его наследниками, и одним из претендентов на ханский престол и был Баксадай Доржи. В ответ на положительное решение вопроса о принятии им и его окружением православия, он, прежде всего, просил помочь занять престол. Кроме того, его прошение содержало желание иметь крепость у Красного Яра на реке Бузан, в окрестностях которой кочевали бы он и его подданные, предоставить для обороны от неприятелей регулярные российские войска и военную артиллерию.

Однако, если решение двух первых просьб было затруднено политической конъектурой, то в более серьезных случаях астраханским властям предписывалось вызывать войска из Астрахани, Царицына и других городов. В частности, неоднократные столкновения между некрещеными и крещеными калмыками заставили русское правительство выделить 900 человек из слободских и казачьих полков, прикрепленных к ведомству «Калмыцкие дела» [1].

Правительство очень серьезно подошло к вопросу крещения Баксадая Доржи, уделяя ему серьезное внимание. В связи с чем, начиная с мая 1724 г., астраханская канцелярия и Коллегия иностранных дел вели интенсивную переписку. Так, в депеше от астраханских властей в КИД от 12 мая 1724 г. говорилось о необходимости «… отвесть для постоя дворы с каменными палатами в Китае (Китай-город) или в близости Кремля …» [1]. Сам Баксадай Доржи также довольно таки часто писал в канцелярию КИД, о чем свидетельствуют оригиналы его писем, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи. К сожалению, в архиве не сохранились ответные послания Баксадаю Доржи. Дошедшие до нас письма интересны подробной информацией о действительном намерении Баксадая Доржи принять православие, а также предоставляют возможность взглянуть «изнутри» на реальные события, происходившие в те годы в калмыцком обществе. Все письма подлинные, имеют ханскую печать, язык лаконичен и точен.

Необходимо отметить, что путь нойона Баксадая Доржи из Калмыцкой степи в Москву и Санкт-Петербург довольно подробно расписывался в депешах КИД, был составлен и определен круг лиц, на плечи которых была возложена миссия по сопровождению знатной особы. Были выделены необходимые суммы денег, необходимые как самому Баксадаю Доржи, так и членам его свиты.

По прибытии в Санкт-Петербург Баксадай Доржи, в торжественной и напыщенной обстановке, был крещен 15 ноября 1724 г. в соборной Троицкой церкви. Присутствие Петра I, архиереев Новгородского, Псковского, Вятского, членов Св. Синода, сенаторов, министров, генералов и других знатных особ подчеркивало значимость данного действа. Во время крещения на Баксадая Доржи был возложен золотой крест, одет он был в новое платье, соболью шубу, покрытую золотой парчой, и соболью шапку. На обряд крещения было истрачено 469 руб. 8 коп. Его восприемником был Петр I, поэтому новокрещеный был наречен Петром, а титул - тайша - стал его фамилией.

Так буддист, представитель ханской семьи Баксадай Доржи, стал православным христианином Петром Петровичем Тайшиным. И письма свои с этого момента он начал подписывать соответственно - князь Петр Тайшин (Дайчин - на калмыцком языке). Через неделю, 22 ноября того же года, в соборной церкви Троице-Сергиева монастыря были крещены и сопровождавшие Баксадая Доржи лица - семь человек калмыцкой знати и восемь буддийских монахов. Восприемниками у них были сенаторы, президенты коллегий и прочие знатные люди. Все они получили новые имена, подарки на 779 руб. 35 коп. и по 20 руб. каждый и

вместе с Петром Тайшиным вернулись в Астрахань [1]. Через некоторое время он отправился в свое кочевье, расположенное между Волгой и Доном.

Как ни странно, жена П. Тайшина Церен Янжи приняла крещение лишь более десяти лет спустя, уже в правление императрицы Анны Иоанновны. Для этого она 26 сентября 1734 г. была отправлена в Санкт-Петербург. Путь следования пролегал от Царицына через Тамбов и далее до Москвы, для чего ей выделили 26 подвод и 12 солдат вятского драгунского полка. Прибыв в Санкт-Петербург 11 октября 1734 г., 17 ноября она была представлена императрице Анне Иоанновне. 3 июля 1735 г. Церен-Янжи приняла православие, а восприемницей ее была сама императрица. Поэтому в крещении ее нарекли Анной. Вместе с Анной Тайшиной крестились и ее зайсанги. Крещение совершил протоиерей В. Терлецкий в церкви Исаакия Далмацкого, знатные зайсанги крестились в церкви Преображенского полка [6].

В январе 1725 г. императрица Екатерина I указала на необходимость строительства походной церкви и книгах для П. Тайшина на русском языке - Евангелия, Апостола, Псалтыри воскресного устава и других. 8 февраля 1725 г. по указу Екатерины I была устроена походная церковь, освящена во имя Воскресения Христова и 24 февраля 1725 г. отослана в кочевья П. Тайшина. Расходы на церковь составили 210 руб. 68 коп., книг было отправлено на 32 руб. 10 коп., крестов, сосудов и риз - на 407 руб. 40 коп.

Обслуживать походную церковь был определен иеромонах Никодим (Ленкеевич), основавший и возглавивший первую православную миссию среди калмыков. Фактически он стал первым миссионером в Калмыцкой степи. Действовать он должен был на основании инструкции Святейшего Синода «О просвещении новокрещеных калмыков учением христианской веры», которому подчинялся непосредственно. Миссия не имела специального задания ездить по улусам других владельцев и распространять православную веру, хотя и допускала возможность «желающих христианства крестить по чину церковному». Как следует из текста инструкции, основной задачей миссии было отвратить новокрещеных калмыков от привычной для них практики шаманизма («чародейства и колдовства»), а также нейтрализовать влияние буддийских лам. Включение же их в богослужебно-молитвенную жизнь православия рекомендовалось осуществлять постепенно, в щадящем режиме: «Не налагать повседневно продолжительных молений», не требовать строгого соблюдения постов, лишь объяснять, что «объядение и пьянство – великий грех».

Церковные власти осознавали, что просто для общения с калмыками необходимо знание калмыцкого языка. Поэтому вместе с иеромонахом Никодимом к П. Тайшину для обучения калмыцкому языку были направлены пятеро учащихся московской Славяно-греко-латинской академии [1]. Они довольно быстро овладели разговорным языком. (Впоследствии эти же ученики продолжат свою деятельность во второй православной миссии уже во главе с А. Чубовским).

Уже 29 мая 1729 г. Никодим доносил в Св. Синод, что «понеже школьники, обретающиеся при калмыках, хотя и поучилися по калмыцки писать, читать и разговор калмыцкий знают» [8].

Для российских властей очень важно было не только распространять православие среди членов семьи П. Тайшина и его подданных, но и быть в курсе всех дел князя. Поэтому наряду с иеромонахом к П. Тайшину приставили поручика Степана Шахматова, которому предписали: «быть при нем неотлучно», тайно следить за корреспонденцией и пересылками, быть предельно корректным, не ссориться, в экстренных случаях немедленно докладывать полковнику В. Беклемишеву [1].

1 мая 1725 г. иеромонах Никодим (Ленкеевич) отправился в кочевья П. Тайшина. В первый год действия миссии Никодим кочевал в степи между реками Дон и Донец (по р. Чир и Белая Калитва), во второй год - по луговой стороне между Волгой и Ахтубой, в третий год - в Мочагах (острова западной дельты Волги у впадения в Каспийское море), в четвертый год - у горы Богдо и озера Баскунчак, пятый и шестой годы - в степи у Рын-Песков, около рек Самара и Яик. Это были места кочевания П. Тайшина и его людей. На зиму миссия располагалась в Астрахани, вокруг которой кочевали крещеные калмыки [8]. При этом иеромонах Никодим не только выполнял непосредственную задачу - духовно окормлял, просвещал в православной вере уже

ставших христианами людей из окружения Петра Тайшина, но и приводил к крещению тех, кто еще держался своих традиционных верований.

За год (1727-1728) было окрещено 176 взрослых мужчин с женами и детьми, список которых он прислал в Св. Синод ((АВПРИ. Ф. 119). В 1729 г. он окрестил 220 человек (не указано, были ли в их числе жены и дети). Вместе с ними крестился калмыцкий гелюнг Доржи, принявший имя Давид.

У новокрещеного Давида было много буддийских рукописей на калмыцком (ойратском) языке. Часть из них он отдал Никодиму, а тот переслал их в Св. Синод для перевода на русский язык [1]. Буддийские тексты, естественно, интересовали миссионера. Знание буддийского мировоззрения и его религиозной практики необходимо было в пастырской работе. В свою очередь, Св. Синод просил не только присылать буддийские сочинения, но самого Никодима со своими помощниками, учащимся Славяно-греко-латинской академии, заниматься переводами христианской литературы на калмыцкий язык. Однако, по сообщению Никодима в Св. Синод, ученики, «несмотря на знание калмыцкого языка... за недознанием риторического учения и терминов философических настоящего перевода по калмыцки сделать не могут» [8].

Тем не менее, они перевели на калмыцкий язык «Молитву Господню», «Символ веры», «Десять заповедей с комментариями». Переводы вызвали со стороны знающих калмыцкий язык чиновников и церковнослужителей как много нареканий, так и похвалу. В частности, секретарь «Калмыцких дел» при Коллегии иностранных дел, переводчик с калмыцкого языка В.М. Бакунин считал их неудачными: «есть много прегрешений», переведены на разговорный калмыцкий язык с привлечением монгольских слов [1]. Попечитель Казанского духовно-учебного округа П. Шестаков, наоборот, считал переводы простыми и понятными калмыкам, чем Никодим заслужил уважение и доверие калмыцких владельцев [17].

Начиная с 3 мая 1729 г., Никодим отправил девять депеш. Он неоднократно подавал прошения в Синодальную канцелярию об отправке в миссию азбук, часословов, икон, крестильных рубашек, крестов. Он просил прислать еще одного священника для обучения детей и подготовки некрещеных калмыков к восприятию веры. В одном из донесений он спрашивал, как быть с крещеными калмыками, состоящими в браке с некрещеными женами. Указание незамедлительно поступило: «новокрещеным калмыкам, которые супружество имели до восприятия святого крещения, и ныне как мужи, так и жены их крещение приняли; тем венчания не чинить, но велеть им жить в том супружестве невозбранно» (ПСЗРИ. Т. 8). Работа миссии, возглавляемой иеромонахом Никодимом, протекала отнюдь не гладко. Новокрещеные колебались между православием и буддизмом, приходилось сталкиваться с враждебным отношением и угрозами некрещеных. Об этих трудностях глава миссии сообщает в своих донесениях в Св. Синод. В частности, он жаловался на его брата Досанга, который «неоднократно грозился его, иеромонаха, достать и школьников, обретающихся при нем, бить за то, что он крестил и ныне приходящих калмык крестит» [1]. В одном из донесений он писал о том, что Досанг в 1730 г., собрав войско в 103 человека, велел уничтожить крещеных. В результате этой стычки двух калмыков убили, а 31 человека взяли в плен. Поэтому иеромонах Никодим хотел как можно быстрее изолировать крещеных от некрещеных и утверждать первых в православной вере. Сам же П. Тайшин, по заявлению иеромонаха, «не хотел ни жить по христиански, ни воспитывать в православной вере своих детей... к крещению улусных детей не допущает, стращает отцов и матерей и своих рожденных детей не крестит, жалованье получает и кочует... в дальних степях, деньги раздает некрещеным и гелюнгам моления ради бурханского, а не христианского, а в святую церковь подаяния никакова не чинит и полатки или кибитки на церковь не хочет зделать, и подвод на церковь походную не дает... к походной церкви относился небрежно и имел большие сношения с калмыцкими гелюнгами, чем с православным духовенством...».

В своих донесениях в Св. Синод иеромонах Никодим достаточно прозрачно намекает на затянувшееся несоответствие его сана и выполняемого послушания - руководителя миссии. При этом он жалуется, что к его низкому сану проявляют неуважение не только знатные калмыки, но и простой народ, который «желает иметь при себе из духовных знатных и почтенных персон, а не из рядовых иеромонахов, понеже оной калмыцкий народ и по своему калмыцкому

закону имеет у себя по чину духовенства архимандритов и игуменов, и потому признавать его, Ленкеевича, яко рядового иеромонаха, достойного ему почтения и по увещеваниям ево во обращении в благочестивую христианскую веру послушания по упорностям своим чинят зело мало, а иные им и гнушаются» [1]. Для большей убедительности иеромонах Никодим в апреле 1730 г. подает в Св. Синод рапорт, в котором просит освободить его от должности, ссылаясь на «старость и немощь, болезнь ног и глаз»[1]. В январе 1731 г. он получил вызов в Москву.

В свою очередь, и П. Тайшин выражал недовольство и миссией, и Никодимом. В частной беседе он жаловался, что «учителей при нем из духовных никого нет, а который был иеромонах, при нем мало бывал, но больше жил в Астрахани, а церковь благочестивая и никогда при нем в улусах не бывала. А ныне этот иеромонах взят в Москву, чтоб о том в Святейший Синод определение учинить» [1].

Из Москвы Никодим по настоянию Св. Синода вернулся в кочевье П. Тайшина, но теперь уже в сане архимандрита и стал настоятелем Ивановского монастыря в Астрахани. К этому времени стала очевидной необходимость для активизации миссионерской деятельности среди калмыков, углубления степени проникновения православно-христианского учения в их сознание подготовки священников и переводчиков из самих калмыков, предварительно обучив их русской грамоте.

В 1732 г., по решению Св. Синода, при активном содействии астраханских епископа Иллариона (1731-1755) и губернатора И.П. Измайлова, в Астрахани при Ивановском монастыре было открыто училище по обучению крещеных калмыцких детей русской грамоте. Это училище опекал Никодим, он регулярно посылал отчеты в Св. Синод о количестве обучающихся, их возрасте, успехах. На содержание училища отпускалось 300 рублей. Ученикам определялась «норма гарнизонных школ с прибавкою по усмотрению тем, кои будут выходить к совершенному знанию, читать и писать с русского на калмыцкий и с калмыцкого на русский» (Российский государственный исторический архив. Ф. 796). К сожалению, судьба этого училища неизвестна.

17 июня 1734 г. указом Св. Синода архимандрит Никодим был освобожден от миссионерского служения и переведен в распоряжение архиепископа Киевского и Галицкого Рафаила (Заборовского). Так окончился начальный этап служения первого миссионера среди калмыков - архимандрита Никодима (Ленкеевича). Безусловно, руководимая им миссия в течение 1725-1734 гг. положила начало духовному просвещению калмыков, испытывая при этом немалые трудности и противодействие как со стороны простых калмыков, так и буддийских лам. Об этом позволяет судить содержание инструкции, оставленной иеромонахом Никодимом своему воспитаннику на время его пребывания в Санкт-Петербурге по вызову Св. Синода: 1). «Быть тебе при Петре Дайчине (Тайшине) сыне и при новокрещеных калмыках с определенным к тебе в команду с школьником неотлучно, и смотреть, чтоб гелюны над ними не творили гуримов (молебное пение) и не полагали на него крестов бурханов ...и новокрещеных надсматривать, дабы в прежние свои мольбища не уклонялись и молитв наученных от меня не забывали. Ежели из новокрещеных кто оставит православную веру и уклоняться будет в прежние свои мольбища, на таких доносить тебе в Астраханскую губернскую канцелярию и требовать решения, а ко мне о том рапортовать неукоснительно. И когда не станут молитв учится, по усмотрению вины наказывать.

2). Из новокрещеных калмык явятся больные и таких, где ближе привозить к священникам для исповеди, а ежели за дальностию невозможно будет, то просить духовной консистории, чтоб определили иерея, также умерших погребать ... и не валялись бы у калмык.

3). К тому же станут калмыки приходить и пожелают креститца и таких представить тебе ...Астраханской губернии губернатору Ивану Алексеевичу фон Менгдену.

4). О новорожденных просить консистории, чтоб крещены были, буде же новокрещены пожелают взять у крещеного девку в замужество и таких представлять же консистории о которых требовать о совокуплении брака резолюции.

5). Смотреть, чтоб подсылки от владельцев не было, чтоб склонились к ним по прежнему новокрещеные калмыки, и, ежели проведаешь, про то доносить неукоснительно в

Астраханскую губернскую канцелярию, також де гелюнов в улусы к крещеным не пускать, чтоб не делали соблазну оным, того смотреть тебе накрепко.

6). Рапортовать тебе меня во все месяцы каких о рождающих, так и умирающих, так и о прочих поведениях промеж новокрещеными калмыки, по сей инструкции поступать тебе яко доброму и честному ученику без лености со тщанием, а ежели что будет опущено, то подлежит суду.

7). А обретающуюся при мне церковь и церковную утварь по описи принять с росписью» [1].

Из инструкции следует, что за новокрещеными следили уже довольно строго, в крайних случаях обращались в губернскую канцелярию и даже следовали наказания за уклонение от чтения обязательных молитв (п. 1). Особо пристально следили за буддийскими ламами, не позволяя им даже приближаться к крещеным калмыкам (п. 6). В случаях смерти калмыков стали приучать к погребению по христианским канонам.

Хотя крещением представителя ханской семьи каждая из сторон преследовала свою выгоду, однако просчиталась и та, и другая: П. Тайшин не стал ханом, а миссионерская деятельность не принесла крупных результатов.

Тем не менее, для Православной церкви и правительства факт крещения представителей ханской семьи имел необычайно большое значение. Именно в этот период, с 1725 по 1735 гг., в разгар междоусобной борьбы между членами ханской семьи, по данным Архива внешней политики Российской империи, было окрещено 1500 семей [1]. Если в среднем одна калмыцкая семья насчитывала четыре человека, то количество крестившихся составило более 6000 человек [5], [9], [2], [4].

Думается, что, принимая эти показатели за достоверные, можно говорить об определенном успехе первой православной миссии среди калмыков, не забывая при этом, что уровень усвоения православия был неглубоким. Успехи в деле христианизации калмыков особенно проявились в местах поселения крещеных калмыков.

Таким образом, христианизация калмыков в отличие от других народов Поволжья проводилась исключительно на добровольной основе, что, в значительной мере, было обусловлено военно-стратегическими соображениями. Христианизация сопровождалась разнообразными методами, сама организация миссионерской деятельности церкви менялась на различных этапах интеграции калмыков в социально-политическую структуру России, а также в зависимости от внутри- и внешнеполитических обстоятельств. Большое значение российское правительство придавало крещению калмыцкой элиты, которая должна была оказать влияние на своих соплеменников и стать опорой властей в проведении политики христианизации. Что же касается самой калмыцкой знати, то она прибегала к смене веры как «аргументу» в борьбе за власть. Однако крещение не приводило к тому результату, на который рассчитывали представители ханского рода.

Вместе с тем, русское правительство не ставило цель обратить в православие всех калмыков, а миссионерская деятельность священнослужителей, непосредственно проводивших в жизнь христианизацию, в основном, ограничивалась количественным охватом всего народа. Свои коррективы вносили и такие объективные трудности как большие расстояния, кочевой образ новых подданных, невозможность совместить школьное обучение с кочевым бытом.

Литература

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 119.
2. Батмаев М.М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII-XVIIIвв. – Элиста, АПП «Джангар». – 2002.
3. Белоусов С.С. Православные приходы Калмыкии в XIX-начале XX в. – Элиста, АПП «Джангар». – 2003.
4. Бурчинова Л.С. Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии. – Элиста, Калмыцкое книжное идательство. – 1980.

5. Бюлер Ф.А. Кочующие и оседло-живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт. Отечественные записки. Т. 47, № 7. – 1846. – С. 1-28.
6. Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прошлом его составе до 1758 года. - Казань. – 1890.
7. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Ленинград, Издательство академии наук СССР. – 1934.
8. Гурий (Степанов). Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Т. 1, Ч-2. – Казань. – 1915.
9. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. – Москв, Наука. Главная редакция восточной литературы. – 1983.
10. Команджаев А.Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX начале XX века: исторический опыт и современность. – Элиста, АПП «Джангар». – 1999.
11. Мефодий (Львовский Н.), иером. Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии и калмыцкие хурулы. - Ставрополь. – 1898.
12. Митиров А.Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. – Элиста, Калмыцкое книжное издательство. – 1998.
13. Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. – Санкт-Петербург, Тип. Карла Крайя. – 1834.
14. Небольсин П.И. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. – Санкт-Петербург, Тип. Карла Крайя. – 1852.
15. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. XVII-XVIII вв. Ч. 1. – Астрахань, Тип. Калмыцкого областного исполкома. – 1926.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 796.
17. Шестаков П.Д. Некоторые сведения о распространении христианства среди калмыков. Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 143, № 10. – 1869.
18. Полное собрание законов Российской империи. Т. 7, 8.

***

О.А. Джагаева, О.С.Манджиев,
Элиста, Россия

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

Центральная Азия – обширный, не имеющий выхода к океану регион Азии. По определению ЮНЕСКО, регион включает Монголию, северо-западный Китай, а именноСиньцзян, Тибет, Внутреннюю Монголию, Цинхай, запад Сычуани и север Ганьсу, районы азиатской России южнее таёжной зоны, Афганистан, северо-западную часть Индии, северную часть Пакистана, северную часть Ирана. Впервые выделил Центральную Азию в качестве отдельного региона мира выдающийся географ XIX века Александр Гумбольдт.

Центральная Азия исторически ассоциировалась с населяющими её просторы кочевыми народами и Великим шёлковым путём. Центральная Азия выступала как регион, где сходились люди, товары и идеи с разных концов Евразийского континента Европы, Ближнего Востока, Южной и Восточной Азии.

В российской географической науке с дореволюционных времён существует понятие Средняя Азия. Это географическое понятие относилось к «Русскому Туркестану», в пределах которого уже в советский период было образовано пять советских республик. Оно появилось во второй половине XIX в., тогда под ним понималось Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте, учрежденное царским правительством в 1867 году после присоединения части Средней Азии к Российской империи. Границы «Русского Туркестана» в зависимости от политической ситуации то сужались, то расширялись. При этом необходимо отметить, что термин «Русский Туркестан» имел исключительно административное толкование. В СССР существовало деление на экономические районы,

выделявшиеся для целей территориального народно-хозяйственного планирования и управления экономикой огромной страны. Два экономических района (Среднеазиатский и Казахстанский) обычно упоминались вместе: «Средняя Азия и Казахстан». Регион в постсоветский период включает в себя Казахстан и четыре бывших советских республики среднеазиатского региона – Киргизию, Узбекистан, Туркмению и Таджикистан.

С точки зрения физической географии и климатологии понятие «Средняя Азия» охватывает не только четыре указанные республики, но и центральный и южный Казахстан.

В то же время, в СССР использовалось и понятие «Центральная Азия», в которое включались территории за пределами СССР — Тува, Монголия, Внутренняя Монголия, Синьцзян и Тибет. Видный советский геолог и геоморфолог В. М. Синицын обосновывал границу между Центральной и Средней Азией по большей сухости Центральной Азии по сравнению со Средней Азией и дал следующее определение региона: «Орографически Центральная Азия — область высоких равнин и нагорий внутренней части материка, окруженных почти сплошным кольцом гигантских хребтов, служащих климаторазделами. Климатически Центральная Азия — аридная область с крайне континентальным климатом, лежащая между областями атлантической и тихоокеанской циркуляции и изолированная как от той, так и от другой» [2: 6].

Западную границу Центральной Азии (то есть границу с Алтаем, Казахским мелкосопочником и Средней Азией) В.М. Синицын описал следующим образом: граница выходит «на южный склон хребта Танну-Ола и дальше в Монгольский Алтай и к истокам р. Урунгу. В Алтае, обогнув высокогорную часть хребта и его достаточно увлажненный южный склон, граница аридной области спускается на плоский равнинный водораздел рек Черного Иртыша и Урунгу. Отсюда она тянется по гребням Саура, Коджура, Уркашара, Джаира и Майли до Джунгарских ворот и, минуя последние, следует по хребту Джунгарский Алатау в обход долины Бороталы, в верховьях которой смыкается с тяньшанским отрезком» [2: 6]. При этом бассейн реки Или он в Центральную Азию не включал.

В 1992 году президент Казахстана Нурсултан Назарбаев на саммите государств Средней Азии предложил отказаться от определения «Средняя Азия и Казахстан» в пользу понятия «Центральная Азия», охватывающего все постсоветские государства этого региона [1]. Такое определение нередко используется ныне в СМИ, однако с точки зрения географической науки Центральная Азия — это гораздо более крупный регион, включающий, помимо Средней Азии, также Монголию и западную часть Китая. Так определяет регион и ЮНЕСКО.

Для обозначения пяти бывших советских республик — Казахстана, Узбекистана, Туркмении, Киргизии и Таджикистана — часто используется политкорректный термин «постсоветская Центральная Азия».

Центральная часть Азии в любом случае будет состоять из среднеазиатских республик ранее известного СССР и Казахстана [3].

Также в эту условно-разделенную территориальную разметку входят частично или в полной мере другие государства. Таким образом, список стран Центральной Азии следующий:

- Афганистан – в зависимости от различных географических источников эта страна может полностью либо частично включаться в другие центры, к примеру, в переднюю или южную часть Азии;
- Индийский регион Ладакх;
- В центральную часть входит Иран лишь частично, но всё же большая его часть принадлежит западному региону;
- Казахстан – частично; Киргизия – полностью; Китайская западная территория входит в территориальный состав центральной Азии, но если рассматривать политический аспект, то этот участок относится к восточной стороне;
- Монголия – ближе к восточному центру, нежели к Средней Азии и центральному региону;

- Пакистан географически – центральный, но политический аспект относит его к восточным территориям;

- Часть Российской Федерации (Тува, Южная Сибирь, Бурятия, Забайкальский Край, Алтайское плоскогорье);

- Туркмения;

- Таджикистан;

- Узбекистан.

По данным интернет-портала «Политический Атлас современности» [4], регион включает в себя пять государств, ранее входивших в состав Советского Союза Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркмению и Узбекистан. В современном контексте Центральная Азия состоит из пяти бывших советских республик – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Иногда в Центральную Азию включаются и такие области, как Афганистан, северо-восточный Иран, западную часть КНР (Синьцзян), Монголию, Джамму и Кашмир, северные области Пакистана, юго-западный и средний регионы Китая (Тибет, Цинхай, Ганьсу и Внутренняя Монголия) и южные части Сибири») [5].

Таким образом, до 1991 года ЮНЭСКО определила Центральноазиатский регион как географическую и культурно-историческую составляющую мирового процесса, а не как политическую единицу.

Анализ проблемы современного состояния политических и международных отношений позволяет отметить то, что по мнению ЮНЕСКО, большая часть Китая, Западная Монголия, Афганистан и Северная Индия подпадают под отдельную категорию политических исследований. Однако современная наука давно определила, что Монголия и Китай относятся к восточному региону, причем западные регионы Китая полностью ориентированы на провинции, расположенные ближе к морскому побережью, а современная Монголия – на Россию и Китай. Так же можно отметить и области Джамму и Кашмир, где сталкиваются интересы южноазиатских государств Индии, Пакистана и их восточного соседа Китая. Европейские исследователи и ученые США также придерживаются мнения о том, что, начиная с начала XX века, регион Центральной Азии неуклонно изменялся в политическую плоскость.

Если советские историки и исследователи предполагали, что политика и международные отношения будут неуклонно развиваться в сторону политического блока ОВД, то после 1991 г. эта ситуация стала прямо противоположной. Соответственно необходимо развивать концепцию политического превалирования над культурно-географическим контекстом.

Литература

1. Назарбаев Н.А. Евразийский Союз: идеи, практика, перспективы. 1994-1997. М., 1997.

2. Синицын В.М. Центральная Азия. М., 1959.

3. Страны, входящие в Центральную Азию [Электронный Ресурс. Режим доступа: https://visasam.ru/emigration/vybor/strany-centralnoi-azii.html. Дата обращения: 10.03.2019].

4. Центральная Азия [Электронный Ресурс. Режим доступа: http://www.hyno.ru/disposition/22.html. Дата обращения: 10.03.2019].

5. Средняя или Центральная Азия? [Электронный Ресурс. Режим доступа: http://www.hyno.ru/disposition/22.html. Дата обращения: 10.03.2019].

***

С.В. Димитрова, Д.А. Иномова,
Волгоград, Россия; Коканд,Узбекистан

ПРИНЦИП «НЕДЕЯНИЯ» В «ОБЩЕСТВЕ РИСКА»

Мы живем в многополярном мире, «гибкость» и «сложность» которого обусловлена непрерывным возникновением новых элементов социальных систем, ведущих к росту видов взаимодействий. Успешное развитие науки, техники, правовой культуры способствовало расширению индивидуальных свобод и, вместе с тем, выступило основанием для возникновения проблем, решение которых предполагает смену ценностных оснований цивилизационного развития. Ориентированность современных социумов на высокую эффективность действий привело к возникновению «общества риска», одной из характеристик которого является то, что перед общностями и отдельным индивидом стоят задачи принятия решений, определяющих дальнейшее развитие собственной жизни и влияющих на условия существования других людей[1].

Важно отметить, что при развитии «сложных социальных систем» продуцируется большое количество вариантов выбора, широкое поле альтернативных действий, которое не может быть исчерпано в процессе активных действий. Так Н. Луман обращает внимание на то, что в условиях современного мира субъект действия неизменно оказывается перед таким количеством «возможностей для переживания и действования», которые не «могут быть актуализированы»[4].

Кризисные явления, наблюдаемые в современных типах цивилизаций, делает актуальным анализ и применение иных способов формирования целей и наполнение новыми смыслами действий людей. Отношение к действительности, не основанное на абсолютизации деятельного активизма, было сформировано еще в Древнем Китае.Примером может служить знаменитый принцип «недеяния», «который в противовес европейскому активизму отстаивал необходимость следования естественному порядку вещей, существующим ритмам, циклам природной и социальной жизни. Человек должен не вмешиваться в эти сложившиеся и традиционно воспроизводимые ритмы и циклы, не стремиться преобразовывать их, а должен максимально ответственно всматриваться в них, чтобы уловить лежащие в их основе естественный порядок, внутренний закон («дао»), следование которому только и может обеспечить подлинную гармонию человека и мира» [2].

Подчеркнем, что в даосизме нет призыва к пассивности и отказу от действия. Внимание сосредотачивается на том, что если человек обречен на поражение,если следуя «привязанности к чему-либо», начнет просчитывать свои действия, изобретая хитроумные ходы. Такое отношение к действительности расценивается как вмешательство в ход вещей и ведет к непредвиденным и негативным результатам. Нет такой цели, во имя достижения которой можно нарушать установленный порядок. Даже такое благородное стремление к нравственному совершенству девальвируется, если пытаться идти к нему напрямую. Человек, упорно желающий быть нравственным, воспроизводит одно за другим разные проявления добродетели, окончательно утрачивая понимание его сути. Не может идти речи ни о каком нравственном совершенстве, если человек сосредоточен на себе, обособлен от других. Чем более человек добродетелен, тем менее он стремится стать таковым, это не может быть самоцелью.

Следует отказаться от желания достичь конкретного результата, освободить свою деятельность от всякого «активизма», служащего препятствием для естественных влечений. Активности, проявляющей себя в действиях, противопоставляются постоянные упражнения, смысл которых в подчинении ходу и ритму естественного развития. Главная установка китайской стратегии заключается в том, что не следует пытаться «предвосхитить» результат, он проявляется самостоятельно, при тщательно подготовленных условиях. Важно отметить, что китайские мудрецы не придавали большого значения активным действиям, считая их

более зрелищными, нежели эффективными. Любое действие всегда ограничено, оно носит точечный, дискретный характер. Эта особенность активных действий, ведущих напрямую к цели, является условием возникновения таких последствий, которые в дальнейшем человеку необходимо преодолевать. В то время как западная традиция стремится решать эту задачу, основываясь на рационалистическом обосновании истинности целей и создании средств, позволяющих добиться того, что запланировано.

Процессы формулировки целей в восточной традиции основываются на другом типе мышления. В частности, в даосизме утверждается, что познать истину возможно лишь, научившись мыслить имманентно, следуя внутренней эволюции, переходя от одного состояния к другому. Путь познания не предполагает поиск путей доказательства истины, или аргументации какой-либо позиции, утверждающей разные «за» и «против». Процесс созревания истины происходит сам по себе, приводя познающего к равновесию. Человек должен исключить волевое вмешательство в ход событий и только реагировать на положение вещей, совпадая с внутренней логикой. Мудрость – это равновесие и порядок, сохраняющиеся через постоянные видоизменения, осуществляющиеся в процессе перехода от одной противоположной позиции к другой.

Желание утвердить нечто как истинное создает ситуации, при которых отстаивается лишь одна частная (пристрастная) позиция и упускаются из виду тысячи других. Идеал мудрости превосходит истинность, поскольку предполагает следование за постоянным обновлением вещей. Следовательно, человек должен «держаться пути», а не быть привязанным к какому-либо объекту, утверждая его истинность. Отвергается исключительность любой позиции, ибо это всегда есть произвольное ограничение, не дающее возможность увидеть все разнообразие точек зрения и способов поведения. Даже знаменитый тезис, призывающий «держаться во всем середины», имеет право на существование, если рассматривается, как возможность принимать различные крайние, противоположные точки зрения, а не быть фиксированным на одной серединной позиции. Мудрец может «ходить по двум сторонам» так, что одна не заслоняет другую.

Безусловно, что целеустремленность рассматривается как «нарушение пути», ибо развитие предполагает реализацию определенного замысла в ущерб другим. Для преодоления ограниченности, зависимости от цели необходимо сосредотачивать свое внимание на положении вещей, которое может привести человека как к одной, так и другой крайности. Философы представляют истинность как вид ограниченности, противопоставляя ей мудрость как возможность удерживать равновесие, переходя от одной крайности к другой.

Нет учения, позиции, постигшей мудрости – сущность последней состоит в ее невыразимости. Китайская мысль представляет взаимоисключающие позиции, а это становится возможным в процессе следования «естественному ходу вещей», не завися ни от одной точки зрения в ущерб другой. «Недеяние», «умолчание», «не принятие ни одной из позиций» – это способы утверждения гармонии.

Мысль в Китае не стремится вывести познающего к какой-либо другой реальности (теологической или метафизической), напротив, она, представляя существующее, его от навязанных человеком позиций и форм опыта. Именно теоретические конструкции и основанные на них оппозиционные точки зрения скрывают реальность. Трансцендирование в китайской философии ведет за пределы определенных форм опыта, а не к учреждению умопостигаемого мира. Таким образом, гносеологические выводы создают необходимость исследования представлений о мире.

«Бытие» и «Небытие» в китайской философии не противопоставлены друг другу, а выступают различными состояниями, двумя измерениями одного и того же. Описывая две формы существования Дао, китайские философы не говорят о метафизическом различии между миром явлений и его основанием. Есть Дао, существующее как недифференцируемое единство, и есть стадия, на которой Дао актуализирует конкретные вещи. Постичь Дао, проникнуть в него можно через каждую конкретную вещь, ибо это одна и та же реальность.

Следование определенному порядку, например, «избавление от желаний», поможет воссоединиться с первоначалом.

Важно отметить, что восточная традиция не представляет мир как нечто сотворенное, все возникает в процессе становления, разворачивания бытия. Изначальная неопределенность реальности ведет к бесконечности и разнообразию форм актуализации. Бытие не запланировано изначально, недифференцируемое первоначало позволяет всему случиться и произойти благодаря постоянному обновлению. Таким образом, отказ от стремления предвосхитить результат (целеполагание) и реализовать его имеет не только гносеологические, но и онтологические основания. Стремление к прямому достижению цели, выражающее «индивидуальную привязанность» может воспрепятствовать развертыванию реальности.

«Дао» не выразимо в теоретических конструкциях, это просто путь, по которому идут. Следуя данному пути, человеку важно быть готовым к разворачиванию событий. Главной задачей для человека является подготовка, позволяющая результату «случиться», и тогда люди будут иметь дело с новой реальностью, черты которой они никогда не имели возможности предвидеть. Свободное творение реальности предполагает невмешательство, подчинение имманентному развитию. Процесс предварительной подготовки предполагает, что разум и чувства человека становятся способными воспринять новую форму бытия, а не довольствуются получением искусственных и обособленных результатов (как в случае целерациональной активности).Стратегии, выработанные в древнекитайских школах (конфуцианство, даосизм), направлены не на достижение цели, а на определение пути, ведущему к совершенству. Важным условием для вступления на этот путь будет отказ от стремления предполагать заранее, что собой представляет совершенство. Необходимо понять, что суть его (совершенства) непостижима. А любые способы предвидеть, определить хотя бы черты, контуры того, к чему мы стремимся, приведут к «навязыванию» образа, уведут от подлинности.

Следовательно, чем выше степень рационализации цели, чем мощнее средства, тем более удален человек от совершенства, поскольку навязывает ему (совершенству) готовый план. Процесс следования пути, роста, созревания не может быть динамичным, ему надо позволить случиться, дать время развернуться. К примеру, Мэн-цзы учит, что необходимо «прикладывать усилия» ко всему тому, что мы хотим постичь или узнать, отказавшись при этом от претензий «дойти до цели прямым путем». Процесс роста, совершенствования не следует оставлять без внимания, но нельзя ему и «помогать», форсируя развитие.

Абсолютизация стремления достичь цели расценивается как «захват», предполагающий вторжение на чужую территорию. Безусловно, что даже если активные действия приводят к успеху, то он носит кратковременный, случайный характер. Достижение цели неизбежно сопровождается появлением побочных, непреднамеренных результатов, выступающих условием для новых действий, стремящихся преодолеть последствия предыдущей активности людей. Высокая степень калькулируемости действий, стремление точно планировать результат не помогают людям устранить непредсказуемые последствия. Усилия, направленные на достижение адекватности результатов целям, не могут ограничиваться технологическим совершенствованием действий. Экологические, биоэтические проблемы являются побочным результатом высокотехнологичных действий.

Таким образом, значимость китайской философии в условиях существования современного, «рискогенного» общества заключается в том, что, следование ее принципам позволяет научиться относиться к миру не только как к объекту познания. Преодоление гносеологического отношения к миру необходимо в силу того, что различные теоретические конструкции, абстрактные определения обладают значимостью для современного человека и как истинные противостоят проявлениям «жизненности». Следует также отметить, что данная задача является не познавательной, а имеет онтологические основания.

«Возврат к бытию» является необходимым, поскольку учреждение мира абстрактных сущностей, представленного как другой (идеальный, подлинный) план бытия, ведет к

различным формам отчуждения. Понимание идеала как становящегося, но никогда не ставшего, и, вследствие этого, остающегося открытым всем возможностям, является условием для гармоничного, многополярного развития мира. Именно отсутствие, отрицание трансцендентного мира позволяет уделять внимание действительности, сосредотачиваясь на бесконечном прояснении различных ее сторон.

В традиционных восточных обществах преобладает стремление сохранения сложившихся идеалов и норм, это выступает необходимым условием для рассмотрения принципа «недеяния» как новой формы активности, как способа обретения свободы. Такая установка обладает значимостью, в условиях беспрецедентного увеличения масштабов воздействия на мир. Необходимо научиться следовать развитию мира, а не изменять его согласно собственным планам.

Современный человек должен обрести способность подходить к реальности с разных сторон, вырабатывая стратегию сосуществования в ней. Ибо сегодня уже невозможно исправить, устранить новой серией активных действий последствия собственной деятельности.

Вместе с тем следует отметить, что обращение к ценностям традиционных восточных культур, не исключает ценности других культур, в частности западной. Основой для активности цивилизованного, обладающего совершенными средствами человека, должно выступить новое отношение к миру, которое может быть сформировано на гармоничном единстве человека и мироздания. Современный уровень развития цивилизации и культуры требует от человека ответственного отношения к миру. «И именно эта ответственность, а не агрессивность и жадность антропоцентристского самоутверждения призвана выступать основным стимулом напряженности усилий – мобилизованности жизни в культуре [3, с.294]. Современные люди должны ощущать, что существуют во всеобъемлющей целостности, являясь элементом универсума. Поэтому любые действия, направленные на преобразование окружающей действительности оказывают необратимое влияние и на самих деятелей.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. / У. Бек М.: Прогресс-Традиция ,2000–384 с.
2. Жюльен, Ф. Трактат об эффективности / Ф. Жульен. – М., СПб:Университетская книга, 1999 URL:https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5125 (дата обращения 28.09.2019).
3. Швырев, В. С. Деятельностный подход к пониманию «феномена человека» (попытка современного осмысления) / В. С. Швырев // Наука глазами гуманитария // под ред. В. А. Лекторского. – М. : Прогресс, Традиция, 2005. – С. 345–385.
4. Luhmann, N. DerBegriffRisiko. In: N.Luhmann. Soziologie des Risikos. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1991– P. 9–40. Переводк.ф.н. А.Ф.ФилипповаURL: https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6107(датаобращения 28.09.2019).

***

С.А. Засорин,
Москва, Россия

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Современные российско-китайские отношения должны рассматриваться исключительно в контексте сегодняшнего геополитического феномена, который отличается крайней турбулентностью, неустойчивостью и конфликтностью. Данные проявления текущего мирового политического порядка проявляются в следующем:

1. Обесценивание институтов глобального управления.
2. Болезненное превращение мира из однополюсного в многополярный.
3. Появление и закрепление долговечных региональных конфликтов с общемировым вовлечением: Сирия, Иран, Венесуэла и пр.
4. Раскол западного мирового сообщества.
5. Нарастание антироссийских экономических санкций.
6. Обострение американо-китайской торговой войны.

Тенденции в развитии современной китайской внешней политики можно свести к таким основным особенностям:

1. Сдвиги в концептуальном обосновании китайской внешней политики.Наблюдается определенный отход от классического «золотого принципа» великого реформатора Дэн Сяопина – скрывать свои возможности, скрываться в тени. В эпоху Си Цзиньпина происходит переход к более динамичной, активной и наступательной линии. Не все китайские эксперты разделяют этот подход, некоторые считают, что такой сдвиг произошел слишком рано.

2. Сочетание старого и нового, появление новых терминов понятий и определений в китайской геополитике, выросших из этой современной активности: «китайская мечта», «создание сообщества единой судьбы человечества», «мирное возвышение Китая в современных реалиях». Но это перекличка с прошлыми идеологемами: «мир и развитие», создание гармоничного развития». Таким образом, это обеспечение развития между старым и новым.

3. Стремление к реализации Китаем двух целей двух столетий: первая цель, 2021 год, столетие создания КПК – обеспечение среднезажиточного обществ, вторая цель, 2049 год, столетие образования КНР – создание великой социалистической державы. Внушительны успехи Китая в социальном и экономическом планах.

4. Переход от модели экстенсивного развития к модели интенсивной модернизации с опорой на внутренний рынок. Фактически это качественное наполнение модели Дэн Сяопина «социализма с китайской спецификой». Такая модель в 53 раза увеличила национальный доход за годы реформ.

5. Осознание «новой нормальности». Нарастаниевызовов эпохи и американского пресса приводит к относительному сокращению прежних рекордных темпов развития. Прирост ВВП снижается. Но такая новая ситуация не вызывает шока, т.к. она строится на основе трезвого расчета современных условий.

6. Претворение в жизнь китайской инициатив «один пояс – один путь». Это новое качество внешней политики. Континентальная версия охватывает 6 коридоров, предусматривает колоссальное количество инвестиций. Главная цель – выйти во внешний евразийский мир.

Регионально-страновые приоритеты китайской внешней политики проявляются в следующих направлениях:

1. Китай - США. Черты этого направления:

1) Геополитическая составляющая: отвержение выдвинутой Обамой идеи «большой двойки». В итоге – острая конкуренция и в экономике, и в политике.

2) «Ловушка Фукидида»: старая и новая сверхдержавы и взаимозависимы, и взаимоконфликтны.

3) «Торговая война». Это не только попытка США сократить торговый дефицит, не только попытка получить более выгодные тарифные условия. Это попытка США остановить и отбросить развивающуюся китайскую экономику через вхождение внутрь в китайские экономические методы, такие как субсидии государственных предприятий, развитие интеллектуального права и пр.

2. Китай-Европа (ЕС). На этом направлении сконцентрирован колоссальный торговый оборот. Главные претензии стран ЕС к Китаю: непризнание рыночного характера китайской экономики, обвинение Китая в нарушении прав человека (активизация этой повестки в связи с гонконгскими событиями). При этом Китай активно действует на европейском направлении, включая проект 16+1 (экономическое структурирование Китаем стран Восточной и Южной Европы в рамках мощного инвестиционно-торгового плана).

3. Китай-Япония. В прошлом году исполнилось 40 лет китайско-японскому договору о дружбе и сотрудничестве. В этом направлении определенные успехи сочетаются с нерешенными проблемами: территориальные споры, трения по поводу обеспечения безопасности, т.к. Япония – союзник США, возникает опасность для Китая размещения США на японской территории ракет средней и меньшей дальности.

4. Китай - АСЕАН (страны Юго-Восточной Азии). Остаются сложными отношения Китая с Вьетнамом, но, при этом, есть и успехи.

5.Китай -Россия. Стратегическое партнерство – высокий уровень доверия и сотрудничества.

1) Эволюция подходов к нашим отношениям за 70 лет:

- 1949-1955 гг. – максимальное близкое и эффективное сотрудничество во всех сферах на основе союзного договора 1950 г.

- 1956-1965 гг. – идеологические расхождения между КПСС и КПК по оценке культа личности Сталина и подходу к разоружению, резкое сужение экономических связей между нашими странами на фоне большого скачка в развитии КНР и введения принципа «опоры на собственные силы»

- 1966-1987 гг. – прямое политическое соперничество между КНР и СССР в борьбе за лидерство в мировом коммунистическом движении, открытые вооруженные территориальные конфликты

-1988-2000 гг. – нормализация экономических и политических отношений между странами

-2001-по н.в. – существенный прогресс в сотрудничестве России и КНР на базе договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

Итоги выполнения данного договора на 2018 год подвел текущий редакционный доклад информационного агентства РИА-Новости: «Российско-китайские отношения характеризуются высокой динамикой развития,прочной правовой базой, разветвленной организационной структурой и активными связями на всех уровнях»**[**1].

2) Наполнение стратегического партнерства с целью экономического развития и взаимной безопасности:

-Интенсификация российско-китайского стратегического партнерства в связи с растущей изоляцией России от Запада и «поворотом на восток» нашей внешней политики и в виду сопротивления Китая современным проявлениям американского глобализма. Это рельефно проявилось в факте подписания в 2014 г. Совместного заявления РФ и КНР о новом этапе всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Вызванные им изменения в наших отношениях были проанализированы в аналитической монографии экспертов Института Дальнего Востока РФ [2].

-Подписание совместного заявлении о сопряжении интересов между КНР и ЕАЭС (2015 г.).

-Общие подходы России и Китая по международной региональной повестке: Корея, Ближний Восток, Латинская Америка и др.

- Совместимость российско-китайских стратагем внешней политики: Россия – сдержать Запад, стабилизировать Юг, идти на Восток, Китай – опереться на Север, стабилизировать Запад, идти на Юг.

- Противостояние американскому проекту «союза 4 демократий южных морей»: Австралия, Япония, Индия, Китай.

- Эффективное сотрудничество в составе новых глобальных структур: «Большая двадцатка», БРИКС, ШОС.

3) Общее понимание преждевременности военно-политического союза, но жизнеспособности и необходимости стратегического партнерства.

Такой подход убедительно был подтвержден недавним интервью министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавровадля программы Евгения Примакова "Международное обозрение" на телеканале "Россия-24": «Отношения между Россией и Китаем находятся на высшем уровне за всю историю, но планов по заключению военного союза у стран нет… Отказ от заключения союзнического соглашения в военной сфере подчеркивает нежелание использовать российско-китайские отношения против других стран…Но если под союзничеством понимать отстаивание международного права, основ мироустройства, которое опирается на Устав ООН, противодействие попыткам вмешиваться во внутренние дела других государств, тем более с применением силы, то да, в отстаивании этих принципов мы с Китаем - безусловные союзники…»[3].

Литература

1. Межгосударственные отношения России и Китая /https://ria.ru/20180911/1528020611.html

2. Современные российско-китайские отношения / под ред. С.Г. Лузянина (отв. ред.), А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафроновой, И.В. Ушакова, Е.В. Белилиной. – М.: ДеЛи плюс, 2017. – 264 с.

3. Лавров: Россия и Китай не будут заключать военный союз / https://tass.ru/politika/7073232?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews

***

И.Б. Кейдун,
Благовещенск, Россия

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРАВИЛ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГЛАВЫ «НЭЙ ЦЗЭ» КОНФУЦИАНСКОГО КАНОНИЧЕСКОГО ТРАКТАТА «ЛИ ЦЗИ»)

«Ли цзи» (禮記, «Записи о *ли*/ритуале») – один из важнейших древнекитайских классических памятников, входящий в состав конфуцианского канона. «Ли цзи» является сборником разновременных текстов, воссоздающих преимущественно реалии исторического периода Западное Чжоу (XI-VII вв. до н.э.). Время составления трактата – I в. до н.э. – знаковый период в истории Китая, эпоха выработки ключевых установок конфуцианской государственной идеологии. Сборник явился итогом масштабной работы, которая велась в этот период в духовной культуре с целью пересмотра и осмысления наследия прошлого.

Составители трактата нарисовали образ идеальной социальной структуры, в основе которой – *ли* 禮, нормы благопристойного поведения, ритуал.

В составе сборника – сорок девять глав. Одним из наиболее крупных разделов является двенадцатая глава «Нэй цзэ» (內則, «Домашние правила») [2]. Содержание этой части трактата созвучно с некоторыми другими древними текстами, например, «Цюй ли» (曲禮, «Разнообразные ритуалы»), «Шао и» (少儀, «Мелкие правила поведения») (соответственно первая и семнадцатая главы «Ли цзи»), а также с входящими в конфуцианское «Тринадцатикнижие» канонами «И ли» (儀禮, «Благопристойность и ритуал»), «Чжоу ли» (周禮, «Чжоуский ритуал»), что лишний раз подчеркивает, на наш взгляд, социальную ориентированность конфуцианской системы ценностей. Если говорить в целом, то «основное содержание главы «Нэй цзэ» – правила, которыми должны руководствоваться в домашней жизни сыновья, их жены, и связанный с этим церемониал». Вместе с тем, исследователи пытаются конкретизировать и систематизировать информацию, содержащуюся в рассматриваемом разделе, уточняя темы, поднимаемые в тексте «Нэй цзэ»: почтительное служение сыновей и их жен родителям и свекрам, семейные отношения, отношения между мужчинами и женщинами, отношения между сыновьями, общие правила домашнего церемониала, забота о пожилых, перечень еды, использовавшейся в домашней кухне, воспитание детей [2, с.194].

При всем разнообразии поднимаемых вопросов ключевой проблемой в «Нэй цзэ», тем не менее, как нам представляется, является тема сыновней почтительности *сяо* (孝) и близкая ей тема почитания, уважения старших/высших *цзин* (敬). Эти вопросы занимают одно из центральных мест в конфуцианской модели социума, алгоритме социальных связей и родственных отношений. Анализ текста главы дает возможность представить конкретное содержание этих понятий и связанные с ними социальные поведенческие модели.

Поднявшись рано утром, первое, о чем должен подумать заботливый сын, – собраться поскорее, чтобы отправиться навестить родителей. Поэтому, едва умывшись, уложив соответствующим образом волосы (прическа напоминала детскую, символизируя таким образом чувство детской чистоты, с которым ухаживают за родителями), облачившись в соответствующее случаю платье, взяв лишь самые необходимые вещи (к таковым в тексте трактаты отнесены: полотенца для вытирания посуды и рук, нож, ножны, костяные малое и большое шила, использовавшиеся в том числе для развязывания тесемок на одежде, металлическое зеркало и палочки для добывания огня соответственно в солнечные и пасмурные дни, наперстник на большой палец правой руки для натягивания тетивы лука, специальный нарукавник, чтобы одежда не мешала тетиве – все это навешивалось справа и слева на пояс), сыновья спешили к родителям, невестки торопились проявить уважение к свекрам и свекровям [3, с. 408-409].

Обращаться к родителями следовало мягким голосом, «сдерживая нрав», на лице обязательно должно быть благожелательное выражение: теплом своего участия дети должны согревать родителей [3, с. 410].

Помогая родителям сесть, дети придерживали постель, слуги в это время подносили столик, сворачивали и убирали в отведенные места принадлежности для сна, подушки, вешали для проветривания одеяло. Требовалось обязательно поинтересоваться, не жарко, не холодно ли родителям, не болит ли что-нибудь у них, нет ли зуда. Следовало непременно погладить больное или зудящее место. Затем дети помогали родителям совершить утренние процедуры: готовили принадлежности для омовения лица и рук – старшие подносили воду, младшие подавали таз для умывания [3, с. 410].

После необходимых утренних процедур наступало время приема пищи. Дети почтительно интересовались, какую именно еду желают вкусить родители, и подносили с благожелательным выражением на лице именно то, чего хотелось старшим: кашу (густую

или жидкую), вино (которое пожелали выпить родители), суп с овощами, бобы, пшеницу, прожаренное конопляное семя, просо, чумизу, гаолян; чтобы подсластить еду, родителям подносили финики, каштаны, лакомства, мед, чтобы размягчить еду – рисовый отвар, чтобы сделать еду более вкусной – жир [3, с. 408-409].

Утро для всех обитателей дома – время, наполненное заботами прежде всего о старших, близких, доме. Несовершеннолетние дети тоже, как правило, вставали рано (хотя в отношении сна и кормления несовершеннолетних детей регламентации не являлись строгими: «дети раньше ложатся, позже встают – именно так, как им хочется; кормят их независимо от времени»[3, с. 412]) и спешили навестить своих родителей, интересуясь, что они намерены есть и пить. Если трапеза родителей уже состоялась, тогда дети уходят, если же нет – наблюдают за приготовлениями, помогают старшим в несложных делах [3, с. 411]. Остальные домашние также поднимались «с петухов первым криком». Умывшись и одевшись, прибирали постель, наводили порядок в покоях, зале и внутреннем дворе [3, с. 412].

Если отец и сын жили врозь (такая ситуация складывалась, когда сын получал назначение по службе), тогда наследник должен был в предрассветный час навестить родителей, проявив таким образом почтение по отношению к ним, с восходом солнца – отправиться на службу. Еще один визит, вечерний, наносился на закате. Как и утром, сын подносил родителям что-нибудь вкусное и сладкое – то, чего им хотелось [3, с. 412].

Почтительные сыновья во всем старались предупредить желания своих родителей: намереваются они сесть – дети подносят циновку, спрашивая, куда лицом они сядут, намереваются лечь – старшие из детей подносят циновку, спрашивая, куда родители положат ноги [3, с. 413].

Особое отношение должно было проявляться к вещам, которыми пользуются родители: их одежду, одеяла, постель, циновки, подушки, столики не трогали с места, к посохам, обуви не смели приближаться, не отваживались также прикасаться к посуде, предназначенной для родителей, их еде и напиткам [3, с. 413]. Во время трапезы сын, его супруга должны были уговаривать родителей все съедать без остатка. Лишь после того, как родители насыщались, дети могли съесть оставшуюся пищу [3, с. 414].

При любом общении с родителями (для невестки – с родителями супруга) до́лжно проявлять огромную почтительность: родители окликнули – следовало немедленно отозваться, уважительно ответить. Передвигаясь в присутствии родителей – выходя, входя, поворачиваясь, спускаясь, поднимаясь – делали это, совершая поклоны старшим. При родителях не осмеливались отрыгивать, откашливаться, чихать, плевать, харкать, сморкаться, зевать, потягиваться, стоять на одной ноге, стоять, опираясь на что-либо, смотреть искоса. Не осмеливались кутаться, даже если было зябко, чесать зудящее место, снимать одежду (если того не требовалось ради выражения почтения), поднимать платье (если не требовалось ступить в воду). При этом для почтительного сына важно было скрыть от посторонних глаз то, что относилось к интимной, деликатной сфере жизни родителя: никто не должен видеть изнанку нижнего платья отца или матери, изнаночную сторону одеяла, принадлежащего родителю, не должны быть увидены чужими плевки, носовая слизь (все это дети торопились сразу же вытереть).

Сыновья, невестки проявляли заботу о чистоте и опрятности внешнего вида родителей, просили у них разрешения исправить какой-либо непорядок в одежде: следили за тем, чтобы были почищены загрязнившиеся головной убор или пояс, выстирано и при необходимости заштопано платье. Через каждые пять дней для родителей грели воду, чтобы они могли выкупаться, раз в три дня готовили воду вымыть голову, в любой момент готовы были нагреть при необходимости рисовую воду, чтобы омыть лицо родителя или вымыть ему ноги [3, с. 414-415].

Почтение и любовь к родителям выражались также и в том, что ко всем словам родителей следовало прислушиваться, любые повеления родителей следовало исполнять, нельзя было идти им вопреки или относиться к ним небрежно: родители предлагают еду и

питье (даже если сыну и не хочется) – следовало отведать, родители пожаловали одежды (даже если они и не нравятся) – следовало облачиться в них [3, с. 416], родителям не по нраву любимая жена – следовало отдалить ее, если же родителям нравится нелюбимая жена («Она хорошо служит нам», – говорят родители) – следовало исполнять супружеские обязанности по отношению к ней [3, с. 418].

В тексте главы затронуты также и вопросы воспитания. Вот основные положения этих разделов «Нэй цзэ». Позволять невестке заниматься тяжелым физическим трудом (даже когда родители мужа очень любят ее) – лучше, чем давать ей частый отдых. Если невестка нелюбящая и непочтительная, чем страдать и порицать ее, лучше обучить, как следует себя вести; если обучить невозможно, тогда следует попробовать повлиять на нее гневом; если и гнев бессилен, лишь в таком случае сын может развестить с ней [3, с. 416].

Дети могут указать родителям на совершенную ими ошибку – делается это мягким голосом, с радостным лицом, «не дыша». Если это обращение не услышано родителями, тогда действуют с еще большей почтительностью, с еще большей сыновней любовью. Когда родители гневаются и даже может быть бьют до крови, сыну не следует показывать свое страдание, порицать родителей – напротив, он должен быть еще более уважителен по отношению к ним, наполнен еще большей сыновней любовью [3, с. 417].

Когда родителей уже нет в живых, сын, намереваясь совершить благородный поступок, непременно делает это – он думает о том, что таким образом дарует родителям доброе имя. Перед лицом же неблаговидного поступка почтительный сын избегает совершать его, думая о том, что это может принести родителям дурную славу [3, с. 418].

Домашние правила касались также взаимоотношений между представителями мужской и женской частей дома. Основополагающая, согласно «Нэй цзэ», в этой сфере установка такова: мужчины не вмешиваются в домашние/внутренние дела, женщины не обсуждают государственные/внешние дела [3, с. 415]. Свободное общение между обитателями внутренней и внешней половин дома было ограничено. Они не пользовались общими колодцами, помещениями для мытья, постельными принадлежностями. Не носили одежд друг друга, не брали друг у друга в долг и не одалживали. Мужчинам и женщинам запрещалось передавать друг другу из рук в руки какие-либо предметы, при необходимости сделать это передаваемую вещь или клали на землю, или женщина принимала ее в корзину – таким образом избегали непосредственного контакта рук. Когда мужчина находился во внутренних покоях дома, ему следовало вести себя спокойно – не свистеть, не показывать пальцем. Женщине, вошедшей в переделы внешней части дома, следовало скрывать свое лицо. При движении по дороге мужчины должны были придерживаться правой стороны, женщины – левой [3, с. 416].

Уделено в тексте «Нэй цзэ» трактата «Ли цзи» внимание и отношениям между невесткой и свекрами. Отношение к ним невестки – такое же уважительное, как к собственным родителям. Обо всех домашних делах невестка должна была справляться у свекра и свекрови, с готовностью и без лености выполняя все их указания. Даже намереваясь заняться собственными делами – неважно, большие они или маленькие – все равно следовало спросить на это разрешения у свекра или свекрови. Любые подарки, пожалованные невестке, она подносила родителям мужа и радовалась, если они принимали ее презент. Если же они возвращали подарок, невестке следовало отказаться, при невозможности это сделать, она принимала подарок с видом, будто впервые его получила [3, с. 418-419].

Проанализированный массив текста «Нэй цзэ», входящий в состав конфуцианского канонического трактата «Ли цзи», позволяет утвердиться во мнении о том, что в фокусе основных вопросов конфуцианства находятся проблемы социального взаимодействия, пути его налаживания, механизмы поддержания его функционирования. Раздел «Нэй цзэ» регламентирует разнообразные правила домашней жизни; оперируя понятиями *сяо*, *цзин*, конкретизируя и наполняя вполне определенным смыслом их содержание, составители текста подобным образом вырисовывают надежно функционирующую, идеальную

социальную структуру. Именно в налаживании такого совершенного социального механизма, в первую очередь на уровне семьи, кровнородственных отношений, кроется секрет стабильного и гармоничного развития государства.

Литература

1. Ван Э. «Ли цзи» чэн шу као [“礼记”成书考 / 王锷著。北京：中华书局]. Исследование о формировании [текста] «Ли цзи». Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй, 2007. 349 с.

2. Кейдун, И.Б. «Ли цзи»: перевод двенадцатой главы («Нэй цзэ») // Религиоведение. 2002. №1. С. 156 –164.

3. Ли цзи и чжу / Ян Тяньюй чжуань [禮記譯註 / 楊天宇撰。上海:古籍出版社]. «Ли цзи» с переводом и комментариями: В 2 т. / Сост. Ян Тяньюй. Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 2016.

***

Д.Г. Кукеев,
Элиста, Россия

«ДЖУНГАРСКОЕ» ПОГРАНИЧЬЕ КАК МЕСТО ПОЯВЛЕНИЯ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ, НАПИСАННЫХ ЧИНОВНИКАМИ И ССЫЛЬНЫМИ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ*

**Выполнено при поддержке внутривузовского гранта КалмГУ №1102 по теме «Изучение истории границ Китая и России в Центральной Азии: современная историография»*

Территория Джунгарии, находясь в центре Евразийской ойкумены, нередко была отмечена меняющимися ограничительными линиями или непостоянными границами различных племенных или государственных образований. Из Китая, это центральноазиатское пограничье, всегда манило паломников, послов, торговцев, шпионов, и брачных партнеров у правящих кланов, которые ездили по этому непростому маршруту. На этой территории, поразительным образом приспосабливались друг к другу и к окружающей среде, совершенно различные в хозяйственно-культурном отношении представители многих народов.

Пограничная зона была едва воспринимаемым пространством, где сливались всякие культурные идентичности и, при этом, сами же подвергались изменению, поскольку народы различного этнического и лингвистического происхождения взаимодействовали между собой в общих для них экономических и политических целях. Традиционно, большинство китайских чиновников считало эту среду враждебной, отвратительной и чуждой. Однако, движимая более политическими, нежели экономическими мотивами, и являясь маньчжурской по происхождению, Цинская империя XVII–XVIII века пыталась блокировать раз и навсегда этот неоднозначный, угрожающий пограничный опыт, посредством инкорпорации этой территории в пределы недвижимых границ отчетливого и определенного пространства, каким себя представляла империя.

Ликвидировав Джунгарское ханство в середине XVIII века цинские власти приступили к освоению и заселению обезлюдевшего пограничного региона Джунгарии, и стали обустраивать вновь завоеванные территории с «чистого листа». И сюда стали привлекаться различные слои общества – как провинившиеся перед цинским государством ссыльные преступники, участники тайных обществ, военные дезертиры, развратные администраторы, так и талантливые чиновники, которые были жертвами политической интриги. Все они на тот момент разделяли всю суровость центральноазиатской границы после ликвидации Джунгарского ханства. Таким образом, их проживание в Синьцзяне стимулировало создание таких сетей, которые охватывали трансрегиональные, культурные и межклассовые границы. Причем среди этих людей были образованные люди, оставившие письменные источники на китайском языке по истории ойратов.

Деятельность по «обустройству» бывшей Джунгарии напрямую подпадала под проводимую цинскими властями т.н. «литературную инквизицию»[2], распространяясь на все то, что носило информацию о джунгарах. Уничтожая собственно ойратские источники о Джунгарском ханстве, имперские власти осуществляли дальнейшее заполнение информационной пустоты официальными цинскими материалами, которые являлись результатом работы специально созданных для этой цели компилятивных комиссий. К таким материалам относятся «Циньчжэн пиндин Шомо фанлюэ» («Высочайше утвержденное описание усмирения земель к северу от пустыни») 親征平定朔漠方略, «Циньдин пиндин Чжуньгаэр фанлюэ» («Высочайше утвержденное описание усмирения джунгаров») 欽定平定準噶爾方略, «Хуан-юй Сиюй тучжи» («Высочайше утвержденное географическое описание Западного края с картами») 皇輿西域圖誌, «Дунхуа лу» («Записи из [павильона] Дунхуа») 東華錄, «Дунхуа Сюйлу» («Продолжение записей из [павильона] Дунхуа) 東華續錄, «Циньдин вайфань Мэнгу Хуэйбу вангун бяочжуань» («Биографии инородческих, монгольских и восточнотуркестанских князей, составленные по высочайшему предписанию») 欽定外藩蒙古回部王公表傳, «Хуанцин чжигунту» («Иллюстрации данников августейшей Цин») 皇清職貢圖, Циньдин Синьцзян шилюэ («Высочайше утвержденное описание Синьцзяна») 欽定新疆識略, и которые в большинстве случаев, будучи утвержденными самим цинским императором, носили официальный характер [5, с. 15].

Кроме вышеуказанных официальных цинских источников на китайском языке, имелся и другой вид источников по истории Джунгарского ханства – материалы частных лиц [6, с. 309 – 317]. В этой связи, представляется интересным выделить частные труды, написанные на территории бывшего Джунгарского ханства.

Так, отечественному востоковедению известны, например, такие труды частного характера, которые были составлены именно в Синьцзяне, а не где-либо еще в Цинской империи:

- «Сиюй вэньцзянь лу»西域聞見錄(«Описание виденного и слышанного о Западном крае»). Этот труд был написан маньчжурским сановником Ци Ши-и[3] и состоит из 8 цзюаней. К данным из этого источника прибегали практически все исследователи, которые затрагивали историю ойратов или Синьцзяна[4], что стало возможным благодаря переводу на русский язык всего памятника, выполненный Н.Я. Бичуриным (Иакинфом) [2]. Кроме перевода Н.Я. Бичурина, существуют переводы отдельных частей на русский язык, осуществленный С. Липовцовым для «Сибирского Вестника» 1820 – 1823 гг. Так, опираясь на русскоязычный перевод с маньчжурского материала, вышла в свет монография В.И. Колесника о перекочевке волжских калмыков на территорию бывшего Джунгарского ханства в 1771 г. [4].

Данное сочинение интересно тем, что уже в своем названии пытается показать свое некое отличие от материалов официального характера и автор труда, маньчжурский чиновник по имени Ци Ши-и предлагает читателю свой взгляд жителя пограничья на завоевание и инкорпорацию новых территорий в Центральной Азии под юрисдикцию империи Цин. Ци Ши-и, который получил степень «цзиньши» 進士[5] в 1754 г., служил чиновником низкого ранга, отвечающим за поставку зерна в будущем Синьцзяне. Он ярко рассказывает о борьбе за трон в Джунгарском ханстве после смерти Галдан-Цэрена (1745 г.), старается живописно описать этнополитические образования, граничащие с Цин в

[2] «Литературная инквизиция» начавшись после установления династии Цин в XVII в. достигла своего апогея в XVIII в. В 1769 г. появился указ двора о поисках книг, подлежащих уничтожению. С 1774 по 1782 г. были публично сожжены 13 862 книги, более 2000 книг были полностью или частично запрещены. См. [Доронин, Очерки, 1959, с. 530; Цзи Юнь, 1974, с. 15].

[3] Л.И. Думан считал, что настоящее имя автора не Ци Ши-и 七十一, а Чунь Юань 椿園, в то время как Ци Ши-и – это его возраст в 71 год [Думан, 1936, с. 33].

[4] Например, статья А. Бернштама является первой попыткой изложить особенности взаимоотношений цинских властей и киргизов с использованием этого источника [Бернштам, 1955, СС. 16 – 26]

[5] Цзиньши – высшая степень, присваиваемая лауреатам столичных экзаменов. Давала безусловное право назначения на любые должности.

Центральной Азии. В этом труде рассказывается о войнах цинского двора против ойратского Амурсаны, ходжи Джихана и Бурхан-ад-Дина, а также дается описание событий, напрямую связанных с приходом волжских калмыков на земли бывшего Джунгарского ханства. Под псевдонимом «Чунь Юань» он выступает в роли комментатора. К этому частному произведению впоследствии активно прибегали и Вэй Юань и Хэ Цютао в своих произведениях. Отличительной чертой при описании Джунгарского ханства является то, что автор «Сиюй вэньцзяньлу» сообщает о количестве убитых джунгаров в 1 миллион человек, вместо описанных позднее Вэй Юанем в 600 тысяч человек. [Perdue, 2005, p. 484]. Это произведение переиздавалось под различными названиями «Сиюй цзи» 西域記, «Сиюй со-тань» 西域瑣談, «И-юй со-тань» 異域瑣談, «Синьцзян цзилюэ» 新疆紀略, «Синьцзян вайфань цзилюэ» 新疆外藩紀略, а также «Сиюй цзунчжи» 西域總誌, которая была издана на Тайване в 1966 г.

- «Сиюй шуйдаоцзи» 西域水道記 («Записки о водных путях Западного края») был написан высокопоставленным цинских чиновником в Синьцзяне по имени Сюй Сун 徐松. Считается, что автор был монгольского происхождения, и в 1821 году опубликовал этот источник. Это произведение состоит из 5 цзюаней и, уделяя внимание на водяные анклавы Синьцзяна, автор памятника разделяет их на 11 озерных бассейнов. Сюй Сун анализируя сведения по ним, использует материалы по истории насельников региона, в том числе и джунгаров. Этот памятник имеется в сборнике материалов «Сяофанху Чжайчжай юйди цунчао» 小方壺齋輿地叢鈔(«Географический сборник кабинета Сяо Фанху») 1877 г. В 1967 году этот источник как репринтное издание был опубликован в Тайбэе, затем в 1993 году в Чжэнчжоу, в 2002 году в Шанхае, в 2005 году в Пекине, и в 2008 году в Урумчи. Из отечественных востоковедов к использованию «Сиюй шуйдаоцзи» прибегал дореволюционный исследователь В.Л. Успенский [9].

- «Сичуй цзунтун шилюэ»西陲總統事略 (Общее обозрение Западного края), автор – генерал-губернатор Или Сун Юнь, опубликовал его в 1808 г. Сам труд состоит из 12 цзюаней. По мнению ведущего специалиста по границам КНР Ма Дачжэна, несколько ранее название этого памятника значится как «Или цзунтун шилюэ» 伊犁總統事略 (Общее обозрение Или). Имеется еще один вариант этого источника: «Циньдин Синьцзян шилюэ» 欽定新疆識略 (Высочайше утвержденное описание Синьцзяна) 1821 года с предисловием цинского императора, что говорит уже о сугубо официальном, а не частном характере этого источника. Что касается истории джунгаров и «Сичуй цзунтун шилюэ», то в цзюане 12 рассказывается о древних обычаях элютов [8, с. 137].

Если вышеописанные сочинения были созданы чиновниками «на службе», то стихи и произведение «Юэвэй цаотан бицзи», отбывающего наказание в недавно образованном Синьцзяне каторжанина Цзи Юня можно выделить особняком.

Цзи Юнь紀昀 (1724–1805) уроженец Чжили, получил степень «цзиньши» в молодом возрасте 30 лет и скоро был назначен на престижную должность составителя в Императорской Академии Ханьлинь翰林書院[6]. Правда, впоследствии, следующие два года он провел в ссылке с 1769 до 1770 г. в Урумчи, отбывая наказание за свою причастность к делу о взяточничестве. После своего возвращения в столицу с имперской амнистией, он вернул себе статусное положение, став одним из главных редакторов большой имперской энциклопедии «Сыку цюаньшу» («Полное [собрание] книг по четырем разделам»). По пути обратно домой между Баркулем и Хами, путешествуя замерзшими дорогами и останавливаясь в одиноких лачугах, он написал 160 стихов о своем жизненном опыте на

[6] Ханьлинь-шуюань – это Государственная институция в традиционном Китае, совмещавшая функции культурного учреждения, императорской канцелярии по особо важным делам и органа идеологического контроля. В период правления династии Цин (1644–1911) при участии и под особым контролем Академии Ханьлинь активизировалась подготовка литературных сборников, антологий, словарей, энциклопедий, библиографических изданий, в т.ч. создано крупнейшее аннотированное описание императорских собраний книг — «Сыку цюаньшу» («Полное [собрание] книг по четырем разделам»). Академия была также органом литературной и театральной цензуры.

центральноазиатской границе в Джунгарии, позже изданной под названием «Улумуци цзаши» («Разные Стихи об Урумчи») 烏魯木齊雜詩[11,с. 150].

Стихи Цзи Юня отражают лично испытанную реакцию одного представителя цинской культурной элиты к еще необработанным, но бодрящим дух новым территориям, которые были присоединены к империи. В поэзии Цзи Юня, ощущается взволнованность, представленная, по его мнению, важностью новых завоеваний, которые проявили некие силы над человеком и природой. Он утверждал, что погода поменялась, с момента завоевания Джунгарии: Урумчи раньше имел обыкновение быть холодным и бесплодным, но теперь устланный домашними огнями, горящим от тысяч новых поселенцев из Китая, вся область стала более теплой. Он не проявлял ностальгии к утраченным культурам ойратов или тюрок-мусульман, и хвалил богатые урожаи в военных поселениях-колониях [12, p. 428].

Что касается его произведения «Юэвэй цаотан бицзи» 閱微草堂筆記(«Запись из хижины. Великое в малом»), то этот труд принадлежит к жанру «Чжигуай сяошо» 誌怪小說 («Рассказы о чудесах») для которого характерно описание необыкновенных случаев, и встреч с потусторонними силами. В нашем случае, интерес привлекают сведения об ойратах, которых Цзи Юнь отождествляет с т.н. «махачин». Ввиду своеобразного литературного жанра, в котором явь смешивается с вымыслом, иногда у Цзи Юня речь ойратских «махачин» на слух воспринимается как «шебетание птиц» и иногда проводится параллель с горными духами. Другим моментом вызывающим интерес является одежда «махачин». Цзи Юнь отмечал об одежде «махачин», что она была фиолетового цвета из тибетского сукна [10, с. 422].

Если давняя традиция «пограничной поэзии» средневекового Китая обычно изображала эту же границу как место несчастного изгнания, то у Цзи Юня, она приобрела значение дома, хотя и временного. Исчезнувшее Джунгарское ханство теперь сменилось Цинской империей. Эта перемена коснулась не только административно-хозяйственных отношений, но и кардинально поменяла культурную традицию региона. «Одомашненная» граница некогда существующей Джунгарии, теперь стала другим ресурсом, который теперь стал вдохновлять литературную традицию Цинской империи на пограничных территориях.

Литература

1. Бернштам А.Н. К вопросу происхождения киргизского народа // Советская Энциклопедия. 1955. №2. С. 16 – 26
2. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Описание Чжунъгарии и Восточнаго Туркистана в древнем и нынешнем состоянии. СПб: типография Карла Крайя, 1829.
3. Думан Л.И. Аграрная политика цинского (манчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1936.
4. Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003.
5. Кукеев Д.Г. Особенности сопротивления ойратов на заключительном этапе уничтожения Джунгарского ханства: «махачин» // 48-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч.1. М.: ИВ РАН, 2018. с. 13 – 22
6. Кукеев Д.Г. Китайские источники частного характера по истории Джунгарского ханства // 49-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч.1. М.: ИВ РАН, 2019. с. 308 – 317
7. Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн / Под редакцией Шан Юэ. М.: Вост.лит., 1959
8. Ма Дачжэн马大正, Ча Цзя-и 察家艺, Вэйлатэ-мэнгу ши жумэнь 卫拉特蒙古史入门 (Введение в историю ойрат-монголов). Синин: Цинхай жэньмин чубаньшэ, 1989.
9. Успенский В.М. Страна Кукэ-нор или Цин-хай с прибавлением краткой истории ойратов и монголовили Цин-хай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов. // Записки Императорского Русского Географического Общества. Т.6. СПб.: Типография В. Безобразова и Коми, 1880. 140 с.

10. Цзи Юнь. Заметки из хижины «Великое в малом» (Юэвэй цаотан бицзи). Пер. с китайского, предисловие, комментарий и приложения О.Л. Фишман. М.: Наука, 1974

11. Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644 – 1912). Edited by Arthur W. Hummel. Volume I. Washington: Government Printing Office, 1943.

12. Perdue P.C. China Marches West: the Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge, MA: BelknapPress, 2005.

***

К.В. Менкенова,
Элиста, Россия

ТИБЕТСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ, ПЕРЕВЕДЕННЫЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Тибетские народные сказки составляют колоссальный пласт фольклорной культуры Тибетского автономного округа КНР.

Тибетские сказки удивительно колоритны, поскольку культура Тибета удивительна и полна загадок.Стоит отметить, что попытки перевести тибетские народные сказки на русский предпринимались отечественными учеными относительно редко.

Отечественный ученый Григорий Николаевич Потанин в 1914 году издал перевод сборника тибетских народных сказок под названием «Тибетскиесказки и предания»[3, с.389-436] Сказки, вошедшие в этот сборник были записаны им в ходе экспедиции по китайской провинции Сы-Чуань в городе Тарсандо, на восточной границе Тибета в 1893 году.

Монгольский писатель и ученый Ц.Дамдинсурэн и основоположник советской бурятской литературы Х. Намсараев, о том, что на них оказало огромное влияние сочинение писателя, переводчика и буддийского просветителя Р.Номтоева(1821-1907гг.). Таким произведением стал самый большой и главный писательский труд Номтоева: «Капли Рашияна, питающая людей» [1, с.105-107] или «Прекрасный драгоценный сосуд» с комментариями к шастре поведения. Этот сборник был составлен из рассказов, притчей, сказок и басен с вкраплениями из индийской Панчататры, эпоса «Рамаяна».

Притчи РинченаНомтоева представляют собой комментарии к четверостишиям «Капли Рашияны». Для пояснения комментария РинченНомтоев приводит примеры из тибетских, индийских сказок и притч. Из 14 комментаторских примеров первой части «Комментариев РинченаНомтоева» половина представляет собой притчи о животных, сюжеты которых заимствованы их индийского фольклора, но присутствуют и некоторые тибетские сказки. К примеру «Сказка о четырех животных»:

Четыре животных хотели выяснить свой возраст. Долго спорили и оказалось, что куропатка старше всех, поскольку она в клюве принесла семя дерева, посадила его, ухаживала за ним. Звери согласились с ней и решили образовать пирамиду, чтобы нарвать плодов с верхних ветвей этого дерева. Так жили они в мире и согласии и страна не знала ни бед, ни страданий.

Тибетские сказки переведённые РинченомНомтоевым предположительно считаются одними из первых опубликованных на русском языке.

Одной из наиболее известных публикаций тибетских сказок, переведенных на русский язык, является сборник «Каменный Лев: тибетские народные сказки»[2, с.191] Справедливый Каменный Лев, глупый Лодуп, сметливый Ринчен и многие другие персонажи "Тибетских народных сказок" знакомят нас с необыкновенным миром тибетской народной культуры, традициями и обычаями.

Сборник «Каменный Лев: тибетские народные сказки» - это уникальное издание тибетских сказок. Уникальность его состоит в том, что пересказал сказки знаменитый ученый-тибетолог, друг и ученик Николая Рериха, Юрий Парфионович (1921-1990гг.). Сюжеты основаны на серьёзной научной базе, а сама книга проникнута вниманием к тибетской культуре.

В сказках встречаются иногда незнакомые слова, которые обозначают специфические тибетские предметы быта, но тут же, в сносках, они просто и подробно объяснены.

В книге 27 разножанровых сказок. Есть волшебные ("Чудесные зёрна" и др.), бытовые ("Как бедный юноша богача-вора поймал" и др.) и сказки о животных ("Почему у зайца губа раздвоенная" и др.). Некоторые сказки с популярными сюжетами (которые встречаются в сказках всех стран), а некоторые характерны только для тибетского народа.

В данном издании большое количество иллюстраций известного иллюстратора Рафаила Вольского. А также присутствует обширная вступительная статья"Страна снежных гор"[2, с.3-6]. Вилены СанджиевныДылыковой, тибетолога, кандидата филологических наук, ученицы известного учёного-востоковеда Юрия Николаевича Рериха. Во вступительной статье подробно описаны смыслы и мораль специфических тибетских сказок.

Еще один сборник тибетских сказок «Сокровище дракона. Старинные тибетские сказки»[4].был переведен на русский язык кандидатом филологических наук,старшим научным сотрудником Института восточных рукописей РАН Раисой НиколавнойКрапивиной. Этот сборник состоит из предисловия, выражения почтения, тридцати старинных сказок, собранных на территории княжества Сикким и послесловия.

В 2015 году Р.Н. Кравивина перевела и опубликовала еще один сборник тибетских народных сказок «Старый болван людоед: старинные тибетские сказки»[5], в который были включены тринадцать сказок: Царь Сорока, Месть за матушку зайчиху, Вор и лама, Ша-пхо-пхо и Ци-лук-лук, Старый болван людоед, Почему у зайца раздвоенная губа, Кошка с котёнком, Матушка Кхам-ю-ма, Царь в собачьей шкуре, Смерть Чжицзинмы, Сокровище дракона.

Р.Н. Крапивина в предисловии отмечает то, что сказки как часть тибетского фольклора привлекают внимание многих ученых, но по–прежнему остаются малоизученной ее частью по причине труднодоступности оригинальных текстов и отсутствия возможности непосредственного общения с информантами-сказителями Тибета.

Литература

1.Дугар-Нимаев Ц.-А. Гарчак Р.Номтоева к комментарию "Капли Рашияна". В кн.: Материалы по истории и филологии Центральной Азии, вып. 5, Труды Ш0Н, вып. 13. Улан-Удэ, 1970

2. Каменный лев: тибетские народные сказки / Рис. Р. Вольского ; Пересказал с тибетского Ю. Парфионович. - Москва: Детская литература, 1976

3. Потанин, Григорий Николаевич**.** Тибетские сказки и предания / Г. Н. Потанин. — Петроград: Типография Императорской Академии наук, 1914. — с. 389-436; 25 см. — Отд. оттиск из журнала "Живая старина" за 1912 (год 21). — Из личной библиотеки В. П. Домаевского

4.Сокровище дракона. Старинные тибетские сказки. М.: - Лосар, 2001-176с.

5. Старый болван людоед: старинные тибетские сказки / [пер. и сост. Р. Н. Крапивина]. - Санкт-Петербург: Бранко, 2015. - 173, [1] с. : ил.; 21 см. - (Старинные тибетские сказки); ISBN 978-5-903521-31-9

***

Д.Э. Молозаев,
Элиста, Россия

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТАЙВАНЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Тайваньская проблема остаётся одним из основных источников угрозы стратегической стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). В нынешнем виде тайваньская проблема сводится главным образом к противоположному видению США и Китаем политического будущего острова. Тем не менее в последнее время между

материковым Китаем и Тайванем налаживаются культурные, научные, туристические обмены и другие связи неофициального характера.

КНР и правительство Китайской Республики поддерживают связи на неофициальном уровне. Официальная позиция руководства КНР по вопросу объединения склоняется к формуле «одно государство, две системы»[8, с. 115-116], то есть присоединение Тайваня по образцу Гонконга и Макао, но с несколько большими правами (например, без размещения на его территории воинских частей КНР). Торгово-экономические связи между материковым Китаем и Тайванем развиваются очень динамично.

Тайвань тоже постепенно отошел от идеи триумфального возвращения на материк. Молодое поколение уже не ассоциировало себя со «старой землей», новые члены правящей верхушки местного происхождения и не думали возвращаться на историческую родину. В 1991 году лидер Республики Ли Дэнхуэй заявил о «прекращении всеобщей мобилизации для подавления коммунистического мятежа».

За этим шагом, равносильным де-факто признанию КНР, следовал вопрос: чем в таком случае является Тайвань по отношению к коммунистическому Китаю? С одной стороны, признать принцип «одно государство, два строя» и стать частью КНР было для Китайской Республики неприемлемо. С другой стороны, Пекин неоднократно заявлял, что не будет мириться с существованием «второго Китая».

Ответ Тайвань нашел в новой интерпретации «принципа одного Китая»: Китай един, если рассматривать его в историческом, географическом и культурном смысле, что бы это ни значило. Руководители Тайваня начали настаивать на сохранении статуса-кво и принятии сторонами ситуации такой, как она есть.

Несмотря на то что Пекин в ответ обвинил тайваньцев в сепаратизме, такой принципиально новый подход к ситуации снизил напряженность в регионе: стороны снова заговорили. В начале 90-х на Тайване появился Фонд обменов через (Тайваньский) пролив, а чуть позже в Пекине была создана Ассоциация связей через пролив. Две эти организации стали хоть и небольшой, но щелью в бетонной стене трех тайваньских «нет».

Перемены в отношениях открыли путь для развития экономических связей КНР и Тайваня. Однако принцип «трех нет» все еще действовал, а поэтому приходилось прибегать к обходным путям, и контакты в основном налаживались через Гонконг.

Впечатляющий экономический успех Тайваня и ослабление напряженности в отношениях с КНР, казалось бы, должны были задобрить островитян, но, на удивление, дали обратный эффект. Крайне усилились сепаратистские настроения. На президентских выборах в 2000 году победу одержала Демократическая прогрессивная партия (ДПП), которая отвергала принцип «одного Китая»[6].

Как ни пытался Пекин выстроить диалог, построенный на тщательно продуманных, но абстрактных формулировках, Тайбэй видел в действиях КНР капкан, попадись в который, Тайвань уже не смог бы из него выбраться. Ведь для мировой общественности принятие островом «принципа» будет равносильно признанию себя частью КНР.

В 2004 году победу на президентских выборах на Тайване одержал лидер ДПП Чэнь Шуйбянь. До вступления в должность глава государства категорично отвергал предложения Пекина по установке отношений в формате «центр — провинция». Несмотря на то что на посту президента Чэнь был вынужден отказаться от наиболее резких высказываний о провозглашении независимости Тайваня, он пробовал тактику так называемого «ползучего сепаратизма»: включил в законодательство закон о референдуме, подготовил так и не вышедшую Конституцию и аннулировал несколько программ по национальному объединению, которые Гоминьдан создал еще в 1990-е.

Одним из самых важных результатов президентства Чэнь Шуйбяня стало формирование новой тайваньской идентичности. Издавались новые учебники истории, власти вкачивали деньги в исследования на историко-культурные темы, организовывались выставки и семинары, посвященные самоопределению тайваньской нации. Согласно опросам

в 2006 году, 60 процентов жителей острова считали себя тайваньцами, а 33 процента — и тайваньцами, и китайцами[9].

Его действия заставили Пекин идти на более принципиальные меры и ужесточить политику в отношении острова: в прибрежных провинциях и на крупных реках начали проводиться показательные военные учения и размещаться ракетные комплексы. Отношения в очередной раз стали напряженными.

В начале XXI века Пекин хоть и пытался разрядить обстановку, на компромисс не шел. Непримиримо отстаивал свою позицию и Тайбэй. В итоге, несмотря на то что экономики по обоим берегам пролива начали сближаться, стороны оказались в политическом тупике.

В 2007 году к власти в КНР пришло новое поколение лидеров во главе с Ху Цзиньтао. Кнут в отношении Тайваня опять сменился пряником. Еще в 2005 году Ху выступал за мирное объединение острова и материка с «опорой на сознательность самого народа Тайваня»[10].

На выборах в 2008 году на острове власть вернулась к сторонникам «принципа одного Китая» — Гоминьдану во главе с президентом Ма Инцзю. Кто-то считает, что руку к этому приложил и Пекин, но очевидно скорее то, что избиратели устали от «игры в независимость» и зигзагообразных маневров предыдущего лидера. К тому же экономическая политика ДПП устраивала далеко не всех тайваньцев.

КНР протянула соседу руку мягкой силы и начала подталкивать остров в свою сторону: ослабила ограничения на тайваньские инвестиции, подписала с Тайбэем соглашение об экономическом сотрудничестве, а в граничащей с Тайванем провинции Фуцзянь создала особую экономическую зону.

Ху также сделал упор на укрепление культурных связей, начал переговоры о мирном соглашении и даже об умеренном участии Тайваня в международных организациях при условии, что тот не будет настаивать на концепции «двух Китаев» или «одного Китая и одного Тайваня». Спустя год лидеры сторон впервые за всю историю взаимоотношений обменялись прямыми посланиями.

В 2015-м мир, затаив дыхание, наблюдал за первой со времен эвакуации Гоминьдана на остров встречей глав республик. Лидеры КНР и Тайваня Си Цзиньпин и Ма Инцзю жали друг другу руки целых 80 секунд[5]. На Си, ставшего председателем КНР в 2012 году, возлагались большие надежды в выстраивании диалога с островом.

Если Пекин уже на протяжении довольно длительного времени вел последовательную политику, направленную на «втягивание» Тайваня в большой Китай, то внутри Китайской Республики мнения о перспективах сближения с КНР вовсе не были одинаковыми. Выросшая во время экономического расцвета молодежь совсем не питала иллюзий по поводу объединения китайской нации. В правительстве появились новые политические силы, подход которых был еще более радикальным.

Очки у правящей партии отнимала и новая политика «детайванизации» острова. В школах появились новые учебники истории, в которых подчеркивалась историческая и культурная принадлежность тайваньцев к материковой части Китая. Противоречивым было решение властей запретить обозначать остров как «Тайвань» в официальных документах и заменять название на «Китайскую Республику».

Электорат, очевидно, не оценил таких маневров Гоминьдана, и на президентских выборах в 2016 году победу одержала кандидат от Демократической прогрессивной партии Цай Инвэнь, став первой женщиной-президентом республики. Большинство мест в парламенте впервые занял не Гоминьдан, а ДПП.

Молодое поколение тайваньцев отвергает принцип «одного Китая», однако пока политические силы внутри республики решали, как воспринимать Китай, его мягкая сила уже пустила корни в сознание тайваньского общества. Несмотря на нежелание большинства в новом правительстве идти на поводу у Пекина, у Цай Инвэнь не осталось путей к отступлению. Пекин обеспечил себе статус главного торгового партнера Тайбэя, к тому же

вслед за ухудшением экономической ситуации на острове, падением уровня зарплат и ростом безработицы все больше тайваньцев начали смотреть в сторону стремительно развивающегося Китая.

В основе американской стратегии в тайваньской проблеме сохраняется тезис времён Корейской войны, озвученный тогда командующим «силами ООН» генералом Д. Макартуром, который заявил, что потеря острова «отодвинет наши границы до Калифорнии».

В нынешнем сложном комплексе американо-китайских отношений тайваньская проблема периодически актуализируется пока главным образом в ходе каждой новой сделки по продаже Тайбэю очередной партии американских вооружений. Более того, по формату подобной сделки можно судить о состоянии в данный отрезок времени американо-китайских отношений в целом.

В целом можно констатировать отсутствие каких-либо признаков появления такого варианта решения тайваньской проблемы, который более или менее устроил бы все заинтересованные стороны, то есть как КНР и Тайвань, так и США.

Хочется верить, что военные действия не станут одним из вариантов решения тайваньского вопроса. Тем более, что смысла прибегать к оружию нет, когда есть ресурс для решения проблемы лишь силой слова.

Литература

1. Войтенко Э., Лексютина Я. — Тайвань между Китаем и Америкой. «Россия в глобальной политике», № 1, январь-февраль 2011 г.

2. Волошина А.В. Тайваньский вопрос в современных китайско - американских отношениях. Проблемы Дальнего Востока.- 2016. №6. 80–93.

3. Зиновьев Г. В. История американо-китайских отношений и тайваньский вопрос. Томск: ТГУ, 2006. — 226 с.

4. Зиновьев Г. В. стратегическая неопределенность в тайваньском вопросе // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 7. с. 57–66

5. Историческая встреча глав Китая и Тайваня состоялась в Сингапуре. URL: https://ria.ru/20151107/1315694111.html Дата обращения: 30.09.2019

6. Корсун В. А. Президентские выборы на Тайване 2000 г. как этап в эволюции китайской государственности // Материалы научной конференции 4 мая 2000 г. «Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе». М., 2000.

7. Трифонов В. Тайваньский вопрос на современном этапе // проблемы дальнего востока. 2009. № 3. с. 28–36.

8. Цзяньсинь Я. Одно государство, две системы и будущее Тайваня. Пекин: Изд-во "Хуа Вэнь", 1989. С. 115 - 116.

9. Чэнь Цзявэй. Тайваньская идентичность: локальная, национальная, глобальная? URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/tajvanskaja_identichnost_lokalnaja_nacionalnaja_globalnaja_2013-12-03. Дата обращения: 25.09.2019

10. 10 важных событий, имевших место в Китае со времени 16-го съезда КПК. URL: http://russian.people.com.cn/31521/6281847.html Дата обращения: 27.09.2019

***

В.С.Никитенко, Н.В.Шорваева,
Элиста, Россия

ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ

Активное участие в международном гуманитарном сотрудничестве является одним из приоритетных направлений внешней политики каждого государства в контексте обеспечения своих национальных интересов на международной арене. При этом понятие международного

гуманитарного сотрудничества характеризуется всеобъемлющим наполнением и включает в себя межгосударственную кооперацию по вопросам культуры, науки, информации, спорта, туризма и др.

Национальные органы власти и международные организации осознают значимость гуманитарного сотрудничества, вкладывая в его развитие значительные финансовые средства. Государства практикуют «культурную дипломатию», продвижение национального языка и культуры на международном уровне, связь с соотечественниками за рубежом, основной цель чего является формирование положительного имиджа государства и, как следствие, возрастающий интерес других стран к сотрудничеству с ним на международном уровне.

В последнее время все большее значение в российско-китайском сотрудничестве приобретает именно гуманитарная составляющая, которая в последние два десятилетия стала включать в себя не только такие традиционные сферы взаимодействия, как культура и образование, но и здравоохранение, спорт, СМИ и туризм. Кроме того, после установления между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, гуманитарное сотрудничество, получив большую государственную поддержку, стало развиваться быстрыми темпами.

Основополагающим документом, обозначившим в 2001 году вектор и возможности развития гуманитарного диалога между Россией и Китаем, является Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. В соответствии с ним на сегодняшний день принято большое количество соглашений, меморандумов о взаимопонимании и программ сотрудничества на кратко- и среднесрочную перспективу между российским и китайским правительствами, а также отраслевыми ведомствами, курирующими вопросы культуры, образования, здравоохранения, туризма, спорта, СМИ.

Инфраструктуру гуманитарного сотрудничества, канализирующую множественные контакты общественности Российской Федерации и КНР, составляют Общество российско-китайской дружбы (учрежденное еще в 1957 году как Общество советско-китайской дружбы и переименованное в 1992 году), Русско-китайский фонд развития культуры и образования, Российско-китайский комитет дружбы, мира и развития, Российский культурный центр в Пекине (деятельность которого с сентября 2010 года обеспечивается Россотрудничеством), Китайский культурный центр в Москве (учрежденный в декабре 2012 года и поддерживаемый Министерством культуры КНР). Мощный импульс российско-китайскому гуманитарному партнерству придают представительства Фонда «Русский мир» в Китае (8 Русских центров и 5 Русских кабинетов), более двух десятков Центров русского языка в КНР и сеть Институтов и Классов Конфуция в нашей стране. Но наиболее значимым институтом, задающим направления углубления гуманитарных связей между Москвой и Пекином, является, безусловно, Российско-Китайская комиссия по гуманитарному сотрудничеству, действующая с начала 2000-х годов. Работа данной структуры, осуществляемая в рамках Подкомиссий по сотрудничеству в области образования, молодежной политики, культуры, здравоохранения, спорта, туризма, СМИ, кинематографии и Рабочей группы по архивному делу, покрывает фактически все пространство гуманитарных контактов между двумя странами.

За последние 10 лет Россия и Китай сделали мощный рывок в сфере гуманитарного взаимодействия. Добиться исключительных успехов странам удалось благодаря проведению серии перекрестных годов, существенно интенсифицировавших российско-китайские «народные» контакты: Года России в Китае (2006) и Года Китая в России (2007), Года русского языка в Китае (2009) и Года китайского языка в России (2010), национальных Годов туризма (2012–2013), Годов дружественных молодежных обменов (2014–2015) и сменивших их Годов национальных СМИ (2016–2017).

Динамично расширяется двустороннее сотрудничество в сфере культуры. Стороны совместно проводят выставки китайских и российских художников, фотохудожников, фотокорреспондентов, организуют концертные туры музыкальных коллективов, вечера, посвященные народным промыслам, юбилеям китайских и российских писателей, переводчиков и ученых. Дни, Недели и Сезоны российской и китайской народной культур, форумы городов-побратимов, совместные ярмарки, фестивали, мастер-классы по балету для китайской молодежи, обмены художественными коллективами и артистами, музейными и театральными работниками и сотрудниками национальных библиотек — все это усиливает взаимное культурное присутствие России и Китая. Внушительный перечень мероприятий в области культуры, в том числе направленных на укрепление прямых культурных связей между регионами России и Китая, закреплен в Программе сотрудничества между Министерством культуры Российской Федерации и Министерством культуры КНР на 2017–2019 годы. Отдельного

Нарастающими темпами развивается сотрудничество России и Китая в образовательном пространстве. Стороны прилагают значительные усилия к расширению совместной подготовки высококвалифицированных кадров по программам высшего и послевузовского профессионального образования. На базе национальных вузов организована деятельность совместных аспирантур. Сегодня успешно функционируют или находятся на стадии открытия совместные вузы России и Китая: учрежденный на базе партнерства МГУ имени М.В. Ломоносова и Пекинского политехнического университета Российско-Китайский университет в Шэньчжэне (КНР), Китайско-Российский институт Шелкового пути, созданный на базе сотрудничества Уральского государственного университета путей сообщения и Лючжоуского железнодорожного профессионально-технического училища, российско-китайский совместный Институт искусств в г. Вэйнане (КНР), соучредителями которого выступили Московский государственный педагогический университет и Вэйнаньский педагогический университет. Также осуществляют плодотворную деятельность совместный Китайско-Российский институт, учрежденный в 2011 году на базе Новосибирского государственного университета и Хэйлунцзянского университета, и действующий с 2015 года в рамках сотрудничества Санкт-Петербургского университета и Китайского народного университета в Пекине Центр российских исследований.

Поэтапное расширение двусторонней мобильности студентов и научно-педагогических работников до 100 тыс. человек к 2020 году (для сравнения, в 2016 году в КНР учились 17 тыс. российских студентов, а в России — 25 тыс. китайских), проведение летних языковых школ, создание совместных исследовательских лабораторий, реализация образовательных программ, включение в перечень Всероссийских олимпиад школьников олимпиады по китайскому языку и введение в российских школах в 2017 году ЕГЭ по китайскому языку — все эти инициативы выводят образовательный процесс в российских и китайских школах и вузах на качественно новый уровень и способствуют налаживанию дружественных связей между молодежью и академическими кругами России и Китая.

Российская Федерация и КНР, будучи странами с быстрорастущими фармацевтическими рынками, уделяют пристальное внимание сотрудничеству в области здравоохранения, включая санитарную охрану территорий, профилактику инфекционных и неинфекционных заболеваний, медицину катастроф (так, например, в 2016 году российская сторона провела обучение китайских коллег в целях подготовки специалистов международного класса в этой области), традиционную медицину, контроль за обращением лекарственных средств и пищевых добавок, санаторно-курортное лечение и обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Благодаря Российско-Китайской ассоциации медицинских университетов (РКАМУ) в составе 37 российских и 45 китайских вузов (по состоянию на март 2017 года) идет совместное освоение и применение новых медицинских технологий: методов регенеративной медицины, продуктов с использованием стволовых клеток, биомедицинских клеточных продуктов — а также налаживается сотрудничество в отдельных областях: педиатрии, офтальмологии и некоторых других.

Кроме того, стороны сегодня изучают возможность создания совместной ассоциации спасательных и медико-санитарных служб.

Развивается и спортивное взаимодействие между странами. На регулярной основе проводятся межвузовские и школьные соревнования и товарищеские матчи по футболу, баскетболу, шахматам, хоккею и другим приоритетным видам спорта. Развиваются прямые связи между российскими и китайскими спортивными федерациями, осуществляются взаимные визиты делегаций, тренеров и спортивных команд. В июле 2015 года в Иркутске были успешно проведены VI Российско-Китайские молодежные игры, а в Китае состоялась 3-я Российско-Китайская Конференция по спортивной науке. В декабре 2016 года в китайском Харбине прошли I Российско-Китайские зимние молодежные игры, а в 2017 году проведены VII Российско-Китайских молодежных игр — также в Китае. Стороны, кроме того, подтверждают намерения создать российско-китайскую рабочую группу по совместным исследованиям в области высших достижений спорта.

Важным вектором гуманитарного сотрудничества России и Китая также является сфера туризма. В первом полугодии 2019 года Китай вышел на 5-е место по популярности среди российских туристов. За такой же период Россию туристическими целями посетило 592 тысячи туристов из КНР, что на 152 тысячи больше, чем за аналогичный период 2018 года.

На сегодняшний день Москва и Пекин достигли серьезных успехов в области гуманитарного сотрудничества. Китайско-российский культурный обмен, осуществляемый под руководством и усилиями двух правительств, в последние годы набирает обороты. Обе стороны расширили масштабы и глубину образовательных и культурных программ посредством ряда мероприятий. Это не только изменило имидж Китая и России друг для друга, но и в определённой степени поспособствовало прогрессу сотрудничества двух государств в политической, экономической и других областях.

Литература

1. Вахитова Г.В. Гуманитарное сотрудничество стран ШОС: Университет ШОС // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Роль субъектов Российской Федерации в укреплении стран ЕАЭС и ШОС (на примере республики Башкортостан)» (14 апреля 2015 г.). Уфа: Башкирский государственный университет, 2015. С. 95–98
2. Вихрова А.Ю., Юймэн В. Сотрудничество в сфере образования как форма культурного обмена между Китаем и Россией // Проблемы науки. 2016. № 9 (10). С. 45–58. 6
3. Гревцева Г.Я., Рушанин В.Я. Россия и Китай: диалог в сфере культуры и образования // Вестник культуры и искусств. 2015. № 3 (43). С. 119–126.
4. Исаев А.С. Российско-китайские гуманитарные связи — важный компонент стратегического сотрудничества и взаимодействия (глава в книге) //Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем: современное состояние, проблемы и предложения. В 2 кн. М.: Форум, 2014. С. 207–219.
5. Сафронова Е.И. Гуманитарное сотрудничество стран-членов ШОС: значение, планы и реальность. Саарбрюкен: LAP LAMBERT, 2016.
6. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента России от 30.11.2016 № 640) // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/53384 (дата обращения: 23.03.2017).
7. Министерство здравоохранения Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: www.rosminzdrav.ru (дата обращения 23.03.2017).
8. Министерство иностранных дел Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: www.mid.ru (дата обращения: 23.03.2017).
9. Министерство науки и образования Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: http://минобрнауки.рф/ (дата обращения: 23.03.2017).
10. Министерство спорта Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: www.minsport.gov.ru (дата обращения: 23.03.2017)

***

Э.У. Омакаева, В.К. Егоров,
Элиста, Россия; Москва, Россия

МЕЖСТРАНОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ, КИТАЕ И МОНГОЛИИ: ПРОБЛЕМЫ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ*

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-22-03004-ОГН.*

Демографические проблемы, долгое время имевшие в мире преимущественно локальный или, как максимум, региональный масштаб, в XX в. встали в один ряд с такими глобальными проблемами, как экономические, экологические, военно-политические, коммуникационные и т.д.

Демографические изменения играют ключевую роль, оказывая огромное влияние на основные социально-экономические процессы. Для каждой отдельно взятой страны, да и для человечества в целом в различные исторические периоды эти изменения имеют ярко выраженную специфику, порождаемую неопределенным числом факторов антропогенного и природного свойства, прогрессивной и регрессивной направленности, с различными сроками и масштабами проявлений и т.д.

Как отмечают эксперты, «общемировые демографические тенденции особенно сильно проявляются в России» [8, с. 53]. Большой интерес в связи с этим представляют межстрановые исследования демографических процессов, в частности, выявление межстрановой корреляции и различий на примере трех соседей – России, Китая и Монголии.

Из всей совокупности вопросов, составляющих глобальную проблему демографии, в настоящем докладе рассматривается проблема старения населения, рассматриваемая на основе сравнительного анализа положения старшего поколения в России, Китае и Монголии. Анализ научной литературы по рассматриваемой проблеме свидетельствует о том, что заявленная проблематика еще не была предметом специального исследования.

Проблема стареющего населения [19] актуальна для многих стран мира, в том числе для России, Китая и Монголии. Выбор партнеров в исследовательском процессе в нашем случае вызван следующим соображением: помимо глобального характера проблемы, что уже по умолчанию предполагает широкое международное научное сотрудничество, результаты совместных научных исследований способны представлять особый практический интерес для стран-соседей со сходными этническими, социокультурными, конфессиональными, историческими признаками.

Особое значение совместные межстрановые исследования могут иметь для установления корреляции между демографической динамикой и внешней политикой государств. В силу этого представляется жизненно важным осуществление мониторингового анализа деятельности Российской Федерации, Китая и Монголии в демографической сфере, определения перспектив ее развития, постановки научно обоснованных задач, направленных на укрепление здоровья и увеличение продолжительности жизни населения, вовлечение пожилых людей в активную деятельность. И здесь важен учет опыта как двух соседних стран, так и мирового, в том числе в организации и проведении совместных с другими иностранными научными центрами исследований, основным содержанием которых могли бы стать сравнительный анализ демографической ситуации уже на глобальном уровне и прогноз ее развития на краткосрочную и длительную перспективу.

Тенденция старения населения стран-соседей сопряжена с целым рядом стратегических рисков, в том числе с рисками, связанными с неполным охватом насущных проблем старшего поколения и их адекватным отражением в стратегических и программных документах Российской Федерации, Китая и Монголии.

Жизнеспособность и устойчивость третьего возраста зависят от грамотной экономической, социальной и демографической политики государства, позволяющей пожилым реализовать себя и найти свою нишу. По оценке В.Г. Доброхлеб, в России примерно 20 процентов людей после достижения пенсионного возраста сохраняют свой ресурсный потенциал (востребованность и крепкое здоровье), оставаясь активными членами общества [3, 4, 5, 6].

Проблемы пожилых людей постоянно находятся в поле зрения российских, китайских и монгольских демографов, социологов, экономистов. Среди многих работ, посвященных заявленной теме, представляется полезным упомянуть коллективную монографию ученых Института социально-экономических проблем народонаселения РАН «Старшее поколение и будущее» [2014]. Для этой работы характерно удачное сочетание анализа эмпирических данных социологических исследований, статистических материалов с разработкой научно-теоретического аппарата и инструментария. В частности, создана методология, позволяющая провести градацию возрастных периодов для пожилых людей, критерием которой служит понятие ресурсного потенциала, дающего возможность анализировать качественные характеристики старших возрастных когорт. В.В. Локосов видит возможность преодоления демографического кризиса в актуализации интенсивного подхода, т.е. в перенацеливании демографической политики с количества на качество населения, в создании условий для полноценной реализации человеческого потенциала, в корректировке соответствующей политики с учетом стратегических интересов коренных народов России [9].

Одним из основных актов международной легитимации демографической проблемы в качестве мировой следует считать резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 37/51от 3 декабря 1982 года, одобрившую Международный план действий по проблемам старения. С целью конкретизации этого плана в 1991 г. были разработан специальный документ «Принципы Организация Объединенных Наций в отношении пожилых людей», в котором содержались, по сути, руководящие указания по вопросам, касающихся здоровья пожилых людей, их права на социализацию, возможностей реализации творческого потенциала и т.д.В дальнейшем проблема пожилых людей стала регулярной в повестке дня форумов ООН.

В мировом масштабе доля пожилых людей в 1950 г. составляла 8%, в 2000 г. уже 10% (примерно 600 млн. человек). Какой станет эта цифра к 2050 г.? По прогнозу ООН, удельный вес старшей возрастной группы (пожилого населения) будет расти, к 2050 г. эта цифра удвоится по сравнению с нынешним уровнем [22].

В статье Джоэл Э. Коэн «HumanPopulation: TheNextHalfCentury» отмечается, что к 2050 г. население будет старше, чем в 20 в. [18, p. 1172]. Прогнозируется, что к середине столетия (к 2050 г.) доля пожилых людей увеличится до 21%, т.е. число людей в возрасте старше 60 лет на нашей планете возрастет до двух миллиардов, тем самым впервые превысит число детей в возрасте до 15 лет. Речь идет об индексе старения, показывающем соотношение численности старших и младших возрастов.

Ведущие российские эксперты отмечают, что в возрастной структуре населения России произошли существенные изменения [5, с. 55]. Как известно, показателем возраста государства служит определенная процентная доля людей старше 65 лет в общей численности населения страны. Согласно классификации, демографически старым считается государство, где доля пожилых людей достигает 7%, а молодым — то, где она составляет не более 4%.

Россия перешагнула этот рубеж еще в 30-е гг. 20 в.: в 1939 г. число пожилых людей составляло 4,15%, в 1996 г. — 12,2%, в 2000 г. — 18,5%. Численность граждан пожилого возраста в Российской Федерации на начало 2017 г. составила свыше 36 млн. человек. По прогнозам, к 2025 г. люди старшего поколения составят более четверти в общей численности населения России[Предположительная численность населения Российской Федерации до 2025 года, 2005,с. 55]. А к 2050 г. численность пожилых людей в возрасте 60 лет и старше прогнозируется на уровне 37,2%, т.е. за полвека возрастет почти в 2 раза. Конечно, ситуация по российским регионам разнится. По данным переписи 2010 г., самым возрастным было

население Центрального федерального округа, самым молодым – Северо-Кавказского и Дальневосточного (средний возраст населения в наиболее молодых регионах России почти на 15 лет ниже).

Существуют различные подходы к классификации возрастных групп и особенностей определения пожилого возраста в целом.

О классической триаде «детство–взрослость–старость» говорить больше не приходится. Исследователи теперь различают две разные категории — «третий возраст» (до 75 лет) и «четвертый возраст» [21, 16, 17, 20].

Понятие третьего возраста связано с именем Питера Ласлетта. Британский историк одним из первых предложил разделить стариков на «the Young Old» («молодые старики») и «the Old Old» («самые старые»). В первом случае речь идет об активном старении.

Таким образом, «третий возраст» отодвинул на четвертое место настоящую старость, ассоциирующуюся с немощью и дряхлением. Само понятие старости претерпело качественные изменения, поскольку доля людей, достигших пенсионного возраста (60 лет для мужчин), как и продолжительность жизни граждан в целом, как мы убедились, ежегодно возрастает. Те, кого еще совсем недавно мы называли стариками, сегодня ведут активный образ жизни, продолжая работать и приносить пользу обществу.

У монголоязычных народов жизненный цикл традиционно разделяется на несколько больших периодов: детство (калм. *бəһ насн*), взрослость (калм. *идр насн*) и старость (калм. *көгшин насн*). В свою очередь каждый из этих крупных периодов состоит из различных стадий, обладающих своей культурной спецификой, в частности, выделяется внутриутробный возраст (калм. *ки насн*) [10,11].

Если мерилом человеческого века обычно считается 100 лет (достижение человеком данного возрастного рубежа считается порогом долгожительства), то, согласно лунно-солнечному календарю монголоязычных народов, таким маркером является 60-летний цикл. Приведенные примеры классификаций жизненного цикла человека указывают на существенные разночтения в возрастном делении в силу и национально-культурной специфики.

В Калмыкии проживает сегодня более 70 тыс. пенсионеров. Количество пожилых людей составляет четверть населения республики. Около трети пенсионеров Калмыкии (25801 чел.) продолжают работать. Более пяти тысяч жителей республики перешагнули 80-летний рубеж.

Демографическое развитие китайского и монгольского обществ также характеризуется изменением возрастной структуры населения и стремительным ростом числа лиц старше трудоспособного возраста.

В Китае уровень старения населения выше, чем в Европе. В 2017 г. в КНР насчитывалось240 млн чел. в возрасте старше 60 лет (17,3 % населения, ср. 7,4 % в 1950 г.). Прогнозируется, что к 2030 г. люди пожилого возраста будут составлять уже четверть населения страны.

Из-за проводившейся на протяжении нескольких десятилетий политики ограничения рождаемости этот вопрос приобретает все большую остроту [Вэйхуа 2009; Баженова, 2014; Изотов, Мотрич, 2014]. В январе 2015 г. официально была отменена политика «Одна семья – один ребенок». Выход из этой непростой ситуации правительство КНР видит в повышении пенсионного возраста, как это уже произошло в РФ и Монголии, привлечении трудовых мигрантов и внедрении роботизированных систем на основе искусственного интеллекта.

За последние 10 лет возрастной контингент Монголии увеличился на 21,9 %, в то время как численность всего населения страны увеличилась на 16,1 %. Демографический потенциал (отношение доли детей и подростков к населению старшего возраста) в Монголии значительно снизился за последние годы. В 1990 г. коэффициент составлял 4,85, а в 2010 г. уже 1,31. Средняя продолжительность жизни — 64 года у мужчин, 73 года у женщин.

Какие стратегические риски несет стареющее общество? Повышаются расходы на пенсионное обеспечение (это вызвало принятие правительством ряда непопулярных мер по

отношению к российским пенсионерам), увеличивается нагрузка на систему здравоохранения и т.д.

Как влияет складывающаяся ситуация на мировую и региональную экономику? Ведь не просто становится меньше количество трудоспособных лиц, но и сокращается численность активной молодежи, которая может заниматься предпринимательской деятельностью.

Как следствие сложившейся и прогнозируемой демографической ситуации, перед государством и обществом встают новые серьезные задачи, в частности, разработка активных технологий старения, чем и определяется актуальность заявленной проблематики.

Российская Федерация приняла ряд стратегических и программных документов, в том числе Стратегию действий в интересах граждан старшего поколения до 2025 г.

Ключевыми пунктами инициированного «Единой Россией» проекта «Старшее поколение» (2017–2022 гг.), в котором участвует 71 регион,в том числе Республика Калмыкия, являются содействие повышению качества жизни людей старшего поколения, формирование условий для их активного долголетия (развитие современных форм социального и медицинского обслуживания, расширение сферы услуг, повышение их качества и доступности), укрепление межпоколенческих связей, преодоление дискриминации в отношении пожилого населения страны.

Как отмечается в мартовском выпуске «Социального бюллетеня» за 2016 г. «Пожилое население России: проблемы и перспективы», «одним из существенных недостатков в формировании и реализации государственной политики в отношении пожилых людей является преимущественная ориентация не на стимулирование развития и использования собственного потенциала лиц старших возрастов, а на их социальную защиту посредством различных механизмов, в том числе путем организации социального обслуживания» [Электронный ресурс].

В январе 2017 г. в Монголии вступила в силу новая редакция закона «О социальной защите пожилых людей», в соответствии с которой началась реализация правительственной программы «Насны хишиг» («Дар долголетия»), в рамках которой правительство предоставляет людям пенсионного возраста финансовую поддержку в виде пособия два раза в год. Для реализации программы в госбюджет 2017 г. были заложены средства на сумму 20,5 млрд. тугриков ($8,2 млн.).

Сегодня ясно одно: перспективы развития страны, идеология межпоколенческих взаимоотношений, уровень культуры общества зависят от политики, проводимой рассматриваемыми государствами по отношению к этой возрастной группе.

Сравнительные межстрановые исследования позволяют каждой стране взглянуть на себя как бы со стороны, понять, в чем есть схожесть, а в чем отличия, более адекватно проанализировать демографическую ситуацию и спрогнозировать действенный вектор политики, грамотно и научно обоснованно ответить на современные демографические вызовы. Только системная демографическая политика будет способствовать решению стратегической задачи сохранения целостности государства. Необходима система административно-правовых, социально-экономических, информационных, психологических, организационных и прочих мер в различных сферах жизни: в здравоохранении, образовании, на рынке труда, в информационной, жилищной и градостроительной областях.

Литература

1. Баженова Е. С. Новые аспекты демографической ситуации в КНР //Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2014. С. 192-209.

2. Вэйхуа Л. Демографическая ситуация в КНР // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 2. С. 341-346.

3. Доброхлеб В. Г. Ресурсный потенциал старшего поколения в современной России: дис. М.: [Ин-т соц.-экон. пробл. народонаселения РАН], 2004.

4. Доброхлеб В. Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России //Социологические исследования. 2008а. № 8. С. 55-61.

5. Доброхлеб В. Г. Ресурсный потенциал старшего поколения России как основа новых социальных норм // Вопросы социального обеспечения. 2008б. № 22. С. 20-24.

6. Доброхлеб В. Г. Старение населения как фактор модели демографического перехода на примере современной России //Социологический альманах. 2012. № 3.

7. Изотов Д. А., Мотрич Е. Л. Демографические вызовы для экономики КНР // Россия и АТР. 2014. №. 3 (85).

8. Кудрин А., Гурвич Е. Старение населения и угроза бюджетного кризиса //Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 52-79.

9. Локосов В. В. Переход от экстенсивной к интенсивной демографической политике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. №. 3 (33). С. 57-68.

10. Омакаева Э. У. Магия и астрология в калмыцких обычаях и обрядах, связанных с рождением ребенка и первым годом его жизни // ALTAICA II. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. С. 101–111.

11. Омакаева Э. У. Родинный обряд и ритуалы детского цикла // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 229–249.

12. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2025 года. М.: Федеральная служба госстатистики, 2005.

13. Старшее поколение и будущее / Под науч. ред. чл.-корр. РАН Н.М. Римашевской: Коллективная монография. М.: Экономическое образование, 2014. 212 с.

14. Пожилое население России: проблемы и перспективы.Социальный бюллетень.Аналитический центр при правительстве РФ. Март 2016, 05. [Электронныйресурс] http://ac.gov.ru/files/publication/a/8485.pdf

15. Anderson B. A. Russia faces depopulation?Dynamics of population decline //Population & Environment. 2002. Т. 23. №. 5. С. 437-464.

16. Baltes P. B., Smith J. New frontiers in the future of aging: From successful aging of the young old to the dilemmas of the fourth age //Gerontology. 2003. Vol. 49. №. 2. Pp. 123-135.

17. Bowling A. Aspirations for older age in the 21st century. What is successful aging? // International Journal of Aging and Human Development, 2007, 64, 263–297.

18. Cohen J. E. Human population: the next half century // Science. November 2003. Vol. 302. № 5648. Pp. 1172-1175.

19. Gavrilov, L.A. and Heuveline, P. Aging of Population. In: Demeny, P. andMcNicoll, G. (eds). The Encyclopedia of Population. New York: Macmillan Reference. USA, 2003: 32-37

20. Koss C., Ekerdt D. J. Residential reasoning and the tug of the fourth age //The Gerontologist. 2016.

21. Laslett P. A fresh map of life: The emergence of the third age. Harvard University Press, 1991.

22. World population prospects, the 2000 revision // Document de Travail. 2001.

***

И.К. Очир-Гаряева, Т.В. Анкарлеева,
Элиста, Россия

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) — международное объединение стран участников, основанное 14 июня 2001 года, созданное для укрепления стабильности и безопасности на Евразийском пространстве.

Основанием для формирования данного сотрудничества стало географическое положение стран и система экономико-инфраструктурного порядка, а также общие ориентиры внешней политики, определяющие жизненно важные факторы взаимодействия между странами, но и многосторонние договоренности участников[3, с.251].Шанхайская организация сотрудничества является постоянно действующей межправительственной международной организацией, которая в свою очередь является ярким примером формы межгосударственного регионального взаимодействия партнерского типа. Региональный характер стран-членов содружества отражается в том, что их деятельность должна затрагивать интересы только государств конкретного типа. Партнерство в рамках ШОС – это активное кооперативное взаимодействие на основе совместного определения зон совпадения интересов, равнозначности мнений всех и каждого в отдельности, независимо от политических и экономических факторов, при полном сохранении и уважения самостоятельности субъектов партнерства в их внутренних делах и внешней политики[1, с.90].

Главный документ организации Хартия ШОС содержит основные цели и задачи сотрудничества. Такая уникальность взаимодействия стран в различных сферах, подтверждает факт функционирования действующих механизмов и институтов ШОС. Ведь сотрудничество носит многопрофильный характер, поэтому для регулирования различных отраслей деятельности организации создаются ведомства. Таким образом, ведомства осуществляют исполнение надлежащих им обязанностей, но и контроль над другими органами ШОС, отталкиваясь от выше сказанного можно сделать вывод, что организация использует метод разделения полномочий, для эффективного осуществления своих функций, но и схему сдержек и противовесов над другими органами. Основополагающим признаком объединения государств выступает равноправие всех ее членов, поэтому все вопросы и разногласия согласовываются с национальными координаторами стран сотрудниц, для окончательного принятия решения по той или иной деятельности.

Страны - участники оказывают друг другу всестороннею поддержку в вопросах, затрагивающих их общую безопасность. Сотрудничество в рамках ШОС не представляет собой военный блок между странами или открытое регулярное совещание по вопросам безопасности, а занимает промежуточную позицию [2,с.202]. Ей не присуще высокая степень политической взаимозависимости, так характерная для традиционных союзов. Хартия ШОС подразумевает своего рода мобилизационную готовность в противодействии кому-то, но не ведение военных действий по собственной инициативе против третьих лиц. С момента основания государства-члены ШОС в числе ключевых приоритетов деятельности определили совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, борьбу с незаконным оборотом наркотиков и оружия и другим видам транснациональной преступной деятельности. Прежде всего, данная цель является обоснованной, поскольку тенденция развития международной преступности приводит к их уровню возрастания по всему миру. Таким образом, ШОС создал крупнейшую систему взаимодействия оборонных ведомств и компетентных органов, ответственных за противодействие вызовам и угрозам безопасности, а значит за поддержание общих благоприятных условий для устойчивого развития.

Главной конечной задачей организации выступает развитие и процветание народов, проживающих на пространстве ШОС. Поэтому одним из важных и перспективных аспектов является сфера экономики и инвестирования долгосрочных проектов, таких как “Один пояс, один путь”, по созданию единого экономического и транспортного пространства. Развитие торгового и экономического сотрудничества стран участников представляет собой в большей степени перспективный вектор направления. В силу целого ряда причин совмещение экономических интересов государств - членов ШОС представляет собой достаточно сложную и трудоемкую задачу, свидетельством чему являются, например, растущая глобальная конкуренция за ресурсы и рынки сбыта, негативное влияние мирового финансово-экономического кризиса. Данное содружество стран оказалось в центре

разворачивающихся в Евразии масштабных экономических инициатив, что и преобразовало его в трансконтинентальную организацию, которая связывает различные регионы мира. Содружество стран создает комплекс нормативно-правовых актов для планомерного и эффективного партнерства участников, а также проводит совместную деятельность в сфере экономики и инвестирования.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что данное сотрудничество не является примером классической интеграции. Объединение стран - участников представляет собой обширную площадку для преодоления общих препятствий и целей, которых они хотят достичь. ШОС составляет основу евразийской интеграции, она обеспечивает этническое и цивилизованное многообразие стран - участников, что говорит нам об их единой самоидентификации[3,с.9]. Существует много различий между государствами в рамках сотрудничества, как в геополитическом плане, так и в экономическом, но члены организации взяли курс на устремленное взаимодействие по ключевым направлениям.

Влияние стран участников на мировую арену огромно, ведь они занимают действующие позиции во всех международных организациях, при этом они обладают полномочиями вступать в диалог с другими международными организациями, разделяющими их принципы и задачи, оказывая тем самым большое влияние на мировое сообщество. ШОС в современном обществе представляет собой мощную макрорегиональную модель объединения государств, охватывающую многие аспекты её жизнедеятельности.

В заключении отметим, что Шанхайская организация сотрудничества на данном этапе предусматривает содействие всестороннему и сбалансированному развитию стран - участников в различных направлениях посредством совместных действий на основе равноправного партнерства, а также координацию подходов при интеграции в мировое сообщество.

Литература

1. Алимов, Р. Шанхайская организация сотрудничества: глобальный профиль в международных отношениях / Р. Алимов; науч. ред. О.А. Зимарин. – Москва, 2018.- 90 с.

2. Зимонин В.П. Шанхайская организация сотрудничества и евразийское измерение безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: Материалы кругл. стола. — М.: Ин-т Дальн. Вост. РАН, 2008. — 202 с.

3. Курбанов, Р.А. Евразийская интеграция и право = EurasianIntegrationandLaw / Р.А. Курбанов. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. – 9с, 251с.

***

Д.Б. Петрова,
Элиста, Россия

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ:РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ ОПЫТ.

Введение.

Само понятие коррупция не новое. По толкованию советского лингвиста, доктора филологических наук, профессора Сергея Ивановича Ожегова коррупция–это подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей. Сколько существует на Земле государственное управление, столько и находятся желающие за определённую мзду нарушить закон. Как их только не называли: лихоимцы, взяточники - сути это не меняло. И боролись с ними во все времена. Только каждая историческая эпоха привносила в эту борьбу свой особый колорит, а в разных государствах, с учётом национальных особенностей, и свой стиль.

Рассмотрим современные взгляды на противодействие коррупции в нынешней демократической России и в КНР. И в РФ, и в КНР этому вопросу уделяется особое внимание. Наша страна после тяжелейшего кризиса 90-х годов, связанного с разрывом всех экономических связей после распада СССР, только восстанавливает свой потенциал: свою экономику и международный престиж. А экономическая мощь современного Китая позволяет ему строить амбициозные и грандиозные по размаху планы, такие как «Один пояс один путь». Коррупция же способна свести на нет все благие усилия, вот почему и противодействие коррупции – ключевое направление деятельности государственных органов и институтов.

Юридические нормы, регулирующие антикоррупционную деятельность, имеются практически во всех существующих правовых системах: общего, прецедентного, религиозного и социалистического права. В международном правовом пространстве приняты антикоррупционные конвенции как универсального, так и межгосударственного характера.

Российская Федерация и Китайская Народная Республика наряду с участием в таких международных и региональных организациях, как G20, БРИКС, ШОС и др., активно создают собственное антикоррупционное законодательство. На его формирование серьезное влияние оказывают различные факторы, как то: 1) ратифицированные страной международные договоры, 2) принадлежность к определенной правовой системе, 3) национальный правовой колорит.

В силу географической близости, длительных добрососедских отношений, широкого спектра других объективных и субъективных причин многие отечественные эксперты, а также ученые, специализирующиеся на изучении различных областей науки, обратили свои взгляды на нашего соседа — Китайскую Народную Республику. Уже проведено большое количество разнообразных исследований: исторических, культурологических, политологических, социологических и даже юридических. Однако вопросы правового регулирования противодействия коррупции в России и в Китае в сравнительно-правовой плоскости еще недостаточно хорошо изучены отечественными юристами.

В связи с этим представляю свою попытку провести сравнительно-правовой анализ законодательства России и Китая в сфере противодействия коррупции на предмет выявления основных тенденций его формирования и текущего состояния.

Хочу начать свой сравнительно правовой анализ с России.

В Российской Федерации процесс формирования антикоррупционного законодательства можно разделить на три основных этапа.

Первый этап — 1991—2000 гг. Этот период условно можно назвать постсоветским. В правовом поле происходила трансформация социалистического права и его адаптация к требованиям нового государства — Российской Федерации. Вопросы противодействия коррупции не стояли на первом месте, однако был принят ряд нормативных правовых документов по этому вопросу. Одним из первых стал Указ Президента РФ от 4 апреля 1992 г. № 361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы». Указ состоял всего из шести пунктов и во многом носил декларативный характер. Это был период, когда сколачивались состояния, на коррупцию смотрели сквозь пальцы, а особо засветившиеся на этом поприще понесли наказания позднее.13 июня 1996 г. принят Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ (в котором нашли закрепление такие составы преступлений коррупционной направленности, как «получение взятки» (ст. 290), «дача взятки» (ст. 291) и др.).

Второй этап — 2000 г. — декабрь 2008 г. Это период устойчивого экономического роста, развития международных, политических и экономических связей с зарубежными странами, что непосредственно отразилось на принятом в этот период антикоррупционном законодательстве: происходила широкая ратификация и имплементация положений международных антикоррупционных конвенций. Так, в 2006 г. Россия ратифицировала Конвенцию Организации Объединенных Наций против коррупции. Федеральный закон от 8

марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. На этом этапе страна активно наводила порядок на своей территории с международным терроризмом. Это стало первостепенной задачей – предотвращение терактов, обеспечение безопасности и спокойной жизни своих граждан. Для борьбы с коррупцией активно готовилась почва, в том числе и правовая. Общество к этой борьбе было морально готово.

Третий этап — декабрь 2008 г. — настоящее время.Это период принятия основной части законодательства в сфере противодействия коррупции в России.Продолжается ратификация международных конвенций и протоколов. На сегодняшний день 170 государств стали участниками Конвенции. Страны-участницы взяли на себя обязательства по внедрению квалифицированных антикоррупционных мер, которые влияют на национальное законодательство, институты и в целом правоприменительную практику.

Основным достижением в развитии законодательства в сфере противодействия коррупции в этот период можно считать принятие Федерального закона «О противодействии коррупции», который стал базовым законом для рассматриваемой сферы. В этом правовом акте впервые было дано легальное определение коррупции, что заложило прочную основу для дальнейшего развития отечественного антикоррупционного законодательства.

Коррупция определяется как злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица.Законом также определено понятие противодействия коррупции как деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Разработана Национальная стратегия противодействия коррупции, которая стала общим программным документом, ее положения должны последовательно конкретизироваться с учетом требований времени в Национальном плане противодействия коррупции на соответствующий период, а также в планах по противодействию коррупции федеральных государственных органов, органов власти субъектов РФ и муниципальных образований. Национальный план противодействия коррупции является документом, в котором закреплены конкретные меры противодействия коррупции в общероссийском масштабе.[1]

В настоящее время процесс формирования законодательства в сфере противодействия коррупции в России в целом завершен, происходит его дальнейшая детализация и внесение отдельных изменений в ранее принятые акты.

Антикоррупционное законодательство Китайской Народной Республики.

Процесс становления законодательства в сфере противодействия коррупции в КНР можно: разделить на три этапа.

Сразу после образования КНР в 1949 г. коммунистическая партия и правительство взяли курс на борьбу с коррупцией и строительство неподкупного правительственного аппарата. Были созданы государственные прокурорские органы, органы правительственного контроля и органы по проверке дисциплины в рядах Коммунистической партии Китая.

Разработаны и приняты Правила наказания за коррупцию от 18 апреля 1952 г., ставшие первым нормативным правовым документом в правовой системе КНР, посвященным противодействию коррупции. Dejure документ называется Правила, но defacto — он имел статус закона. Примечательно, что Правила были приняты на два года раньше, чем первая Конституция КНР (в 1954г.). Документ утратил юридическую силу в связи с решением ПК ВСНП от 24 ноября 1987 г. «О ревизии законодательства, принятого до 1978 г.». Надо отдать должное нашим соседям: получив в наследство страну, растерзанную во 2 мировой войне, они не только восстанавливали и отстраивали заново своё народное хозяйство, но и не забыли об антикоррупционном законодательстве.

Первый этап — начало проведения политики реформ и открытости, привлечения внешних инвестиций. В конце 70-х гг. XX в. в Китае началась реализация нового курса — политики реформ и открытости. В этот период была осуществлена трансформация государственных и общественных институтов от плановой и закрытой системы к более открытой, что потребовало новых подходов к противодействию коррупции, так как проявления ее резко возросли. Для этого были сформированы специальные ревизионные органы, а на законодательном уровне приняты в 1979 г. Уголовно-процессуальный кодекс КНР и в 1997 г. Уголовный кодекс КНР (ст. 155 «Коррупция», ст. 185 «Взятка» и др.). Юридические конструкции статей УК, связанных с коррупцией, были относительно несовершенны и носили декларативный характер.[5, с. 162-163]

Второй этап — строительство социалистической рыночной экономики с китайской спецификой и усиление процессов глобализации. В 90-е гг. XX в. в Китае активно осуществлялось построение социалистической рыночной экономики, проводилась работа по привлечению иностранных инвестиций. Это был период чрезвычайно низких цен на нефть-основной энергетический ресурс и наши соседи его использовали сполна для развития собственной экономики. Правильно – куй железо пока горячо! В связи с этим были изменены старые и приняты новые законодательные акты, имплементированы положения международных конвенций в сфере противодействия коррупции, отмывания денежных средств. В частности, 27 октября 2005 г. на 18-м совещании ПК ВСНП 10-го созыва был ратифицирован документ о присоединении Китая к Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. Конвенция была ратифицирована КНР в отличие от других стран полностью и без изъятия отдельных статей. В 2006 г. принят Закон КНР «О борьбе с отмыванием денег», который создал законодательную базу для предупреждения и пресечения преступлений по отмыванию денег и связанных с ними иных преступлений; с 1 января 2006 г. вступил в силу Закон КНР «О государственных служащих». В органах прокуратуры были созданы специальные подразделения по борьбе с коррупцией, профилактике и предупреждению должностных правонарушений. Приняты меры, запрещающие правительственным, полицейским и военным структурам заниматься предпринимательской деятельностью.[4]

Третий этап — с 2010 г. по настоящее время. Этот этап выделяется в связи с тем, что по заявлениям руководства КНР социалистическая правовая система с китайской спецификой к концу 2010 г. — началу 2011 г. в общем плане была сформирована, включая основные подотрасли, отрасли и институты права. В октябре 2014 г. на пятой Конференции государств — участников Конвенции ООН против коррупции в Вене представлена Государственная стратегия борьбы с коррупцией КНР. Содержание Стратегии по сравнению с российским аналогом относительно небольшое: весь документ состоит из пяти пунктов. Коммунистическая партия Китая разработала программные документы по противодействию коррупции: План работы по созданию и совершенствованию системы профилактики и противодействию коррупции на 2008—2012 годы, План работы по созданию и совершенствованию системы профилактики и противодействию коррупции на 2015—2019 годы.[3]

Нормотворчество в сфере противодействия коррупции в КНР, в основном, сосредоточено на внутрипартийном уровне. Нормативные положения содержатся в

различных разрозненных актах правотворчества, в многочисленных подзаконных актах. К основным причинам, обусловливающим отсутствие единого законодательного акта о противодействии коррупции в законодательстве КНР, можно отнести чрезвычайную сложность разработки такого нормативно правового акта применительно к правовому пространству КНР. В частности, существует ряд проблем технологического характера при нормативном регулировании:

во-первых, в юрисдикции КНР недостаточно четко разработана система декларирования доходов чиновников, в различных ведомствах применяются свои правила; во-вторых, отсутствует единый подход для определения максимального размера денежной стоимости подарков чиновникам; в-третьих, существует проблема совмещения должностей и наличия так называемой «второй» работы у большого числа государственных служащих. Определенная часть документов, регулирующих рассматриваемые вопросы, принимается местными органами государственной власти и управления.[2]

Отметим еще один интересный документ — «Правила из восьми пунктов», которые были приняты китайским руководством еще в 2012 г. и стали своеобразными этическим нормами поведения чиновников по различным направлениям, включая такие сферы, как поездки, собрания, обмен опытом за счет принимающей стороны и т. д. На практике имеется большой массив примеров поведения чиновников, которые связаны лишь с небольшими отступлениями от этих правил, например посещение дорогих закрытых клубов, организация роскошных свадеб для своих детей и т. д. Сам по себе такой факт не означает, что эти люди автоматически подозреваются в коррупции, но подразделения по проверке дисциплины и контролю имеют право провести с ними разъяснительную беседу — с вынесением, например, предупреждения, а при наличии серьезных обстоятельств некоторым из чиновников предлагают уволиться по собственному желанию. Практика по коррупционным делам в Китае показывает, что многие коррупционеры обычно начинают с малого: с угощения за чужой счет, принятия дорогих подарков и т. д., а затем шаг за шагом погружаются в бездну коррупции.В связи с этим руководство Китая стремится упорядочить повседневную деятельность чиновников и ликвидировать причины и условия, порождающие коррупцию, не столько путем принятия новых нормативных актов, а больше практическими мерами, связанными с различными ограничениями и запретами. Также в Китае реализуются специальные программы по розыску и возвращению «беглых» чиновников, например программа «Небесная сеть». Так, за период действия этой программы власти КНР смогли вернуть на родину 2566 бывших чиновников и депутатов, подозревающихся в различных коррупционных правонарушениях. В числе возвратившихся казнокрадов 39 были из списка «100 самых крупных коррупционеров Китая». 1283 преступника сдались китайским властям самостоятельно, написав явку с повинной. Вместе с уличенными в коррупции чиновниками власти КНР смогли вернуть в бюджет порядка 1,25 млрд долл. коррупционных активов. Данная программа способствовала тому, что число беглых госслужащих постепенно сокращается: если в 2014 г. страну пытался покинуть 101 коррупционер, то в 2016 г. — только 19.

Заключение.

Подводя итоги исследования, отметим, что, во-первых, законодательство в сфере противодействия коррупции в Российской Федерации и Китайской Народной Республике прошло несколько этапов (в РФ-3, в КНР-4).

Во-вторых, законодательство в сфере противодействия коррупции в Российской Федерации и Китайской Народной Республике в основном уже сформировано. Однако в правовой системе России уже принят Федеральный закон «О противодействии коррупции», а в правовом пространстве КНР пока подобного, специально посвященного вопросам борьбы с коррупцией базового законодательного акта нет.

В-третьих, в Китае в сфере противодействия коррупции широко используется подзаконное нормотворчество и нормативные акты внутрипартийного характера, которые можно отнести к нормативным актам общенационального характера. В России же

законодательство в сфере противодействия коррупции четко подразделяется на федеральные нормативные правовые акты, законы и нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов РФ и муниципальные правовые акты.

В-четвертых, отметим, что власти КНР помимо законодательных процедур широко применяют специальные программы по розыску и возвращению «беглых» чиновников. Такие мероприятия привели к возвращению 2566 бывших китайских чиновников и депутатов, подозревающихся в различных коррупционных правонарушениях, и способствовали значительному снижению числа уличенных в коррупции чиновников. Данный подход представляет определенный интерес для соответствующих российских органов, например Росфинмониторинга, и требует дальнейшего научного осмысления с целью изучения возможного применения в отечественной правоприменительной практике.

В завершении хочется сказать, что результаты антикоррупционной работы можно оценить только на деле. Крупный коррупционный скандал в своё время был связан со строительством Панамского канала. То, что место это в торговом, политическом и военном смысле ключевое понимали многие, но канал первыми спроектировали и начали строить французы. Однако в связи с хищениями завершить его строительство французам не удалось. Проект перекупили американцы, они его завершили и по сей день благополучно получают от него прибыль. Давайте посмотрим на карту. Граница между Россией и Китаем почти на всём протяжении- речная. По реке Амур и её притоку реке Уссури. Пограничные переходы были временными и зависели от метеоусловий. Это не соответствует ни вызовам времени, ни уровню наших взаимоотношений, которые на сегодняшний день носят характер стратегических. Поэтому и началось строительство автомобильного и железнодорожного мостов через Амур (Благовещенск — Хэйхэ и Железнодорожный мост Нижнеленинское — Тунцзян). Это строительство в нынешнем году в железнодорожной части уже завершено, а в автомобильной завершается. Хочется верить, что такие масштабные проекты, в срок согласованные и построенные, обошлись без коррупционной составляющей.

Литература

1. [Законодательство в сфере противодействия коррупции:Россия и Китай (сравнительно-правовой аспект)СевальневВ.В] // [сайт научная электронная библиотека «киберленинка»] – URL:https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelstvo-v-sfere-protivodeystviya-korruptsii-rossiya-i-kitay-sravnitelno-pravovoy-aspekt

2. Противодействие коррупции: Новые вызовы: монография / под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2016.с. 58

3. Севальнев В.В., Законодательство в сфере противодействия коррупции: Россия и Китай сравнительно-правовой аспект журнал // "Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения",2017. № 3[сайт научная электронная библиотека «киберленинка»] – URL:https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelstvo-v-sfere-protivodeystviya-korruptsii-rossiya-i-kitay-sravnitelno-pravovoy-aspekt

4. Сухаренко А. Н., Трунцевский Ю. В. Китайский опыт борьбы с коррупцией: состояние и тенденции // Международное публичное и частное право. 2016. № 4.с. 12

5. Цирин А. М., Севальнев В. В. Управление на основании верховенства права в Китае // Журнал российского права. 2015. № 2. С. 162—165.

***

В.С. Тараскаева,
Элиста, Россия

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Миграция населения – одна из главных научных и практических проблем современного развития, это не только переезд населения с одной территории на другую, а сложный и неоднозначный процесс, который затрагивает многие стороны

жизнедеятельности государств и народов и порождает массу проблем, связанных с управлением миграцией, а именно, такие проблемы как обеспечение мигрантов медицинским обслуживанием, жильем, работой, а зачастую и одеждой, пропитанием. Кроме того, остро встает проблема психологического состояния мигрантов, которая связана с адаптацией на новом месте.

Китай является страной с самой динамично развивающейся экономикой. Особенность миграционной политики этого государства заключается в том, что на фоне избыточного отбытия за рубеж китайской рабочей силы в самом Китае в последнее время наблюдается: 1) строгая борьба с незаконной миграцией, жестко пресекаются малейшие попытки увеличить население Китая за счет несанкционированного въезда в него мигрантов; 2) активное привлечение из-за границы высококвалифицированных специалистов для использования их в разных сферах производства.

Разберем вышеназванные пункты подробнее. Одним из основных особенностей миграционной политики Китая является строгая борьба с незаконной миграцией, а именно борьба с незаконным въездом, проживанием и работой в Китае или с так называемыми «тремя нелегальностями». В Законе «О контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев», вступившим в силу с 1 июля 2013 г., усилена административная ответственность лиц, нарушающих пограничный режим и режим пребывания на территории Китая: нелегальные мигранты могут быть оштрафованы на сумму до 10 000 юаней (91 тыс. р.) или арестованы на срок до 15 дней. Нелегальная трудовая деятельность мигранта наказывается штрафом в размере до 20 000 юаней (182 тыс. р.) а его работодатель обязан выплатить в 2 раза меньше[6]. В регионах, где наблюдается огромное число незаконных мигрантов, часто проводятся спецоперации против нелегалов, на пример «100 дней разгона» в приграничных регионах Китая и др. Приказ покинуть Китай может быть отдан наряду со штрафом или задержанием.

Закон «Об управлении въездом и выездом» (2012 г.) также привлекает к ответственности тех, кто оказывает помощь несанкционированным мигрантам. Штраф в 5000 юаней (45 тыс. р.) может взиматься с лиц, предоставляющих фальшивую документацию или квалификацию не имеющим права иностранцам. Согласно ст. 45, любой, кто знает иностранцев, которые пребывают, проживают или работают на нелегальном основании в Китае, должен уведомить местное бюро общественной безопасности. Некоторые местные органы власти пошли дальше в мотивировании граждан к борьбе с «тремя нелегальностями». В провинции Гуандун местные положения предусматривают, что осведомители будут вознаграждены.

Некоторые из инструментов, используемых для контроля иностранцев, первоначально были предназначены для управления собственным населением Китая, например, система регистрации домашних хозяйств. Иностранцы должны зарегистрировать арендуемое жильё в местном полицейском участке в течение 24 часов с момента прибытия. Таким образом, местные власти располагают информацией о том, где живут иностранцы и когда истекает действие их визы. Это используется для контроля соблюдения иммиграционного законодательства. Закон 2012 г. налагает штраф в размере 2000 юаней (18 тыс. р.), т.е. правительство управляет расселением иностранцев путём отказа регистрировать проживание иностранцев в определённых районах**[**4].

С момента вступления в силу Закона 2012 г. до сих пор сложно оценить последствия его применения на практике. Отметим, что на сегодняшний день сохраняется объективная необходимость дальнейшего совершенствования миграционного законодательства КНР с целью его окончательной унификации и интеграции.

Одним из основных особенностей миграционной политики Китая является привлечени**е** иностранных специалистов. Китайское правительство принимает целый комплекс мер.

Во-первых, оно активно призывает к возвращению в Китай своих граждан, обучившихся за границей. Правительство разработало систему льготных мер, позволяющих

перенаправлять потоки трудовых мигрантов из-за границы в Китай (создание парка вакансий для китайских граждан, которые учились за границей, выделение им пособий, компенсирующих расходы, связанные с возвращением на родину и т.п.).

Во-вторых, китайское правительство стало активно стимулировать иммиграцию в Китай иностранных специалистов. В целях облегчения процедуры получения вида на жительство в Китае было принято Положение «О регулировании выдачи иностранным лицам вида на жительство в Китае» (2004), предоставившее право постоянного проживания в КНР высококвалифицированным специалистам, работающим на совместных предприятиях; крупным зарубежным инвесторам; лицам, внесши**м** большой вклад в развитие страны; членам воссоединяющихся семей (при этом право распространяется как на супругов и детей, так и на дальних родственников).

В 2012 г. вступил в силу «Перечень прав и социального обеспечения, предоставляемых иностранцам, имеющим вид на жительство в Китае», установивший, что у иностранцев, при наличии права постоянного жительства, такие же права и обязанности, как и у всех китайских граждан. Данный порядок распространяется на все жизненно важные правовые аспекты и вопросы благосостояния, в том числе в области работы, учебы и покупки недвижимости[8].

Закон «О контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев» (2012) и подробные Правила «Контроля за въездом в страну и выездом из страны иностранцев» (2013) создали режим благоприятствования для въезда в страну и работы в ней иностранных специалистов и инвесторов. По сравнению с предшествующим режимом появились новые разновидности виз: коммерческая виза (M); виза членам семей граждан Китая или имеющим вид на жительство иностранным гражданам, которые приезжают в Китай в целях воссоединения с семьей или осуществления опекунства (Q1); виза для приезжающих в Китай к родственникам (Q2); виза специалиста (R); гостевая виза для родственников иностранца, работающего или обучающегося в Китае (S). Однако следует отметить, что не существует унифицированных процедур или квалификационных критериев, и в настоящее время виза выдаётся в зависимости от индивидуальной ситуации.

В 2008 г. на государственном уровне была разработана специальная программа «Тысяча талантов», в целях привлечения в Китай высококвалифицированных кадров, научных исследователей высокого уровня и предпринимателей научно-технических предприятий. Китайское правительство выделило специальные пособия и компенсировало расходы иностранным специалистам, предоставив им «сверхнациональный статус», льготы и преференции в различных социальных услугах. За 2008–2017 гг. более 6000 иностранных экспертов, предпринимателей и соотечественников, добившихся высоких научных результатов за границей, воспользовались этой программой и внесли вклад в развитие Китая.

Кроме того, образовательная миграция из КНР также стремительно развивается и за период 1979–2010 гг. она выросла в 200 раз. Предполагается, что в дальнейшем по ходу роста экономики в государстве будет появляться больше состоятельных людей, которые получат возможность отправлять детей на обучение за рубеж. Поэтому следует ожидать роста трансграничных миграционных потоков этой сферы из Китая. По прогнозам исследователей Сингапура, количество студентов из КНР только в Великобритании к 2020 г. возрастет до 230 тыс. человек (для сравнения в 2004 г. их было 35 тыс.).

Современная проблема народонаселения и экономическая ситуация в Китае заключается в давлении населения на производительные силы, поэтому руководство КНР поощряет трудовую эмиграцию своих граждан. Китайская Народная Республика является крупным экспортером рабочей силы. В 2005 году более 550 тыс. китайцев работали за рубежом**[**1, с. 32], в 2007 году – уже более 600 тыс. китайцев, сегодня за границей работают десятки тысяч китайских компаний и предприятий, а инвестиции Китая за рубежом в 2016 году превысили 100 млрд. долларов[5]. При этом китайские трудящиеся-мигранты, в основном, были посланы за границу государственными предприятиями, имеющими контракты на осуществление строительных проектов за рубежом. В Японии, Австралии,

США и других странах мира живут китайские студенты, которые, кроме учебы, заняты в сфере услуг.

Интенсивная внутренняя трудовая миграция стала главным драйвером урбанизации на современном этапе развития Китая. Общей тенденцией этапов урбанизации является постепенное смягчение административных барьеров, которые превратились из сдерживающего фактора миграции в элемент социального неравенства китайского общества. Основным направлением современной миграционной политики является перераспределение потоков трудовой миграции из крупнейших городов страны в малые и средние.

В настоящее время массовое перемещение населения стало одним из наиболее важных явлений, оказывающих влияние на социально-экономическое развитие Китая. Экспорт рабочей силы из КНР связан с динамикой внутреннего рынка труда и конъюнктурой на рынках труда за рубежом. Внешняя трудовая миграция рабочей силы из КНР призвана смягчить положение на внутреннем рынке труда, а также содействовать притоку инвестиций и ресурсов, передаче новейших технологий и росту экономического могущества Китая в целом, что является частью долгосрочной экономической стратегии.

Литература

1. Анохина Е.С. «Новая» китайская миграция и политики КНР по ее регулированию в 1978-2008 гг.: автореф. дис. … канд. истор. наук. – Томск, 2010. – 32 с.

2. Волох В.А. Мировые цивилизации: миграционная политика Китая и возможность её применения в России // Либерально-демократические ценности, 2018 №2, https://liberal-journal.ru/PDF/01PLLD218.pdf (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

3. А. В. Морин. Миграционная политика Китая // Вестник Уфимского юридического института МВД России 2016 № 4/ - 12 с.

4. Синь Чуньин, Хуан Вэй. Zhonghuarenmingongheguochurujingguanlifajiedu // Анализ Закона КНР об управлении въездом и выездом (30.06.2012). Китайское юридическое издательство, 2012.

5. Глава МИД Китая назвал векторы внешней политики страны на 2016 год // Риа. Новости. – 08.03.2016 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ria.ru/world/20160308/1386731634.html.

6. [Закон о контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев (пункт № 60)] // [сайт Центрального народного правительства КНР]. – URL: http://www.gov.cn/ flfg/2012-06/30/content_2174944.htm (дата обращения: 22.10.2018).

7. [Положение о регулировании выдачи иностранным лицам вида на жительство в Китае] // [сайт Управления въезда и выезда Министерства общественной безопасности КНР]. – URL: http://www.mps.gov.cn/n16/n84147/n84181/1043045.html (дата обращения: 22.10.2018).

8. [Уведомление о публикации «Перечня прав и социального обеспечения, предоставляемых иностранцам, имеющим вид на жительство в Китае»] // [сайт Министерства трудовых ресурсов и социального обеспечения КНР]. – URL: http://www.mps.gov.cn/n16/ n1282/n3508/n2173912/3445263.html (дата обращения: 22.10.2018).

***

М.С. Уланов, Г.В. Уланова,
Элиста, Россия

ЖЕНЩИНА В БУДДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ ИНДИИ И КИТАЯ*

**Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект №18-011-00128 «Женщина в буддийской культуре: традиции и современность».*

Говоря об отношении к женщине в буддизме, необходимо отметить, что индийское общество в период появления данной религии было крайне патриархальным и склонным во всём подчёркивать превосходство мужчин. Впрочем, необходимо отметить, что такое положение дел сложилось только в период господства брахманизма. В более ранний,

ведический, период индийское общество было еще не столь патриархальным как в брахманский. В ведическую эпоху сохранялось влияние местной, доарийской религиозной традиции, где женщины занимала достаточно высокое, хотя и не доминирующее положение. Так, например, рождение дочерей не рассматривалось как проблема для семьи. Высокий статус женщины подкреплялся популярными и авторитетными культами женских божеств – Притхви (богини земли), Адити (матери ряда богов), Уша (богини утренней зари), Сарасвати (богини одноименной реки) и т.д.[8, с.28-29].

В эпоху брахманизмом, положение женщин в Индии по сравнению с мужчинами стало значительно приниженным. Брахманизм представлял собой особый этап в развитии религиозного мышления Индии. Брахманизм вырос из ведийской религии и предшествовал буддизму и индуизму. Рост влияния брахманов сопровождался значительным ухудшением положения женщины и жесткой регламентацией ее поведения в семье. В рамках брахманизма был создан достаточно сложный механизм подчинения женщин мужчинам и контроля за ними. В результате этих мер, женщины во многих отношениях приравнивали к представителям низшей варны шудр. Приниженный социальный статус женщин был закреплен в брахманической литературе и праве. Об этом свидетельствует такой известный памятник древнеиндийского права, как «Законы Ману», согласно которому высокое положение брахманов в социуме было доведено практически до предела, что позже вызвало так называемую «революцию кшатриев». Законы Ману, представлявшие собой сборник предписаний религиозного, нравственного и общественного долга, определяли довольно низкий статус женщины в социуме: «День и ночь женщины должны находиться в зависимости от своих мужчин, ибо, [будучи] приверженными к мирским утехам, они должны быть удерживаемы в их желаниях. Отец охраняет [ее] в детстве, муж охраняет в молодости, сыновья охраняют в старости; женщина никогда не пригодна для самостоятельности (svätantrya)»[3, с.185]. «Женщиной — в детском возрасте, молодой или даже пожилой — никакое дело не должно исполняться по своей воле, даже в [собственном] доме. В детстве ей полагается быть под властью отца, в молодости — мужа, по смерти мужа — [под властью] сыновей: пусть женщина [никогда] не пользуется самостоятельностью (svatantratä)»[3, с.115].

Ортодоксальный брахманизм практически не принимал во внимание духовно-религиозные потребности женщин, которым, как и представителям варны шудр, категорически запрещалось не только изучать, но даже слушать Веды. Женщины не могли самостоятельно осуществлять какие-либо религиозные ритуалы, давать обеты, соблюдать посты. Главным религиозным долгом древнеиндийской женщины было всецелое служение своему мужу. Согласно законам Ману, «муж, [даже] чуждый добродетели, распутный или лишённый добрых качеств, добродетельной женой должен быть почитаем как бог» [3, с.115]. Кроме того, законы Ману призывают мужчин остерегаться женских чар, поскольку «природа женщин в этом мире вредоносна (düsana) для мужчин; по этой причине мудрые остерегаются женщин, ибо женщина способна повести по неверному пути в [этом] мире [не только] глупца, но даже ученого, подверженного власти страсти и гнева» [3, с.50].

В религиозных воззрениях брахманской традиции женщина обладала существенно более низким космологическим и духовным статусом, чем мужчина. Согласно брахманизму, женщина не могла заниматься интенсивной духовной практикой и обрести спасение. Для достижения религиозного идеала и познания Абсолюта она должна была первоначально накопить заслуги и родится мужчиной. Только после этой гендерной трансформации перед ней открывалась возможность для быстрого духовного роста. Такого рода понимание сотериологического и следующего из него подчиненного социального положения женщины достаточно прочно прижилось в культуре и менталитете жителей Индии.

Буддизм, возникший в Индии в VI веке, совершил радикальную революцию в гендерном вопросе, показал совершенно другой подход к статусу женщины. Буддизм признал возможность обретения нирваны не только для мужчин, но и для женщин. Теперь провозглашалось, что любой человек может достичь просветления и нирваны, если будет заниматься духовно-нравственным самосовершенствованием. Сам основатель буддизма -

Будда Шакьямуни весьма уважительно относился к женскому полу и никогда не унижал женщин. Будда нередко беседовал с женщинами и даровал и свои наставления. Так, например, в популярном произведении буддийской литературы «Дхаммападе» глава «о цветах» представляет собой небольшую проповедь Будды, которую он прочитал перед 500 женщинами из варны брахманов. В своих проповедях и беседах Просветленный рекомендовал монахам относиться к женщинам пожилого возраста как к своим родным матерям. Все это в значительной степени смягчало гендерное неравенство в Индии того времени.

Сам факт принятия в буддийскую общину людей, вне зависимости от пола, этнической и кастовой принадлежности делал данную религиозную традицию очень привлекательной для женщин и представителей низших каст. По мнению Е.С. Юрловой, благодаря буддизму женщина в Индии обрела право на образование. Повысился возраст вступления ее в брачные отношения. Лицам женского пола было предоставлено право развода на назначенных условиях, и даже возможность не вступать в брак. В наилучшую сторону поменялось и отношение общества к вдовам, которые теперь могли вступить в буддийскую женскую монашескую общину. В целом буддизм несомненно внес в крайне патриархальное, варно-кастовое общество свежую демократическую струю, хотя, к сожалению, и не смог коренным образом переломить общую историко-культурную тенденцию в развитии индийского общества[8, с.31].

Известно, что Будда одобрил создание первой в истории женской монашеской общины, которая одновременно стала и первой в мире женской организацией. В одном из трех разделов буддийского канона «Винае» подробно рассказывается история появления женского монашества. Согласно традиции, инициатором создания женской сангхи стала тетя Будды – Махапраджапати, которая воспитывала его в детстве как мать. В Винае говориться, что Будда принял это революционное для того времени решение после некоторых раздумий и колебаний. Согласно данным правилам, все монахини обязаны были оказывать уважение любому монаху. Они не имели право порицать и оскорблять монаха, причем даже косвенно. Монахини также не должна были давать монахам советы и поучения. Они не могли находится летом, в сезон дождей, в местах, где нет монахов. Через каждые две недели монахини обязаны были навещать общину монахов для проведения совместного собрания и получения наставлений. Для будущих монахинь предусматривался двухлетний испытательный срок, а посвящение должно было проходить в женской и мужской общинах, тогда как посвящение в монахи осуществлялось лишь в мужской сангхе, а испытательный срок не предусматривался[3].

Монахини должны были соблюдать значительно больше обетов, чем монахи. Аналогичная практика продолжает сохранятся и в наше время. Так, например, в тхеравадинской традиции, распространенной в странах Юго-Восточной и Южной Азии отмечается, что полностью посвященные монахи должны соблюдать 227 дисциплинарных правил, в то время как монахини – целых 311. В традиции китайской махаяны монахи также соблюдают значительно меньше правил, чем монахини – 250 обетов, против 348 правил у монахинь[7, с.80]. В тибето-монгольской махаянской традиции линия полностью посвященных монахинь, к сожалению, вообще не сохранилась.

Вышеприведенные факты, на первый взгляд, могут быть причиной для обвинения буддийской религии в некоторой дискриминации женщин. Однако, здесь необходимо учитывать менталитет индийского общества того времени и положение, которое в нем занимали лица женского пола. В условиях данного крайне консервативного и патриархального социума правила, введенные Буддой, вероятно, являлись вынужденной мерой, которая была связана с реальным положением дел в обществе, где женщины, как правило, не имели нужного образования и подготовки, которые требовались для ведения монашеской жизни.

Но даже при наличии данных незначительных ограничений взгляд буддизма на положение женщины в обществе был для того времени поистине революционным. В этой

своей позицией буддизм резко отличался от брахманизма и индуизма. Как уже отмечалось, в древней и раннесредневековой Индии изучать Веды могли только мужчины, которые принадлежали к трем высшим варнам. Всем остальным, в том числе и женщинам, данное занятие строго запрещалось. Что же касается большего количества предписаний для монахинь, то это нельзя назвать дополнительным бременем. Скорее, они являются объяснением и более подробным толкованием других монашеских правил Винаи, что связано с особенностями женского организма. Их можно рассматривать как своеобразную форму защиты и помощи на этапе формирования и становления женской общины монахинь.

Что же касается женщин-мирянок, то хотя нет никаких специальных обетов, предназначенных только для них, однажды Будда все же установил обязанности жены и мужа в «Сигаловада сутте». Так, домохозяин должен служить жене следующими способами: быть вежливым с ней, не презирать ее, быть верным ей, передавать ей полномочия, обеспечивать ее украшениями. Жена же должна проявлять любовь к своему мужу таким образом: хорошо исполнять свои женские обязанности, быть гостеприимной к родственникам и окружающим, быть верной мужу, сберегать то, что приносит муж, быть искусной и трудолюбивой [6].

Махаянская традиция подняла статус женщины. В текстах традиции Махаяны отсутствуют так называемые патриархатные установки – женщины полностью уравнивались в правах с мужчинами в вопросах достижения религиозного спасения[5, с.100]. Изменение ценностного идеала от архата, сводящего до минимума все социальные связи, к бодхисаттве, активно проявляющего себя в социальных связях, позволило включить в число потенциальных бодхисаттв почти всех желающих, которые уже не зависели от условий социального окружения. Внешняя грань между первым и вторым уровнем размывается, и, несмотря на то, что сангха сохранила свое влияние как центр функционирования буддийского учения, уже и простые миряне могли запросто получить звание бодхисаттвы, ярким примером чего служит бодхисаттва Вималакирти, главный герой «Вималакирти нирдеша сутры», мирской последователь буддийского учения, проживающий в городе Вайшали и заслуживший великую славу, в чем то превосходящую славу ближайших учеников Будды. В «Вималакирти нирдеша сутре» говорится об относительности мужского и женского образа для просветленного сознания, когда небесная богиня преобразовала Шарипутру в женщину, а сама преобразовалась в мужчину.

Махаянская философия также признает условность различий между мужским и женским. При этом условность различия приписывается буддизмом не только мужскому и женскому, но и другим феноменам, которые обычно людьми мыслятся как оппозиционные (например, белое/черное, день/ночь, жизнь/смерть и т. д.). Согласно махаянским буддийским текстам просветленное сознание мыслит мир недвойственным. Попытка понимать и описывать мир посредством оппозиционирования феноменов, существующих в его пространстве, признается в буддизме вредным для человека заблуждением. Идея о недвойственности мира является фундаментальной идеей сутр Махаяны[5, с.97].

Повышение статуса женщины в махаяне также связано с теорией Татхагатагарбхи (санскр. лоно Истиносущего). К сутрам, излагающим данную идею, относятся «Махапаринирвана сутра» («Сутра великого ухода в нир- вану»), «Шрималадэви симханда сутра» («Сутра львиного рыка царицы Шрималы»), «Татхагатагарбха сутра» («Сутра зародыша состояния Будды»).Татхагатагарбха понимается как зародыш состояния Будды в любом живом существе. Потенциально каждый человек является Буддой, каждый человек имеет возможность стать Буддой. В сутрах, раскрывающих смысл концепции Татхагатагарбхи, говорится обо всех живых существах как о будущих Буддах, независимо от того, мужчины они или женщины[5, с.99-100].

Когда в Китае впервые появился буддизм, он казался для многих китайцев странным экзотическим культом индийских монахов. Для большинства китайцев проповеди ранних буддийских миссионеров казались неактуальными. В конфуцианском Китае такие ценности, как семья, брак, продолжение рода имели первостепенное значение. Все это, казалось,

вступало в противоречие с институтом монашества, который предполагал уход от семьи в монастырь и строгий целибат. Оставление своих родителей и семьи было для конфуцианского общества крайне предосудительным поступком. С самого начала появления буддизма в Китае на него стали совершатся нападки со стороны ортодоксальных и фанатично настроенных конфуцианских ученых и чиновников. Эти нападки временами прекращались, но позже начинались вновь. Такая ситуация продолжалась вплоть до нового времени. Поэтому буддизму со временем пришлось пройти определенную трансформацию. Попытки приспособить буддийские принципы к местным традициям стали одним из главных способов адаптации буддизма к китайской социокультурной среде. Так в Китае возникла и широко распространилась школа Чистой земли или Цзинту, более приспособленная к китайскому менталитету. ШколаЦзинтуактивно привлекала к религиозной деятельности мирян, в том числе и женщин.

Китайский буддизм по оношению к женщинам продолжил основные тенденции индийского буддизма. В буддизме традиции махаяны, традиционно распространенном в Китае, женщины приравнивались к мужчинам в возможности обрести полное и окончательное просветление в настоящей жизни. В тоже время подобное духовное равенство и физическая относительность в большей степени характеризовали теоретический аспект буддийского учения, направленного на ликвидацию дуалистического подхода к миру и провозглашавшего единство всего сущего. В сангхе монахинь сохранился более жесткий регламент жизни по сравнению с монахами. В большинстве случаев женское существование считалось более низким в космологической иерархии, и для достижения полного и окончательного просветления им было необходимо переродиться мужчинами, что естественным образом отодвигало женщин на второй уровень. Самое популярное направление религиозного китайского буддизма школа «Чистой земли» провозглашало, что после добродетельной жизни и молитв в честь Будды Амитабхи женщина перерождается в Чистой земле уже не в женском образе.

В тоже время, как отмечал Л.Н. Гумилев, «главными приверженцами буддизма оказались женщины, без различия сословий. Положение женщин в средневековом Китае было настолько тяжелым, что буддисты нашли в них благодарную паству. Даже воплощение бодисатвы милосердия, Авалокитешвара, в Китае выступает в женской ипостаси, Гуань Инь, ибо, по легенде, бодисатва принял облик женщины, чтобы на себе испытать всю тяжесть женского бесправия. При содействии женщин, на их деньги, воздвигались великолепные храмы с тысячами монахов и библиотеками буддийско-китайской литературы» [2, с.277].

Как уже отмечалось, в Китае получил распространение женский культ богини Гуаньинь. Культ бодхисаттвы Авалокитешвары превратился в Китае в культ женщины-богини Гуаньинь. Китайская феминизация популярного культа - наиболее яркий пример признания равного духовного статуса женщин и мужчин в китайском буддизме. Гуаньинь – это богиня сострадания и милосердия, которая очень популярна у китайских буддистов. Рассказы и упоминания о ней можно найти во множестве текстов, где её называют бодхисаттвой. Так же почитаема она и в мифологиях Китая. Гуаньинь – это символ материнства, добродетели и сострадания. Отмечается, что ее сущность – это чистое сострадание, она способна чувствовать боль и помогать её облегчить целому миру.

Уже в XX веке в северной части Китая её часто стали изображать женщиной в длинном белом одеянии, в одной из рук она держит кувшин с кристально чистой водой, а другой – ветка ивы. Этой богине приписывают и покровительство морякам, так как она нередко была представлена как богиня Южного моря. Китайское искусство превозносит её образ по-своему – богиня, стоящая на драконе, в сопровождении птицы и двоих детей. Это её ученик Шан цай и Лун ван – спасенная дочь дракона. Помимо её невинности и чистоты подчеркивают и её величие с могуществом, при помощи изображения богини на льве, силу – изображая с луком, восседающую на облаках. В XVI в. эта богиня изображалась китайскими художниками даже по образу Мадонны. Однако наиболее распространённым является образ стройной привлекательной женщины в белом широком платье-накидке. Иногда, её

изображают сидящую на Лотосе. Чаще всего, её изображают держащую четки и вазу, которая символизирует источник милосердия, льющийся на всё окружающее.

Буддийские храмы по всей стране считали Гуаньинь одним из основных объектов почитания. По своей популярности в Китае она даже опередила самого Будду, подобно тому, как культ девы Марии превзошел по популярности культ самого Христа в католической Европе. Ее культ проник даже в даосизм. Так, известные даосские центры паломничества, такие как Храм Белого Облака, делали алтари для нее. Изображения Гуаньинь появились в обычных домов и деревенских храмах. Культ Гуаньинь распространился в Японии, где проник в синтоизме. Здесь можно видеть, как слияние религиозных традиций создало нечто большее. Религиозный культ вышел за пределы своей духовной традиции, и стала транскультурным.

Литература

1. Бадмацыренов Т.Б., Бадмацыренова Е.Л. Женщины в буддийских сообществах Бурятии: историко-социологический анализ // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып.6. Серия: Философия, социология, политология, культурология. С.60-65.
2. Гумилев Л.Н. Древний Тибет. Москва: Институт ДИ-ДИК, 1996. 560 с
3. Гуннский А.Ю. Женщины в раннем буддизме (по материалам палийского канона) [Электронный ресурс]. URL: https://dhamma.ru/lib/authors/gunsky/women.html
4. Законы Ману. - М.: Вост. Лит., 1960. 362 с.
5. Приходько Н.Ю. Феминистскийдискурсмировыхрелигий: статусженщинывбуддийскойтрадиции // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2009. №4. С. 95-104.
6. Сигаловада сутта. Беседа с Сигалой. Кодекс дисциплины для мирянина [Электронный ресурс]. URL: http://www.spiritual.ru/lib/sigalo.html
7. Чебунин А. В. Учение китайского буддизма о человеке и обществе. – Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009. 274 с.
8. Юрлова Е.С. Женщины Индии. Традиции и современность. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. 520 с.

***

Д.Д. Улюмджиева,
Пекин, КНР

THE HISTORY OF MULTIPARTY COOPERATION IN CHINA

The political party system is an important part of modern democratic politics. The system of political parties a country uses is determined by its national circumstances, the nature of the country and the state of social development. The difference in the political party system of each country reflects the diversity of the development of human civilization.

The system of political parties introduced in China is a system of multiparty cooperation and political consultations under the leadership of the Communist party of China; it is different from the system of bipartisan or multiparty competition of Western countries. This system was formed and developed in the course of many years of revolution, construction and reform in China and is the basic political system corresponding to the national conditions of China, the system of socialist political parties with Chinese characteristics and an important part of the socialist democratic policy of China.

The Constitution of the People’s Republic of China clearly provides that a system of multiparty cooperation and political consultation under the leadership of the Communist party of China will exist and develop for a long time. In China, the Communist party and all democratic parties should adopt the Constitution as the basic principle of operation, protect the dignity of the Constitution and guarantee the implementation of the Constitution.

The Chinese system of multiparty cooperation includes the Communist party of China and eight democratic parties. The Chinese people's political consultative conference (hereinafter referred to as the CNPCC) is an important institution of multiparty cooperation and political consultation under the leadership of the Communist party of China. In China's multi-party cooperation system, the Communist party and democratic parties have the principles of long-term coexistence, mutual control and are jointly committed to building socialism with Chinese characteristics, the formation of "Communist leadership, multi-party cooperation, Communist rule, multi-party participation in politics." China's multiparty cooperation system has demonstrated its unique political advantages and significant vitality in China's political and social life.

China has experienced a long feudal society. After 1840, due to the brutal invasion of Western capitalist powers and the collapse of the feudal ruling clique, China gradually became a semi-colonial and semi-feudal society. For nearly 110 years, the Chinese nation was in a difficult situation, and people did not have any democratic rights.

In order to change the tragic fate of the country and the nation, generations of Chinese have struggled and tried to find the truth about saving the nation and saving people. In the early 20th century, Mr. Sun Yat-sen, the precursor of the Chinese democratic revolution, sought ways to save the country and save people from the West, he began and led the revolution of 1911, which had the character of a bourgeois-democratic revolution. The revolution overthrew an autocratic monarchy that had lasted for thousands of years and established the Republic of China. Attempts were made to imitate Western countries in the implementation of parliamentary policy and multiparty system. Although it was a historic advance over the monarchy, it quickly failed under the influence of various reactionary forces at home and abroad and failed to realize the urgent desire of the Chinese people for independence and democracy. As Mr. Sun Yat-sen concluded, because Chinese society is different from Europe and the United States, the political nature of society governance cannot fully emulate Europe and the United States.

Prior to the founding of New China, from 1927 to 1949, Chiang Kai-shek's Kuomintang group conducted a one-party dictatorship, monopolized all state powers, defeated and persecuted the forces of democratic progress, disrupted the trend of democratic political development and the aspirations of the people, and was ultimately abandoned by history.

The development of modern Chinese politics requires a new system of political parties that adapts to China's national circumstances. This historic responsibility was jointly assumed by the Communist party of China and various democratic parties

The Communist party of China, established in 1921, combined Marxism-Leninism with the reality of China, proposed a new democratic revolutionary program, and united revolutionary classes across the country to fight for national independence, people's liberation, national prosperity, and people's happiness. The democratic parties, formed mainly during the anti-Japanese war (1937-1945) and the war of Liberation (1945-1949), were based on the national bourgeoisie, the urban petty bourgeoisie, and intellectuals associated with these classes and others. Patriotic elements had political demands of anti-imperialist, Patriotic and democratic character and were progressive forces of Chinese society. The Communist party has established close cooperative relations with various democratic parties and has continuously strengthened these relations in a fierce struggle to work together to achieve peace and democracy in China. During the war against Japanese aggression, democratic parties actively participated in the United anti-Japanese national front led by the Communist party of China, actively carried out the anti-Japanese democratic movement and, together with the Communist party of China, continued to fight against war, unity and progress and opposed the surrender, division and regression of Kuomintang beliefs. After winning the war of Resistance against Japanese aggression, the Democratic Party joined the Communist party of China, opposing the civil war and the dictatorial policies of Chiang Kai-shek's Kuomintang group.

In the great struggle to bring the new democratic revolution to victory, the Communist party of China established its key leadership position in various revolutionary forces in China. In years of practice, democratic parties and non-party Democrats have consciously and solemnly elected the leadership of the Communist party of China. In April 1948, the Communist party of China put

forward the idea of convening a new political consultative meeting and establishing a democratic coalition government, to which the democratic parties and non-partisan Democrats responded enthusiastically. They openly expressed their willingness to work together to build a new China under the leadership of the Communist party of China. The convening of the Chinese people's political consultative conference in September 1949 marked the formal establishment of a system of multiparty cooperation and political consultation under the leadership of the Communist party of China, in which the Communist party of China, as well as democratic parties and non-partisan Democrats, participated in the construction of China's new state power.

Since the founding of the People's Republic of China under the ruling regime, the Communist party of China has further strengthened unity and cooperation with democratic parties and has continuously promoted theoretical innovation and the practical development of multiparty cooperation. After the completion of socialist transformation in 1956, in accordance with the profound changes of the class situation in China, the Communist party of China put forward policy of "long-term coexistence and mutual control", specifying how long has the Communist party, as long there are the democratic party and how the Communist party can control the democratic party and the democratic party, in turn, can also control the Communist party. Thus, the basic scheme of multiparty cooperation of China in socialist conditions was established. After 1957, especially during the "cultural revolution" (1966-1976), China's multiparty cooperation system suffered serious setbacks.

Since the reform and opening in 1978, in line with changes in the situation and challenges, the Communist party of China has clearly defined that multi-party cooperation is a feature and advantage of China's political system, and has established "long-term coexistence, mutual control, courage, honor and shame" between the Communist party of China and the various democratic parties . The 16-task policy put forward a number of theories and policies on multiparty cooperation and political consultation, so that joining and improving the multiparty cooperation system became an important part of the theory and practice of socialism with Chinese characteristics. In 1989, the Communist party of China formulated views on joining and improving the multi-party cooperation and political consultation system under the leadership of the Communist party of China, and multi-party cooperation and political consultation entered into an institutional framework. China's multiparty cooperation system has a clear constitutional basis. After the 16th national Congress of the Communist party of China in 2002, from the height of building a socialist political civilization, the Communist party of China has consistently formulated views on further strengthening the multi-party cooperation and political consultation system under the leadership of the Communist party of China and views on strengthening the work of the CNPCC, so that the multi-party cooperation system has been further standardized and programmed. Since the founding of the New China, China's multiparty cooperation system has steadily strengthened and developed, playing an important role in the country's political and public life.

The history and practice of China's modern and contemporary political development proves that democratic political construction in China must be based on China's basic national conditions and cannot blindly copy the model of the political system and the political party system of other countries. The implementation of authoritarian dictatorship, contrary to the laws of historical development and the will of the people, should also be attributed to failure.

The formation and development of China's multiparty cooperation system is an inevitable choice for the development of China's modern and contemporary history, the product of a combination of Marxism-Leninism and the reality of China, the crystallization of the wisdom of the Chinese Communist party and various democratic parties in accordance with China's national conditions and the Chinese revolution. The reality of construction and reform meets the basic requirements of socialist democratic politics and embodies the outstanding cultural traditions of the Chinese nation, which are diverse and inclusive, with Chinese characteristics. This system is not only in line with the trend of the time, but also reflects the inherent requirements of China's social development.

***

С.В. Филонов,
Благовещенск, Россия

БОДХИСАТТВА КШИТИГАРБХА В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТРАДИЦИОННОГО КИТАЙСКОГО ХРАМА: НА ПРИМЕРЕ ХРАМА ДИЦЗАНЪАНЬ В СИНЬЧЖУАНЕ

Введение

Храм Дицзанъань 地藏庵,находящийся в городе Синьчжуан на севере Тайваня, представляет собой уникальное культовое сооружение, которое дает яркое визуальное представление о характере и особенностях китайской традиционной религии.

Храм имеет два официальных названия. Первое из — Дицзанъань 地藏庵, Храм [Бодхисаттвы] Подземного узилища, или, если использовать буддийскую терминологию в ее санскритском варианте, можно перевести и как Храм Бодхисаттвы Кшитигарбхи. Другое его название — Дачжунъмяо 大眾廟, или Храм старшин загробного мира. Храм представляет собой характерное для Китая периода последних империй культовое сооружение, в котором совершают ритуальные церемонии, направленные, как правило, на спасение душ умерших и актуализацию метафизических аспектов культа предков.

При первом посещении храма возникает желание назвать его буддийским. Однако желание это — ошибочное, пройдя по его роскошным залам и присмотревшись к изображениям божеств, которые представлены в его киотах и на его алтарях, становится очевидным, что перед нами —культовое сооружение, отражающее традиционную религиозную культуру Китая в её локальной форме, характерной для Тайваня в целом и города Синьчжуан в частности.

История храма

Обычно историю этого храма отсчитывают с 1757 г. Однако следует признать, что ранняя история храма документирована плохо и многие ее страницы пока не прочитаны. Тем не менее, хотя к точной дате появления этого храма можно относиться с известной долей скептицизма, однако специалисты сходятся во мнении, что Дицзанъань является одним их старейших культовых сооружений этого района Тайваня и его история уходит своими корнями в XVIII в. [8, с. 12-25].

Когда-то на месте этого культового сооружения находилось общественное кладбище для бедняков, при котором был возведен алтарь для принесения жертв неприкаянным душам умерших (*ли тань* 厲壇). С течением времени на месте алтаря появилась кумирня, в которой совершали ритуалы упокоения тех,чьи тела оказались невостребованными, а души, соответственно, неприкаянными. Обобщенным образом этих неизвестных умерших стали батюшки Дачжун-е 大眾爺, или старшины загробного мира. Соответственно, первоначальная идея этой кумирни заключалась в том, чтобы «накормить» неприкаянные души умерших, которые захоронены на близлежащем кладбище, и тем самым не позволить им превратиться в голодных и злых духов, приносящих бедыжителям окрестных территорий [6, с. 129-134].

Лишь позже, как считается, здесь стали совершать ритуалы в честь Дицзан-вана — одного из самых почитаемых бодхисаттв буддизма, которого народное сознание воспринимало спасителем тех людей, души которых после смерти попадали в Подземное узилище. Самосознание жителей Синьчжуана соединило воедино народную религиозную традицию, идеи простонародного буддизма о жизни после смерти, конфуцианские этические императивы, связанные с культом предков, и метафизические аспекты этого культа, разрабатываемые даосской ритуальной практикой. Такой органический синтез очень быстро

привел к тому, что кумирня для упокоения неприкаянных душ умерших превратилась в один из красивейших храмов Синьчжуана, в котором стали регулярно отправлять буддийские ритуалы спасения (*пуду* 普渡) и для которого стал характерен самый интенсивный культ Бодхисаттвы Дицзан-вана[7].

Храм неоднократно перестраивался. Значительное расширение и благоустройство его территории произошло в годы, когда Тайвань входил в состав Японской империи (1895—1945). В последние десятилетия Дицзанъань обрел еще более величественный вид, сохранив при этом дух и традиции, заложенные первыми переселенцами с материкового Китая [4; 6].

Планировочная схема храма

Главный алтарь храма посвящен Бодхисаттве Подземного узилища (*Ди-цзан пу-са* 地藏菩薩), которого также называют Дицзан-ваном 地藏王 или Бодхисаттвой Кшитигарбха (либо, если использовать терминологию Д.В. Поповцева, Бодхисаттвой ада[2]). Тем не менее, и вотивные изображения на этом алтаре, и планировочная схема всего храма указывают на то, что его семиотическое пространство выходит далеко за рамки собственно буддийской доктрины (и простонародных форм китайской буддийской традиции) и охватывает практически все важнейшие сферы, на которые принято кодифицировать религиозную культуру традиционного Китая.

Композиционная схемахрамового ансамбля строится вдоль условной осевой линии, проходящей с запада на восток. Главное божество храма– Бодхисаттва Дицзан-ван, его изображение находится на главном, западном алтаре храма и обращено лицом в сторону востока. Композиция храма повторяет китайский классический дворцовый ансамбль, построенный по планировочной схеме усадьбы-сыхэюань. В центре храмового ансамбля находится особый дворик – свободное пространство, предназначенное для благочестивых посетителей храма, для специальных столов, на которые выкладывают ритуальные подношения, а также для проведения коллективных церемоний. По трем сторонам этого дворика располагаются алтари (или ниши-киоты, *кань* 龕) с изображениями божеств, а с восточной стороны – входной комплекс, называемый Передним павильоном (*цянь дянь* 前殿) или Залом трех рек (*сань чуань дянь* 三川殿).

Архитектурный ансамбль храмового комплекса усложнен вторым этажом, где располагаются Колокольная башня (*чжунлоу* 鐘樓), Барабанная башня (*гулоу* 鼓樓), несколько самостоятельных алтарей для отправления ритуалов в честь буддийских и даосских божеств, а также административные помещения. Кроме того, планировочная схема храма включаетвходную мемориальную арку (*пайлоу* 牌樓), также называемую Горными вратами (*шаньмэнь* 山門), и храмовую площадь – внешнее по отношению к храмовым павильонам пространство, которое не только играет важную роль в организации культово-религиозной жизни храма, но и имеет важное значение для актуализации его социальных, просветительских и культуроформирующих функций.

В целом культурное пространство храма Дицзанъань можно разделить на три взаимосвязанные области – внутреннее пространство, ограниченное стенами помещений храма, внешнее пространство, включающее храмовую площадь с её функциональными элементами, а также более широкое социальное пространство города Синьчжуан, которое охватывает территорию экспликации наиболее значимых храмовых фестивалей.

Алтарь Дицзан-вана

В западной части храма находится главный алтарь, он возведен в честь Бодхисаттвы Дицзан-вана — одного из четырех наиболее почитаемых бодхисаттв китайского буддизма. Культ бодхисаттв — одна из самых примечательных черт учения Махаяны (Большой колесницы) [2, с. 10-11]. Тем не менее, перед нами не буддийский храм, а культовое сооружение, характерное для китайской народной религии, которую обычно квалифицируют

посредством определения «синкретическая» [1, с. 113]. Этот «синкретизм» проявляется даже на уровне номинаций главного божества — даосы, например, называют его «Главой учения[о спасении из] мрачного загробного мира» (*Юмин цзяо-чжу* 幽冥教主) или же «Великим повелитель [Подземного узилища]Фэнду» (*Фэнду да-ди* 酆都大帝) [2, с. 27-29].

Простые прихожане верят, что Дицзан-ван следит за тем, чтобы все добрые и дурные дела умерших, совершенные ими при жизни, были посчитаны справедливо, а каждая из душ, попавшая в Подземное узилище, получила заслуженное воздаяние. По представлениям верующих Дицзан-ван ведает загробным миром и спасает души умерших, избавляя их от тяжелых испытаний в мрачном мире теней. Приверженцы китайской народной религии верят, что Дицзан-ван командуют правителями десятизалов Подземного узилища, которых называют Яньло-ванами 閻羅王. Кроме того, в китайской народной религии Дицзан-ван воспринимается одним из начальников главной инстанции Иного мира, которая ведёт скрупулезный учет дурных и добрых дел, совершаемых людьми при жизни.С другой стороны, среди жителей Синьчжуана широко распространены и буддийские представления о загробном мире как «поле деятельности» Дицзан-вана, где он, проявляя бесконечную мудрость, безграничное милосердие и искусные средства, делает все возможное, дабы обитатели страшного мира мертвых обрели освобождение и спасение [8, с. 87-110].

Дицзан-ван восседает на чудесном ездовом животном, которого обычно называют Ди-тин 諦聽. У Ди-тина один рог, а на ногах — копыта. Буквально имя этого животного можно перевести как «Внимательно слушающий», что весьма символично. Считается, что Ди-тин может услышать о добрых и дурных делах всех живых существ всех миров [2, с. 24].

На главном алтаре, помимо Бодхисаттвы Дицзан-вана, представлены и другие персонажи, хорошо известные буддийской агиографии, даосской персоналогии, китайской народной религиозной традиции либо локальным культам Тайваня:

— монах Дао-мин 道明和尚 и его отец Минь-гун 閔公;

— Матушка-чадоподательница, или Чжушэн нян-нян 注生娘娘);

— страж территории Цзинчжу-гун 境主公;

— божества-охранители Галань 伽藍 и Вэйто 韋馱;

— служители загробного мира – генерал Се (*Се цзянь-цзюнь* 謝將軍) и генерал Фань (*Фань цзян-цзюнь* 范將軍), а также некоторые другие.

Алтарь старшин загробного мира

Южный алтарь храма предназначен для благодарения старшин загробного мира, называемых Дачжун-е 大眾爺. Строго говоря, Дачжунъе – это не личное имя. Первоначально это выражение использовалось для обозначения бесприютной и забытой души неупокоенного человека и указывало на останки умерших и погибших, которые оказались бесхозными, брошенными и невостребованными родственниками. Позже выражение Дачжун-е стало общимобозначением всех младших начальников загробного мира, под контролем которых, как считалось, находятся, выполняя каторжные работы, души умерших.

Истории о Дачжун-е получают распространение в эру Цянь-лунь (1736-1795). Первые переселенцы на Тайвань, попадая в непривычные условия, подвергались смертельной опасности, нередко погибали в стычках с представителями местного населения, в межэтнических или межклановых столкновениях. Их останки некому было собрать, а их душам некому было приносить жертвы. Местные жители, руководствуясь традиционными для Китая представлениями о жизни после смерти, опасались, что такие бесприютные души могут принести беды на ту территорию, где покоился их бренный прах. Чтобы этого не случилось, тела этих неизвестных людей хоронили на общественных кладбищах, рядом с которыми возводили кумирни для совершения ритуалов жертвоприношения их душам. Эти

кумирни стали называть Дачжунмяо, а главный объект культовой практики в них стали обобщено называть Дачжун-е. В некоторых локальных сообществах на территории Китая, как это случилось с Синьчжуаном, они были персонифицированы и получили визуальное воплощение в виде младших чиновников загробного мира [6].

Для этих «чиновников» характерна гендерная специализация. Если бесприютные души мужчин обозначают выраженим Дачжун-е (буквально – батюшка Да-чжун), то неупокоенные души умерших женщин называют Дачжун-ма 大眾媽 (буквально – матушка Дачжун). Кроме того, в зависимости от специализации культовой практики, которая с ними связана, старшины загробного мира также делятся на два вида.Первый — это «военные» Дачжун-е. К ним относятся души тех, кто погиб во время сражений или в ходе межэтнических и межклановых военных столкновений. Второй —«гражданские» Дачжун-е, с которыми связаны ритуалы поминовения и спасения тех, кто умер из-за болезни, старости или в результате стечения трагических обстоятельств, и невостребованный прах которых долгое время лежал вдоль дорог.

Развитие культа Дачжун-е привело к тому, что они стали восприниматься чиновниками загробного мира,выполняющими также и функции полицай-прокуроров. Более того, в некоторых локальных культах Тайваня Дачжун-е даже считаются начальниками судейского приказазагробного мира, которые вершат суд над душами умерших, отдавая им по их земным делам. Культ Дачжун-е отражает не только религиозные пристрастия китайского народа, но и историю переселения на Тайвань представителей разных народов Китая и разных кланов, а также историю межэтнических и межклановых конфликтов, вспыхивавших среди первых переселенцев на остров [8, с. 62-86].

Храмовый праздник, торжественно отмечаемый в Синьчжуане в честь Дачжун-е, приходится на первое число пятого лунного месяца. В этот день в храме Дицзанъань совершаются торжественные церемонии, важнейшим элементом которых являются различные варианты ритуалов спасения, призванные упокоить души умерших и ниспослать благополучие и покойную жизнь живым.

Два главных вотива Южного алтаря храма символизирует военного и гражданского Дачжун-е. В этом, кстати сказать, проявляется особенность религиозных представлений, характерных для локальной культуры города Синьчжуан. В других районах Тайваня кумирни и храмы, в которых отправляют культ Дачжун-е, не имеют антропоморфных изображений этих чиновников загробного мира, их заменяет особая табличка (сродни таблички, используемой в традиционном китайском храме предков) либо пустой киот с табличкой, указывающей, что здесь покоится душа умершего (*шэньвэй* 神位). Южный алтарь храма включает изображения и других персонажей даосской религиозной мифологии и народной религиозной культуры: военного и гражданского Пань-гуаня (судебных чиновников Подземного узилища), генералов Се и Фань (чиновников, обеспечивающих правопорядок и выполняющих конвойные функции в загробном мире), военачальников загробного мира – генерала Цзэн (*Цзэн цзян-цзюнь* 增將軍) и генерала Сунь (*Сунь цзян-цзюнь* 損將軍), а также Батюшки-тигра (*Ху-е* 虎爺).

На других алтарях храма также представлены изображения не только буддийских по своему генезису божеств, но и божеств даосизма и китайской народной религии, в честь которых здесь отправляют соответствующие ритуалы. Пантеон храма, к примеру, включает десять Яньло-ванов — управителей десяти залов Подземного узилища, достопочтенного Муляня – одного из десяти первых учеников Будды Шакьямуни, Трех драгоценных Будд – Будду Шакьямуни, Будду Амитаба, Будду-исцелителя. Здесь же можно увидеть изображения 18 архатов, Бодхисаттву Гуаньинь (Авалокитешвара), даосского охранителя территории Ту-ди. Значимое место в пантеоне храма занимает божество, называемое Дун-да-е 董大爺, культ которого связан с даосской религиозной традицией, особенно в ее простонародных формах.

Примечательно, что Дун-да-е, как считается, контролирует тех, кто дает обещание или клятву. В связи с этим местные жители издавна преклонялись перед алтарем Дун-да-е тогда, когда хотели аннулировать подписанное ранее соглашение или данные ранее обещания.

Заключение

Таким образом, в храме Дицзанъань совершают не только заупокойные службы и отправляют не только ритуалы спасения душ умерших. В этот храм приходят для проведения похоронных обрядов и поминальных служб, а также в тех случаях, когда необходимо аннулировать долги или иные обязательства умерших родственников. Сюда идут люди и в том случае, если их обокрали. Они обращаются к божествам храма в надежде на то, что они помогут найти украденные вещи. В Дицзанъань также приходят работники правоохранительных и правоприменительных структур — судьи, полицейские, таможенники. Они обращаются к божествам храма, надеясь получить от них поддержку и помощь в выполнении своей нелегкой службы. Кроме того, ритуалы, обеспечивающие, как верят верующие, благополучие и счастье в земной жизни, так же занимают важное место в религиозной практики храма Дицзанъань.

Традиционные китайские храмы всегда были не только местом отправления религиозного культа, но и центрами общественной жизни [3; 5]. Не случайно, что перед многими храмами в старом Китае находилась театральная сцена, где в дни торжеств ставились разнообразные представления [1, с. 52, 109]. Храм Дицзанъань и сегодня имеет такую сцену. Она используется по своему прямому назначению и, кроме того, напоминает, что пространство перед храмом некогда было большой рыночной площадью, где собиралисьжители города для того, чтобы обсудить наиболее важные общественные проблемы, принять участие в храмовых фестивалях или насладиться выступлением сказителей. Соответственно, и в своем историческом прошлом, и в своем настоящем бытии храм Дицзанъань и его главное божество — Бодхисаттва Дицзан — удовлетворяет не только религиозные потребности местных жителей, но и являются важным фактором, формирующим их культурную, социальную и этническую идентичность.

Литература

1. Алексеев В.М. В старом Китае: Дневники путешествия 1907 г. — М.: Восточная литература, 1958. — 312 с.

2. Бодхисаттва ада. Сутра Основных Обетов Бодхисаттвы Кшитигарбхи / Пер. с кит. Поповцева Д.В. — СПб.: Евразия, 2002. — 224 с.

3. *Завидовская Е.А.* Народная религия современного Тайваня: храмовые организации и праздники. — СПб.: Наука, 2012. — 228 с.

4. *PaulKatz*. Festival Systemsand the Division of Ritual Labor: A Case Study of the An-fangat Hsin-chung's Ti-Tsang An // Минсуцюйи 民俗曲藝. — № 130. — 2001. — C. 57-124.

5. Religion in modern Taiwan: Tradition and Innovation in a Changing Society / Ed. by Philip Clart and Charles Brewer Jones. — Honolulu: University of Hawai'i Press, 2003. — X+333 p.

6. Кан Бао [Katz, Paul]. Синьчжуан Дицзанъаньды Дачжун-ечунбай (Культ батюшек Дачжунвхраме Дицзанъань в Синьчжуане) // Чжуняндасюэжэньвэньсюэбао. — № 16. — 1997. — С. 123-159. 康豹，〈新莊地藏庵的大眾爺崇拜〉，《中央大學人文學報》第 16 卷，台北：民 86.12 [1997]，頁 123-159。

7. Синьчжуан Дицзанъань 250 нянь чжуаньцзи (250 лет храму Дицзанъань в Синьчжуане) / Под ред. Пэн Юн-сун. — Синьчжуан: Синьчжуан Дицзанъаньгуаньливэйюаньхуэй, 2006. — 336 с. 新莊地藏庵 250 年專輯 / 彭永松作.攝影. 臺北縣新莊市 : 新莊地藏庵管理委員會, 民 95.12 [2006].

8. Сюй Чжэн-цун. Тайбэйсянь Синьчжуанши Дачжунмяо – Дицзанъань яньцзю (Исследования храма Дачжунмяо, или Дицзанъань, находящегося в городе Синьчжуан). Дис. Степени магистра / Университет Мин Чуань. — Тайбэй: 2007. — 248 с. 許正檳 [HsuCheng-Tsung]. 台北縣新莊市大眾爺廟(地藏庵)研究，碩士論文 / 銘傳大學。台北, 民國 96 [2007].

***

Цао Инхуа,
Шэньян, КНР

俄罗斯企业在中国投资的法律基础分析

面向市场经济转型、加入 WTO 和全面战略协作伙伴关系的建立，为中俄深化经贸领域的合作奠定了良好的基础。经过几十年的经贸合作实践，双边合作在取得巨大收益并惠及两国人民的同时，问题也逐渐突显出来。其中最主要的问题，是相关法律、法规不规范，互补性合作的潜力有待挖掘。为了进一步深化合作，实现经贸往来的稳定性与可预见性，中俄双方已经认识到，应该加强对彼此法规政策的跟踪研究，及时引导本国的企业做好相关准备，以及共同协商相关法律、法规的制定和调整等。本文主要以俄方在中国投资为视角，介绍中俄企业合作及投资中的法律问题，以便于俄方投资者能够进一步了解中国的投资法律，也使中方在吸引俄国投资中有据可依，实现新历史条件下的共赢。

一、中国吸引外资立法简述

合理和成熟的外资法律体系是一国调整外国投资关系规范的有机整体，也是外资获得合理投资收益预期的依据。为配合改革开放的方针、政策，中国先后制定了大量有关涉外投资的法律法规，与外国签订了有关投资的双边协议和多边国际条约。此外，各省、市、自治区、经济特区也相继制定了大量涉外的地方性法规。可以说，中国的外资立法是历史性的事件。

在立法时间上，中国的外资立法主要经历了四个阶段：1979~1983 年是中国外资立法的起步阶段，这一阶段主要出台了《中外合资经营企业法》等法律；1984~1991 年是中国外资立法的发展阶段，这一阶段主要颁布了《外资企业法》等法律；1992~1999 年是中国外资立法的进一步发展阶段。1993 年修订的宪法则进一步明确了外商投资企业的法律地位。这一阶段比较典型的法律是《公司法》；2000 年至今是中国外资法的国际化阶段，随着中国的入世，中国修订了三资企业法，同时制定了《外资参股证券公司设立规则》等具体规范。

在立法体系结构上，中国外资法律体系主要由三个层面构成：第一层是关于外商投资企业的专项法律；第二层是与外商投资相关的法律，包括涉及税收、工商、行政管理、外汇管理、进出口管理、海关、能源等法律、法规、条例等；第三个层面则是其他法律、法规中涉及外资的专门规范，如《民法通则》、《民事诉讼法》等法律中的相关条款。

随着中国市场经济体制的不断完善和资本自我积累能力的提高，以及国际投资环境的变化，体现国内外投资者地位与权益平等，旨在进一步扩大对外开放，积极促进外商投资，保护外商投资合法权益，规范外商投资管理的《中华人民共和国外商投资法》已于 2019 年 3 月 15 日十三届全国人大二次会议表决通过，并自 2020 年 1 月 1 日起施行。[7]该法的施行标志着中国的外国直接投资法律体系将不再是以企业法为核心，代之以投资法为核心。

二、中国的外资准入制度

外资准入制度是指东道国对外国法人、自然人进入本国市场从事经营活动所作出的限定和规范。当前，中国的外资准入制度主要集中在以下两个方面：

（一）投资者资格的基本要求

[7]《中华人民共和国外商投资法》自 2020 年 1 月 1 日实施。 新浪网[引用日期 2019-03-15]。

关于投资者的资格要求，2003 年颁布的《关于外商投资举办投资性公司的规定》第三条规定:1．外国投资者资信良好，拥有举办投资性公司所必需的经济实力，申请前一年该投资者的资产总额不低于四亿美元，且该投资者在中国境内已设立了外商投资企业，其实际缴付的注册资本的出资额超过一千万美元，并有三个以上拟投资项目的项目建议书已获得批准，或者；2．外国投资者资信良好，拥有举办投资性公司所必需的经济实力，该投资者在中国境内已设立了十个以上从事生产或基础设施建设的外商投资企业，其实际缴付的注册资本的出资额超过三千万美元。

（二）外资进入行业的规定

根据最新《中华人民共和国外商投资法》的规定，国家对外商投资实行准入前国民待遇加负面清单管理制度。准入前国民待遇，是指在投资准入阶段给予外国投资者及其投资不低于本国投资者及其投资的待遇；负面清单，是指国家规定在特定领域对外商投资实施的准入特别管理措施。国家对负面清单之外的外商投资，给予国民待遇。负面清单由国务院发布或者批准发布。

负面清单管理模式，是通过规定产业方向明确指引外国投资者的资金流向，同时使外国投资者对不符合要求的部分进行整改，提高外资进入的效率。[8] 2017年最新修订的《外商投资产业指导目录》[9] 将产业类型划分为三大类，分别是：鼓励类（如，农、林、牧、渔业，共计348条）、限制类（如石油、天然气的勘探开发，共计35条）和禁止类（如武器弹药制造，共计28条）。

总体来看，2017 年新版《产业目录》进一步减少外资的限制性措施，提高服务业、制造业、采矿业等领域的开放水平。新版《产业目录》全面实施外资准入负面清单模式，负面清单之外的领域，原则上不得实行限制措施。此外，外商投资项目和企业设立实行备案管理，切实提高投资便利化程度。

三、外资企业在中国的待遇

外资待遇明确了外国投资者及其投资在东道国的法律地位、权利义务标准、投资及其收益等管理上的保护程度。外资企业在中国的待遇主要表现在以下几个方面：

（一）国民待遇

国民待遇是指一主权国家在条约或互惠的基础上，授予外国国民或法人在投资财产、投资活动及有关的司法行政救济方面以不低于本国国民或法人的待遇。外资国民待遇并非一般国际法义务，也没有在国际法上被普遍接受，它是一个相对标准。[10]

近年来，中国与越来越多的国家在签订的双边投资协定(Bilateral Investment Treaty, 简称 BIT)中都规定了国民待遇。中俄 BIT[11]规定：享受国民待遇的前提是不损害投资时缔约一方法律和法规”，应给予缔约另一方投资者的投资及与投资有关活动不低于其给予本国投资者的投资及与投资有关活动的待遇。通过对比中国与其他国家签订的双边投资条约可以看出，在国民待遇方面，中国给予俄资的待遇是优于其他国家的。

（二）最惠国待遇

最惠国待遇是指东道国给予外国投资和外国投资者的待遇，不得低于其给予或将来给予任何第三国投资和投资者的待遇。最惠国待遇是一种特别优惠待遇，它着眼于在东道国境内的所有外国人应享有同样的优惠待遇，强调的是境内所有外国人的平等，即所谓的“外外一致”。

在国际投资领域,大部分 BITs 都含有最惠国待遇条款,在我国与外国签订的 BITs 之中,最惠国待遇标准被广泛采用。但值得注意的是,中国对外签订的双边投资条约往往是在对方

[8]《中华人民共和国外商投资法》，http://www.gov.cn/xinwen/2019-03/20/content_5375360.htm.

[9]参见《外商投资产业指导目录（2017 年修订）》，https://tfs.mofcom.gov.cn/.，2017.10.26.

[10]王立东：充善我国外资国民待遇的法律问题，《当代法学》2002 年第 11 期，第 67 页。

[11]参见《中华人民共和国政府和俄罗斯联邦政府关于促进和相互保护投资协定》[EB/OL]，https://tfs.mofcom.gov.cn/.，2017.10.26.

提供的标准条款的基础上订立的。因此,许多投资条约对最惠国待遇条款的具体表述又有所不同。例如,中俄 BIT 规定：“缔约一方给予缔约另一方投资者的投资及与投资有关活动的待遇，不应低于其给予任何第三国投资者的投资及与投资有关活动的待遇。”,这些条款的具体表述虽有所不同,但它们所体现的实质精神和法律价值是一致的。中国在吸引和利用外资的实践中也都遵守了最惠国待遇条款，从而保证了投资者利益的最大化。

（三）公平公正待遇

中国对外签订的双边投资条约中基本上都包含公平公正待遇条款。如中俄 BIT 规定：“缔约一方应保证在其领土内给予缔约另一方投资者的投资和与该投资相关的活动公平和平等的待遇。”公平公正待遇主要包括：正当程序原则、透明度要求、对投资者正当期待的尊重与善意原则。[12]公平公正待遇标准的目的，在于为投资者提供一种独立于东道国法律外的、但又为投资者所需求的基本标准，其法律价值和意义在于寻求外国投资者法律地位的公平、公正。

四、中俄自由贸易区的法律基础

中俄经过多年的双边经贸合作探索，能源、科技、农业、基础设施建设与金融已成为未来合作的五个主要方面。2014 年 5 月《中华人民共和国和俄罗斯联邦关于全面战略协作伙伴关系新阶段的联合声明》开启了两国良性互动的新阶段。中俄自贸区建设不但可以避免如关税、非关税方面的壁垒，还可以将中国和俄罗斯在科技、人才、能源、产业结构等资源方面形成优势互补，实现共赢。近年来，互建中俄（俄中）自由贸易区已成为两国政府的共识，地区政府也业内人士的愿望。[13]为实现自贸区的良好开端，需要预先完成相关的制度设计。

（一）深化能源合作，建立并完善相关法律制度

在中俄经贸互补性上，传统能源合作的地位极为突出，新能源和能源的技术合作仍然处于起步阶段。[14]在法律制度层面，《上海合作组织成立宣言》为中俄能源合作提供了最根本的法律依据。但是，一个健全的能源合作法律体系，应当由多方面的法律规定组成，如能源贸易、技术合作、能源投资、能源运输、争端解决等。当前中俄能源合作法律体系在以上几个方面都存在缺失，未来合作应该着手改善。

（二）以东北地区作为合作重点

东北地区由于自身的地缘优势，使其自然成为中俄合作的重点区域。以黑龙江省为例，黑龙江省是我国对俄贸易的第一大省，目前对俄贸易额占到我国对俄贸易总额的 25%。[15]在法规和政策方面，中国 2009 年出台了《国务院关于进一步实施东北老工业基地振兴战略的若干意见》；2013 年又先后实施了长吉图开发开放先导区、黑龙江和内蒙古东北地区沿边开发开放等一系列国家战略；2017 年 4 月 1 日，中国（辽宁）自由贸易试验区在沈阳市揭牌。同时俄罗斯也于近年发布《2025 年前远东和贝加尔地区经济社会发展战略》和《中华人民共和国东北地区与俄罗斯联邦远东地区及东西伯利亚地区规划纲要（2009~2018 年）》等文件为合作提供了法律基础。

（三）促进双边贸易本币结算，深化金融领域合作

为促进中俄双边贸易本币结算，深化金融领域合作，第一，要逐步打破现有的利用美元套算的僵化局面，建立健全人民币-卢币汇率机制。第二，修改国内金融法规，加大国内金融机构对中俄相互投资的贷款力度，并放宽融资渠道。两国银行应该利用自身的优势和渠道，充分了解外贸企业的实际金融与贸易需求，提供相应的融资和投资服务。第三，加快推进中俄金融市场开放，通过搭建跨境金融服务网络，加强双方金融治理和金融监管合作。

（四）实现争端解决机制多元化

[12]王衡、惠坤：国际投资法之公平公正待遇，《法学》2013 年第 6 期，第 84~92 页。

[13]中国的黑龙江省和俄罗斯的伊尔库茨克州成为两国自贸区的首选地。

[14]黄雅娟：新时期深化中俄能源合作的思考，《大庆社会科学》2013 年第 6 期，第 73~87 页。

[15]黄巍：黑龙江省建立中俄自由贸易区优势、问题及对策建议，《商业经济》2016 年第 5 期，第 11~12 页。

吸取之前中俄贸易因缺少明确法制规约而出现的种种争端，在建立中俄自贸区的过程中，必须要建立并保证争端解决机制的多元化。鉴于俄方不是《解决国家与他国国民投资争端公约》的缔约成员，双方可以通过 WTO 争端解决机制来解决投资争议。此外，还可以通过其他方式来解决争端，如建立区域性争端解决机制和专业性争端解决机制。

结语

中俄自社会经济转型以来，尤其是先后加入 WTO 后，内部和对外贸易逐渐被纳入不同的法律框架，从而极大降低了贸易成本。中俄两国间投资合作的法律基础还没有构建起来，这需要双方增加对各自法律的了解，进而推动法律制度的形成。为使两国投资合作进入一个全新阶段，中俄应加快自由贸易区的建设。

参考文献

1. 张文君.新时期中俄经贸关系发展新析[J].现代经济信息，2013(5):116-118.
2. 张仁枫.新形势下中俄贸易合作：历史机遇与挑战[J].哈尔滨金融学院学报，2012(4):44-47.
3. 刘军梅.中俄金融合作:历史、现状与后危机时代的前景[J].国际经济合作，2010(1):78-82.
4. 赵传君.关于中俄签署自由贸易协定的探讨[J].俄罗斯中亚东欧研究，2007(1):41-48.
5. 邝艳湘.当前中俄双边贸易的竞争性和互补性实证研究[J].国际商务研究，2011(1):41-48.
6. 葛新蓉.关于黑龙江省建立中俄自由贸易区的思考[J].西伯利亚研究，2014(3):16-19.
7. 高欣.新时期中俄投资合作的现状与对策分析[J].当代经济管理，2011(11):69-75.
8. 姜振军.黑龙江省对俄经贸合作“枢纽站”和“桥头堡”作用分析[J].俄罗斯中亚东欧市场，2010(6):36-40.
9. 张英.中国对俄直接投资的现状与特点分析[J].对外经济时报，2015(5):78-83.
10. 李科珍.我国外资准入制度的现状、问题及其重构[J].北方法学，2011(1):153-160.

***

Н.В. Шорваева,
Элиста, Россия

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РФ И КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

На протяжении 1990–2000-х годов нормализуются отношения между Москвой и Пекином, позволившие наладить российско-китайское военно-техническое сотрудничество и решить важные стратегические задачи. Россия благодаря китайским заказам смогла в значительном объеме сохранить свою военную промышленность, что обеспечило восстановление российского ВПК со второй половины 2000-х годов. Китай же, помимо совершенствования своего ВПК, решил главную задачу – комплексное перевооружение НОАК, превращение ее в гораздо более современную армию, подготовленную к ведению боевых действий в новых условиях.

Во время Первой и Второй мировой войны Россия и Китай были союзниками и разделяли некоторые интересы безопасности в Центральной Азии, а также общую оппозицию действиям США, воспринимаемым как сдерживание, но несмотря на это они

являются геостратегическими конкурентами.Эта динамика время от времени выступает в центре деятельности отношений и зависит от прогресса военной модернизации Китая и усиления напористости Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе. По этим причинам Россия, как правило, осмотрительно относилась к Китаю как к партнеру номер один по защите, что отразилось на расширении оборонного сотрудничества Москвы с другими странами региона, которые в значительной степени считают Пекин угрозой, такой как Вьетнам и Индия.

Несмотря на взаимное недоверие, одним из основополагающих факторов, способствовавших улучшению двусторонних отношений в области обороны в последние годы, было то, как лидеры двух стран рассматривают друг друга и их соответствующие развивающиеся среды безопасности. Президент Китая и Генеральный секретарь Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин и президент России Владимир Путин, похоже, разделяют личную близость: они провели 20 встреч на высшем уровне, с тех пор как президент Си вступил в должность в конце 2012 года. Что касается восприятия безопасной среды обитания, Пекин утверждает, что сталкивается со все более враждебной ситуацией безопасности на его периферии. Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе воспринимается как предназначенная для сдерживания Китая, ограничения китайского влияния в регионе и укрепления партнерских отношений США и альянсов в регионе для противодействия целям Китая. Тем временем Москва разделяет мнение Пекина о том, что Соединенные Штаты преследуют стратегию сдерживания и вмешиваются в дела других стран, после того, как руководство США приняли санкций ООН в отношении России после присоединения в 2014 году Крыма. Учитывая ужесточенные санкции, введенные Россией в отношении Соединенных Штатов и Европы с тех пор, наряду с экономическим спадом и столкнувшись с мрачными перспективами роста, Россия все больше полагается на сотрудничество Китая.

Что касается обороны, обе стороны постепенно расширили оборонительные связи в 1990-х и начале 2000-х годов, стремясь преодолеть области недоверия и заложить основу для нынешних военных отношений. В начале 1990-х гг. Россия нуждалась в экономических выгодах, Китай же, в это время, имел значительно более низкую военную технику (в основном устаревшие советские вооружения и снаряжение 1950-х годов) по сравнению с Россией, и стремился быстро модернизировать свои войска, в частности военно-морские силы и военно-воздушные силы. В тот период США и ЕС ввели эмбарго против Китая (после резни на площади Тяньаньмэнь в 1898г.), и Россия стала фактически монополистом в области поставок оружия в КНР. Взаимная выгода заключалась в том, что Китай производил крупные закупки, при этом не предъявлял высоких требований к техническим характеристикам, поскольку самостоятельно модернизировал её до необходимого уровня. В 1990-е гг. ежегодный объем российско-китайского ВТС составлял 1млрд долларов, после 2000 вырос до 2-х. Отмечая дальнейший шаг «партнерства стратегической координации» относительно обороны, 16 июля 2001 года в Москве был подписан “Российско-китайский договор о добрососедстве”, которым предусматривалось развитие сотрудничества в торгово-экономической, военно-технической, научно-технической, энергетической, транспортной и других областях. Кроме того, Россия и Китай подтвердили, что не будут применять первыми друг против друга ядерное оружие и не будут взаимно нацеливать стратегические ядерные ракеты. Хотя в тексте договора подчёркивается, что он не направлен против третьих стран, по мнению многих экспертов, подписание данного договора не в последнюю очередь было связано с опасениями России и Китая относительно усиления влияния США в мире.

В период с 2002 по 2009 год объем российского военного экспорта в Китай оценивается в 14,055 миллиарда долларов (32,1% от всего российского экспорта продукции военного назначения за этот период). Основные системы Китая, импортируемые из России за этот период, помогли значительно улучшить возможности военно-воздушных сил и военно-морских сил НОАК. Некоторые из известных закупок включали в себя российские экспортные версии истребителей Су-27 и Су-30, систему защиты SAM S-300, управляемый

ракетный комплекс «СОВРЕМЕННЫЙ» и дизельная подводная лодка класса Кило. Резкое падение объема поставок российского оружия в Китай произошло в 2006-2007 годах. Эксперты из США, России и Китая предлагают несколько объяснений этого внезапного спада: во-первых, спрос Китая на российское оружие ослабел, поскольку большинство заказов Пекина были выполнены, а оборонная промышленность Китая стала достаточно продвинутой, чтобы удовлетворить больше требований НОАК на внутреннем рынке. Во-вторых, китайская сторона выразила озабоченность по поводу недостатков в контроле качества и разногласий по контракту с участием остальных заказов. В-третьих, Россия не желала продавать системы более высокого класса, которые Китай начал требовать, вероятно, из-за опасений, что растущий военный потенциал Китая может представлять будущую угрозу для России и что практика Китая по обратному проектированию российских платформ позволит Китаю напрямую конкурировать с Россией на рынке вооружений. Наконец, дебаты в российских политических кругах в то время поднимали военную модернизацию Китая как растущую стратегическую проблему, что, возможно, отразилось на решении Москвы диверсифицировать продажи оружия новым клиентам.

К 2012 году доля российского оружия, импортируемая Китаем, составила 43 процента, что намного ниже уровня 87 процентов в период с 2000 по 2005 год. В попытках нормализовать отношения, в 2008 году Россия подписала с Китаем соглашение о защите интеллектуальной собственности, на их ежегодной Межправительственной совместной комиссии по военному технологическому сотрудничеству, в 2012 году было подписано новое соглашение, направленное на укрепление версии 2008 года. Далее в 2014 году Россия сталкивается с очередными санкциями со стороны США и ЕС в условиях Украинского кризиса.Кризис в российско-американских отношениях подтолкнул к дальнейшей активизации военно-технического партнерства между Китаем и Россией, включая и расширение номенклатуры военных технологий, которые Москва будет готова поставлять Пекину.

Москва и Пекин завершили многолетние переговоры по поставкам четырех дивизионов новейшего российского комплекса ПВО С-400. А осенью 2015-го была заключена сделка по поставкам одного полка (24 машины) истребителей Су-35С поколения «4++». Стоимость контрактов по Су-35 оценивается в 2 миллиарда долларов, по С-400 — в пределах 1,9 миллиарда. Первая партия из четырех Су-35 была передана заказчику в конце 2016 года. Другой важной областью двустороннего ВТС остается авиационное двигателестроение. Объединенная авиадвигательная корпорация заключила контракт на поставку в КНР двигателей Д-30 и АЛ-31Ф на сумму 1 миллиарда долларов.

Китайские и российские оборонные фирмы и научно-исследовательские центры в последние годы подписали ряд других соглашений о сотрудничестве в широком спектре секторов. Эти стратегические соглашения помогают оборонным предприятиям Китая поглощать ноу-хау и технологии у своих российских коллег и могут помочь ускорить процесс НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы) для технологий последующей генерации обороны.

- В январе 2017 года Китайский авиационный научно-исследовательский институт подписал меморандум о взаимопонимании с российским центром исследований и разработок Центрального института авиационных двигателей для поддержки потенциального сотрудничества в развитии авиадвигателей. По данным IHS Jane's (британское издательство, специализирующееся на военной, а также транспортной тематике), российский институт принимал участие почти в каждой авиационной программе НИОКР в России.
- В ходе ежегодного заседания премьер-министра Китая и России в декабре 2015 года Китайское национальное космическое управление и Государственная корпорация по космической деятельности подписали соглашение о разработке и производстве космических компонентов и сотрудничестве в области спутниковых навигационных систем двух стран: Бейдоу (Китай) и ГЛОНАСС (Россия). Эта сделка дополняет соглашение, достигнутое в

начале 2017 года по сотрудничеству в области спутниковой навигации и нескольким соответствующим соглашениям в 2014 году. В декабре 2015 года российская государственная нанотехнологическая фирма «РОСНАНО» также подписала соглашение о стратегическом сотрудничестве с Китайской корпорацией аэрокосмической науки и промышленности, в котором основное внимание уделяется передовым материалам с космическими применениями.

- В ноябре 2014 года в рамках работы международной авиакосмической выставка "Airshow China-2014" в Китае в городе Чжухае китайские оборонные фирмы AVIC, Китайская аэрокосмическая научная и промышленная корпорация и две дочерние компании China Electronics Technology Group Corporation подписали четыре соглашения с российской оборонной компанией Russia Technologies (Ростех). Соглашение между AVIC и Ростеком охватывает потенциальное сотрудничество в области производства самолетов и вертолетов, производства двигателей, авиационных материалов, авиационной радиоэлектротехники и других областей.
- В октябре 2014 года Китайская аэрокосмическая научная и технологическая корпорация подписала соглашение с Ростех в целях содействия совместной разработки и производству технологий двойного назначения, включая электронные компоненты, информационные технологии и новые материалы.

С российской стороны неизбежной платой за выгодное сотрудничество с КНР стала передача ряда военных технологий Китаю (включая случаи нелицензионного копирования техники), приведшая к существенному росту потенциала китайского ВПК. Тем не менее, во многих сферах военного производства благодаря значительным государственным инвестициям, которые возобновились с конца 2000-х, Россия сохраняет серьезные преимущества перед КНР. Это касается средств противовоздушной обороны, авиационного двигателестроения, ряда видов радиолокационной техники, подводного кораблестроения и т. п. Значительная часть китайской экспансии на международных рынках вооружений приходится именно на системы, у которых нет российских аналогов. Все больше случаев, когда российские производители терпят прямое поражение в конкурентной борьбе, — особенно показательна китайская экспансия на рынках тяжелых реактивных систем залпового огня на Ближнем Востоке и в Африке. Но в целом потенциал китайской конкуренции российским оружейникам пока ограничен.

Для российско-китайского ВТС украинский кризис сыграл роль катализатора. Еще до этого китайская сторона стала более адекватно оценивать сохраняющуюся зависимость от российской оборонной промышленности и невозможность своего ВПК производить, по крайней мере сейчас, аналогичную продукцию. Поэтому к моменту украинских событий военно-техническое сотрудничество двух стран уже успело возобновиться после спада середины 2000-х. Россию же события на Украине и западные санкции подтолкнули к масштабной переоценке рисков сотрудничества с КНР, что привело к более открытой позиции Кремля по вопросам российско-китайского ВТС. Двусторонние отношения стратегического партнерства сформировали уникальный многоуровневый механизм взаимодействия, комплекс направлений сотрудничества, каждое из которых было призвано принести партнерам в равной степени выгоду, повлиять на поступательное развитие государств. Но практика показывает, что отношения развивались и эволюционировали, деформировались в отдельных сферах, оформились определенные сложности. На наш взгляд, эти явления преодолимы. Они не заслоняют того созидательного содержания партнерства, которое надо сохранять и стремиться к его развитию. Сотрудничество РФ и КНР создало необходимую основу отношений – и это ценный результат двадцатилетия связей. Партнерство позволяет осуществлять поиск совместных решений самых сложных вопросов, позитивных подходов к проблемам, сближающих, а не разделяющих стороны.

Литература

1. Бажанов Е.П.Актуальные проблемы международных отношений. В 3 томах (М.: научная книга,2001);

2. Бажанов Е.П.Китай: от Срединой империи до сверхдержавы XXI века. (М.: Известия, 2007);
3. Болятко А.В.Дальний Восток: в поисках стратегической стабильности: Проблемы национальной безопасности России на Дальнем Востоке и стратегической стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (М.: РАНДЦВ, 2003);
4. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. (М.: «Муравей», 2004);
5. Воскресенский А.Д. Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика. (М.:Восток-Запад,2004);
6. Галенович Ю.М. Москва-Пекин, Москва- Тайбэй (М.: Изографус,2002);
7. Кислов А.К. Фролов А.В. "Россия и международный рынок оружия. Идеология и практика" (М.: ООО «Альфа-Браво», 2008);
8. Кудашкин В.В. "Экспорт продукции военного назначения. Правовое регулирование", (М.:Спарк,2000);
9. Лозаннский Э.Л. "Россия между Америкой и Китаем", (М.: международные отношения, 2007);
10. Лузянин С.Г. "Восточная политика Владимира Путина: возвращение России на «большой Восток, (М.: Восток и Запад, 2007);
11. Макиенко К.В. "Военно-техническое сотрудничество России и КНР в 1992-2002 годах: достижения, тенденция, перспективы", (М. :Гендальф.2002);
12. Матяш В.Н. "Геополитический «треугольник» Россия-США-КНР в регионе Евразии (Политический Анализ): Конец XX- начало XXI в." (М.:Копи-центр,2006);
13. Михеев В.В. "Треугольник Россия Китай - США в АТР: факторы неопределенности", (М.: ИМЭМО РАН, 2009);
14. Панченко М.Ю. "Российско-китайские отношения и обеспечение безопасности в АТР", (М.,2005);
15. Петровский В.Е. "Азиатско-тихоокеанские режимы безопасности после «холодной войны»", (М.:ИДВ РАН,1998);
16. Семин А.В. " Японско-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденций конец XX- начало XXI века" (М.:ИДВ РАН, 2008).

***

Д.Ю. Эдняшева,
Нанкин, КНР

CAROLINE HUMPHREY'S CONTRIBUTION TO ORIENTAL STUDIES

Caroline Humphrey is a truly remarkable person, and a remarkable scholar. She belongs to a very select group of Western researchers who in the Brezhnev era managed to carry out genuine anthropological field research in the USSR, and not in Moscow or Leningrad, but far away from these more or less socially advanced centres - in Buryatia, deep in the countryside. It is hard to say how she managed to do this (Humphrey herself speaks about this issue briefly in the foreword of the book reviewed here). A possible contributing factor was the short-lived international lessening of political tension ('detente') - the alleviation of the Cold War at the end of the 1960's and beginning of the 1970's, or the fact that Humphrey's parents were connected, albeit in the past, to the Communist movement. But in any case this research resulted in the voluminous book that was published in English in 1983, *Karl Marx Collective: Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Farm* [Humphrey 1983], which is almost the only anthropological work written about the USSR and the 'era of developed socialism' by a foreign ('bourgeois'!) author on the basis of field-research materials collected by the author herself.

The collapse of the USSR in 1991 opened the doors of the former Soviet Union for Western

anthropologists, and Humphrey's book instantly went from being a work on hard-to-find Soviet 'exoticism' to being a popular and important starting point, even a unique point of reference, for understanding how Soviet society was organised on a local, micro-social level, and what subsequently began to happen to these institutes, relations and notions once the Soviet ideology had ceased to be their straitjacket. Caroline Humphrey herself, incidentally, wrote a follow-up to her book about the 'Karl Marx Collective' and gave her work, which was republished in 1998, the resounding title *Marx Went Away — but Karl Stayed Behind* [2].

The collection of articles which is the subject of this review, the first by Humphrey to be published in Russian, is a development and an expansion (thematically, geographically and conceptually) of the issues that were initially posed in the first book about the Soviet-Buryatia collective farm and which were then examined more deeply in the second aforementioned monograph.

Anthropological (or ethnographic, in this case it is not important) studies of (post) socialism encountered a number of significant dilemmas. After 1991 it very quickly transpired that post-communist societies do not develop in accordance with the 'Western' (liberal) trajectory, but instead follow some completely unexpected and not always comprehensible or predictable zigzags. The temptation arose to explain this as 'socialist heritage' which was formed in the Soviet era and which now determines the specifics of 'post-Soviet transformations'. This was an attractive stance as it allowed one to criticize such universalistic (or Europe-centric) concepts as 'transition', 'modernisation', 'development', and the deterministic historical scenarios that had been written using them. Socialism/Marxism, which itself was invented as an 'alternative' universalistic (and even Europe-centric) concept, always was, and has remained, a powerfulweapon in the struggle against European liberal-modernist universalism. Writing an 'anthropology of (post-)socialism' also allowed one to criticise the essentialist concept of 'national (ethnic) culture', pointing out that national peculiarities take shape under the influence of certain social and political conditions.

However, from such an anthropological point of view, 'socialism' itself turned into a particular 'culture' with specific practices and identities. And such an interpretation looked, on the one hand, like a continuation of an apparently dead or dying Sovietological tradition (which reduced all explanations of society to the strict structural peculiarities of totalitarianism), and on the other like a unique essentialisation of 'Sovietness', a conversion of the '(post-)Soviet/ (post-)Socialist' into a cultural 'other' (in relation to the 'West'), and the amalgamation under this term of very different historical and biographical destinies. In this way both approaches have their limitations, and neither is satisfactory from a methodological point of view.

This dilemma is one of the inner narratives, at first not very noticeable, which I found it interesting to observe when reading Humphrey's book. In the text we do not see an entire, systematically expounded and logically constructed concept of '(post-) socialism'. The British researcher knows only too well the dangers of such a generalization and therefore, avoiding categorical judgements, she writes an empirical ethnography of individual subjects and issues. However, the fact that the collection has been divided into sections encompassing the subjects of social order, the economy, infrastructure and spiritual life leaves one with the feeling of a claim precisely to a voluminous analysis of '(post-)socialism'. The dangers that I mentioned do not disappear even if they are cloaked in empiricism; they inevitably remain, and in many respects they determine the reader's understanding of the text.

The first section, which is entitled 'Sotsialnoe ustroistvo' [Social Order] includes two articles. In one of these articles, 'Sudby traditsionnykh sotsialnykh ierarkhii v kommunisticheskikh Rossii i Kitae'[The Fate of Traditional Social Hierarchies in Communist Russia and China], Humphrey carries out a comparative analysis of what became of the traditional social hierarchies of the Buryats, the 'i' people, and the Chinese Mongols during the transformations in the USSR and the PRC. Humphrey tries to show that the changes were influenced by both the nature of the hierarchy itself that the society had before this, and the nature of the reforms that were carried out.

The scholar thinks that in the case of the Buryats the former, quite amorphous social hierarchies could not resist the repressive policy of the destruction of the elite and the forceful

interspersion of social groups. Sovietisation and Russification, in Humphrey's opinion, had a very profound effect: they tore down the social barriers instead of conserving them as in the case of the Chinese reforms which just recoded the former social statuses into new hierarchies.

In the second article, 'Neravenstvo i isklyuchennost: emotsionalnyi komponent rossiiskoi politicheskoi kultury' [Inequality and Exclusion: the Emotional Component of Russian Political Culture], the question is asked why some forms of inequality are not noticed and become a problem for people while others, conversely, are loaded with a lot of emotion. Humphrey positions herself against the domination of the economic and rational interpretation of inequality, switching her attention to a subjective interpretation of the latter which is formed, for example, through political culture. In Soviet Russia there arose, in her opinion, a notion of 'unity', supported by the dichotomy of 'we' and 'they' and at the same time by the constant exclusion of various people and groups from this 'unity' ('collective'). In the post-Soviet era economic inequality became rampant, but people kept the previous Soviet notions of 'inequality', the former practices of excluding 'foreigners', and the ways of creating the discursive space of inequality (access to some or other symbolic blessings, a symbolic shared 'body').

The secondsection, 'Preobrazovaniya v ekonomike' [Transformations in the Economy], consists of three articles. The first article, 'Torgovlya, "besporyadok" i "rezhimy grazhdanstva" v rossiiskoi provintsii 1990-kh gg.' [Trade, 'Disorder' and 'Modes of Citizenship' in the Russian Provinces of the 1990s], starts with a rejection of the liberal-modernist theory of 'transition' and the Marxist 'stadial' theory for explaining the phenomenon of post-Soviet trade. Instead of this Humphrey separates and analyses individually the various categories of traders (businessmen, brokers, dealers, shuttle traders,entrepreneurs, merchants, the 'trading minorities' — people from She describes trade as activated. Humphrey is also interested in the nature of the struggle between 'modes of citizenship' (the complex hierarchies of local allegiances) which formed in the Soviet era and divide society into the 'deep-rooted' and 'people from outside', and traders who cross over boundaries and endanger the 'social body' which is attached to a certain territory.

In the article 'Gryaznyi biznes, "normalnaya zhizn" i mechty o zakone' [Dirty Business, 'Normal Life' and Dreams of Legal Control], the actors of the post-Soviet economy continue to be analysed.

Humphrey rejects the dichotomous model in which there are only the 'old' Soviet personnel with the former corporate practices, and the new market entrepreneurs. Instead of this, she distinguishes between many different economic actors who are distinct in terms of their particular practices and who operate their own 'rules of play'.

The last article of the section is called 'Krestyanstvo i naturalnoe khozyaistvo kak ideologemy sovremennoi Rossii' [Peasantry and Subsistence Farming as Ideologemes of Modern Russia]. Humphrey lists and examines post-Soviet agrarian practices (small holdings, dachas, farming) and asks the question: why, despite the growth in their significance for people's self-sufficiency, do those involved in such practices not call themselves 'peasants'. She seeks the answer in the Soviet era, when people formed notions according to which a backward, lowly nature was attributed to 'the peasant way of life'. The 'Soviet heritage' again predetermined the strategies for forming social preferences, names and statuses.

The third section, 'Infrastruktura i arkhitektura' [Infrastructure and Architecture], begins with the article 'Villy "novykh russkikh": Ocherk postsovetskikh modelei potrebleniya i kulturnoi identichnosti'[The Villas of the 'New Russians'. A Study of Post-Soviet Models of Consumption and Cultural Identity]. Humphrey investigates the identity of the 'new Russian', and how this identity is imposed from outside and formed from within. The identity is built up from disparate elements that contradict one another and therefore look awkward. These elements do not mark membership of some or other social group as much as they define one's life ambitions. The villa remains just a symbol and not a real life space, an eclectic symbol thatincludes the resources of both Russian history and European culture, and also takes its bearings in contradictory and amorphous social notions and attitudes. 'New Russians', Humphrey writes, are not the full masters of their

cultural identity; as before they adapt to the Russian tastes and limitations that formed in the Soviet era.

The section's other article is, in my opinion, somewhat artificially grouped with the previous one - 'Novyi vzglyad na infrastrukturu: Sibirskie goroda i "bolshoi yanvarskii moroz" 2001 goda' [A New Way of Looking at Infrastructure: Siberian Towns and the 'Great January Freeze' of 2001]. The explosion at thermal power plant no.1 in Ulan-Ude in 2001, Humphrey writes, showed that the existence of the (post-) Soviet town depends completely on infrastructure — public transport, the communal electricity and heating system, and so on. The post-Soviet reforms that ostensibly put Ulan-Ude on the global map in actual fact resulted in an infrastructural crisis, and this turned into a source of problems and unrest. The practices of getting about the city and using [communal] services changed (the space increased in size,time became compressed, contrary to expectations); there was more of a loss of modernity than a transition to 'modern society'.

The majority of the book's articles deal with Buryatia, but only on one occasion is this indicated in the names of the sections — 'Ulan-Ude — post-sovetskii opyt gorodskikh transformatsii' [Ulan-Ude: consists the Post-Soviet Experience of Urban Transformations]. This section of two articles. In the first, 'Suverenitet i povsednevnost':"sistema" marshrutnykh taksi v stolitse Buryatii' [Sovereignty and Daily Routine: the 'System' of Fixed-Route Taxis in the Capital of Buryatia], the author analyses the 'localised forms of sovereignty' (as opposed to the global and national forms thereof), and 'previously inconceivable social spaces' which came into being in the chaos and uncertainty of the post-Soviet era. The 'everyday forms and practices of sovereignty' on the streets of Ulan-Ude in the form of fixed-route taxis, which are an illegal system, ensure that the city can function.

This micro-world has its own form of sovereignty: it can exclude,kill, punish, it collects tolls, and so on. The mafia turned out to be more effective than the state, and Humphrey traces its roots in the Soviet era, recalling how the official Soviet collectives and unofficial youth groups were organised at the time.

The second article in the section, 'Novye subyekty i situativnaya vzaimozavisimost - posledstviya privatizatsii v Ulan-Ude' [New [Federal] Subjects and Situational Interdependence - the Consequences of Privatisation in Ulan-Ude], acts as a continuation of the group of texts on the new space of the small Siberian town.Humphrey here turns to pre-Soviet history and traces back the formation of Ulan-Ude. In her opinion the post-Soviet era is characterized by the fragmentation of space into various autonomous - social and cultural - segments which settle in anew with the help of various symbols and rituals and various social networks.

In the concluding section entitled 'Dukhovnaya zhizn' [Spiritual Life] the reader will find the article 'Stalin kak Sinii Slon: problema paranoii i souchastiya v (post)kommunisticheskh metaistoriyakh'[Stalin as a Blue Elephant: the Problem of Paranoia and Complicity in (post-) Communist Meta-Histories], which talks about the interpretation of the history of Stalin's Purges through a special Buddhist language of allegories and metaphors. According to local legends, Stalin is turning into the reincarnation of the Blue Elephant who a long time ago pledged to destroy Buddhism. In this legend Humphrey sees a 'paranoidal discourse' where contradictions produced by one's own subconscious mind are transferred/projected onto otherpeople and the surrounding world; a paranoiac lives in a distorted supernatural reality that constantly needs to be interpreted and decoded. And the legend, the scholar thinks, lays bare the problem of personal responsibility: exculpating Stalin for the Purges equates to lifting the personal guilt from every person who participated in them.

The last article in the book, 'Shamany i shamanstvo kak novyi fenomen gorodskoi zhizni' [Shamans and Shamanism as a New Phenomenon of Urban Life], examines how the current Buryatia shamans view the everyday urban routine and which additional meanings they see in it. Humphrey returns to her thought that Ulan-Ude, a modernist city, broke up, after the collapse of the Soviet order, into fragments out of which it is not possible to piece together any meaningful order: everywhere one can see chaos, frightening and unknown spheres, explosions, violence. In their

imagination the shamans, mixing together various cultural images, create their own town and see it as a part of their own personal world.

Thus the work that I am reviewing presents a collection of quite diverse studies that reflect Caroline Humphrey's very broad research interests. They are brought together as a logical collection by the constant upfront references to the Soviet era — the social practices and notions that formed in it which, if they cannot be said to predetermine post-Soviet identities and actions, have at least left a noticeable impression on these.

At the same time, one's attention is arrested by the fact that the majority of the articles in the original book were published in 1998–2004, and the latest one - about the 'consequences of privatisation' in Ulan-Ude - as long ago as 2007. This means that most of the time they speak of what was happening in Russia (and in its 'Asiatic' parts at that) during the 1990's. It goes without saying that this in many respects influenced the choice of topics to be analysed (privatisation, shuttle trade, 'new Russians', dacha economy, the 'mafia', and so on), as well as the way in which they are examined: emphasis on collapse, chaos, uncertainty, the formation of unofficial networks, an intensification of local allegiances, etc. It is beyond doubt that in the 1990's the '(post-)Soviet heritage' was alive and — this is generally agreed - it sculpted people's actions and thoughts. But, reading these articles in 2010, we can see that a lot of the topics have already lost their topicality, and many phenomena that were typical of the Yeltsin era havealready almost disappeared or have undergone substantial changes (Humphrey herself acknowledges this in her opening word); different realia, social groups, dividing lines, notions and identities have arisen. Various components of the former space which 30–50 years ago were following, as it seemed, converging and intersecting trajectories, today move further and further apart, are less and less similar to one another and have different reference points/guiding lines and prospects in the future. The extent to which one can explain these transformations with reference to the socialist past is diminishing all the time. The researchers of these new processes try to place them in broader, more comparative contexts in which they become just an instance of more general tendencies for change in 'Europe', 'the West', 'the East', 'the South', 'Eurasia', 'the post-colonial world', 'the global world', 'the global periphery and semi-periphery', and so on. It is probably too early to predict the end of 'the anthropology of (post-)socialism'. One can still observe how, for example, socialist China, occupying the geopolitical position of the former USSR, is resisting 'normalisation' (although it seems that China is also ready to give in to this). What is more, 'the anthropology of socialism' retains its historical value. Many historians and anthropologists refuse to slot the Soviet epoch into the universalising framework that has all too obviously been created in accordance with the templates of a single history written in American and European universities (although one can also observe an ever-intensifying desire to explain socialism using more general principles).

Humphrey's book is not dictated by just one way of theoretical thinking. In the genre of not very binding studies, the researcher maintains a distance from big concepts, speaks about local examples and does not clearly state her position in respect of the viability of any 'anthropology of socialism'. This cautious standpoint may, on the one hand, be attractive for its flexibility, but on the other hand may bemuse the reader due to the incompleteness of the conclusions. In any case, Humphrey puts readers in a position where they themselves must decide which conceptual framework should house what they have read. The reader becomes an unwitting co-author, completing the thoughts and text contained in Humphrey's book and deciding for him- or herself whether or not 'the anthropology of socialism' still has a right to exist.

References

1. Chari Sh., Verdery K. 'Thinking between the Posts: Poscolonialism, Postsocialism, and Ethnography after the Cold War' // Comparative Studies in Society and History. 2009. Vol. 51. No. 1. Pp. 6–34.

2. Humphrey C. Karl Marx Collective: Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Farm. Cambridge: Cambridge University Press,1983.

3. Marx Went Away — But Karl Stayed Behind. Updated Edition of Karl Marx Collective: Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Farm. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1998.

4. 'Does the Category 'Postsocialist' Still Make Sense?' // Hann C.(ed.). Postsocialism: Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia. London: Routledge, 2002. Pp. 12–15.

5. Kotkin S. 'Modern Times: The Soviet Union and the Interwar Conjuncture' // Kritika. Winter 2001. Vol. 2. No. 1. Pp. 111–64.

***

О.В. Ярымова,
Москва, Россия

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И КИТАЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»

За последнее десятилетие России и Китаю удалось добиться подлинно партнерского взаимодействия по всему комплексу актуальных международных и региональных проблем. Оно достигло беспрецедентно высокого уровня, превратившись в важный фактор не только обеспечения национальных интересов наших стран, но и содействия миру и стабильности во всем мире. Мы эффективно сотрудничаем в вопросах обеспечения стратегической стабильности, борьбы с международным терроризмом, организованной преступностью, противодействия наркотрафику, продвижения коллективно выработанных решений в сфере контроля над вооружениями, нераспространения ядерного оружия и обеспечения противоракетной обороны в соответствии с принципами равной и неделимой безопасности для всех. Во всех глобальных и региональных организациях и форумах, включая ООН, «Группа двадцати», БРИКС, ШОС, мы действуем рука об руку, последовательно достигая поставленных целей.

Россия высоко ценит диалог с Китаем особенно по вопросам укрепления стратегической стабильности. Нельзя не отметить близость подходов двух стран к данной теме, отражением которой стало Совместное заявление об укреплении глобальной стратегической стабильности, принятое 25 июня 2018 г. Кроме того, российско-китайское взаимодействие в денежно-кредитной сфере на сегодняшний день представляется естественным и необходимым способом отстаивать интересы двух государств, создавать собственную инфраструктуру финансовой безопасности. Более того, при оценки уровня экономической безопасности стран-участниц инициативы «Один пояс, один путь», реализованного в рамках экономического патроната со стороны, например, правительства и Центробанка страны, экономической кооперации и экономического противоборства – наименьшему уровню экономической безопасности государства при наименьших возможных значений каждого нормированного показателя экономической безопасности (0,01). Однако в том же случае, наибольшее возможное значение каждого нормированного частного показателя (100) соответствует наибольшему уровню безопасности национального хозяйства страны [7].

Вызванные смещением баланса сил глубокие изменения в сфере международных отношений приводят к нарастанию глобальной и региональной нестабильности и росту конфликтного потенциала. Усугубляют ситуацию попытки некоторых стран урегулировать кризисные ситуации исключительно силовыми и радикальными методами. Полицентрическое мироустройство приводит к столкновению различных подходов. В ход идут разнообразные методы, с учетом использования в нарушение международного права и Устава ООН односторонних санкций и военной силы.

Глобальный террор – один из главных вызовов международной безопасности, ответ на который может быть дан исключительно объединенными усилиями мирового сообщества, путем создания широкой международной антитеррористической коалиции на прочной

правовой основе. Не могут не тревожить негативные тенденции в области ядерного оружия. Кроме того, новым вызовом международной безопасности стало неуклонное число случаев использования ИКТ (информационно-коммуникационные технологии) в криминальных, террористических и военно-политических целях. Поэтому особо значимой становится проблема защиты объектов инициативы ОПОП, которая еще не получила на международном уровне даже первого рассмотрения.

Официальный документ «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского пути XXI века»[4], опубликованный в марте 2015 г., объединил две практически схожие концепции в единый мегаконцепцию «Один пояс, один путь», важнейшим фактором развития которого названо многостороннее взаимодействие механизмов (ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), «10+1» (Китай – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), формат «10+1), АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество), АСЕМ(Форум «Азия – Европа), ДСА (Диалог по сотрудничеству в Азии), СВМДА (Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии), Форум китайско-арабского сотрудничества, Китай – ССАГПЗ (Диалог Китай – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива), Экономическое сотрудничество СБМ (Экономическое сотрудничество Субрегиона Большого Меконга), ЦАРЭС (Центрально-азиатское региональное экономическое сотрудничество). Соответственно, концепция «Один пояс, один путь» определяет 6 направлений сотрудничества: Китай – Центральная Азия – Ближний Восток; Китай – Юго-Восточная Азия; Китай – Казахстан – Россия – Европа; Китай – Индийский океан – Европа; Китай – Индийский океан – Африка; Китай – Юго-Восточная Азия – южная часть Тихого океана. «Ледовый шелковый путь» (Северный морской путь – Северо-западный проход –Трансарктический морской путь) присоединился к данному списку в 2018 г.

Несмотря на то, что в первые восемь месяцев 2019 г. товарооборот между Китаем и Россией вырос на 4,5% по сравнению с предыдущим годом (2018 г.) и достиг 70 млрд 590 млн 728 тыс. долл. США[5], активно строятся новые транспортные переходы между странами и формируются новые зоны свободной торговли, вопросы безопасности реализации интеграционных проектов в рамках ОПОП, особенно в транспортной сфере, занимают одно из первых мест в повестке дня – долгосрочность действующих и осуществление перспективных транспортных проектов, находится в прямой зависимости от обеспечения их безопасности.

В данном случае следующие принципы межгосударственных отношений в области безопасности необходимы сегодня и в будущем: неделимость безопасности [6], достаточность в военном строительстве, урегулирование межгосударственных разногласий политическими средствами, налаживания двустороннего и многостороннего сотрудничества при ненаправленности против третьих стран[1], укрепления военных мер доверия, придание военным доктринам государств регионов ненаступательного характера. В качестве фундамента могли бы стать такие организации, как ШОС, ОДКБ, АСЕАН. Более того, для выработки компромиссной, однозначной и непротиворечивой трактовки итогов окончания Второй мировой войны необходимо учредить постоянно действующий научно-экспертный международный форум с участием соответствующих специалистов для совместного обсуждения и исследования исторических событий, связанных со Второй мировой войной, обращая особое внимание на страны Восточной Азии и Тихого океана, и их последствиями.

Литература

1. Азиатско-Тихоокеанский регион: проблемы глобальных и региональных измерений безопасности/ сост. В.Б. Кашин, В.И. Балакин. – М.: ИДВ РАН, 2018. – 304 с.

2. Восточная Азия и изменения глобального миропорядка: Доклады, представленные на V международной конференции молодых востоковедов в Институте

Дальнего Востока РАН (Москва, 16 – 17 ноября 2017 года) / Совет молодых ученых ИДВ РАН. – М. : ИДВ РАН, 2018. – 288 с.

3. Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXIII: ежегодное издание /сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. – М.: ИДВ РАН, 2018. – 392 с.

4. Официальный сайт МИД КНР // Официальный документ «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского пути XXI века» // 2015-03-28 // Дата обращения 29.09.2019 // URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml

5. Официальный портал «Один пояс, один путь» // 2019-09-26 // Источник: Агентство Синьхуа // В январе-августе 2019 года товарооборот между Китаем и Россией увеличился на 4,5 проц. // Редактор: Ли Шаньлань // Дата обращения 29.09.2019 // URL: https://rus.yidaiyilu.gov.cn/business/investment/104678.htm

6. Официальный сайт Президента России // 2018-11-8 // Декларация Совета коллективной безопасности Организации договора о коллективной безопасности// Дата обращения 29.09.2019 // URL: http://kremlin.ru/supplement/5356

7. Перспективы изменения уровня экономической безопасности стран – членов ШОС при реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути, 195 – 266 с. // Д.В. Гордиенко // Азиатско-Тихоокеанский регион: проблемы глобальных и региональных измерений безопасности/ сост. В.Б. Кашин, В.И. Балакин. – М.: ИДВ РАН, 2018. – 304 с.

8. 新时代的中国与世界的白皮书 // 2019-09-27 // 中华人民共和国中央人民政府 // URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-09/27/content_5433889.htm

9. 中国的核安全的白皮书 // 2019-09-03 // 中华人民共和国中央人民政府 // URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-09/03/content_5426832.htm

10. 新时代的中国国防的白皮书 // 2019-07-24 // 中华人民共和国中央人民政府 // URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-07/24/content_5414325.htm

11. 关于中美经贸磋商的中方立场的白皮书 // 2019-06-02 // 中华人民共和国中央人民政府 // URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-06/02/content_5396858.htm

12. 新疆的文化保护与发展的白皮书 // 2018-11-15 // 中华人民共和国中央人民政府 // URL: http://www.gov.cn/zhengce/2018-11/15/content_5340625.htm

13. 中国的北极政策的白皮书 // 2018-01-26 // 中华人民共和国中央人民政府 // URL: http://www.gov.cn/zhengce/2018-01/26/content_5260891.htm

14. 中国的亚太安全合作政策的白皮书 // 2017-01-11 // 中华人民共和国中央人民政府 // URL: http://www.gov.cn/zhengce/2017-01/11/content_5158864.htm

КИТАЙСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

А.Н. Алексахин,
Москва, Россия

ИЗУЧЕНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА И РОЛЬ АЛФАВИТА И ЗВУКОБУКВЕННОГО СТАНДАРТА СЛОВА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПУТУНХУА

По мере развития российско-китайских отношений во всех сферах логичным движением в сторону их дальнейшего углубления и совершенствования является введение изучения китайского языка в школы Российской Федерации. В 2019 году школьники впервые будут сдавать ЕГЭ по китайскому языку. До этого ЕГЭ сдавали только по английскому, французскому, немецкому и испанскому языкам. Научная и методическая разработанность этих индоевропейских языков в интересах их преподавания в российской школе несомненно превосходит эти параметры китайского языка, типологически по всем уровням языковой системы (фонологическому, грамматическому и лексическому) являющимся необычном для языкового сознания русскоязычного школьника. Самым же

необычным и непривычным для умственного и психологического восприятия русскоязычных школьников является то, что слова китайского языка записываются не привычными для них буквами, как в русском, английском, французском, немецком и испанском, но иероглифами. Проблема восприятия китайского языка через призму иероглифа существует давно, вероятно с момента первых контактов индоевропейцев с китайцами. Историческая давность существования китайских иероглифов и их большое количество окутаны разного рода мифами и сказаниям, что приводит к фетишизации китайской иероглифики. Об этом писал энциклопедист в области китайского языка и культуры академик В.М. Алексеев: «Однако, едва ли не более исступлённое, и, во всяком случае, более извращённое обожание иероглифической письменности мне часто встречалось среди иностранцев, а не китайцев. Иероглифика представляется им ещё более сверхъестественной, чем простому добродушному китайцу, верующему в происхождение иероглифа от «святых людей древности», и не допускающих кощунственного отношения к бумаге, на которой начертаны их графические потомки». И далее: «Подобная тяжёлая картина, так сказать, заболевания иероглифическим пафосом на моей памяти не единственная. … И в России иероглифический фетишизм встречал, а может быть и доселе встречает, своих представителей» [2, с.32-33].

В издающихся для школьников пособиях по китайскому языку прямо или косвенно проявляется фетишизация китайского иероглифа в виде тиражирования положения о том, центральной единицей китайского языка в отличие от русского является иероглиф, а не слово. Подобная экзотизация китайского языка затрудняет его практическое изучение. Поэтому важно на самом начальном этапе изучения китайского языка научно определить типологию традиционной иероглифической письменности китайского языка. И эффективно и наглядно это определение делается на фоне и в паре с инновационной буквенной письменностью китайского языка, которая вот уже шестьдесят лет широко используется в Китае и за его пределами [3, с.185-198]. Исходя из аксиомы языкознания о том, что центральной единицей языка человека является слово и что китайский язык в этом смысле не является исключением, и что китайцы в речи говорят словами, а не иероглифами. Часто даже не зная, какими иероглифами записываются произносимые ими слова. Слово как двустороння единица языка имеет план выражения (звучание) и план содержания (значение). Китайская традиционная письменность иероглифика обозначает значение слова и поэтому типологически определяется как идеографическая (идея – смысл, графо - писать), китайская инновационная письменность типологически определяется как фонографическая (фоно - фонема, графо - писать). Качественное различие двух видов письменности демонстрируется в следующей таблице.

Количественное соотношение иероглифов и букв для обозначения слов «Нормативного словаря современного китайского языка»

План содержания (значение)	**СЛОВО (единство значения и звучания)**	План выражения (звучание)
ИЕРОГЛИФ		**БУКВА**
.«Нормативный словарь современного китайского языка». Пекин, 2005 год, с. 19.,предназначенный для читателей среднего культурного уровня, включает весь список употребительных иероглифов современного китайского языка в	Количество слов в принципе бесконечно, но относительно ограничено активно используемым словарным запасом. «Нормативный словарь современного китайского языка». (Пекин, 2005 год) включает около **68000**	Около 57 букв и 4 диграфа, обозначая по определённым орфографическим правилам около **68000** слов и выражений современного китайского языка, создают тем самым **звукобуквенный стандарт плана выражения слов** этого языка**.**

количестве 7000 знаков и часть не входящих в этот список иероглифов, всего около **13000** иероглифов.	общеупотребительных слов и выражений	

11 февраля 1958 года Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) единогласно утвердило **Проект записи слов китайского языка путунхуа буквами китайского алфавита**. Проект включает китаизированный алфавит на основе латинских букв и правила записи этими буквами простых односложных слов китайского языка. В 1984 году в КНР были опубликованы правила орфографии, в которых за единицу написания было принято слово, статистической нормой которого является двуморфемное слово. После многолетнего практического применения эти правила орфографии в 2012 году были утверждены Государственным управлением КНР по техническому надзору. Орфографические правила основываются на признании и осознании того, что в китайском языке, как и в других языках, центральной единицей языка является слово, а не иероглиф.

Министерство образования КНР 10 мая 2018 года, отмечая 60-летие Проекта, провело научный симпозиум, в материалах которого констатируется, что разработка и проведение Проекта записи слов китайского языка буквами китайского алфавита является эпохальным событием в истории китайской цивилизации [1, с.6-14]. В создании этого проекта приняли участие выдающиеся китайские языковеды, в частности "отец" китайского алфавита Чжоу Югуан (1906-2017) 周有光 Реализация проекта с самого начала стала возможной благодаря поддержке высшего руководства КНР и лично Председателя КНР Мао Цзэдуна (1893-1976) и премьера госсовета КНР Чжоу Эньлая (1898-1976).

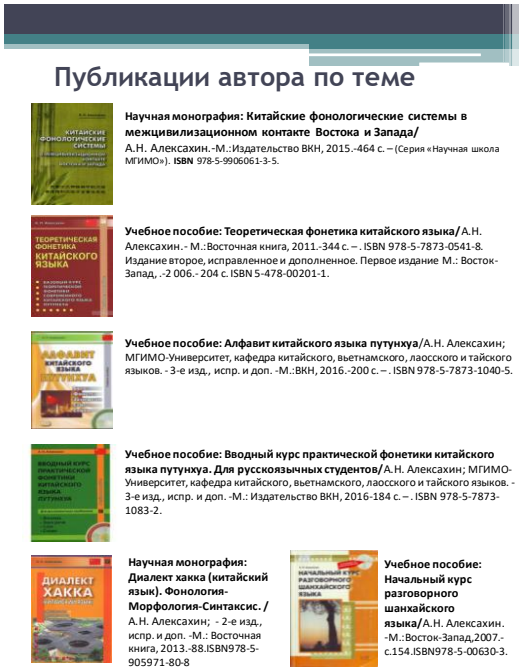
В Китае сложилась уникальная ситуация функционирования государственного китайского языка путунхуа, фиксируемая формулой "один язык - две письменности" 一语双文 Одна традиционная - идеографическая и вторая инновационная - фонографическая. Боле 800 миллионов интернетпользователей в КНР ежедневно пользуются звукобуквенным стандартом слова для ввода иероглифов. Поэтому Закон КНР о государственном языке и письменности обязывает в начальной школе преподавать и изучать звукобуквенный стандарт слова китайского языка путунхуа [3, с.188-189].

Досадным историческим инерционным недоразумением является то, что в преподавании китайского языка в России звукобуквенный стандарт слова китайского языка подаётся в виде транскрипции китайского иероглифа. Например, орфограмма слова èr «два» подаётся как слово, состоящее из двух звуков на том основании, что состоит из двух букв. А в действительности это слово образовано одной гласной ретрофлексной фонемой /ɚ^{51}/. И таких примеров много. Это знание становится доступным для русскоязычного школьника только при условии понимания правил орфографии орфограмм слов китайского языка. Фактически, в преподавании по таким учебным пособиям происходит смешение буквы и значимого звука речи (фонемы). Это как если бы в преподавании английского языка орфограммы английских слов считались бы их транскрипцией, например слово knife «нож» предлагалось бы произносить по пяти буквам орфограммы этого слова.

Китайская фонографическая письменность в виде «Проекта записи слов китайского языка буквами» была официально принята в КНР в 1958 году. В 2018 году использование этой инновационной письменности в КНР исполняется только шестьдесят лет, что совсем немного по сравнению с многовековой историей традиционной идеографической письменности. Проект включает алфавит для записи слов китайского языка путунхуа и правила орфографии. В качестве исходных букв китайского алфавита используются 25 латинских букв и пять надстрочных диакритик, включая значимое отсутствие (нулевой) диакритики для обозначения дифференциального признака китайских гласных – нейтрального тона. Законодательное оформление и закрепление **звукобуквенного стандарта записи слов китайского языка путунхуа** привело к тому, что китайский иероглиф, исторически именуемый «великим немым»[2, с.17], заговорил звуками пекинской

речи, обозначаемыми привычными для миллионов людей латинскими буквами «с китайской спецификой». Специфика в частности заключается в том, что, например, гласная максимального раствора «а» имеет пять орфограмм: ā, á, ǎ, à, a. И только такими китаизированными буквами можно записывать орфограммы слов китайского языка. Например, в предложении Má mā mà mǎ ma ? Мама Ма ругает лошадь ? 麻妈骂马吗?

Для преодоления неадекватного представления о двух видах письменности современного китайского языка путунхуа и внедрения в процесс изучения научного знания о функционировании звукобуквенного стандарта слова китайского языка на основе фонографической письменности разработаны и опубликованы научные монографии и учебные пособия:



На основе звукобуквенного стандарта слова осуществляется обучение китайскому языку путунхуа миллионов китайцев, изучающих путунхуа как второй язык, ибо отличия между их родными региональными языками и путунхуа, по констатации китайских языковедов, не меньше, если не больше, чем между английским и немецкими языками [4, с.245]. Восприятие слова через звукобуквенный стандарт естественно запоминается и сохраняется в памяти в единстве звучания и значения, поэтому легче воспроизводится в речевых видах деятельности, в том числе в устных видах перевода. Об этом говорят многочисленные примеры и эксперименты с грамотными носителями китайского языка, когда они, произнося то или иное слово, не могут его записать соответствующим иероглифом. Особенно это относится к массово компьютерно образованному современному поколению (поколениям) китайцев, которые предпочитают не писать иероглифы, а набирать их на компьютерах с помощью алфавитного письма. Поэтому изменилась традиционная методическая установка для изучения китайского языка. Если раньше рекомендовали больше писать (多写), то сейчас рекомендуют больше набивать или вводить (多打). Под этим имеется в виду удары по буквенным клавишам, где есть функция через буквы китайского алфавита набирать слова и вызывать тем самым нужную реакцию.

Опора на звукобуквенный стандарт слова значительно повышает эффективность формирования речемоторных навыков владения китайским языком, в том числе всех видов устного перевода.

Литература

1. Алексахин А.Н. "Алфавит китайского языка путунхуа. Буква-Фонема-Звук речи-Слог-Слово" . 60 лет китайскому алфавиту. – М., 2018.

2.Алексеев В.М. Китайская иероглифическая письменность и её латинизация. Издательство академии наук СССР. Ленинград, 1933.

3. 苏培成。语言文字应用探微。北京。 2019 Су Пэйчэн. Исследования применений письменностей языка. – Пекин, 2019.

4 邹嘉言，游汝杰。汉语与华人社会。上海，2001 年。Цзоу Цзяянь, Ю Жуцзе. Китайский язык и китайское общество. –Шанхай, 2001.

***

М.М. Алжеева,
Элиста, Россия

张爱玲作品中展示出的女性生命价值

本文考察了张爱玲作品中的女性形象，分析了当时女人的生命价值，女人在社会中的地位。张爱玲笔下的女性形象是各种各样的，固然她们有着不同背景、身份、年龄和性格的女性风姿各异，但她们却殊途同归地走向了自身的悲情。女性角色之中，有自甘附庸平凡现象的麻木，有虚弱的抵抗之后股从的悲情，也有竭尽全力的斗争中走向沉沦的忧愁。

《红玫瑰与白玫瑰》中的孟烟鹂，可以说是一个甘为男性附庸而不知抗争的典型形象。虽然她是一位受了高等教育的“新”女性，但是在身体里透彻的仍是传统的封建制度的旧思想。烟鹂有着传统的封建男权社会所提倡的标准妇德：怯弱、无知、迟钝、沉默和驯顺；烟鹂像医院里的白屏风似的，战战兢兢地隔绝世界上一切的恶或善，因而她虽念过了大学却仍空洞苍白得可怜。至于她的丈夫振保，她爱他不为别的，只因为他是在很多人之中被家人为她指定给她的丈夫。结婚以前她是为了结婚而结婚，因为丈夫就是她的天，结婚以后她依旧不能找到自己的位置。振保并不爱她，开始时的时候对她的嫌弃与不满逐步发展为成公开宿娼，不拿钱养家；对振保的放荡和不负责任，烟鹂除了忍受别无主张，她只能在孤寂与空虚中徒然花自己那毫无生气的生命。烟鹂不知道她的价值，自身存在的价值，也全然没有独立存在的自觉，她有的只是自觉攀附，而她的自觉攀附甚至让她感觉不到自己的可悲，她的惊人的麻木与愚弱呈现出的是一种彻骨的悲凉。

至于《留情》中的郭凤前夫死了以后嫁给了一个比她足足大 25 岁的老头作姨太太。她的选择与烟鹂同样都不是出于真正的爱，但她有烟鹂盲目空洞的思想之外的冷静她还不都是为了钱。她照应他，也是为她自己打算——反正他们大家心里明白。

与她们有着相同命运的还有《等》中那一群太太们，她们不停地抱怨着自己丈夫的绝情和负心，整日耿耿于怀——不是对丈夫另寻新欢的怨愤，而是为丈夫可能会遗弃自己担忧，因为丈夫是她们唯一的依靠，是她们生活中所有的支撑。于是曾经鲜活的生命就在这麻木而无望的等待中一个个磨蚀并消亡了。而这种消亡却仍换不回丈夫丝毫的爱。这就是那些不知自省自甘附庸的女性们的可悲命运。

如果说孟烟鹂们只是以无望的等待作为生活中唯一的目标而从来不思反抗，那么《茉莉香片》中的冯碧落却曾为自己的幸福萌发过一丝抗争的意念。碧落结婚之前曾与言子夜相爱，面对家庭的压力她开始时并没有放弃，甚至迈出了勇敢的一步：她主动约会言子夜，希望他们的爱和勇气可以改变命运。可是当年少气盛的言子夜不愿委曲求全却要和她一同出走时，碧落却瑟缩着退回了封建世俗的樊笼。面对无爱的婚姻，碧落最终悒悒而死。“她不是笼子里的鸟，笼子里的鸟，开了笼，还会飞出来。她是绣在屏风上的鸟——悒郁的紫色缎子

屏风上，织在云朵里的一只白鸟。年深月久了，羽毛暗了，霉了，给虫子蛀了，死也还死在屏风上”[1, 46]。张爱玲以“绣在屏风上的鸟”作碧落生命活力被窒息的象喻，揭开了她生命悲剧的内在原因——缺乏足够的作为人的自主意识及抗争精神。她曾发出的微弱的爱的呼唤并没有回声，很快就为黑暗所吞没。

《倾城之恋》中的白流苏则是另外一个有过短期抵抗却又不得不屈服于传统的封建男权的典型。与烟鹂相比，白流苏更是一名受到西方式教育影响的新女人。固然是出身于腐败没落的封建陈旧家族，流苏身上却充满了现代女性新鲜而又充满活力的生命气息。对于自己不幸的婚姻，她对男权社会进行了勇敢的抗争：与丈夫离了婚，并始终不放弃择偶再嫁的自主权，可是作为一名离了婚的女人，眼看容颜不再，又没念过两句书，肩不能挑，手不能提，流苏又能做什么呢？她只能如鲁迅笔下那只盲目的苍蝇，飞了一圈依然又回到了原来的地方：再结婚。结婚的目的只有一个：寻求安稳可靠的经济保障。流苏在命运的沉浮中抓住了范柳原，可是重要的是柳原爱她，而不是她是否爱他。正如张爱玲曾说，对于大部分的女人，“爱”的意思就是“被爱”。虽然流苏有着回归女性本真的深深渴望，可是她依然只得放弃自身价值的追求，以“被爱”来寻求生计。白流苏的抗争也是软弱的，不完全的抗争。她的遵从虽是外面环境的逼迫，却也因为她对范柳原自觉却并非自愿的附庸——只是经济上的，也有心理上的，人格上的附庸。不论是作为妻子，还是情人，无论是得或失，流苏的命运都是悲哀的，是女性失去独立生命价值后深层的悲哀。

在张爱玲的笔下还展示了另一类女性生命的悲情：从挣扎中走向堕落。《沉香屑——第一炉香》中的葛薇龙，最初出现在人们视野中还是一个从上海来到香港读了两年书，不失去天真纯朴与善良的女学生，她来到富寡妇姑母家时的时候只不过是要获得一点经济的支持以完成学业。在姑母梁太太营造的充满满清末年淫逸腐败气氛的恶性世界中，女主人公固执地坚守着内心最后一方清洁之地，将爱情作为唯一的真正的生命寄托和寻求。她固执地坚守着对自我本真的爱的寻求，可是也正是这份固执将她推进了悲情的境地——当她把实现自我价值的意义全部寄托在她所爱的一个典型的浅薄浮夸的花花公子乔琪身上，就注定了她不可逃脱的悲情命运。为了这份绝望的爱，薇龙自愿地走入了自我破坏的沉沦深渊，“把自己整个人卖给了太太和乔琪，整天忙着，不是替梁太太弄钱，就是替梁太太弄人”[2, 169]。薇龙的悲情是执着于自我的，却在艰难挣扎后在悲凉的俗世生活中不能找到真正的、全部的自我的悲情。

然而《连环套》中的霓喜，原本是一个有着健康的魅惑力与积极的生命力的女人，她要爱的同时也要安全的婚姻保障，霓喜不但两者不能失去，而且在生存的威胁中由身体的沉沦走向了精神的沉沦，始终的悲情在霓喜的生命中渐渐循环发生。她的悲情是为卑劣更为可怜的自我丧失的悲情。

张爱玲对人的生命价值的探讨多是倾注于女性的，是对女性本体生命价值迷失的悲情情境和根源的认识。通过描写一幅幅女性悲情命运的画面，张爱玲不仅展示出女性自我价值迷失之际的各种悲情生存状态，更揭示出了女性自我价值迷失的外在基础及内在缘由。悲凉的笔调渗透出张爱玲对女性悲情命运的哀伤，以及对女性回归自我本真成为真正的女性自由而优美地生存的深刻的愿望。

在张爱玲看来，“流苏与流苏的家，那样的古中国的碎片，现社会里还是到处有的……它是你贴身的人与事”[3, 221]。可是作家并没有像她们一样大错特错，张爱玲在作品中描会在她原来的生活圈子以外更广阔更普遍的人生。

与败落家庭中那些花花公子们不同，他们是现实社会中最凡俗且普遍的小市民阶层，这些人接受了一定的西式教育、西方文化、在时代的潮流中尽力争取着求生存的“新”人们。在作家的眼中，富家子弟正是这时代的广大的负荷者。他们代表着社会的大多数的普通人们，凡俗的小市民尽量适应着社会的变化、适应着时代，尽量调整着自己的生存行为，在现代很大的压力下，他们有的只是“缩小又缩小的，怯怯的愿望”[4, 99] ——寻求一种相对安稳的人生。可是在这时代的高潮到来之前，人们还不能挣脱时代的梦魇，即使是作为一个讲故

事的人，张爱玲也只能默然注视着在社会的很大力量下，在败落与新生交接的时代这些虚弱的人生痛苦地煎熬与挣扎。在这里，作家表现出的是人与社会对立的悲情状况。

张爱玲在作品中给我们描写出一幅现代中国怪诞而荒唐的社会图景：在《沉香屑——第一炉香》里，薇龙初次出现时的情景就给读者一种耀眼的使人们“眩晕的不真实的感觉——处处都是对照，各种不调和的地方背景，时代气氛，全是硬生生的给掺揉在一起，造成一种奇幻的境界”[5, 167]，如同仿古的碧色琉璃瓦盖上最时尚的电影院的豪宅里的屋顶；美国南部最早传统建筑的白石圆柱矗立在铺着红砖的走廊上；象牙观音像和鼻烟壶竟然陈列在立体化的西式布置的客厅里，而薇龙自己，也四不像地在奇特的满清末年款式的中学制服上摩登地加上了一件绸缎背心。这种西方人在思想上的中国式的精巧、滑稽、荒谬的背后，折射出来的是中西文化相互渗合的畸形而荒诞的社会背景。

除了这种奇异的生活环境之外，呈现在眼前的还有人们奇特的生活方式：《留情》中的淳于敦凤嫁给米晶尧作姨太太，却将结婚证书挂在厅中十分醒目的地方，尽管所有的事情是按照最新式的方法做得，淳于敦还是在报上刊登的订婚启事之后，又无法控制自己附上了古时代常作的诗；这篇小说《留情》中的杨宅充满西式家具，还有装饰故宫的风格，但是他们还添建一个烟铺；而《茉莉香片》中聂家的奢华网球场只作为烧大烟的地方。从这种荒谬的图景中我们可以了解在西方文化的逼迫下虽然使人们迎合外来文明的特征，但市民还是保存原有的传统价值观。人们甘于采用西方的文化风气，尽力试图追赶上时代的浪潮，却又摆脱不了那些旧时代传统的束缚。两种不相同文化的价值观粗糙地掺和拼凑着，但是形成的结合原来毫无价值的。面临历史与时代的迫使的选择，虚弱的个人生命只能在巨大的压力下服从，达成协议。作家塑造出的一种喜剧式的时代氛围，而与此同时，她又营造出另一种悲剧性的时代氛围。在《沉香屑——第一炉香》里，为了那种固执而自卑的爱放弃了一切的薇龙想到自己未来时：“她在人堆里挤着，有一种奇异的感觉，头上是紫黝黝的蓝天，天尽头是紫黝黝的冬天的海，但是海湾里有这么一个地方，有的是密密层层的人，密密层层的灯，密密层层的耀眼的货品……然而在这灯与人与货之外，还有那凄清的天与海——无边的荒凉，无边的恐怖”[6, 168]。

《封锁》中，封锁后在空间与时间被刺耳的鸦雀无声之中：“这庞大的城市在阳光里盹着了，重重的把头搁在人们的肩上，口涎顺着人们的衣服缓缓流下去，不能想象的巨大的重量压住了每一个人”[7, 144]。

然而在《倾城之恋》中，白流苏对动乱期间的战争中的香港的印象则是“一到晚上，在那死的城市里，没有灯，没有人声，只有那莽莽的寒风，三个不同的音阶，‘喔……呵……呜……’无穷无尽地叫唤着，这个歇了，那个又渐渐响了，三条骈行的灰色的龙，一直线地往前飞，龙身无限制地延长下去，看不见尾。‘喔……呵……呜……’叫唤到后来，索性连苍龙也没有了，只是一条虚无的气，真空的桥梁，通入只暗，通入虚空的虚空”[8, 95]。

有评论认为，张爱玲的小说远离了时代和社会，张爱玲的确没有从正面描写过战争和革命，但正是从她营造出来的那集喧器、凡琐与空虚、荒凉于一体的艺术氛围之中，我们可以感受到时代、社会在这个世界浓浓的投影，感受到悲剧性的时代氛围以及生活、社会整体的腐烂。在她的笔下，外部的社会作为一个异己的，陌生的，对立的环境围绕了无依无靠、孤独的人。在作家的艺术创作上，张爱玲为我们描写了沪港中产阶级及市民阶层的普通的人们，不论是新派的人还是旧派的人，他们都唱歌唱走了板，跟不上生命的胡琴。不管这些人们怎样争取，都无法摆脱梦魇的时代，不能停止被社会阴影的吸收。他们不是周围环境的主人，又不是自己的主人，他们不能掌握自己的命运，他们只有在时代的潮流中在浪中，自身无力逃脱的悲情命运。张爱玲带着对这些软弱的凡人悲情命运的深深理解，将目光投入历史与社会的纵深处，探索着凡俗人生悲剧之源。面对着现实中“肮脏，复杂，不可理喻”[9, 58] 的社会，张爱玲发出凄伤的慨叹：“多么天真纯洁的，光整的社会秩序：‘文官执笔安天下，武将上马定乾坤’，思之令人泪落”[10, 69]。这里面既包含着张爱玲对无常的人生

中恒常悲剧的无奈和哀婉，也有挣不脱时代梦魇的乱世中人们对一个美丽、安静而可靠的社会感到哀悼的伤感。

“我想到许多人的命运，连我在内的；有一种郁郁苍苍的身世之感。‘身世之感’普通总有自伤、自怜的意思罢，但我想可以有更广大的解释的”[11, 84]。诚然，张爱玲取材于她对人生深深理解和对时代、对人类命运的沉思而发出的“身世之感”，既没有个性差异、也没有阶层划分，然而对于整个人生以及整个社会发出的悲音。

中西两种社会文化对张爱玲的影响，首先来自她的父母。张爱玲的父亲是一个遗少式的人物，风雅能文，给了她一些古典文学的启蒙。而张爱玲的母亲则是一个新式女性，敢于出洋留学，敢于离婚，她的生活情趣及艺术品味都是更为西方化的。她母亲就在张爱玲幼小的心灵中撒下了西方文化的种子。

其次来自她自己的经历。张爱玲作品中的文化背景是衰落中的文化，乱世中的文明。受父母的影响，张爱玲从小会背唐诗，也从小就学英文，虽然考上了伦敦大学却因为战争没能前往，但仍然到中西文化杂交的香港接受了大学教育，这段经历对她的创作产生了很大的影响。

张爱玲的小说是关于文明与人性的哀歌，而张爱玲哀歌的主旨，并不是对社会的批判，更谈不上对社会的改造，而只是殖民地与半殖民地的现代都市的背景中，展示人的精神的堕落与不安，展示人性的脆弱与悲情。张爱玲写的女性，与二三十年代作家塑造的“时代新女性”不同，她实际上写的是“新女性”表象下的旧女性。这些女性或有着旧式的文雅修养，或受过新式的大学教育，既无法在现代都市社会中自立，也远离革命运动，只能在男权社会把当一个“女结婚员”作为自己的惟一职业和出路。她笔下的女性形象与通常的新文学作家笔下旧式女性不同，张爱玲没有农业文化的背景，她生城市长在城市，是一个地地道道的城市人，而且又把当一个城市人作为自己的理想，因此，她的文学素养是在代表着工商文化的城市背景中形成的。她笔下女性形象几乎都是日益没落的淑女或竭力向上爬的小市民，这些女性在人生中受到的苦难，不是衣不敝体、食不果腹的经济上的穷困，而是无家可归、无夫可嫁的精神上的恐慌。

因此，在她的作品中，不仅写的是城市和城市人，而且到处都流露着她对城市文明的喜爱和赞美。虽然，作品中的女性形象大多以悲情收场，但这并不是城市的过错，相反，正是传统的封建思想和封建文化的罪恶。

参考文献

1. 张爱玲作品全集（第一卷）[M].呼伦贝尔：内蒙古文化出版社，1997.
2. 张爱玲作品全集（第四卷）[M].呼伦贝尔：内蒙古文化出版社，1997.

***

Ао Дуньху,
Хух-хото, Россия

汉语诗歌教学的民族文化适切研究

一、问题的提出

民族高等教育作为民族教育的重要组成部分，担负着传承与弘扬民族文化的使命。在特殊的双语教育文化背景下，民族类高校如何实现少数民族文化传承与发展；民族文化如何与当今教育教学相契合；如何实现文化自信，是民族学校所面临的重大课题。2016 年，为保障和发展民族教育事业，根据《中华人民共和国民族区域自治法》、《中华人民共和国教育法》和国家有关法律、法规，结合自治区实际制定的《内蒙古自治区民族教育条例

（草案）》[16]明确提出：自治区各级各类民族学校应当使用本民族语言文字或者本民族通用的语言文字进行教学。重点发展民族学校的双语教学工作。本《条例》注重民族类学校传授科学文化知识和传承本民族优秀传统文化，为各级各类民族学校以及民族教育机构开展教育活动实现民族文化传承提供了法律保障。

蒙古族是能文能武的民族，拥有着绚丽诗歌文化。蒙古族诗歌承载着本民族最本质的文化特点、民族心理以及艺术形式等文化精髓。蒙古诗歌最早以口头形式创作，有了文字之后，有识之士用文字记录了当时的诗歌。譬如《成吉思汗的箴言》《智慧的钥匙》中的诗歌是具有哲理性教育性；《江格尔》《格萨尔》等史诗文学中的诗歌具有理想性、形象性、娱乐性特点；《蒙古秘史》《蒙古源流》等历史文学中诗歌具有真实性、艺术性等特征。因此，几千年来蒙古族诗歌传唱着古老的蒙古民族文化、历史、习俗以及英雄人物，是蒙古族传统文化的成就之一。

经研究发现，在民族高等院校汉语诗歌教学研究中，很少有人专题分析并探讨民族高等院校汉语诗歌教学相关问题。因此，笔者在本文中尝试突破，以民族高等院校汉语诗歌教学为例，在民族文化适切教育观和多民族文化互动教育观为的理论指导下，重点尝试为民族高等院校汉语诗歌教学如何与民族文化相适切问题提出应对策略。

二、理论基础

（一）民族文化适切

文化适切，强调一种文化对另外一种文化的适合程度，要求主动适切者本身针对被适切对象的文化作出不同程度的改变，被适切对象因而会发生积极的变化，双方经过积极的调试而达到两种文化相互恰切的状态。因此，民族文化适切是指将本民族文化与视角经调试适应于另一种文化。文化适切教育观是指将本民族文化与视角整合到教育教学活动中，从而帮助学生建立本民族文化自信以及加强民族认同感。在这一过程中，不仅要全面了解本民族的文化，同时也要学习他者的文化，从而使自己民族的文化得到更好的发展。笔者认为，文化适切教育观是一种科学理论，也是适合“多元一体”国家的民族教育发展策略。在民族高等教育中，文化适切是双向的，既包括少数民族文化对主流文化的适切，同时也指主流文化对少数民族文化的适切。在教育领域亦是如此，应积极纳入并呈现多民族优秀文化传统，从而真正实现文化适切。本文所指民族高等院交汉语诗歌教学与民族文化适切是说民族高等院校所使用的教科书及教师的教学方法要符合民族类学生的文化特点、民族心理以及现实生活。在理解和尊重该民族生活习惯、宗教信仰、传统习俗等文化内涵的基础上，使民族高等院校汉语诗歌教学中体现的文化与该民族学生所拥有的生活、文化相适切。

（二）文化适切教育观：民族文化作为教育资源

民族类高校学生作为相对特殊的受教育群体，文化的问题是不可避免的，且在世界观、人生观、价值观以及心理、认知等方面存在着固有的特殊性。一个民族的生产方式、社会生活、道德标准、传统习俗等独特的文化现象会影响该民族的价值观念、思维方式等。民族文化是在历史长河中被创造、传承下来的珍贵财富，其本身就具有独特的发掘价值。在当今主流文化蔚然成风的时代，少数民族优秀的文化越来越变得鲜为人知。而高校是实现文化保护与传承的最佳基地之一。在民族地区，民族高校担负着传承和发展民族文化的重要任务。他们为更好的完成此重任而不断探索文化适切的问题，即如何使主流文化和民族文化互相适切的问题。具体来说，民族文化作为教育资源指的是民族地区的各级各类教育机构应充分尊重和利用本民族的优秀传统文化，将其成为一种有效的教育资源。这样既达到了保护与传承民族文化的目的，也能够使青少年在熟悉的文化环境中健康的成长，同时也能够培养他们的民族文化自信和民族认同感。因此，民族文化作为教育资源纳入教科书、课堂教学是民族高等院汉语诗歌教学实现民族文化适切的最有效方法之一。

三、实践探索

据研究可知，民族高等院校的汉语诗歌教学所选诗歌以中原唐宋诗歌为主，缺乏多元民族文化内容。笔者在本小节中将探索民族高等院校汉语诗歌教学如何与民族文化适切的可行性策略。

（一）《上京即事》作为《凉州词》的补充教学

《凉州词》是唐代诗人王之涣的经典之作。其主要描写了边塞生活的荒凉以及士兵的还乡之情。《凉州词》既有悲壮苍凉，也不失豪迈之情的风格，是唐代最典型的边塞诗之一。而萨都剌是元朝蒙古诗人，其《上京即事》描写了蒙古高原游牧民族的生活以及草原风光，也是一首优秀的边塞诗，可作为《凉州词》的补充内容与学生共赏析。

“黄河远上白云间，一片孤城万仞山。羌笛何须怨杨柳，春风不度玉门关。”黄河被认为是炎黄子孙的发源地，中华民族称之为母亲河。诗人远看黄河如同与天上的白云相连接，可见其宏伟壮观，源远流长，气象开阔。“孤城”在此诗中指的是玉门关。诗人近看玉门关孤立在黄河岸上的崇山峻岭中，何等的凄凉、单薄且孤独。中国古代有“折杨柳”的传统习俗，“柳”与“留”谐音，并且柳树的树叶是细条丝状形。因此，给远行的折杨柳，表达挽留（柳）、思（丝）念之意。在古代诗词中常常出现以“柳”寓“留念、思念”之意。羌笛演奏的《杨柳曲》，触动了守疆士兵的离愁之情。但在这玉门关外，哪有杨柳可以折，更别说寄送。诗人说何必用羌笛声表达对杨柳的埋怨之情，不是说不要怨，而是怨也没有用，“怨”字的恰当使用使诗变的更为深刻、含蓄。在此诗中作者通过描写玉门关的“孤立”，来表达守疆士兵生活的苍凉与无奈。朝廷已忘却了他们这些为了保卫疆土远离家乡亲人的士兵，根本不顾他们的寂寥与生活的惨淡。但即使将士们乡愁难禁，满怀怨情，也意识到守卫边疆的重大责任。

元代诗人书法家、画家萨都剌不同于王之涣，一生留给后人八百多首诗歌。其诗歌内容主要以描写景物，即景抒情诗；诉说社会的种种不公而怀古伤今诗；也有一些边塞诗。他不仅擅长从平淡的生活中找出诗歌的意境，其诗歌语言凝练简洁，善于使用通感创作手法。《上京即事》是作者 62 岁时（1333 年）所写一首边塞诗，描述了游牧民族的生活场景以及草原的自然风光。《上京即事》：“牛羊散漫落日下，野草生香乳酪甜。卷地朔风沙似雪，家家行帐下毡帘。”“上京”指的是元朝上都。在落日光辉的照耀下，肥壮的牛羊慢慢悠悠、散散落落的漫步在广袤无垠的草原上。忙碌了一天的人们，在青草的阵阵香气中，喝着可口的奶茶，吃着香甜的乳酪，谈天说地，歌舞升平。在这一派祥和恬静的草原暮色，被突如其来的狂风沙打乱了。野蛮的狂风卷起漫天雪花，而这雪花其实是沸腾翻滚的沙尘。草原上的牧民见此情景，匆忙将帐帘扯下，躲进蒙古包中。在传统印象中，“天苍苍，野茫茫，风吹草地见牛羊”的和平安逸景象深入人心。或许只有生活在漠北地区的蒙古族诗人才能够真正描绘出异于中原风情的“卷地朔风沙似雪，家家行帐下毡帘”的野性暴烈的边疆自然风景。

在补充教学中，通过学习唐代诗人王之涣的《凉州词》与元代蒙古诗人萨都剌的《上京即事》两首边塞诗，学生不仅能够品味其语言之美，意境之美；同时也能够学习到不同民族之间的民俗文化。例如在学习《凉州词》和《上京即事》后，能够了解到中原地区的诗人常常赞颂母亲河和巍峨的高山，而漠北蒙古诗人更喜欢描绘草原上人与自然相处融洽的祥和欢乐氛围。再例如，中原人自古以折杨柳寓意“留念、思念”之情；而蒙古额吉常常把圣洁的奶洒向蔚蓝的天空，敬天地祖先，保佑亲人的平安吉祥。“折杨柳”和“洒牛奶”象征性的表达了蒙汉两个民族的文化之差异。除此之外，世世代代繁衍生息在草原上的人们，无论在多么恶劣的生存环境下，都会以乐观的心态面对生活。英雄史诗《江格尔》以及《格萨尔传》都是以这种乐观主义精神主导下被创作出来，并流传千百年。因此，乐观主义精神是蒙古人得以生存的根本之所在。

(二)以“思念”为大旨的主题教学

唐代诗人王维的《九月九日忆山东兄弟》与蒙古族诗人古拉兰萨的《怀念》两首诗都以“思念”为主题，思念并期盼早日重聚。王维是唐代著名诗人、画家，十五岁时进京赶考，

实现他的政治抱负。王维使自己的各种才艺相互渗透，呈现出了自然清新“诗中有画，画中有诗”的创作风格。“遥知兄弟登高处，遍插茱萸少一人”中诗人猜想家乡的亲朋好友在九月九日这一天登高处，插茱萸，喝菊花酒。但在那副美好的画卷中会“少一人”。王维独在异乡作为异客，在这团圆的日子里，触景生情，倍思亲人。但十七岁的王维此时正在京城长安为了实现自己远大的政治抱负与理想，不得不远赴他乡。因此，只好以语言淳朴，情感真挚的这首诗寄托思乡之情。《怀念》的作者古拉兰萨是蒙古族近代著名的诗人及翻译家。古拉兰萨自小饱读诗书，精通蒙汉文化，曾翻译《水浒传》 ，被称为“漠南神笔——古拉兰萨”。“古拉兰萨一生命运多舛，年仅 29 岁就英年早逝。可他在短短一生中却对蒙汉文化的交融作出了突出贡献，创造了蒙古诗歌、蒙译《水浒传》和《红楼梦》、续写了蒙古青册。他被视为蒙古民族精神、民族文化的代表，体现了高度的民族思维和广阔的视野。”[5]本研究所选诗词《怀念》的创作背景为：其父旺钦巴拉是土默特右旗协理台吉，是一名职业军官。1840 年，鸦片战争爆发后至 1847 年逝世，旺钦巴拉常常领军打仗。虽为其长子的古拉兰萨自小体弱多病，无法替父亲出征。1847 年，承袭父亲的协理台吉职位后任职四年，1851 年英年早逝。由于目前所获材料有限，无法得知《怀念》这首诗具体什么时候所写。但与 1841 年所写的《祝灭寇班师还》相比较来看，《怀念》大致是在 1841 年至 1847 年间被创作。《怀念》[6]：“忆惜幼时同桌席，争食果肴多欢喜。明月白夜席地唱，无奈漂流各东西。愚身不孝孤且小，却叫慈父征逆敌。断肠人言断肠事，灭敌归来重欢聚。”诗文中可以看出诗人通过怀古伤今的创作方法表达了自己内心的孤独与无奈，心有而力不足的复杂情绪。古拉兰萨出生在富裕的家庭，他的整个青少年时期与他的兄弟姐妹一起成长，一起学习，因此，当时古拉兰萨不为生计所烦恼，写诗作画，生活很幸福。而 1840 年，鸦片战争爆发后，不仅清朝陷入了半殖民地半封建社会，连年的战争也使旺钦巴拉大家族开始败落，仆人遣散，兄弟姐妹各奔东西。他变的很孤单，又无力为家人为国家做什么。在这种整日的忧愁与郁郁寡欢，年仅 29 便去世了。诗人责怪自己不孝，体弱多病又太过于年轻，不能替父亲出征杀敌，保卫国家。体现了诗人对自我强大的渴望，也对清朝当时的孤立无援，太过柔弱的现状进行了批判。尽管一切都那么不顺心如意，又有那么多令人极度悲伤的人和事，但还是乐观的等待出征的父亲奏凯旋之歌归来重相聚。在国难当前，诗人又挺身而起，乐观的相信父亲及国家定能战胜可恶的侵略者，平安归来。

《九月九日忆山东兄弟》与《怀念》中，一首是一位有志青年，为了展现自己的才华与实现自己的政治抱负，远赴异乡成为异客。且恰逢阖家团圆的节日勾起了诗人思乡的离愁。另一首是一位忧国忧民的青年，期盼着远赴前线征战的父亲能够早日归来重相聚。这两首词的主题皆为“思念”，表达了诗人的对亲人的牵挂之情。两首诗词的语言虽朴素无华，但独具特色和感染力，因此流传至今。两首诗都“怀古伤今”。王维说“每逢佳节倍思亲”，每逢节日，都能够回忆起以前的相团聚的美好时光，回到当前又现的那么的孤单寂寥。古拉兰萨也在诗文中怀古伤今，回忆起小时候欢乐的时光，又看看现在是多么的孤苦伶仃。《九月九日忆山东兄弟》中的“佳节”为重阳节。源于祭祀和自然崇拜的重阳节，与蒙古族八月末进行的“秋祭”活动是相似的。在重阳节那天，中原人会倾室而出，举家登高眺远，插茱萸，赏菊花，吃重阳糕，饮菊花酒。根据典故，登高处佩茱萸是为了“避灾”，而菊花象征着长寿。在蒙古地区，同样源于祭祀和自然崇拜的秋日活动为“秋祭”。古时，蒙古人视九月为岁首，因此每年八月二十八日举行“秋祭”，祈求消灾去祸，来岁平安[7]。

（三）：读诗、赏诗与写诗相结合的拓展教学

1.读诗：读出语言、韵律、意境之美读诗不仅能够提高学生的道德修养，也能够陶冶学生的情操。通过读诗，品读诗人崇高的心境、高尚的思想感情，聆听智者的教诲，了解那未知的世界，获取最具价值的经验教训。白居易的《忆江南》可谓是千古名句，“江南好，风景旧曾谙。日出江花红胜火，春来江水绿如蓝。能不忆江南？”这首词中诗人直抒胸臆，用简洁的语言，明快的笔调，描绘出江南春天美丽的景色，表达作者对江南的赞美和怀念。短短的 27 个字，既写景又抒情，可谓情景交融。诗人选取“江花”“江水”为描写对象，

巧用对比、比喻的修辞手法，增强文字的画面感，给读者无尽的想象。结尾通过反问表达情感，激发了读者的情感共鸣。H 民族高校的学生读了白居易的这首诗后，写了《忆·通辽》“通辽好，风景旧曾谙，西拉木伦明入境，双合尔山美如画，何不忆通辽?在内蒙古的北方，有一个璀璨的明珠。那是孝庄皇后的故里，也是哈萨尔的圣地。在中国的北疆大地上有一个传说般的神地。那是布尔贴出生的地方，也是嘎达梅林的故乡。”作者在第一段中运用仿写的方式描述了通过山水美景。在第二三段中通过回忆哲理木地区往昔英雄，表达了对家乡的尊崇与引以为傲的情感。诗文语言质朴，情感真挚，很好的创造了一种雄浑开阔的意境之美，并且作者充分运用了《忆江南》中所学的写作知识。

2.赏诗：让生活充满诗情画意

读诗读的是一个人，一种情怀与文化。赏诗欣赏的是诗歌的所蕴含的魅力。我们未必会准确的知道每一首诗歌的创作背景，诗人当时的心境。但尽管如此，读者还是可以与诗人产生共鸣，能够倾听得到诗人的哀怨，能够在脑海中再现诗人所描述的画面等。每一首优秀的诗都是一件艺术作品，它有独特的创作背景，有想要表达的思想情感和渴望传递的精神理念。我们读孟浩然的《过故人庄》能够从中想象农家恬静闲适、简朴亲切的生活情景，也能够感受到诗人与朋友之间的真挚深厚的情谊。赏析王维的《山居秋暝》时，读者在诗情画意中，能够体会诗人高洁的情怀与对理想的追求。而读杜甫的《登高》时，又能够听见诗人常年漂泊，老病孤愁，被生活所困窘的悲凉倾诉。同样读陈子昂的《登幽州台歌》时，为诗人怀才不遇，寂寞无聊的样子感到遗憾。赏析杜牧的《泊秦淮》时，又能够品味出诗人对荒淫无度的统治者的讽刺和对国家危在旦夕之际的忧愁。除此之外，我们还可以读到像王勃《送杜少府之任蜀州》、王昌龄的《芙蓉楼送辛渐》、岑参的《白雪歌送武判官归京》等送别诗歌。山水、草木、明月、杨柳、斜阳、飞鸟、春秋、冬夏、心灵等等，仿佛世间的一切都可以成为诗歌的生长之“圣地”。李白偏爱明月，“床前明月光，疑是地上霜”；王维赞扬“明月松间照，清泉石上流。”刘禹锡认为“湖光秋月两相和，潭面无风镜未磨。”在白居易眼中“可怜九月初三夜，露似真珠月似弓。”而在贺知章的《咏柳》、李商隐的《赠柳》、王之涣的《凉州词》等经典诗歌中“柳”代表着“留念”。人们为即将远去的人折杨柳，或为远方的亲人寄去杨柳，表达相思之心绪。丝丝青柳不再是简单的自然之物，而是能够勾起人们思念之情的美好象征。无论哪个国家哪个民族，从被流传至今的诗歌中可以发现，古人生活处处美景，充满了精致的诗情画意。而当今时代的人们早已沦为生活的“奴隶”。正如电影《春风化雨》中所说：“我们读诗、写诗不是为了因为好玩，而是因为我们是人类的一分子.....医学，法律，工程，商业，工程，这些都是崇高的追求，足以支撑人的一生。但诗歌，美丽，浪漫，爱情，才是我们活着的意义啊。”其充分体现了人类的生活需要“诗”，需要“诗意”。

3.写诗：放飞想象，自由表达

读诗、赏诗的最终目的是为了写诗，写好诗。对于学生来说，创造性想象是不可或缺的。而读诗、赏诗、写诗更加需要学生发散的想象力。读王安石的《梅花》时，可选取古拉兰萨的《桃花》作为补充教学。“谁家丽人弄粉匣，原野枯树满枝擦，丽质洁白人人爱，琼玉揉枝瓶中插。”[8]诗文中作者以疑问开头，充分引起了读者的兴趣。接下来，描绘了桃花的烂漫，显得如此生动且具有神韵。H 民族高校的教师通过鼓励学生发挥想象力，清晰诗人的写作策略与思路，仿写诗词。以下为 M 学生自由创作的风景诗《罕山丽景》“罕山四季美如画，红枫绿松相衬映，行鹿飞蝶添生机，清河默默向低流，冬时瑟雪作其衣，夏时浓雾作其纱，游人络绎赏风景，罕山辽阔纳众人。”诗中描绘了罕山生机勃勃的景物，有红枫、绿松、小鹿、飞蝶还有河水，巧妙的运用了比喻、拟人等修辞手法，且情感真挚、语言优美。因此，为了民族高等院校学生更好的读诗、赏诗及写诗，汉语文诗歌教学应适切学生自身情况所需而恰当选文，同时教师也要不断提高自己的文学素养，完善民族文化知识的储备。

四、总结

综上所述，民族高等院校汉语诗歌教学适切于本民族文化是多元文化时代发展的必然选择。民族文化的传承与发展民族学校所肩负的重要责任，也是民族高校的特别功能。因此，教学过程中可以通过“补充教学”“主题教学”及“拓展教学”等方法，实现汉语诗歌教学与民族文化的适切。

参考文献

1.J.W.Berry, Cross-cultural Psychology: Research and Application. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

2.Hamilton. H, Promoting Multicultural EducationAHolisticApproach. – College Students Affairs Journal, 1998.

3. 苏德.全球化与本土化:多元文化教育研究 [M]. －北京:中央民族大学出版社，2013年.

4. 谭瑜，常永才.西方跨文化适应理论及其对我国少数民族教育的启示[J]. －民族教育研究，2013 年，第 1 期.

5. 姚志国，康建强.从<漠南神笔一古拉兰萨传>看苏赫巴鲁传记小说的创作[J].考试周刊，2016 年，第 12 期。

6. 苏德，袁梅.少数民族双语教育:机遇·挑战·策略[J]. － 中国民族教育，2015 年，第一期.

7. 苏赫巴鲁.蒙古风俗志[M].中央民族学院出版社，1990 年。

8. 赵永铣.论古拉兰萨诗歌创作及其地位[J].内蒙古师范大学学报（汉文哲学社会科学版）,1986 年，第二期。

***

Байарменд Боржиги,
Хух-хото, КНР

从蒙古语词汇观察蒙古文化的多重结构

词汇是文化的载体，所以通过对一个语言的词汇进行观察可以了解到一个民族的文化史和文化的结构。对词汇的观察可以从两个角度进行，一个是历时的观察，另一个是共时的观察。本文旨在通过蒙古语借词和方言特殊词汇从历时和共时角度观察蒙古族文化的多重结构。

一,多种文化的交流与冲突中形成发展的蒙古文化

蒙古民族是一个很开放的民族，她在漫长的历史发展进程中与很多民族直接或接地接触过，与他们在政治、经济、外交、宗教、文化、社会等方面出现交流关系。蒙古文化本身也是在与其他民族交流与其他民族文化发生冲突的独特的发展进程中形成和发展起来的。那些交往有时候是主动的，有时候是被动的，有时候是直接的，有时候是间接的，有时候是积极的，有时候是消极的，有时候是融合，有时候是冲突。

就生产方式来说蒙古民族在我们知道的历史时间中经历了狩猎生产、游牧经济、农业经济和城市文化的各种不同的生产方式。就精神层面说蒙古族最古老的宗教就是萨满教，源远流长，至今仍产生一些影响。后来大部分接受了佛教，但内蒙古的有些地区至今还有一些信仰基督教的群众，阿拉善地区还有部分信仰伊斯兰教的蒙古族。从精神信仰角度说蒙古民族也是最早信仰马克思学说的民族之一。

无论是物质方面还是精神方面的这些直接或间接的接触与交流都体现在蒙古语词汇，最直接的体现就是蒙古语中的借词。据我们观察在蒙古语中有突厥语、藏语、梵语、维吾尔语、汉语、阿拉伯语、波斯语、俄罗斯语、英语、德语、法语、西班牙语、意大利语、荷兰语、满语、苏特语、拉丁语、希腊语等很多语言的借词。我们通过观察借词进行历时观察可以了解到蒙古民族历史上的很多交流与冲突，也可以了解到那些借词所代表的文化因素对构成蒙古文化的多层次结构的作用。

二、蒙古语借词的历时观察

在蒙古语的发展过程中借词现象不断发生。蒙古语的借词历史实际上就是蒙古族与其他民族交流历史的缩影。在什么时代从什么语言借词是由当时的政治、经济、外交、宗教、文化交流等所决定。纵观蒙古语千年借词历史，由于特定历史原因蒙古语历史上出现过多次的借词高潮。这是蒙古语借词史的一个很突出的特点。

10 世纪，在蒙古高原上突厥人处于统治地位，由于这个原因蒙古语受到突厥语各方面的影响，甚至在 11 世纪蒙古语还经历了一个突厥化的过程。这个历史过程在蒙古语词汇中留下了很多痕迹。Köbsköl(蒙古国著名湖泊，水丰富的湖之意)，baigal(贝加尔湖，富有的湖之意)，dongkil(冻着的湖之意)等地名使用至今。这些突厥语借词，大多在 13 世纪之前进入蒙古语，从 13 世纪编写的《蒙古秘史》中可以了解到当时的突厥语借词情况。下面观察一下《蒙古秘史》中的突厥语借词。

1.用突厥语和蒙古语词汇组合而成的人名和地名。

例如:

Kükse ∀üsabraq (§159), 前者为爱激动之意的蒙古语词，后者是谦虚之意的突厥词。
aciq širün (§170), 前者为爱愤怒之意的突厥语词，后者为激烈之意的蒙古语词。
alaqit(§169), 前者为花色之意的蒙古语词，后者为狗之意的突厥语词。
ariqusun(§8), 前者为清澈之意的突厥语词，后者为之意的蒙古语词。
soqoq usu(§158), 前者为严寒之意的突厥语词，后者为水之意的蒙古语词。

2.突厥语借词和蒙古语词汇共同构成复合词的情况很普遍。

例如:

Tübsin tükel(§273), 前者为平稳之意的蒙古语词，后者完整之意的突厥语词。
hoijubur(§56),前者为蒙古语森林一词的古代形式，后者为森林之意的突厥语词，二者意义完全相同。

由于蒙古语和突厥语语音系统和构词方式相近，所以这些突厥语借词非常好地融入到当时的蒙古语词汇中。

11，12 世纪从突厥语借词是蒙古语借词历史上的第一个高潮。在 13，14 世纪，蒙古人在文化，宗教方面与维吾尔人保持着密切交往，其中还出现了像确吉敖德斯尔这样对蒙古文化事业做出重要贡献而被称为“圣人”的大学者。13 世纪，蒙古人以维吾尔人使用的回纥文为基础创制了自己的文字，并从维吾尔文翻译佛教经文等都是当时从维吾尔语进入借词的社会原因。当时从维吾尔语进入蒙古语的那些借词的大部分在蒙古文献中留下，其一些已经完全融入到蒙古语基本词汇中。

例如:

蒙古语：jula(神灯) ＜维吾尔语：jula，
蒙古语：quwarag(僧人) ＜维吾尔语：kowrak，
蒙古语：kilince(罪孽) ＜维吾尔语：kilinc

维吾尔语不仅成为当时蒙古语的借词主要来源，同时还成为其他语言借词进入蒙古语的桥梁。在十三世纪之前蒙古人很少与中亚和欧洲人直接接触，但希腊语，阿拉伯语，波斯语，粟特语词汇通过维吾尔语间接地进入蒙古语。

例如:

蒙古语：nom(经文，书) ＜维吾尔语：nom＜粟特语：inōm＜希腊语：inōmos
蒙古语：sijir(金黄色的) ＜维吾尔语：sitir＜粟特语：siter＜希腊语：statěr
蒙古语：ariki(酒) ＜维吾尔语：haraq＜阿拉伯语:arag
蒙古语：dari(炸药) ＜维吾尔语：dora＜波斯语：darūi
蒙古语：eserw_a(额头) ＜维吾尔语：ezrw-a＜粟特语：zrw~zarwa
蒙古语：simnu(妖怪)＜维吾尔语：šmnu＜粟特语：šmnū

14 世纪时候蒙古人从梵语和藏语翻译佛教文献时大量的梵语借词进入蒙古语，不仅如此，把从梵文译成藏文文献时还坚持不使用藏文名词术语，而主张用原来的梵文名词术语。

还从印度邀请梵文教师，编写梵文语法，梵文教材。在这个过程中大量的梵文借词进入蒙古语。那时候进入蒙古语的梵语借词，至今仍使用着的有：

gšan(瞬间),rasiyan（圣水）,sudur（经文）,abiyas（才华）,bangjal（裙子）,budi（卷）,galaba（宇宙）,lagšan（健康）,mahabud（身体）,ubidas（魔术，魔法）,tarni（咒语）,tib（洲）,šaril（遗体）,bindu（圈）,badag（首，段）,garudi（凤凰）,matar（鳄鱼）,motur（手的尊称）,šasin（宗教）,šasdir（传记）

这些词的大部分已经进入蒙古语基本词汇当中。13～15 世纪从维吾尔语和梵语借词以及通过这两个语言借用中亚和欧洲语言词汇是蒙古语借词历史上的第二个高潮。

蒙古语从汉语借词现象很早就开始了。在《蒙古秘史》中有：Guyong（国王）＜汉语：国王，lausa（骡子）＜汉语：骡子等汉语借词，但《蒙古秘史》中的汉语借词仅这几个而已，比起突厥语借词少的很多。到元朝时候随着蒙汉两个民族的政治，经济、文化交流的深入，蒙古语中进来了很多汉语借词。人口少，文化相对落后的蒙古人统治人口众多，文化相对发达的汉族时候不受他们的影响是不可能的。另一方面元朝政府推行的八思巴文对汉语借词的进入提供了方便条件。因为八思巴文不是为统治的蒙古人而创制，是作为元朝统治下的各民族的通用文字而创制的。下面看看八思巴文蒙古语文献中的汉语借词情况：

蒙古语：am mew＜汉语：庵庙

蒙古语：tay du＜汉语：大都

蒙古语：iji＜汉语：懿旨

除了这些八思巴文文献外《华夷译语》和 1340 年的《阿鲁王碑文》等各种来往文书以及碑文中也出现不少汉语借词。例如，蒙古语：dai sang ging＜汉语：大藏经，蒙古语：cau＜汉语：钞，蒙古语 taysi＜汉语：太师，蒙古语：lingji＜汉语：令旨

在元朝时候从汉语借用大量词汇是蒙古语从汉语借词的第一个高潮，也是蒙古语借词历史上的第三个高潮。

直到 13，14 世纪蒙古人从藏文翻译著作时习惯于使用维吾尔语和梵语名词术语，而很少用藏语名词术语，所以最初只是少量的藏语借词通过维吾尔语进入蒙古语。在 4 世纪，确吉敖德斯尔翻译的“budacariy_aawadara”和“banjaragca”等经文几乎没有藏语借词。16 世纪开始随着黄教在蒙古语地区的传播，大量的藏语借词进入蒙古语词汇中。蒙古的安达汗实施了在蒙古地区推行传播黄教政策并采取了一系列措施。1577 年把西藏宗教领袖索南嘉索请到青海，并授予“达赖喇嘛”称号；还组织翻译了《大藏经》等大量的佛教文献；他还派人到西藏学习，西藏喇嘛到蒙古地区传播佛教，蒙古喇嘛们办藏语学校等一系列活动。

在这个过程当中：nirba（管理员）,dugang（年经堂）,jou（寺庙）,bum（十万）,dungsigur（亿）,jiw_a（一千万）,say_a（一百万）,teg（零）,bar（版）,garqag（目录）,namtar（传）,ceg（点）,garag（星期）,bagbur（木盘）,buram（红糖）,gürim（为赶走妖怪而念的经）,cam（跳神）,mayig（原型，模样）,ugyu（绿松石）,uril（丸子）等藏语借词进入蒙古语。

随着从藏文翻译大量文献，为用蒙古文准确标注梵文，藏文中的人名、地名以及其他专有名字的需要，喀喇沁人阿尤西固习于 1589 年研制专门转写梵文，藏文的阿礼嘎礼文，对从梵文和藏文翻译事业起到了推动作用。但是由于阿礼嘎礼文仅仅根据标注梵文，藏文的人名，地名的原梵文，藏文的字形转写，所以对不了解梵文，藏文读音规律的人来说几乎就无法理解的东西。例如，“喇嘛”一词的藏文拼写为 plama，而实际发音为 lama，用阿礼嘎礼撰写时根据藏文原型写成 blam_a，人们就读成 blam,出现了二者混淆的现象。企图把原文形式如实地转写而努力的是 16-18 世纪从藏语借词的一个突出特点。

例如: saskiy_a(sakiy_a),gluus(luus),bsuwad nams(sodnam), rduwa rje(dorji)[11]

用阿礼嘎礼转写的藏语借词在现代蒙古语词汇中留下的很少，而那些根据藏语读音记录的部分藏语借词已经成为蒙古语词汇的不可或缺的部分。16,18 世纪从藏语（以及通过藏语借梵语词汇）大量借用词汇是蒙古语借词历史上的第四个高潮。满洲人统治蒙古地区的

300 多年间，随着满洲人与蒙古人的关系在诸多方面比较密切，蒙古人大量学习和使用政治上处于统治地位的满洲语并通过满语翻译汉文著作[12]，蒙古的有些部落处在满洲人的直接管辖之下等原因大量的满语借词进入蒙古语中。

例如：amban, beyile, beyise, meyiren, jalan, qurangda, gusada, ükereda,janggi, gürün,ombulu,gege,age,cuuq_a,eren.

由于蒙古语和满语同属于阿尔泰语系，所以满语借词较容易融入到蒙古语词汇中，另一方面满文本身就是基于蒙古文而创制的，这也对蒙古语的满语借词提供了方便条件。但是由于满族在中国的统治的结束，尤其是满洲族本身失去自己语言，蒙古语从满语借词的历史也结束。17—20 世纪初，从满语借用大量词汇是蒙古语借词历史上的第五个高潮。

到了 18，19 世纪蒙汉两个民族的经济，文化交流进一步加强以及满清政府实施“移民实边”政策，从而大量的汉民从内地移居到蒙古地区。结果有些地区从纯蒙古地区变为蒙汉杂居地区，有些地区从游牧经济变为半农半牧地区，甚至是纯农业地区。这个变化不仅影响蒙古文化的整体结构，还影响到蒙古语本身，导致了大量的汉语借词进入蒙古语。

例如:

蒙古语：gang＜汉语：缸

蒙古语：jüng＜汉语：钟

蒙古语：pengzi＜汉语：盆子　蒙古语：jiyang＜汉语：酱

蒙古语：guwa＜汉语：瓜　　蒙古语：cezi＜汉语：茄子

从那个时候开始在蒙古语中出现不连写以两个字组成的汉语词，而单独拼写现象，并且为更准确地表达汉语发音蒙古文中沿用了阿礼嘎礼文中的“zh，chi,shi,ri”等字母拼写汉语借词。那个时候进来的汉语借词从内容上看主要与农业文化有关，而且主要不是通过文学语言而是直接进入部分地区（主要是内蒙古东部地区）蒙古语口语中。18,19 世纪从汉语借用大量农业文化方面的词汇是蒙古语借词历史上的第六个高潮，也是从汉语借词的第二个高潮。

蒙古语中的 jamug,pising 等俄语借词进入蒙古语的时间可能比较早，但从俄语以及通过俄语大量借用欧洲语言词汇对内蒙古来说实际上就是 20 世纪 50 年代的事情。新中国成立后，中国与当时的苏联建立了友好关系，中国学习苏联社会主义建设经验，尤其是有一段时间，内蒙古自治区中小学直接使用蒙古人民共和国翻译的苏联教材，随之而进入了大量的俄语借词和欧洲语言借词。

在蒙古语中拼写俄语借词与通过俄语进来的欧洲语言借词时采取了在蒙古语中根据俄文拼写方法拼写，如果有俄语特有词缀的话把它丢掉的方针。但还有一些 jijigür＜俄语：дежер（值周，值班）这样不是依据俄文字形，而是根据俄语读音拼写的例子。还有一部分俄语借词是把俄语特殊的音换成蒙古语固有音的例子。

例如:

蒙古语：urganig＜俄语：органик

蒙古语：barigada＜俄语：бргад

有的借词是文字上拼写时根据俄语写法，而读的时候就根据蒙古语特点发音。如，蒙古语：radio＜俄语：радио,但由于蒙古语固有词汇没有以 r 音开头的词，遇到以 r 音开头的词的时候前边加元音的传统，如，梵语：rasiyan(圣水)，蒙古语的读音为 ar—a:n，根据这个传统今天在蒙古语中把 radio 这个借词读成 ara:dzu:。

现在 urganig(有机的),radio（广播）,kino（电影）,klub（俱乐部）,minut（分）,kart（卡片）,kadr（干部）,material（材料）,sistem（系统）,atom（原子）,barigada（队）等借词已融入到蒙古语词汇中并且发挥着重要作用。20 世纪 50 年代从俄语并通过俄语大量借用欧洲语言词汇是蒙古语借词历史上的第七个高潮。

到了 20 世纪 60 年代由于国际国内形势的变化大量的汉语借词进入蒙古语中。这次的借词在全国性的混乱中进入蒙古语，所以在很大程度上带有混乱的烙印。最大的一个特点就是在那时候广大人民群众普遍使用的蒙古语固有词汇被汉语借词取代，如，蒙古语 eb hamtu

nam(共产党)被汉语借词 gongchandang 取代，蒙古语 terigülegci(主席)被汉语 zhuxi 取代，egur（支部）被汉语 zhibu 取代。用汉语从俄语直接借用词汇取代蒙古语直接从俄语借的词会，从而给蒙古语正字法带来混乱的例子也有。

例如，蒙古语的 klub,traktor 是通过俄语借用的词汇，汉语的“俱乐部”“拖拉机”也是从俄语借用的，在六十年代用汉语从俄语借用的词汇的书写形式代替了蒙古语直接从俄语借用的词汇，如，把 klub 和 traktor 写成 julebu, tuolaji。

由于带有动乱时代的特色以及不符合蒙古语规律，在上世纪 60，70 年代从汉语进入蒙古语的借词大部分很快被丢掉了。20 世纪 60，70 年代从汉语借用大量借词是蒙古语借词历史上的第八个高潮。进入改革开放时代后，尤其进入网络为代表的信息时代的今天蒙古借词历史仍在继续，正在经历着第九个借词高潮。

现在的借词特点是直接从英语借词，而且大部分主要集中在与信息科学有关的词汇。例如，kompiuter(计算机)，internet(互联网)，emel(电子邮件)，faks(传真)，layiser(激光)等，看来蒙古语正在迎接一个新的借词高潮。它的发展趋势，特征需要我们进一步观察。

蒙古语在我们能够考证的 1000 年的发展历史当中经历了或正在经历上述的 9 次借词高潮。每次的借词高潮都是蒙古民族在历史、文化、政治、经济、外交，社会等诸多方面与其他民族发上交流关系的结果。

蒙古语的借词历史就是蒙古民族文化史的一部分，它体现蒙古文化在发展过程中形成的独特的多重结构。

三、蒙古文化的共时观察

我们从另一个角度观察蒙古语词汇也可以了解到蒙古文化的多重结构，那就是对蒙古语词汇进行共时观察。蒙古语词汇所表现的蒙古文化多重性结构体现在蒙古语借词的地区特点和蒙古语方言特殊词汇两个方面。

（一）蒙古语借词的区域特点

借词的基本特点之一就是它的社会性，而社会性的最主要的表现就是它的区域特点[13]。借词区域特点的产生与当地人民所生活的语言环境有直接的关系。对此政治、经济以及与什么民族杂居等因素发挥着重要作用。就蒙古语来说大的方面首先属于中国和蒙古两个国家。并且这两个国家长期以来实施不同的外交政策与语言政策（这是很自然的事情），这个大前提为蒙古语借词的区域特点产生的根本原因。因为这个原因蒙古语借词具备了以下三个方面的区域特色。

1.由于政治、外交等原因，一个语言群体的不同地区从不同语言借用表达同一个意思的词汇。在上世纪 60，70 年代，中国境内的蒙古语从汉语借用大量的词汇，而蒙古国蒙古语从俄语借用大量的词汇，这是使用同一种语言的两个群体所处的社会政治环境所决定的。有一段时间在蒙古国使用 marshal, telefun, konsul, kompani,mark 等，而中国境内的蒙古语使用 yuanshuai, dianhua, lingshi, gongsi,youpiao 等汉语借词。但随着改革开放的深入这种情况开始发生一些变化，现在中国境内的蒙古语开始放弃那些汉语借词，逐渐使用了国际上通用的 marshal, telefun, konsul, kompani, mark 等词汇，这个实际上政治，外交对借词产生的影响。

2.同一个概念在同一个语言区的不同地区用不同词汇表达。一个地区用母语词汇，另一个地区却使用着借词的也有。

例如:

内蒙古的蒙古语用 jüglegür（指南针）,üiledbüri（工厂）,domog（传说）等蒙古语词汇，而在蒙古国却使用 kompas, zabud, mif 等借词。

3.同一个借词在同一个语言区的不同地区表示不同的意思。例如，dabuu 这个汉语借词在内蒙古的蒙古语里表示劣质的粗布[15]，而在蒙古国的蒙古语中则是纺制品的总称[7]。从理论上讲这些借词刚进来时候在一个语言中应该表达同一个意思，但一个借词进入一个语言后有可能按着不同方向发展的结果就出现以上情况。

上面讲的是一个语言属于不同国度前提下的情况，下面谈一谈一种语言在一个国度的时候怎样产生其区域特色问题。

就中国境内的蒙古语来说，它的三个方言（内蒙古方言、卫拉特方言以及巴尔虎—布里亚特方言）都处在汉语的直接影响之下，这个大的环境是一样的，但由于那些方言土语使用者所居住的小环境的不同也产生了借词的区域特色。其中最显著的特点就是出现只有那个方言土语才具有的特殊的借词。

卫拉特部落长期以来与维吾尔，哈萨克等民族直接交往，因为这个原因在卫拉特方言中来自这两个语言的特殊的借词比较多，而蒙古语其他方言土语没有这种情况。

例如:

卫拉特：kötʃe:（街道）＜维吾尔语：kotʃa

卫拉特：lyktʃæ:g（流氓）＜维吾尔语：lüktʃɛk

卫拉特：majika:（背心）＜维吾尔语：majka

卫拉特：saxtʃ（警察）＜维吾尔语：saqtʃi

卫拉特：tɔb（大炮）＜维吾尔语：tɔb

卫拉特：tʃalɢa（大镰刀）＜维吾尔语：tʃalɢa

在方言分类上同属于卫拉特方言的青海蒙古人长期居住在藏语环境当中，所以青海蒙古语词汇中有大量的藏语安多方言词汇。在这一点上与蒙古其他地区藏语借词有明显的区别。其他地区的藏语借词主要是通过文学语言，即随着佛经传播而近来的。

从历史上看，固习汗成为全西藏和青海的可汗，从而在西藏出现了蒙古部落与黄教领袖们共同执政的局面。那时的青海地区成为藏族地区与蒙古地区之间的传送地带。在这个过程当中青海蒙古人的语言中进来了在其他地区蒙古语所没有的大量的藏语借词[8]。如:

青海蒙古语：wama（锅）＜藏语： bama

青海蒙古语：wanag（帐篷）＜藏语： sbarnag

青海蒙古语：turma（筷子）＜藏语： turma

在历史上，巴尔虎部落曾在满洲的直接管辖之下，所以巴尔虎--布里亚特土语有很多其他方言土语所没有的满语借词。

例如:

巴尔虎：njurgang(照片) ＜满语：nirugan(图画)

巴尔虎：bi:rengk(擀面杖) ＜满语：biregu

巴尔虎:boigong(财产) ＜满语：boyigon

巴尔虎：sarang(雨伞) ＜满语：sara[9]

在满清几百年的统治时期察哈尔部落处在中央政府的直接管辖之下，所以察哈尔土语中出现了很多满语借词。

例如:

察哈尔：andzi（父辈男性）＜满语：amji

察哈尔：a:ga:（对兄长的尊称）＜满语：age

察哈尔：aʃa:（嫂子）＜满语：asha

察哈尔：udzu（摔跤冠军）＜满语：uju（头，冠军，第一名）

察哈尔：dzæ:（第二名）＜满语：jai

如上所述由于历史和现实的原因蒙古语各方言土语从不同的语言借用词汇而形成各自的区域特色，从另一方面也反映蒙古文化的结构特征。

（二）蒙古语方言特殊词汇与蒙古文化结构

从方言特殊词汇的观察看，多数是表示该方言所独有的独特的文化现象。特殊词汇就是特殊文化现象的最直接的载体。所以从文化语言学角度对方言特殊词汇进行研究，以揭开其所包涵的特殊的地方文化内涵，对语言本身的研究和文化研究都有重要意义。

据我们观察，蒙古语方言特殊词汇在以下几个方面表示特殊的地方文化。

1.特殊词汇表示特殊的地理环境

特殊的地理环境指的是当地人们生活的地理环境。人们世世代代生活的环境对人的思维的细化起到非常重要的作用。这种思维的细化直接反映在词汇中。所以我们可以从那些特殊词汇中窥察到使用该方言的人民所生存的自然环境。蒙古族居住的领域辽阔，地理环境多种多样，这些情况直接表现在方言特殊词汇当中。如：阿拉善---额吉纳土语就有很多其他方言所没有的有关沙漠的词汇。如：

bogereg（在上面长满草木的象山一样的沙丘）

nurag（高沙丘的自然塌下来的阳面）

elesun cohiy_a（高沙丘的最顶段）

ogcin（沙漠中的盆地）

homog(以沙丘环绕的高地上的有草木的盆地)

在这个土语里把一个沙丘从上到下分很多部分，并且每个部分都有专用名词。而与这个土语同源的卫拉特方言就没有这些特殊词汇，而多出现一些与高山有关的特殊词汇。如：

adargan（巍巍高山前面的低的山群）

olxun（山的阳面）

2.特殊词汇表示特殊的生活环境

这里所说的特殊的生活环境指的是人们在长期从事的生产方式以及与此有关的文化环境。这些生产方式和文化环境是产生地区文化的基础，最终对人们的思维产生深刻影响。额济纳土语的有关驼峰的词汇可以说是这方面的最好的例子。额济纳土语的有关驼峰的词汇就有 30 个之多。在我们了解的任何其他蒙古语方言土语当中从未发现这么丰富的形容驼峰的词汇。骆驼是额济纳人生活的必不可少的一部分，所以可以认为该土语就具有很多有关骆驼的词汇。

3.特殊词汇表示特殊的风俗习惯

方言中的一些特殊词汇与当地的特殊的生活习惯有直接关系。因为有那些风俗习惯才有了那些词汇，了解那些词汇才能真正了解那些地方文化。下面列出几个与地方饮食文化和特殊风俗习惯有关的例子。

乌珠穆沁地区有一种“把羊肉切成丝以后放在羊大肠里煮出来的汤”，叫 bilP冫:，额济纳有一种“将羊杂粹切成片后用肠子包起来煮”食品，叫Π∫r∫m,卫拉特有一种“把热包子放入冷牛奶使牛奶成块”食品，叫 x⌊:rmeg。

还有一些方言特殊词汇是与地方的特殊的风俗有关系。如，乌珠穆沁有把孩子生下后第一次剃的头发装入一个小袋子里缝好后挂在脖子上的风俗，叫 p⸝nt⸝:l冫x;额济纳蒙古族有一种风俗，就是女孩子到 15 岁时，让额头上的头发长出来，然后中间分开以示长大成人，叫—冫©qt⸝wex;蒙古民族的传统文化是游牧文化，所以移动是一种常态，有些地方有与这个生活方式有关的特殊的风俗习惯，如在额济纳蒙古人当中搬到新地方时在路两边点燃两个大火，让人，牲畜，车等通过的风俗习惯，叫—ireglex.

如果没有这些特殊的风俗习惯就不会有这些特殊的词汇。这些特殊词汇就是特殊文化的反应，只有了解特殊文化才能了解这些特殊词汇的内涵，反过来说，只有了解这些特殊词汇的内涵才能真正了解地方的特殊文化。

四、蒙古语言文字在“一带一路”建设中的地位与作用

人心相通是“一带一路”建设的一个重要方面，其中语言文字发挥着重要作用。

“一带一路”倡议的实施和中蒙俄经济走廊的建立都离不开语言文字的作用。我们要充分认识少数民族语言文字在其中的地位和作用。尤其那些跨界民族的语言文字的地位和作用不可忽视。

蒙古民族是对中国历史乃至对世界历史产生过重大影响的民族，因私蒙古语言文字也对世界产生过重大影响。十三世纪的蒙古帝国时期以及后来的准格尔汗国时期蒙古语言文字都发挥过重要作用。甚至在周边国家当中发挥过通用语言文字的作用。现存于俄罗斯历史档

案馆里的大量的托忒文文献就是一个证据。中国是当今世界蒙古族人口最多的国家，而蒙古国蒙古人、俄罗斯境内的布里亚特人和卡尔梅克人都有历史渊源，语言相近，过去都使用传统蒙古文。所以“一带一路”倡议的实施和中蒙俄经济走廊的建立中应该确立蒙古语言文字的历史地位，充分发挥蒙古语言文字的作用。我们认为这是顺利实施“一带一路”倡议，达到人心相通的有效途径。

通过以上的历时和共时观察我们可以了解到蒙古族文化是在多种文化的交流与融合当中形成的多重结构的文化，它的多重性即表现在历时层面上，也表现在共时层面上。“一带一路”倡议的实施就是一个多文化交流的过程，在这个过程当中尤其与蒙古国和俄罗斯的交往当中应该确立蒙古语言文字的历史地位，充分发挥蒙古语言文字的作用。

参考文献

1. 罗常培，《语言与文化》（语文出版社，1996 年）
2. 今西等，《文化与人类》（日文版）（朝日新闻社，1974 年）
3. 周振鹤、游汝杰，《方言与中国文化》（上海人民出版社，1986 年）
4. 呼日勒巴特尔，〈关于现代中国蒙古族四种文化区域〉（《内蒙古师范大学学报》，1989 年第二期）
5. 白音门德，〈关于蒙古语借词〉（《蒙古语文》，1989 年第四期）
6. 内蒙古大学蒙古语文研究所，《蒙汉词典》，内蒙古人民出版社，1976 年
7. I.Cebel，《MonggolKelen-ütobcitayilburitoli》,乌兰巴托，1966 年
8. 旭日呼：《蒙古语族语言中的梵语和藏语借词研究》（内蒙古大学硕士论文），1999.5
9. 新特克，《巴尔虎布里亚特方言词汇特点》，内蒙古大学学报，1987 年第三期
10. 额尔登台，乌云达赉，阿斯拉图，《蒙古秘史词汇选释》，内蒙古人民出版社，1980
11. 包祥，《蒙古文字学》，内蒙古教育出版社，1984 年
12. 额尔敦套格陶，〈蒙古文化的功勋者---鲁力噶尔扎布〉（《蒙古语文》，1981 年第五期）
13. 白音门德，《蒙古语方言特殊词汇与蒙古文化》（内蒙古大学出版社，2010 年）
14. 斯琴等，《蒙古语方言研究》（中央民族大学出版社，1998 年）
15. 内蒙古大学蒙古语文研究所，《现代蒙古语》（内蒙古人民出版社，1964 年）
16. 弗拉迪米尔佐夫，《蒙古社会制度史》（民族出版社，1980 年）
17. 小泽重男，《蒙古秘史的世界》（白音门德译，内蒙古人民出版社，1998 年）
18. 特穆尔策仁，《蒙古语词汇研究》（内蒙古教育出版社，1983 年）
19. 色音，《蒙古秘史的多层次文化》（内蒙古文化出版社，1990 年）
20. 庄锡昌等，《多维视野中的文化理论》（浙江人民出版社，1987 年）
21. 卡罗林•汉弗莱等，《内亚文化与环境》（内蒙古人民出版社，2001 年）
22. 鲁思•本尼迪克特，《文化模式》（浙江人民出版社，1987 年）
23. 托马斯•哈定等，《文化与进化》（浙江人民出版社，1987 年）
24. 孟驰北，《草原文化与人类历史》（国际文化出版公司，1999 年）
25. 顾嘉祖，《跨文化交际》（南京师范大学出版社，2000 年）

***

Э.С. Бугаева, М.М. Алжеева,
Элиста, Россия

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДУНГАНСКОГО ЯЗЫКА И ПУТУНХУА

Китайский язык входит в состав сино-тибетской языковой семьи и представляет собой систему диалектных групп, а именно: гуаньхуа官话 (северные диалекты); гань赣语; хакка客家话; минь闽方言; у吴语; сян湘语; юэ粤语(кантонский). Основным различием в диалектах служит фонетический строй.

Начиная с глубокой древности, диалекты изменяются и развиваются, а главными причинами формирования многочисленных говоров являлись миграции жителей Китая в поисках спокойной жизни, где каждый говорил на своём родном языке, что, в свою очередь, и послужило фундаментом для образования новых языков посредством активного обмена лексики и фонетических единиц. Развитие политических и экономических событий в северной части Китая послужило образованию устойчивого общения между народностями, проживающих на данных территориях.

Стоит отметить, что китайский язык стал фундаментом для образования нового языка, дунганского, за основу которого был взят диалект гуаньхуа, а именно диалект провинции Ганьсу. Первоначально, дунганский язык считался говором народности *хуэйцзу* (回族(Huízú)), исповедующей ислам. И поскольку они территориально относятся к Северо-Западной части Китая, то особых различий в произношении между ними и ханьским населением не возникало.

Изначально, нынешний народ хуэй использовал арабский язык, когда во время правления династии Тан в портовых городах стали поселяться арабские и персидские торговцы, но в конце правления династии Мин они полностью перешли на использование китайского языка в своей речи и письменности, и только после образования КНР китайский язык стал для них родным. Но стоит учесть, что на сегодняшний день в переводах Корана используется литургический язык经堂语 (Jīng táng yǔ), который состоит из арабских и персидских слов, а также элементов, не присущей китайской грамматике, которые образовываются в результате буквального перевода с арабского на китайский язык.

На протяжении веков народом хуэйцзу были созданы два типа памятников, где первый включает в себя иероглифические тексты с использованием арабских и персидских терминов, например, 伊斯俩目 (Yī sī liǎ mù) – ислам. Второй тип памятников включает в себя алфавитные тексты китайского языка с использованием арабских и персидских букв, которые называются «*сяоцзин*» 小经(xiǎo jīng) или 小儿经(xiǎo'ér jīng) «малый канон».

После подавления восстания в конце 19 в. произошли некоторые изменения в лингвокультурных приоритетах народа хуэй, половина которых позднее вошла в состав СССР. В результате китайские мусульмане были поделены на две группы: китайскую и среднеазиатскую (дунганскую东干 (dōng gàn)). Существует два основных дунганских диалекта: *ганьсуйский* (линьтаоская разновидность ганьсуйского диалекта была положена в основу самого языка) и *шэньсийский*, но помимо прочего, у дунган имеются еще три диалекта: *цинхайский (чинхэ)*, *дунми (думми)* и *ягы (ягэ)*. О.И. Завьялова подчеркивает, что большая часть переселившихся дунган были неграмотны по части иероглифики, по этой причине в 1928 г. была предложена письменность на основе системы *сяоцзин* и в то же время появился первый латинский алфавит, в который были включены четыре дополнительные буквы, созданные на основе персидского языка [3, С. 159]. В 1952 году была официально принята кириллическая письменность для дунганского языка с буквами ә,ж, ң, ў. На сегодняшний день в повседневной речи дунган все еще присутствуют слова арабского и персидского происхождения, привнесенные из Китая: *кафыр* (kāfir) «неверующий», *ахун* (āhund) «учитель, мулла» и т.д.

Дунганский язык имеет общие черты изолирующего языка, как и китайский, в котором преобладает тональная силлабема. Основным отличием между двумя диалектами считается наличие четырех тонов в шэньсийском и трех тонов в ганьсуйском. Но в обычной речи в двух диалектах различают все четыре тона: Iа (*инь-пин*, первый), Iб *(ян-пин,* второй*),* II *(шан-шэн,* третий*),*III *(цюй-шэн,* четвертый*),* например, 椅子 (Yǐzi) – йи^{II} цзы «стул». В дунганских текстах тоны Iа и Iб представлены как I.

В настоящее время дунганский язык можно сравнить с пекинским диалектом – *путунхуа* в фонетическом, лексическом и грамматическом аспектах.

В различиях с фонетического аспекта, первой характерной чертой, отличающей дунганский от путунхуа, является развитие согласных и сокращение гласных, например, [ao] – открытое [o], [ai] – [e], а также, где происходит монофтонгизация дифтонгов: [mao] (кит.) – [mo] (дунг.), [dou] (кит.) – [du] (дунг.) и т.д.

Второе – исчезновение *i*как начального элемента дифтонгов и трифтонгов, которое спирантизировалось в *j*, например, [iao] – [jo], [iu] – [ju], но если *i* в китайском слоге стоит после согласных, то в дунганском языке мы имеем серию палатализованных согласных *l` d` p`*, например, [ciao] – [c`o], [di] – [d`i].

Третье – исчезновение *u* как начального элемента дифтонгов и трифтонгов, которое консонантизировалось в *v,* например, [uai] – [ve]. В случаях, когда *u* стоит после согласного, происходит лабиализация, где появляются новые согласные: s + u = *f*; c + u = *pf, kf, tf*и т.д., например, [suo] – [fe], [cuan] – [pfaŋ]. Но в некоторых слогах *u* полностью сохраняется, например, в [du]. В тех случаях, где *u* было единственным гласным слогофонемы, оно консонантизировалось в *w,* например, [su] – [fw], [gu] – [gw].

Четвертое – редукция *i* в предлогах дунганского языка, например, gi (给): g(i) ni (тебе), g(i) ta (ему/ей).

Пятое – помимо того, что дунганский язык, как и китайский, основан на тональной системе, он также характеризуется динамичным ударением. Если в китайском языке ударение считается самостоятельной величиной, то в дунганском оно зависит от интонации. В качестве примера будут взяты числительные 1-3. В китайском языке числительные произносятся только с ударением на знаменательной морфеме, а не на суффикс: y**í** ge, li**á**ngge, s**á**n ge и т.д. В дунганском же ударение может падать как на первый слог, так и на второй. Данная ситуация полностью зависит от тональности. Если в знаменательной морфеме присутствует 3-й и 4-й тоны, то ударение остается на нем, но, если тон первого слога 1-й или 2-й, ударение падает на суффикс.

Шестое – вместо восьми пекинских носовых финалей [ən], [əŋ], [in], [iŋ], [uən], [uŋ], [yn] и [yŋ] используются только четыре, а именно [əŋ], [iŋ], [uŋ], [yŋ].

В лексических особенностях дунганский язык от путунхуа отличается по следующим признакам:

Первое – наличие слов, встречающихся в средневековых текстах на языке *байхуа,* которые иногда употребляются в современных диалектах: фу^{Iα}зы (书子shū zi) «письмо»; е^{III}ли^{II} / е ^{III}ли^{II}гы (夜里yèlǐ夜里个yèlǐ gè) «вчера «и т.д. В своей книге О. И. Завьялова отмечает, что в современной диалектологической карте в регионе к северу от хребта Циньлин и р. Хуанхэ морфема 夜(yè) преобладает над 昨天(zuótiān) «вчера» [4, с. 26].

Второе – заимствованные слова из арабского, персидского, тюркского и русского языков, такие как, суэ^{II}дэ^{I} гэ^{I} (сэ^{II}дэ^{I}гэ^{I}) «милостыня» (араб. ṣadaqa); шах^{II}мат^{I} (рус. шахматы), и т.д. Подобных заимствований насчитается около 300. В дунганских текстах русские слова не подвергаются изменениям, но применение их в устной речи может быть разным, что зависит от уровня образованности говорящего. Немаловажен тот факт, что на сегодняшний день большая часть дунган получают образование в КНР, в результате чего происходит процесс вытеснения русских слов заимствованиями из путунхуа.

При анализе отличительных характеристик двух языков стоит обратить большое внимание на грамматические основы. Суффикс коллективной множественности в путунхуа 们 (–men) применяется исключительно с личными местоимениями и существительными,

обозначающими людей, когда в дунганском языке суффикс *-му* мог употребляться с животными и птицами, например, гу^{II}му (狗们 gǒumen) «собаки». Но в современных письменных текстах *–му* все чаще используется со всеми существительными в роли множественного числа.

К следующему фактору относится единый показатель предметности *–гә* (个gè), который, как правило, заменяет разнообразные классификаторы в путунхуа, например, йи **гәҗ**инур «одна золотая рыбка», йи **ге** жуәзы «один стол», в путунхуа: 一条金鱼 (yī **tiáo** jīnyú), 一张桌子 (yī **zhāng** zhuōzi).

В своей работе Драгунов А.А. и Драгунова Е.А. пишут, что связки 是(shì) «являться» в дунганском (*сы*^{I}), в отличие от китайского, как отдельное слово, уже не существует, ее функция перенесена на предикативную паузу, а сама связка превратилась в суффикс, примыкающей к предшествующему слову, отсюда, если китаец на вопрос ответит 是我 (shì wǒ) «я», то дунганин, в языке которого *сы*^{I} не является отдельным словом, ответит просто «вә» [1. С. 125]. Также стоит отметить, что в отрицательных предложениях иногда суффикс *-сы*^{I} может одновременно стоять как после самого подлежащего, к которому оно примыкает, так и после отрицания (одновременное использование суффикса с отрицанием не происходит в тех случаях, когда используется подлежащее-местоимение): җыгә жын***сы бусы*** гунжин «этот человек не (есть) рабочий». Подобная конструкция в китайской грамматике невозможна.

Наречие степени 很(hěn) «очень» в дунганской грамматике (*-хын*^{II}) так же утратило свою самостоятельность и стало выступать в роли суффикса, неотделимого от прилагательного, к которому оно примыкает, и тем более не может стоять перед ним (жужурди**хын** «гибкий, упругий»). Необходимо добавить, что, помимо утери самостоятельности, изменилось и значение суффикса *–хын*^{II}. Для того, чтобы подчеркнуть степень интенсивности признака одного суффикса будет недостаточно, для этого добавляется наречие *тэ*^{II} «очень»: тэ жужурдихын «очень гибкий, упругий».

В дунганском и китайском языках существует идея изменчивости действия. Если в китайском она создается с помощью видо-временных показателей, то в дунганском этого недостаточно. В предложении, где глагол является единственным или является последним во фразе, он обязательно оформляется видо-временным показателем и не может использоваться без него. Например, с помощью релятивной конструкции *–дини* (的呢 de ne) выражается длительное действие в прошлом, настоящем и редко в будущем: ни^{II}зў^{III}са^{III} *дини*? (你做啥(什么)的呢? nǐ zuò shà (shénme) de ne?) «что ты [сейчас] делаешь? В шэньсийском диалекте этот показатель звучит как *-җәни* (着呢zhene).

Как видно, с течением времени ганьсуйский диалект претерпел немаловажные изменения, что дает полное право считать дунганский язык совершенно самостоятельным. На сегодняшний день в КНР идет процесс по созданию базы данных диалектов китайского языка и языков народов КНР. В данную программу был включен так же и дунганский язык.

Литература

1. Драгунов А.А., Драгунова Е.А. Дунганский язык. – В кн.: Записки Института востоковедения АН СССР, т. VI. – М., 1937.

2. Завьялова О.И. Диалекты китайского языка. – М., 1995.

3. Завьялова О.И. Большой мир китайского языка / – 2-е изд – М.: Восточная книга, 2014. – 320 с.

4. Завьялова О.И. Китайские мусульмане хуэйцзу: язык и письменные традиции // Проблемы Дальнего Востока. 2007. – № 3.– С. 153—160.

5.Завьялова О.И. Язык и культура китайских мусульман-хуэйцзу // Дунгане: история и культура: российские дореволюционные работы о дунганах / сост. М. Р. Мадиван; отв. ред. О. И. Завьялова; Ин-т восточных рукописей (Азиатский Музей) РАН; Ин-т Дальнего Востока РАН. – М.: Наука – Восточная литература, 2017. [1]

6.Сушанло М.Я. У истоков дунганской фонетической письменности // Ориенталистика в Киргизии. Фрунзе, 1987.– С. 3-11.

7. Краткий дунганско-русский словарь / Сост. Ю. Яншансин. – 2 е изд., испр. и доп. – М.: ИПБ, 2009. – 288 с.

8. Русско-дунганский словарь. – Т. 1-3. Фрунзе, 1981.

***

Ван Сюецзяо,
Шэньян, КНР

浅谈汉语量词及针对教授俄国成年学生量词的教学建议

一、中外语言学家对汉语量词的研究过程

汉语属于汉藏语系，汉语的量词是现代汉语的重要特征之一。俄语属于印欧语系，对于量的表达，与汉语有着很大的差别。对外汉语教学中，量词的多样性和复杂性，使得教授俄罗斯学生汉语量词成为了长期以来的教学难点。

从语言类型学的角度来说，汉语的量词是一个庞杂的系统。既有表示度量衡的量词，还有动量词，以及纷繁复杂的名量词。俄罗斯语言学家对于汉语量词的理解大体上比较一致，认为汉语量词大致上分为表量和表类。表类的量词是汉语独有的词类，所以这是在针对俄罗斯学生的汉语教学中应该给予高度关注的。

《马氏文通》中并没有将汉语量词单独划为一个词类。但是早在《马氏文通》之前，西方汉学家就对汉语中“数量+名（量）词+名词”这种独一无二的语法结构产生了浓厚的兴趣，并且展开了细致的研究。意大利的卫匡国著有《中国文法》，该书可以算作西方汉学家首部关注汉语量词和用法的著作；西班牙瓦罗编著的《华语官话语法》整理了汉语 56 个量词；英国马礼逊的《通用汉言之法》首次将量词从助词中分离开来。

中国语言学家黎锦熙提出了“量词”这一概念，陆志韦、吕叔湘、王力、高明凯、赵元任等语言学教都对汉语量词进行了深入研究，丁声树等明确提出将汉语量词作为独立词类开展研究。

由此可见，汉语量词作为汉藏语系特有的语法形式，很早就引起了西方语言学家的关注，或者可以说，西方语言学家相比中国语言学家对汉语量词更加敏感。中外语言学家对汉语量词的研究过程都是漫长而曲折的。

二、汉语量词的分类

汉语量词是表示事物或动作或动作持续时间的数量单位。它是粘着词，前面必须有数词或指示代词。量词子类分为三大类：动量词、时量词和名量词。其中，名量词又分为：个体量词、集体量词、度量词、容器量词、成形量词、倍率量词、种类量词、不定两次、复合量词。

动量词是表示动作或变化次数的单位。一般语法书上又分为两类。一类是专用动量词，如：次、遍、场、顿、趟等等；另一类是借用动量词，如：打一拳、放一枪、看一眼中的拳、枪、眼都是借用动量词。

时量词是动作的发生时间或延续时间的计量单位，如：年、天、分、秒等等。

名量词：

1. 个体量词用于个体事物，这是汉语特有的。个体名词一般有自己特定的个体量词，大部分个体名词有几个特定的个体量词与之对应。如：一本书，一位教师，一头羊等等。然而“伞”只能用“把”，“马”只能与“匹”对应。

2. 集合量词本身包含数量，用于成双成对成群的人或事物。如：一双鞋，一对情侣，一群狼，一批军火等等。

3. 度量词就是度量衡的计量单位。如：公斤、米、吨、里、元、千瓦等等。

4. 容器量词是容积的计量单位。多数容器量词是由名词兼任的，如：包、筐、桶等等。另外还有一部分是由名词性语素兼任的，比如：箱、盘、桌等等，作为量词时候直接与数词连用，如：两箱啤酒、一盘菜、一桌酒席等等。

5. 种类量词用于区分事物种类和等级。如：一门功课、HSK5 级、头等舱等等。

6. 成型量词指描述物体的形状，以此作为计量单位。如：一段路、一堵墙、一堆柴火等等。

7. 倍率量词是说明分量占总数多少。比如：三分饱，七成熟等等。

8. 不定量词表示量的不定。如：点儿、些等等。

9. 复合量词由两个量词构成，比如：人次、台次等等。

三、针对教授俄罗斯学生汉语量词的教学建议

汉语量词作为汉藏语系所特有的语言现象，对于印欧语系的俄罗斯学生来说，学习汉语量词是一大挑战。笔者在对外汉语教学过程中，总结了俄罗斯学生在学习量词时的常见偏误，对其原因进行了分析，并对此提出了相应的教学建议。

常见偏误与针对性教学建议：

1. 时量词

常见偏误：“再过两个年以后，我就要回俄罗斯了。”“下个年我有考试。”

偏误原因分析：学生未能准确理解时量词“年”的意义和用法，错误地将“年”作为普通名词使用，而在“年”前加名量词“个”。

教学建议（针对俄罗斯成年学生，以下均指此类学生）：将时量词概念准确地传达给俄罗斯学生，解释“年”作为时量词的意义和用法，给出具体的语境，结合语境教授“年”以及其他时量词的意义和用法，将语用渗透在教学中。

2. 成形量词

常见偏误：一个桌子、一个绳子等等。

偏误原因分析：学生不理解什么时成形量词，错误地将个体量词泛用。

教学建议：告诉学生量词的分类，成形量词的特点是描述形状，引导学生运用语义分析法理解和记忆成形量词，内化于心，外化于形。比如“条”指的是细的、长的、可弯曲的，可以说“一条绳”，举一反三，可以说“一条蛇”，“一条路”等等。

3. 不定量词

常见偏误：有点儿和一点儿。如：“她早饭吃了有点儿。”“她一点儿胖。”等等。

偏误原因分析：未能准确理解不定量词的意义，将形近的副词与不定量词混淆使用。

教学建议：准确教授不定量词及其形近副词的意义，讲解两类词的语法运用差别，给予具体的语境，以便严格区分两类词的用法。

小结：中外语言学家对于汉语量词这一具有独特魅力的语言现象给予了高度的重视，研究过程充满艰辛但成果巨大。汉语量词在对外汉语教学中是重难点，对于印欧语系的俄国学生来说是一个挑战。建议在教学中准确传达量词的概念及具体分类，帮助学生建立正确的认知方式，引导学生运用语义分析量词，从而内化于心，便于理解和记忆。给出大量具体的语境，利用语用学指导教学。

***

Н.Н. Воропаев, Ма Тяньюй,
Москва, Россия

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ КИТАЙСКОЯЗЫЧНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Мы соотнесли термины, которые используются в России, с терминами китайских исследователей, и применили следующую классификацию и систему терминов для описания

и анализа прецедентных феноменов китайскоязычного культурного пространства на русском и китайском языках:

Прецедентное имя-антропоним (典型人物 dianxing renwu ‘каноническая личность’ [термин для обозначения прецедентных имен (ПИ), которые являются именами людей или человекоподобных существ]). Далее сокращенно ПИ1.

Прецедентное имя-эвентоним (典故 diangu ‘классический прецедент; литературный (исторический) намек’ [термин для обозначения ПИ, являющихся разного рода фразеологизмами-идиомами и словесными клише, которые в дискурсе вербально представляют (именуют) прецедентные ситуации (мифические, исторические или вымышленные литературные события)]). Далее сокращенно ПИ2.

Прецедентное имя-хрематоним (物质文化专名 wuzhi wenhua zhuanming ‘хрематонимы – собственные имена предметов материальной культуры’ [термин для обозначения наименований единичных объектов материальной культуры Китая]). Далее сокращенно ПИ3.

Прецедентное имя-идеоним (精神文化专名 jingshen wenhua zhuanming ‘идеонимы – собственные имена предметов духовной культуры’ [термин для обозначения наименований единичных объектов духовной культуры Китая, а также обобщающих прецедентных имен, выраженных фраземами-калькуляциями типа 四大名著 si da ming zhu ‘четыре великих шедевра’ или 八仙 ba xian ‘восемь бессмертных’]). Далее сокращенно ПИ4.

Прецедентный текст (典源 dian yuan ‘классический источник’). Сокращённо ПТ.

Прецедентная ситуация (典型事件 dianxing shijian ‘каноническое событие’). Сокращённо ПС.

Прецедентное высказывание-идиома (典故 diangu ‘классический прецедент; литературный (исторический) намек’, [термин для обозначения фразеологизмов китайского языка разных типов и словесных клише, в основе которых лежат культурные, литературные и исторические сюжеты и которые в дискурсе актуализируют прецедентные ситуации, имена и тексты]). Далее сокращенно ПВ1.

Прецедентное высказывание-цитата (常用引文 changyong yinwen ‘часто употребляемая цитата; ссылка’ [термин для обозначения широко известных цитат из произведений литературы и высказываний референтов ПИ]). Далее сокращенно ПВ2.

Прецедентный феномен – обобщающий термин для ПИ, ПС, ПТ и ПВ (典故 diangu ‘литературный (исторический) намек’ [термин для обобщенного обозначения в дискурсе как вербальных, так и невербальных проявлений прецедентных ситуаций, имен, высказываний и текстов]). Сокращённо ПФ.

Дадим краткие пояснения по каждому разряду. Термины на китайском языке 典型人物 dianxing renwu ‘прецедентный персонаж [имя]’ и 典型事件 dianxing shijian ‘прецедентное событие [ситуация]’ мы заимствуем из словаря [4, с.309], а термин 典源 dian yuan (‘классический источник’) ‘прецедентный текст’ – из словаря [7, с. 479]. Антропоним – единичное имя собственное или совокупность имен собственных, идентифицирующих человека. В более широком смысле это имя любой персоны: вымышленной или реальной. Однако следует отметить, что в китайскоязычном дискурсе существуют ПИ, референты которых не являются людьми, но в прецедентных текстах представлены как человекоподобные существа. Например, персонажи романа «Путешествие на Запад» Чжу Бацзе, Сунь Укун, Оборотень непогребенных костей Байгу-цзин. Полагаем, что имена этих референтов также вполне допустимо обозначать как ПИ-антропоним (ПИ1).

Среди этих терминов особый интерес представляет разряд ПИ-эвентонимов (ПИ2). Формально эти имена представляют собой прецедентные высказывания, выраженные фразеологизмами-идиомами разных типов или словесными клише. Однако в дискурсе они фактически являются именами (наименованиями) и репрезентантами определенных прецедентных ситуаций (широко известных и значительных в китайском лингвокультурном

сообществе единичных мифологических, исторических или вымышленных событий) и поэтому могут быть отнесены к именам собственным – эвентонимам, например: 大禹治水 Da Yu zhi shui ‘Да Юй обуздал воды потопа’, 尧舜让位 Yao Shun rang wei ‘Яо уступил власть Шуню’, 武松打虎 Wu Song da hu ‘У Сун убил тигра’. Для обозначения этих ПИ-эвентонимов на китайском языке мы применили термин традиционной китайской филологии дяньгу, так как именно этим термином данные единицы в китайском языке и обозначаются.

Примечательно, что китайские словари дяньгу часто включают в себя наряду с ПИ-эвентонимами и ПИ-антропонимы (月下老人 Yue xia laoren ‘Подлунный старец’, 南郭先生 Nanguo xiansheng ‘господин Наньго’, 牛郎织女 Niulang Zhinü ‘Пастух и Ткачиха’) и ПИ-хрематонимы/идеонимы (诺亚方舟 Nuoya fangzhou ‘Ноев ковчег’; 特洛伊木马 Teluoyi mu ma ‘Троянский конь’; 胯下辱 kua xia ru ‘позор пролезания под чужим задом’ [позор Хань Синя, когда он пролезал под чужим задом; данное выражение означает то, что ради великой цели можно выдержать временные унижения и оскорбления]; 十字架 Shizi jia ‘Крест’) [5, с. 164]. Поэтому термин дяньгу мы также употребляем для обобщенного обозначения в дискурсе любых проявлений прецедентных ситуаций, имен, высказываний и текстов при анализе китайскоязычного культурного пространства на китайском языке.

Следующий разряд – ПИ-хрематонимов (ПИ3) – выделен для обозначения имен таких объектов, как 长城 Chang Cheng ‘Великая китайская стена’, 故宫 Gu Gong ‘Императорский дворец Гугун’, 丝绸之路 si chou zhi lu ‘Великий шелковый путь’ и т.п. Термином ПИ-идеоним (ПИ4) можно обозначать имена таких явлений и ситуаций как 三个代表 san ge daibiao ‘тройное представительство’, 小康 xiaokang «сяокан» ‘малое благоденствие’, 一国两制 yi guo liang zhi ‘одна страна – две системы’, 一带一路 yidaiyilu ‘один пояс – один путь’ и др. Данные термины на китайском языке мы смоделировали на основе термина 文化专名 wenhua zhuanming (букв. имя собственное культуры) хрематоним, разграничив две сферы деятельности человека – материальную и духовную, и добавив компоненты 物质 wuzhi ‘материальный’ и 精神 jingshen ‘духовный’ [2, с. 315]. Хотя следует отметить, что многие из этих единиц отнесены нами к разрядам хрематонимов или идеонимов весьма условно, так как, например, некоторые из референтов ПИ-хрематонимов, являясь в настоящее время (или в прошлом) материальными и вполне осязаемыми объектами, в современной культуре и языке являются также (или уже только) значимыми объектами духовной культуры и идеологии, например, Великая китайская стена, Великий шелковый путь. И наоборот, референты ПИ-идеонимов, которые являются на самом деле (или в прошлом) абстрактными понятиями, оказывают огромное влияние на настоящую реальную материальную жизнь общества и в результате этого влияния возникают вполне материальные объекты, например, благодаря древней концепции 小康 xiaokang «сяокан» ‘малое благоденствие’ в современном Китае было реализовано и реализуется множество экономических проектов, получивших реальное материальное воплощение (построены дома, фабрики; произведена одежда, продукты питания и т.п.). А стратегия Дэн Сяопина 一国两制 yi guo liang zhi ‘одна страна – две системы’ позволила вернуть в лоно Родины Гонконг (Сянган) и Макао (Аомэнь). Вообще, полагаем, вопрос соотношения ПИ-хрематонимов с ПИ-идеонимами достаточно сложен.

Термины прецедентный текст и прецедентная ситуация достаточно понятны. Прецедентный текст – широко известное литературное или публицистическое произведение. Прецедентная ситуация – широко известное историческое или вымышленное событие.

Разряд ПВ1 соотносится с разрядом ПИ2; на китайском языке эти два феномена мы обозначаем термином традиционной китайской филологии дяньгу. Мы делаем это намеренно для того, что показать теснейшую взаимную связь между всеми ПФ китайскоязычного культурного пространства и подчеркнуть идиоматический характер прецедентных имен всех типов. К тому же мы делаем это для сохранения целостности группы исходных терминов на русском языке, и с целью показать всю специфичность термина дяньгу. Более четкое

разграничение этих единиц также возможно, если еще учитывать их оперативную функцию в дискурсе. Полагаем, что идиомы или словесные клише следует относить к ПИ-эвентонимам в статике, то есть в случаях, когда эти единицы используются в дискурсе обособленно, например, как заголовок какого-либо текста или как резюме, наименование ситуации. К прецедентным высказываниям эти единицы следует относить в динамике, то есть в случаях, когда эти единицы включены в линейный поток других языковых единиц, особенно как обстоятельство образа действия, например:

非常感谢您在百忙之中翻阅我这份普通且又凝聚着我无限梦想的自荐材料，为我开启了一扇希望之门，所以请允许我毛遂自荐。我叫吴重文，是中国地质大学测绘工程专业2005 届毕业生。Feichang ganxie nin zai bai mang zhi zhong fanyue wo zhe fen putong qie you ningju zhe wo wuxian mengxiang de zijian ziliao, wei wo kaiqi le yi shan xiwang zhi men, suoyi qing yunxu wo Mao Sui zi jian. Wo jiao Wu Zhongwen, shi Zhongguo dizhi daxue cehui gongcheng zhuanye 2005 jie biyesheng. ‘Премного благодарен Вам за то, что, несмотря на всю свою занятость, Вы ознакомились с моей простой, но в то же время наполненной мечтами саморекомендацией, и открыли для меня дверь надежды. Поэтому прошу позволить мне, как Мао Сую, самому предложить свои услуги. Меня зовут У Чжунвэнь, я выпускник 2005 года Китайского геологического университета по специальности «топография инженерных сооружений» ’.

Термин прецедентное высказывание-цитата на китайском языке представляет собой обычную лексему со значением «цитата; ссылка» с определением «часто употребляемая». Примечательно, что некоторые фразеологизмы китайского языка одновременно можно относить к разным разрядам, например, фразеологизм типа чэнъюй 对酒当歌 dui jiu dang ge ‘радоваться жизни’ является фразой из стихотворения знаменитого военачальника, политика и поэта Цао Цао, то есть фактически цитатой, но этот фразеологизм уже давно стал единицей словаря, фразеологизмом-идиомой, который может употребляться для описания и именования аналогичных ситуаций. Таким образом, эта единица дискурса может относиться сразу к трем разрядам прецедентных феноменов: ПВ-цитата, ПВ-идиома и ПИ-эвентоним.

Такой тщательный анализ подобных единиц языка с применением данных терминов может способствовать более глубокому пониманию этимологии, семантики и правил функционирования этих единиц в дискурсе.

Проанализировав термин китайской традиционной филологии дяньгу, мы пришли к выводу, что термин дяньгу соответствует термину прецедентный феномен и его можно применять для обобщенного обозначения в китайскоязычном дискурсе любых проявлений прецедентных ситуаций, имен, высказываний и текстов.

Покажем действие этой системы терминов на примере ПИ Чжугэ Лян (референт1 ПИ – историческая личность, знаменитый политик, военный специалист, стратег периода Троецарствия Чжугэ Лян (181-234 гг.); референт2 – центральный персонаж классического романа «Троецарствие», который был написан в 14 веке). Для обозначения понятия ПИ здесь вполне подходит термин 典型人物 dianxing renwu ‘прецедентный персонаж’. Хотя это историческая личность, однако в качестве ПИ с инвариантом восприятия «мудрец» и группой поддерживающих это ПИ в дискурсе ПС имя Чжугэ Лян в основном сформировалось в ПТ (典源 dian yuan) классическом романе «Троецарствие». Напомним, что инвариант восприятия ПТ и ПС не может быть в дискурсе вербальным (то есть не может передаваться одним словом или словосочетанием), он может быть только вербализован (описан устно или письменно минимум несколькими предложениями), но в этих описаниях ключевые эпизоды ПТ и ПС часто будут передаваться с использованием ПИ и ПВ.

Итак, ПТ в дискурсе может быть представлен только вербальными единицами: ПИ или ПВ. Например, описанная в главе 95 романа ПС (典型事件 dianxing shijian) в китайскоязычном дискурсе вербально представлена ПИ2/ПВ1 (典故 diangu) 空城计 (kong cheng ji 1. ист. маневр с открытым городом (Чжугэ Лян, оказавшийся без войск в пустом городе перед лицом армии Сыма И, приказал раскрыть городские ворота и подметать улицы;

Сыма И, зная хитрость Чжугэ Ляна и боясь попасть в ловушку, отступил; эпоха Троецарствия) 2. театр. «Кун-чэнцзи» (пекинская муз. драма на тот же сюжет и в театре 西皮 xi pi) 3. обман противника ложной демонстрацией силы (или грозным видом) [1, с. 80]. Формально выражение 空城计 китайские и российские лингвисты относят к фразеологизмам типа гуаньюнъюй (устойчивые словосочетания, построенные по нормам современного разговорного языка; большинство фразеологизмов данного типа состоят из трех слогоморфем, но существуют и более чем трехсложные образования). В словаре Чэнь Сяньчунь данная ПС представлена в разделе «прецедентные события» с инвариантом восприятия-дескрипцией 内部已经空虚 neibu yijing kongxu ‘внутри уже пусто’, например: 公司连年亏损，从外表看还是庞然大物，实际上已经是唱空城计了。Gongsi lian nian kuisun, cong waibiao kan haishi pangran dawu, shijishang yijing shi chang kong cheng ji le. ‘Несколько лет подряд компания терпела убытки, и хотя со стороны она все еще кажется гигантом, на самом деле здесь уже поют оперу «Хитрость с пустой крепостью»’. Причем благодаря большой популярности этого эпизода у местных театров на протяжении веков, это выражение известно в Китае каждому и часто употребляется с глаголом 唱 chang ‘петь’, поэтому даже про пустой голодный желудок китайцы могут сказать 肚子唱空城计了 Duzi chang kong cheng ji le ‘Живот запел оперу «Хитрость с пустой крепостью»’ [4, с. 260].

Есть множество ПИ2/ПВ1 (典故 diangu), формально относимых к фразеологизмам разного типа и актуализирующих в китайскоязычном дискурсе ПИ1 Чжугэ Лян, например: 三顾[茅庐] san gu [mao lu] ‘трижды посещать [шалаш]’ (о троекратном посещении Чжугэ Ляна Лю Бэем; образно в значении: настоятельно просить помощи опытного человека, настоятельно приглашать на службу) – фразеологизм типа чэнъюй (ПВ1/ПИ2) как вербальный представитель ПС, ПИ1 и ПТ (37 глава романа «Троецарствие»), 诸葛亮使的空城计———只能一回 Zhuge Liang shi de kong cheng ji – zhi neng yi hui ‘Примененный Чжугэ Ляном маневр с открытым городом – способ на один раз’ и 诸葛亮住茅庐———怀才不遇 Zhuge Liang zhu mao lu – huai cai bu yu ‘Чжугэ Лян живет в шалаше – обладая талантами, не иметь случая их использовать’ – фразеологизмы типа сехоуюй [6, с. 926].

Мы считаем, что для исследования фразеологии китайского языка чрезвычайно важно определить степень прецедентности фразеологической единицы в реальной коммуникации (независимо от вида фразеологизма) и ее способность актуализировать важные ПФ китайскоязычного культурного пространства. Таким образом, фразеологические единицы, в основе которых лежат историко-культурные сюжеты и которые актуализируют какие-либо ПФ, мы предлагаем относить к особому разделу прецедентной фразеологии и обозначать как ПВ1, ПВ2, ПИ2, ПИ3, ПИ4, в каждом случае тщательно анализируя и выбирая наиболее соответствующие сути фразеологической единицы термины [3, с. 345-347]. Мы уверены, что этот подход поможет усовершенствовать методику изучения китайского языка, взглянуть на нее по-новому и систематизировать процесс овладения коммуникативно и когнитивно ценными единицами, осуществляя тем самым успешную социализацию наших китаистов в китайском лингвокультурном сообществе.

Литература

1. Большой китайско-русский словарь (БКРС). В 4-х т. Т. 2 / под ред. И. М. Ошанина. - М.: Наука, 1983-1984. - 1100 с.

2. Воропаев Н. Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе: дис. … канд. филол. наук. - М., 2012. - 315 с.

3. Воропаев Н.Н. Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи. Лингвокультурологический словарь-справочник для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая / 2-е изд., испр. - М.: Издательство ВКН, 2018.- 384 с.

4. Chen Xianchun 中国文化中的典型人物与事件 // 陈贤纯编著. – 北京: 北京语言文化大学出版社, 1999 年. Zhongguo wenhuazhong de dianxing renwu yu shijian // Chen Xianchun bianzhu. – Beijing: Beijing yuyan wenhua daxue chubanshe, 1999 nian. (Прецедентные персонажи и события в культуре Китая // Сост. Чэнь Сяньчунь.– Пекин: Издательство Пекинского университета языка и культуры, 1999. – 309 с.)

5. Qiu Caijun 小学生一定要知道的 108 个历史典故 // 邱彩君主编. – 呼和浩特：远方出版社，2009 年 Xiao xuesheng yiding yao zhidao de 108 ge lishi diangu // Qiu Caijun zhubian. – Huhehaote, 2009 nian (108 исторических дяньгу, которые обязательно должны знать ученики начальной школы // Сост. Цю Цайцзюнь. – Хух-Хото, 2009.–164 с.)

6. Wen Duanzheng 中国歇后语大全 // 温端政等编著. – 上海: 上海辞书出版社, 2004 年. Zhongguo xiehouyu daquan // Wen Duanzheng deng bianzhu. – Shanghai: Shanghai cishu chubanshe, 2004 nian. (Полное собрание китайских недоговорок-иносказаний сехоуюй // Под ред. Вэнь Дуаньчжэна. – Шанхай, 2004.– 1295 с.)

7. Yu Shi 常用典故词典 // 于石等编. – 新 – 版. – 上海：上海辞书出版社，2007 年. Changyong diangu cidian // Yu Shi deng bian. – xin – ban – Shanghai: Shanghai cishu chubanshe, 2007 nian (Словарь активно употребляемых дяньгу (классических прецедентов) // Сост. Юй Ши и др. – Шанхай, 2007. –479 с.)

***

Л. В. Даржинова,
Гонконг, КНР

Using a behavioral measurement for assessment of written comprehension in bilinguals

Introduction

Despite the fact that many researchers have a great interest in examining the effects of bilingualism on bilinguals from different perspectives, there has been little research particularly focusing on the use of behavioral assessment tools addressing written comprehension skills in bilinguals.

It must be pointed out that important theoretical and experimental progress has been achieved by defining the types of operations that underlie language processing in English comparing with other languages. However, Russian, which is the eighth spoken language in the world (Eberhard et. el., 2019) and a comparatively free word order language, still does not have an extensive research in this matter. That is why, the purpose of this paper is to explore the idea of developing a behavioral assessment tool of written comprehension in Russian-English bilinguals.

Behavioral measurements in linguistics

For the purpose of assessment of written comprehension in individuals, varied methodologies are used, such as behavioral, eye-movements techniques, neuroimaging evoked potentials, etc. It is noteworthy that the study of language processing within behavioral measurement has blossomed in the past two decades and is still in trend at present.

Behavioral measures typically assess language processing difficulty, as indexed by assessments of response time, errors, or both. Participants are frequently offered with linguistic stimuli then inquired to execute an action. For instance, they may be queried to make a judgment regarding a word, reproduce the stimulus, or name a visually given word verbally. Reaction time, which is the time taken to reply to the stimulus, and accuracy that is percentage of correct answers, are normally active procedures of performance in behavioral tasks (Squire, 2009).

The current study, which is dedicated to explore the written comprehension in bilinguals, will follow this trend and will also serve as an attempt to fill the gap in the area of written processing at the sentence level in terms of syntax and semantics in Russian-English bilinguals, in

particular. Keeping this in mind, it is of great importance to review the models suggesting certain ways of how language is processed in bilinguals.

Cognitive, modular, and interactive models of language processing

Bilingual speakers are able to switch between 'language modes' with relative ease (Gonzales & Lotto, 2013; Grosjean, 2013), 'tune into' a certain language after exposure to language-specific stimuli (Elston-Güttler & Gunter, 2008), or even block off their first language in processing (Peltola et al., 2012). Thus, in order to maintain functional communication and use languages in separation, the bilingual speaker is in need of a system that keeps the several languages apart.

Cognitive models of bilingual language processing implicate a specific role for nonlinguistic executive functioning (Linck et al., 2008). For example, The Inhibitory Control Model (ICM) proposed by Green (1998) suggests that the initial conflict between two languages, both in production and in comprehension, is resolved by a mechanism of active inhibition (see Figure 1).

In other words, multilinguals solve the conflict between languages through suppression of the representations from the non-target languages, while the representations from the target language are initiated. Furthermore, the amount of inhibition needed to suppress the non-target language is argued to be related to language proficiency. In the case of a strong first language (L1) and weaker second language (L2), a relatively high level of inhibition of L1 is needed when speaking in L2. In contrast, when speaking in the stronger L1, less inhibition of the weaker L2 may be needed.

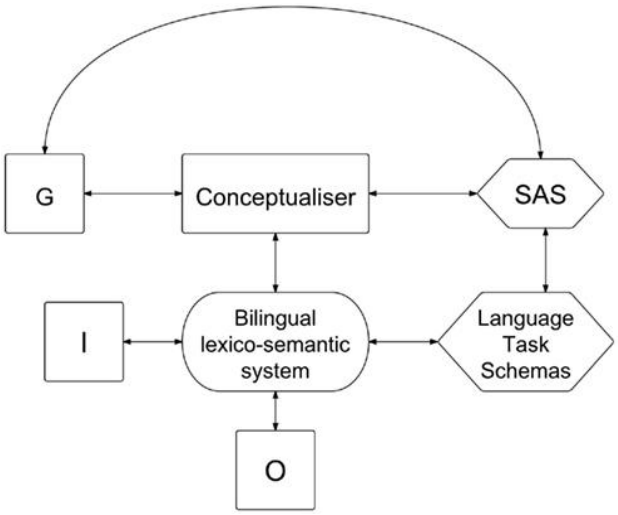


Figure 1. Inhibitory control (IC) model of bilingual language production adapted from Green (1998)

In the same way, The Bilingual Interactive Activation+ Model (the BIA+ Model) puts forward the idea about a decision and response selection device that enacts top-down control in choosing among triggered lexical representations (Dijkstra & van Heuven, 2002). Particular consensus has developed in the writings that bilinguals recruit specific extent of domain-general executive control to alternate between the tongues. This model is a revision and upgrade of the original BIA model, which is a language-nonselective access model for bilingual word recognition, based on McClelland and Rumelhart's Interactive Activation model of monolingual memory (1981), such that processing is originated through visual input from text then continues in a bottom-up way from letter features to letters to words. The model entails four representational levels: a feature level, a letter level, a word level and a supralexical 'language node.' The BIA model assumes an integrated lexicon for words of different languages. According to the model, processing costs following a language switch are the result of continuing top-down inhibition from the inappropriate language node toward the lexical representations of the target language (see Figure 2).

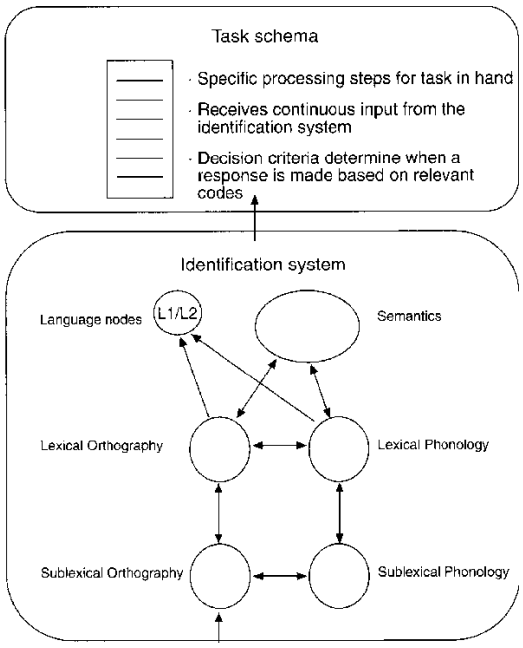


Figure 2. The BIA+ model for bilingual word recognition reprinted from Dijkstra & van Heuven (2002)

To fully capture the dynamics of bilingual processing, Li and Farkas (2013) proposed The Self-Organizing Model of Bilingual Processing (SOMBIP). According to the authors, the SOMBIP was aimed to investigate into the ability of the language system to self-organize over time in a way that provides dual-language involvement. The SOMBIP consists of two interrelated self-organizing neural networks, joined with a recurrent neural network that calculates lexical co-occurrence constraints. Simulations with the model showed that the model can justify for separate designs of the bilingual lexicon short of the usage of language nodes or language tags (see Figure 3).

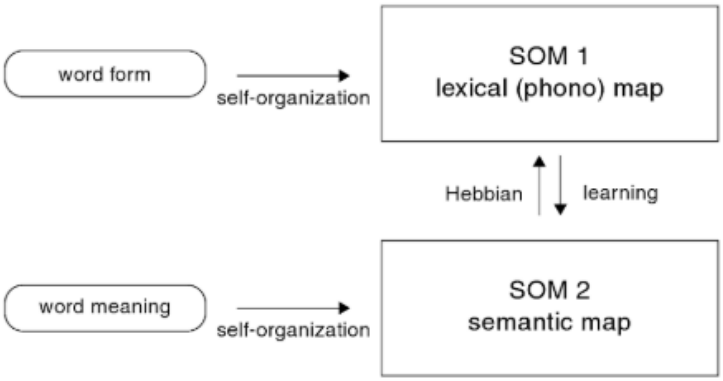


Figure 3. Li and Farkas' SOMBIP (2013)

Overall, the reviewed cognitive models firmly put forward the significance of executive functioning in language processing for bilinguals. It must be distinguished, nevertheless, that there may be a variance among executive functioning for bilingual language control (for instance, switching between languages, inhibiting non-target lexical representations) versus nonlinguistic executive functioning (for example, switching between tasks). Primary research designates that bilinguals' gain for executive functioning might be restricted to the former.

A critical model of sentence processing was created by Frazier and Fodor (1978), named as The Garden Path Model (GPM). As indicated by Altmann, Garnham, and Dennis (1992) and Ferreira, Bailey, and Ferraro (2002), this modular model suggests that the language processor at first ascertains the syntactic structure of a sentence without breaking down or working through the context. If we take into consideration the sentence 'Mary saw the man with the binoculars', many

people would comprehend the sentence to imply that 'Mary used the binoculars as a device to see the man.' Nonetheless, it could likewise imply that the man had the binoculars. As per Ferreira and associates when an individual experiences an ambiguous sentence, only one meaning is predominantly processed. On the off chance that the significance credited is not worthwhile, the sentence is reparsed utilizing the accessible relevant existing knowledge.

The Constraint Based Model (CBM) of parsing designs that semantic factors come into play while sentence processing. As indicated by Tanenhaus et al. (1995), the CBM introduces the view that garden path sentences are dissected utilizing syntactic and semantic data in a one-stage process. To understand this model, one may take into consideration the sentence 'The fireman told the man that he had risked his life for to install a smoke detector'. The GPM hypothesizes that the sentence should lead to a garden path effect. As it turned out, measurements of eye movements confirmed that garden path ambiguities lead the processor to build representation dependent on the best semantic fit (Harley, 2008).

To a great extent, the reviewed modular models have concentrated on clarifying the techniques used in sentence interpretation. Garden-path model guesses that the perception of sentences includes computation of single syntactic analysis only, though constraint-based theory accepts that syntactic analysis is carried out dependent on all relevant data.

The Competition Model (CM) is an interactive framework for the cross linguistic study of language use. The CM represents the assembly of the language processing structure that is expressed from the standpoint of five significant notions: two-level structure, direct mapping between these levels, cue validity, cue strength, and coalition between forms and functions.

The most important prognostic construct in the Competition Model is cue validity. In accordance with Brunswik (1956) and Gibson (1966), the authors discuss that human beings own psychological instruments that lead them to perform accordingly with the validity or information value of cues in their ecology. Validity is an objective property of the cue itself, a property of the perceptual setting comparative to certain organismic form. For that reason, cue validity is not a circular view; it can be measured in a straight line in samples of spoken or written language, and used to descend expectations regarding language processing by adults and/or language acquisition by kids.

Referential Theory, as it has come to be known, was initially proposed by Crain and Steedman (1985) as a discourse-based model of sentence processing that contrasted greatly with Frazier and Rayner's (1982) structure-based garden-path model of sentence processing. Whereas Crain and Steedman focused almost entirely on the role of definite noun phrase reference in syntactic ambiguity resolution, they also suggested a role for lexical semantics (such as noun animacy or 'typicality of agenthood').

Because the language faculty is insulated from the influence of background beliefs, the parser can recognize the sentences that are false. For example, the sentence 'Mice chase cats' is judged false on the basis of its syntactic/semantic analyses, rather than being assigned alternative analyses that would make it true ('Cats chase mice').

The behavioral assessment tool of written comprehension in Russian-English bilinguals: characteristics, procedure, possible implications

In order to collect data relatively quickly and in a unified way, paper-based questionnaire, relating to participants' linguistic configuration, as a research instrument is suggested to be implemented. Thus, participants fill in information about themselves such as sex, age, handedness, age at the onset of acquisition of English, way of second language acquisition. The questionnaire asks the participants to give answers to 14 questions: eight questions of which have three options, five dichotomous questions (to choose between two alternatives) and one open-ended question, requesting factual information from participants. Among the advantages of using such an instrument is that it is quiteuseful for large groups when interviews would be impractical and due to further visual comparison of answers.The standardized fashion of questionnaire approaches all the participants of a study in the same manner.

With the aim of measuring performance of participants in sentence comprehension, the psychophysical method can be implemented. MATLAB (which is part of MathWorks) is a very powerful programming language that can perform a variety of operations on large matrices of data. The use of MATLAB goes beyond statistical analysis, as it allows to program entire experimental paradigms, beginning with the presentation of experimental stimuli. As suggested, the outcome of each trial is the data with reaction times and accuracy rates, which are the important research strands. In particular, a specially designed MATLAB program can be used, since it shows accurately controlled visual stimuli and interacts with the observer, in this case, displays sentences in a fixed-rate moving window. The statistical analyses of the data may be carried out using different statistics programs as IBM SPSS Statistics.

Data collection is divided into three parts. The subjects run individually in one session lasting approximately 40 minutes. In the first part, the subjects receive explanation about the experiment, read and sign their informed consents and receive training for the experiment. In the second part, they fill out a questionnaire. In the third part, subjects are seated in a comfortable chair in front of a laptop and introduced to the behavioral trial. All the subjects complete a practice trial with eight sentences that are likely to appear in the actual assessment. The subjects are asked to push the left or right arrow to judge about the correctness of the sentence, which make them move to the next sentence. The same procedure repeats until each sentence is over.

Once they are done with the trial and understand their task, in the actual assessment session, the participants are presented with 30 experimental trials, which consist of semantically and syntactically correct and incorrect sentences in both Russian and English. The stimulus sentences are evenly distributed among 8 blocks and randomly intermixed within each block. In other words, the order of the sentences is randomized for each trial and then presented to all participants, though each participant views all the sentences. The program records correct and incorrect hits alongside response latency times.

Overall, the described assessment tool of a behavioral nature gives an opportunity to assess bilingual or multilingual competence that reflects a translanguaging perspective. Since monolingual assessments tend to ignore the different needs that bilinguals have for the two languages and do not take into account that bilinguals use these languages for different purposes, with different speakers, and in different contexts (Grosjean, 1989), the concerned languages are viewed as part of an integrated system, and assessed individuals, having multiple languages in their repertoire, appear to be not restricted in assessment both in linguistic and cognitive terms.

References

1. Altmann, G. T. M., Garnham, A., & Dennis Y. (1992). Avoiding the garden path. Eye movements in context.–*Journal of Memory language, 31*–С. 685–712
2. Brunswik, E. (1956). Historical and thematic relations of psychology to other sciences.–*Scientific Monthly, 83*, –С. 151-161
3. Crain, S., & Steedman, M. J. (1985). On not being led up the garden path: The use of context by the psychological parser. In D. Dowty, L. Karttunen, & A. Zwicky (Eds.), *Natural language parsing: psychological, computational, and theoretical perspectives*. –Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press
4. Dijkstra, T., & van Heuven, W. J. B. (2002). The architecture of the bilingual word recognition system: From identification to decision. –*Bilingualism: Language and Cognition, 5*(3)–С. 175-197
5. Elston-Güttler, K., & Gunter, T. (2009). Fine-tuned: Phonology and Semantics Affect First- to Second-language Zooming In.–*J.Cognitive Neuroscience*. *21*. – С. 180-196
6. Ferreira, F., Bailey, K. G. D., & Ferraro, V. (2002). Good enough representations in language comprehension. –*Current Directions in Psychological Science, 11*, 11–15
7. Frazier, L., & Fodor, J. D. (1978). The sausage machine: A new two-stage parsing model. –*Cognition, 6,*–С. 291-325

8. Gibson, J. J. (1966). The senses considered as perceptual systems. –Boston: Houghton-Mifflin

9. Gonzales, K., & Lotto, A. (2013). A Bafri, un Pafri: Bilinguals' Pseudoword Identifications Support Language-Specific Phonetic Systems. *–Psychological Science. 24*

10. Green, D. W. (1998). Mental control of the bilingual lexico-semantic system. *–Biling. Lang. Cogn.* 1.– C. 67–81

11. Grosjean, F. (1989). Neurolinguists, beware! The bilingual is not two monolinguals in one person. –Brain and Language, 36. –C. 3–15

12. Grosjean, F. (2013). Bilingual and monolingual language modes. In C. Chapelle (Ed.). *The Encyclopedia of Applied Linguistics*. –Hoboken, New Jersey: Blackwell Publishing

13. Harley, T. (2008). The Psychology of Language: from data to theory. –New York: Psychology Press

14. Li, P. & Farkas, I. (2013). A Self-Organizing Connectionist Model of Bilingual Processing. *–Advances in Psychology.* –C. 59-85

15. Linck, J. A., Hoshino, N., & Kroll, J. F. (2008). Cross-language lexical processes and inhibitory control. *–Ment. Lex. 3*.– C. 349–374

16. McClelland, J. L., & Rumelhart, D. E. (1981). An Interactive Activation Model of Context Effects in Letter Perception: Part 1. An Account of Basic Findings. *–Psychol. Rev. 5*. – C. 375–407

17. Peltola, M., Tamminen, H., Toivonen, H., Kujala, T., & Näätänen, R. (2012). Different kinds of bilinguals - Different kinds of brains: The neural organisation of two languages in one brain. *–Brain and language. 121*.– C. 261-6

18. Squire, L. R. (2009). Encyclopedia of Neuroscience. Elsevier LtdTanenhaus, M. & Spivey, M. & Eberhard, K., & Sedivy, J. (1995). Integration of Visual and Linguistic Information in Spoken Language Comprehension. – *Science*

***

А.Б. Зунгруева, О.К. Мушаева,
Элиста, Россия

УВАЖЕНИЕ В КАЛМЫЦКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Мудрость гласит: «Проявляйте уважение к тем, кто этого заслуживает, потому что в этом нет ничего постыдного; проявляйте уважение к тем, кто жаждет этого, потому что в этом нет ничего сложного; проявляйте уважение к тем, кто этого не достоин, ибо в каждом из нас есть что-то достойное уважения».

Уважение - сложное абстрактное составляющее, вобравшее в себя все эмоциональные, этические и поведенческие оттенки эмоций. Для того, чтобы четко понимать значение рассматриваемой лексемы, необходимо углубиться в ее этимологическое происхождение.

На самом деле, само слово *уважение,* в нашем мире, трактуется по-разному, в зависимости от народа, его культуры и языка. Слово *уважать* было заимствовано в XVII в. из польского языка, где uwazac означало "быть внимательным, проявлять внимание" - суф. производное от uwaga "внимание".

Если провести параллель с традиционным и современным значением слова, то можно увидеть, что раньше до середины 19 века, люди выдвигали на первый план собственные действия по отношению к кому-либо, чему-либо. Это говорит о том, что в те времена, проявление уважения считалось воплощением внимания к кому-либо, соблюдением собственных намеченных правил поведения по отношению к кому-либо. Однако на сегодняшний день, понятие данного слова ассимилировалось под современный уклад и взгляд на жизнь. Сейчас, определение *уважения* как качества личности – это, прежде всего,

способность считаться с интересами других людей, быть внимательным к речам и проблемам собеседника, умение видеть и признавать в человеке его достоинства, а также соблюдать приемлемый формат общения и взаимодействия.

Вся наша жизнь - это четкая закономерность "что посеешь, то и пожнешь", при которой мы видим явную причинно-следственную зависимость между проявленным и полученным уважением. Хочешь быть уважаемым - уважай других. Ведь взаимное уважение всегда было важным связующим фактором социальных отношений.

В современном мире отношения между людьми являются важнейшей сферой реализации и проявления культурной самобытности народа, поэтому *уважение* отражает морально-нравственные, эмоциональные и этические поведенческие ситуации, наиболее привлекающие наш интерес.

Уважение и почтительность являются одной из традиционных добродетелей культуры древнего Китая. *Уважение* входит в число основополагающих характеристик духовной сущности человека, отражает сложную систему духовно-нравственных и морально – этических измерений картины мира личности. Уважение, в первую очередь, может быть представлено как сложное положительное отношение к человеку, выражающееся в целом комплексе установок, касающихся как поведения, так и мыслей.

Известно, что китайские иероглифы очень интересно отражают культурные сущности в языке. Для того чтобы в точности понять отношение китайского этноса к значимости данного концепта, необходимо детально проанализировать составляющие этого слова. В большинстве лексем, обозначающих *уважение* в китайском языке, присутствуют следующие иероглифы **尊** и **重**. Оба иероглифа являются составными идеограммами, то есть включают уже готовые графические элементы.

Иероглиф **尊** состоит из 12 черт и точек, которые означают *руку* **寸** (цунь; нижняя часть иероглифа) которая держит **酋** (ёу) — *чашу для вина* как приношение во время церемонии поклонения предкам. Изначально в иероглифе были две руки. Позже иероглиф упростили, оставив одну руку **寸**, возможно из фонетических причин (**寸**, цунь, придаёт звучание всему этому иероглифу **尊** — цзунь). Если иероглиф **尊** употребляется самостоятельно, то он имеет несколько значений: 1) уважаемый, почитаемый 2) старший 3) важный, веский 4) уважать, почитать, чтить.

Значение второго иероглифа 重, состоящего из 9 черт и точек, сводится, в основном, к древнему изображению весов (устройство для измерения — плоские или круглые весы, установленные на платформе). Если иероглиф **重** (чжун) употребляется самостоятельно, то он имеет несколько значений: 1) вес 2) тяжелый 3) важный 4) ценить 5) серьезный, священный 6) полновесный, важный, значительный, основательный, солидный, ответственный.

То есть, лексема **尊重** (цзунь-чжун)/уважение означает – 1. глубоко уважать; 2. со всей серьёзностью почитать; 3. ценить как что-то священное. Проанализировав иероглифы, можно предположить, что *уважение* является главным духовным ориентиром в жизни представителей китайского этноса, а сравнение с сакральной церемонией подношения предкам еще раз подчеркивает его непреходящую ценность.

Обратимся к образной составляющей рассматриваемого концепта:

〞当然，这些士兵在我看来并不比猫人更有文化，但至少在他们面前有一件事情：尊重他们自己的国家。〞（老舍，’猫城记’，125 页）.

*"Конечно, эти солдаты не показались мне культурнее людей-кошек, но они имели, по крайней мере, одно преимущество перед ними: уважение к собственной стране" (Лао Шэ, "Записки о кошачьем городе", с.125).*В рассматриваемом примере подчеркивается мысль о том, что для представителей китайского этноса гордость и уважение к своей стране является одним из значимых постулатов.

В следующем предложении говорится о том, что человек достоин уважения окружающих, если он, в первую очередь, несет ответственность за свои поступки:

″我不知道把谁更讨厌，但是觉得那些不自尊的人不能指望人类待遇″（老舍，’猫城记’，145 页）

"Я не знал, кого сильнее ненавидеть, но чувствовал, что люди, не уважающие самих себя, не могут рассчитывать на человеческое обращение" (Лао Шэ, "Записки о кошачьем городе", с.145).

Почтение и уважение к своим родственникам, к пожилым людям очень значимо для представителей китайского этноса:

"我倒素昔按理尊敬，越发敬出这些这些亲戚来了″（红楼梦，第 55 回）.

"Я всегда уважал прошлое, и сейчас пришел почтить этих родственников"

Уважение выражается в хорошем отношении к людям:

″这老人家为人必定十分好， 所以杜府纔如此尊重报答他。″（儒林外史，第 33 回）

"Этот старик, должно быть, очень хороший, поэтому Ду Фу уважает его"

尊重是对别人言论耐心地倾听，你听懂了别人，别人也会把你当成知己［4, с. 211］。

Уважение – этотерпеливое вниманиеречам другихлюдей, тыслышишь, понимаешьих и становишьсяим близкимдругом.

Данный пример иллюстрирует, что только терпеливым отношением к мыслям и проблемам других людей можно добиться их расположения, признания и доверия. Таким образом, уважительное отношение является фундаментом прочных и долговременных связей, в которых каждый человек имеет право на собственное мнение и личное пространство.

如果设计、商业和工程 3 个团体相互信任与尊重，设计工作将顺利很多 [5, c. 38]

Если план, коммерция и строительство, эти три составляющие, находятся в отношениях взаимного уважения, то проект будет иметь большой успех.

Как видно из этого примера, результат и эффективность нашей работы зависят от степени нашего сотрудничества, согласованности и доверия, однако сотрудничество невозможно без взаимного уважения, признания важности, независимости и права на ошибку, только так возможно создать благоприятные условия для работы.

Довольно часто в китайской лингвокультуре под уважением понимается чувство, которое воспитывается с самого детства и которое является основой близких отношений, таких как дружба или любовь, например:

妻子也当敬重她的丈夫”。在这里的“敬重”的感觉包含了注意、欣赏、仰慕、称赞、并十分的恋慕 [6, c. 33]。

Жене надлежит уважать своего мужа.

Это чувство уважения содержит в себе и внимание, и восхищение, и одобрение, и благоговение, и сильную любовь. Как можно увидеть из данного предложения, чувство уважения – сложное и всеобъемлющее, оно может включать различные оттенки эмоций. В близких отношениях проявление уважения особенно важно. Уважение без любви возможно, но любовь без взаимного уважения недолговечна, таким образом, можно сказать, что любить – это уважать безмерно.

尊重是生活的调味品，在你帮助别人的同时，也温暖了自己的内心 [7, c. 32]。

Уважение – это приправа жизни, когда помогаешь другим, ты в то же время согреваешь свое сердце.

В вышеупомянутом примере говорится о том, что чувство уважения, с одной стороны, взаимно – чем больше ты уважаешь других, тем больше уважают тебя. С другой стороны, чувство уважения бескорыстно и не требует никакого повода или причины, и подразумевает глубокую эмоциональную близость.

Рассмотрим ценностную составляющую лексемы *уважение.* В рассматриваемом предложении содержится суждение о том, что надо относиться к людям так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе:

己所不欲，勿施于人 - *Не делай людям того, чего себе не желаешь.*

Данный пример показателен в этом же плане:

相敬如宾 - *уважать друг друга, взаимоуважение.*

Знания имеют немаловажное значение для представителей китайского этноса:

敬惜字纸 – (*стар. уважать бумагу с письменными знаками), уважать и ценить старинные знания.*

Следует уважать традиции и обычаи тех мест, где ты находишься:

入乡随俗 - *в чужой монастырь со своим уставом не ходят.*

Бережное отношение к религии подчеркивается в этом примере:

敬鬼神而远之 - *почитать богов, но держаться от них подальше.*

Как можно увидеть из данных предложений, чувство уважения - это очень сложное и всеохватывающее чувство, оно может включать в себя различные оттенки эмоций.

Итак, в результате анализа образной и ценностной составляющих можно выявить набор нижеследующих концептообразующих признаков: 1) уважение входит в число определяющих характеристик духовной сущности человека; оно присуще только человеку, так как человек неотделим от социума, является его частью; уважение является основой любых отношений, ведь только так они могут быть успешными, эффективными и прочными; 2) уважение – есть чувство, которое воспитывается в китайцах с самого рождения, уважать кого - либо принято не только за знания, мудрость, высокие моральные качества, опыт и мастерство, но и бескорыстно, без повода или причины. Это связано, прежде всего, с философией конфуцианства, которое повлияло на все стороны жизни китайцев – особенно в том, что касается уважения к старости, к родителям, к традициям, а также к власти и законам.

Таким образом, уважение для китайцев – это философия жизни, глубокое чувство, которое взращивается в молодом поколении с самого детства, и затем становится им надежным спутником в жизни.

Проанализировав ***уважение*** в калмыцком языке, можно заметить, что данное понятие относится к способности ценить и почитать другого человека, выражающееся в целом комплексе установок, касающихся различных аспектов человеческого характера. Уважение и почет - это одна из основных традиционных ценностей культуры калмыцкого народа.

Для того, чтобы в точности иметь представление об отношении калмыцкого этноса к значимости изучаемого концепта, обратимся к словарям калмыцкого языка. В большинстве лексем, обозначающих ***уважение/күндллһн***, выделяются следующие составляющие: 1) честь, достоинство 2) почет 3) уважение к старшим 4) рассудительность 5) гостеприимство 6) учтивость, хорошие манеры.

Образные характеристики вышеупомянутого концепта в калмыцком языке можно выявить, проанализировав произведения художественной литературы калмыцких писателей:

Уважать можно за скромность, готовность всегда прийти на помощь:

Мадн дунд, цуг техникумд, нам багшнр дунд чигн, эн күн ик тоомсрта, итклтә бәәсмн. Ик санан уга, һольшг седклтә күн болдмн. Ах күн гиһәд, мадн цуһар энүг күндлҗ, тевчҗ, энүнүр тачалддг, энүнәс дөң-нөкд хәәдг биләвидн.» - *Среди нас, учителей, в техникуме этот человек был в почёте, заслуживал доверия. Был он не высокомерен, скромен. Как старшего, мы его уважали, был он для нас примером, всегда могли рассчитывать на его помощь* (Ө-шуһу модна һазрт (В лесу дремучем) Н. Илюмжинов 1900–2011)

Уважение также граничит с гордостью за великих людей, живущих и творивших во благо нашей республики:

Космосин аһуд одд дунд Көглтин Даван нер зүүсн планет герлтнә. Бидн, хальмгуд, бийәнонц авг-бәрцтә келн-улс гиҗ күндлх саната болхла, ташр келн-әмтн болҗ әрүн нерән, ташр хәәртә седклән геehәд уга болхла, Көглтин Даван алдр неринь әрүнәр хадһлхзөвтәвидн, юңгад гихлә эн нерн- мана таңһчин бахмҗ мөн!» (Арвн һурвн җилин зовлңгд... (13 лет страданий...) Н. Илюмжинов 2004) - «*В космическом пространстве среди множества*

звезд светится планета, названная именем Давида Кугультинова. Если мы, калмыки, себя уважаем, и к тому же считаем себя нацией с особенными традициями и обычаями и бережно храним имя свое, то мы должны бережно хранить великое имя Давида Кугультинова, потому что это имя – гордость нашей республики!»

В следующем примере подчеркивается мысль о том, что невестка, пришедшая в дом мужа, должна хранить и уважать традиции своей новой семьи:

Кезәнә нег цагт хальмг берәчүд яһҗ бәәснә тускар санхла, седкл зовад одна. Тегәд, урдк цага күүкд улсин әмдрлин тускар баһчуд меддхә гиһәд мадн эн кичәлдән иим төр шалһлавдн. Өдгә цагин күүкдин бәәдл- җирһл болхла тас талдан болҗана. Зуг, хальмг өрк-бүлин авъясмуд ик зуудан ода чигн олзлгдна. Тадн эн авъясмуд медх зөвтәт, юнгад гихлә тадн цугтан өсәд- босад, эврәннь бүлән тогтахт. Ирсн бер эк-эцкән, аав- ээҗән, элгн-садан күндлх зөвтә!

….. Вы должны знать эти традиции, потому что, когда-нибудь вы станете взрослыми и создадите свои семьи. И пришедшая в ваш дом невестка должна будет уважать и почитать родителей, стариков и родственников мужа.

Итак, приведенные примеры свидетельствуют о том, что в калмыцкой лингвокультуре уважают за скромность, почтительность и немногословие, за готовность прийти на помощь не раздумывая, уважают образованных людей. Уважение ассоциируется с гордостью за свой народ.

Проанализировав пословицы и поговорки, мы пришли к следующим выводам:

«Кун - ахта, девл - захта» - у человека есть старшие, а у шубы - воротник. Этот пример подчеркивает мысль о том, что как у любой одежды должен быть воротник, так и каждому человеку нужен старший брат, друг или наставник, на которого он должен равняться, почитать и брать пример. Существует ряд ценностных суждений, из которых следует, как надо себя вести, например:

«Бийәсн медәтә күүнәс бичә үг булалд» - не перечь старшим по возрасту.

«Та» гисн – таалсн әдл, «чи» гисн – чичсн әдл» - назовёте "Вы" всё равно, что ласкать, назовёте "ты" всё равно, что ударить.

«*Көгшдиг бичә шоод, күүкд бичә шогл*» - с*тарых людей не ругай, над детьми не насмехайся.*

Также важно еще раз подчеркнуть, что особого уважения со стороны окружающих удостаивались образованные люди, стремящиеся к непрерывному саморазвитию:

«Медхәр седхлә, медәтнриг соңс» - Если хочешь стать знающим, то слушай, о чём говорят пожилые.

«Үвлин киитн - хаврtан, өвгдин керсү- күүкдтән» - Зимний холод напоминает о себе весной, пронзительный ум старцев передается детям. «Сурһуль эс сурсн олнд тоомср уга» - Кто не учится, тот не пользуется уважением в обществе.

«Эрдм-сурһуль сурхд көгшн уга» - Учиться никогда не поздно. Вышеупомянутые примеры говорят о том, что образование, стремление учиться - достойны уважения.

Таким образом, можно сделать вывод, что уважение является одной из важных ценностей калмыцкого народа, которое прививается младшему поколению с детства. Почитание старших - есть основа хорошего поведения и смысл всей жизни.

Итак, нами была предпринята попытка сравнить концепт *уважение* в лингвистическом сознании представителей китайского и калмыцкого этносов. Мы пришли к выводу, что общими признаками рассматриваемой лексемы в китайском и калмыцком этносах являются: уважение к старшему поколению, родственным узам и супружескому союзу; почтительное отношение к талантливым и трудолюбивым людям, восхищение профессионалами своего дела; тяга к знаниям заслуживает большого уважения; уважение ассоциируется с гордостью за свой народ и свою страну. Вместе с тем, в калмыцкой лингвокультуре прослеживается мысль о тесной связи уважения с гостеприимством, учтивостью и хорошими манерами. Представители китайского этноса не забывают подчеркнуть свое уважение к власти и законам в обществе.

Литература

1. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.

2. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования // Под ред. С.Г. Воркачева. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – 400 с.

3. Хабунова Е.Э. Формулы традиционного этикета калмыков или как стать «йоста хальмг». – Элиста, 2010.

4. Хальмг-орс толь под ред. Мунин Бембе. – Москва: Русский язык, 1977. – с. 205.

5. Эрендженов К.И. «Золотой родник». – Элиста, 1985.

6. 虹莲。智慧的美丽。Хун Лянь. Красота мудрости // 读者。2003。№5。第 17

7. 侯文咏。摘自生命。Хоу Вэньюн. Выбрать свою жизнь // 读者。2002。 №11。第 32 - 33 页。

8. 张渤宁。奇怪的交易。Чжан Бонин. Странная сделка // 读者。2005。№9。第 38 - 40 页。

***

Корнеева А.Х., Корнеев Г.Б.,
Элиста, Россия

ТЕРМИНЫ КИТАЙСКОГО БУДДИЗМА В БУДДИЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ОЙРАТОВ

Ойратская буддийская терминология, в некоторой степени отличная от общемонгольской, появилась с началом переводческой деятельности ойратского Зая-пандиты Намкай Джамцо. Как отмечают исследователи, первые из обнаруженных переводов ойратского просветителя датируются 1642-1644 гг., [9, с. 78; 12, с. 124; 24, с. 116]. В этот период Зая-пандита перевел на ойратский язык и записал графикой старомонгольской письменности такие произведения как «Банчин хутагтын тууж» (История Панчен-хутугты), «Эцэгийн ном» (Наставления [духовного] отца), «Мани гамбум» (Сто тысяч комментариев на [мантру] Мани) [12 с. 124]. Однако активная переводческая деятельность, как сообщается в биографии ойратского просветителя «Сарын гэрэл», начинается «с года барса по год барса» [18, с. 34], которые в настоящее время исследователи соотносят с 1638 и 1662 гг. [20, с. 57; 24, с. 125]. За этот период ойратский просветитель перевел около 200 буддийских произведений разных жанров с тибетского на ойратский язык. С самого начала своей переводческой деятельности Зая-пандита создал свою, ойратскую буддийскую терминологию, в некоторой степени отличную от буддийской терминологии монголов. О ней академик Б. Ринчен писал так: «Ойратские переводы с тибетского… всегда несколько отличаются от монгольских переводов тех же сочинений своей терминологией. В этом можно усмотреть стремление создателя калмыцкой буддийской литературы создать свою ойратскую философскую терминологию, не всегда следующую общемонгольской» [20, с. 55]. Монгольский и ойратский — родственные и очень близкие языки, а потому при всем желании создать отличную от монгольской буддийскую терминологию, Зая-пандита был вынужден пользоваться сравнительно ограниченным лексическим запасом. По этой причине термины китайского буддизма, рассматриваемые в настоящей статье могут в равной степени относиться и к общемонгольской буддийской терминологии.

На сложение монгольской буддийской терминологии значительно повлияли буддийские переводчики и проповедники восточнотуркестанских уйгуров, которые в тот период были буддистами и, по утверждению ряда ученых, заложили основы монгольских

буддийских переводов [2, 9, 23]. В свою очередь развитие языка буддизма у уйгуров было связанно с влиянием буддийских традиций согдийцев, тохарцев, китайцев и хотанцев [5, с. 109; 13, с. 91], свидетельством чего до настоящего времени являются множество буддийских терминов монгольской и ойратской буддийской терминологии.

Буддийские термины китайского происхождения, выявленные нами в ойратских текстах касаются самых разных сторон буддизма. Тематически их можно разделить на четыре группы: теонимы, монашеская титулатура, названия буддийских монастырей, термины, обозначающие различные понятия буддизма.

Теонимы

Имена буддийских божеств в ойратских текстах используются в трех формах: 1. В восстановленной переводчиками санскритской форме; 2. В дословном переводе с тибетского на ойратский язык; 3. В уйгурских формах, восходящих к китайскому языку, а от него к санскриту. Что касается имен божеств в китайском и уйгурском языках, то Д. Кара писал: «В китайских буддийских сочинениях эти имена даются либо в старинной транскрипции, либо в переводе. Древнеуйгурские переводчики нередко сохраняли эти китайские формы, отражая в ранних переводах своеобразное китайское произношение танской эпохи, но часто давали имена в „искаженной“ индийской форме» [9, с. 23]. В то время, когда уйгурские переводчики и проповедники помогали монголам создавать буддийскую терминологию, названия божеств с китайскими фонетическими «искажениями» проникли и в монгольские языки, в том числе и в ойратский. Вместе с тем, нужно отметить, что использовались они не в канонических текстах, а по большей части в текстах простонародных, адресованных широким массам.

Абида — п. ойр. *Abida*, ойратский и калмыцкий вариант имени будды Амитабхи (санскр. *Amitābha*) от др. тюрк. *Abita* — Амитаба, самый почитаемый из пяти небесных будд [6, с. 2]; в др. тюрк. фонетическая калька из кит. *阿弥陀* (пин. *Ē-mí-tuó*); [6, с. 2].

Бисман — п. ойр. *bisman* (*tengeri*) ср. монг. б*ясман* — божество бисман (глава демонов-якшаков, покровитель скотоводства и всякого богатства) [3, с. 319] из др. тюрк. *bisamin* [6, с. 103], восходящего к кит. *毗沙門* (пин. *pí-shā-mén*), китайское слово в свою очередь является фонетической калькой санскритского имени Вайшравана (санскр. *Vaiśravaṇa*) – одного из четырех покровителей сторон света, божество богаствта [6, с. 103].

Молн — п.ойр. *molon* — имя собственное одного из учеников будды, Маудгальяяна (санскр. *Maudgalyāyana*) от кит. *目连* (пин. *mù-lián*) — почтенный Маудгальяяна, ученик Шакьямуни [19, с. 12].

Хоңшим — п. ойр. *Xom šim* / *Xongšim*, имя буддийского божества Авалокитешвара (санскр. *Avalokiteśvara*) от кит. *观世音*(пин. *Guān-shì-yīn*) — Авалокитешвара [4, с. 322].

Монашеская титулатура

В буддийской традиции ойратов и калмыков титулы и звания монахов используются, как правило, тибетские, ведь структура монашеской иерархии была заимствованна именно оттуда [15; 16; 1]. Однако некоторые термины, проникшие в монгольский язык задолго до принятия форм тибетского буддизма остались заимствованиями из древнеуйгурского языка, в который в свою очередь, они попали из китайского. Некоторые из них были созданы на базе китайского языка, а некоторые представляют собой фонетические кальки санскритских слов. Рассмотрим:

Багш — калм. учитель, преподаватель, наставник [8, с. 74] от др. тюрк. *baqši*, восходящего к китайскому *博士* (пин. *bó-shì*) — учитель, наставник [6, с. 84]. Однако иную версию этимологии этого слова предложил академик Б.Я. Владимирцов. Он указывает, что уйгурское и монгольское «бакші» происходит от санскритского «*bhikṣu*» [2, с. 41].

Бурсң — калм.; п.ойр. парн. *bursang xuvaraq*; *бурсң хуврг* — монашество, духовенство; ср. монг. уст. *бурсан — бурсан хувраг* — буддийское духовенство, буддийская община [3, с. 289] от др. тюрк. *bursaŋ* — рел. буддийская монашеская община [6, с. 126] от кит. *佛僧* (пин. *fó-sēng*), где 佛 (пин. *fó*) — Будда, *僧* (пин. *sēng*) — монах, представитель монашеской

общины [10, с. 773], что в свою очередь восходит к санскр. *buddasaṃgha*[6, с. 126] — монашеская община будды.

Төөн — п. ойр. *toyin* — буддийский монах высокого ранга, который может быть наставником для монахов низкого ранга [19, с. 250]; из др. тюрк. *tojun* — буддийский монах [6, с. 572], что в свою очередь восходит к кит. *道人*(пин. *dào-ren*) — буддийский монах [6, с. 572].

Шев — уст. ученик, послушник (в ламаистском монастыре) [8, с. 669]; монг. *шавь* 1) уст. послушник, монах 2) ученик, последователь 3) редко. учащийся, курсант [3, с. 330]; *шавь* — 1) монах, обучающийся религии в буддийском монастыре; 2) ученик, обучающийся грамоте или наукам [14, с. 218]; заимствованно монгольскими народами из древнетюркского *šabi*, которое восходит к китайскому *沙弥* (пин. *shā-mí*) будд. Шраманера; послушник [10, с. 774], китайская лексема в свою очередь является фонетической калькой санскритского *śramaṇera* — монах-послушник, новичок в буддизме [6, с. 519].

Названия буддийских монастырей

Будучи кочевниками, монгольские народы во времена первых попыток распространения буддизма не создавали монументальной архитектуры, а жили в монастырях кочевых. Монголовед А.М. Позднеев пишет, что монастыри у монголов известны под тремя названиями: «хурээ», «сумэ», «хит». «Собственно слово „хурээ“ обозначает на монгольском языке понятие о каком-либо стане, жилые здания которого располагаются кругом» [17, с. 1]. Это свидетельство о том, что первые буддийские монастыри монгольских кочевников были именно юрточными. «Слово „сумэ“ по буквальному его значению знаменует собою кумирню, или молитвенный храм буддистов, и потому именем „сумэ“ обозначаются у халхасов те монастыри, братия которых не живет при монастырских кумирнях постоянно, а кочует в различных частях степей и собирается к своему монастырю только в праздники и в дни, назначенные для великих хуралов (богослужений)» [17, с. 1-2]. Эти монументальные каменные строения появились, вероятно, во времена династии Юань, правившей в Китае в 1271—1368. Оттуда и было взято монголами название «сумэ». «Что касается третьего прозвания „хит“, то оно усваивается в Халхе тем монастырям, которые служат местопребыванием монахов — отшельников...» [17, с. 1-2]. Однако, не только во времена династии Юань китайские слова проникали в монгольский язык. Появлялись они и через посредничество языка тибетского. Рассмотрим названия различных монастырей, которые появились в монгольском и ойратском языке из китайского:

Дацан / дацң— калм. рел. уст. буддийская молельня, буддийский храм [8, с. 187] из тибетского *grwa-tshan* — монастырская школа буддийского монастыря, отделение, подразделение крупного буддийского монастыря [22, с. 84], которое в свою очередь восходит к китайскому *道场* (пин. *dào chǎng*) — молельня, место совершения буддийских или даосских обрядов [10, с. 179].

Сүм — калм. рел. уст. храм [8, с. 465]; *süme* — кумирня, капище[7, с. 160]; (п. ойр. *süme*; п. монг. *süm-e*) от кит. *寺庙*(пин. *sì-miào*) — буддийский храм [4, с. 38].

Чонж — калм. церковь, православная церковь [8, с. 655] ср. монг. *цонж* — возвышенность, высота [3, с. 260]; *цонж* — наблюдательный пост, возвышенность или высокая постройка с которой далеко видно и можно подать сигналы [14, с. 209] (вероятно, под словом *чонж* изначально калмыки имели ввиду высокую церковную колокольню).Происходит от кит. *井架*(пин. *jǐng-jià*)— буровая вышка [10, с. 474].

Термины, обозначающие различные понятия буддизма

Термины, обозначающие различные понятия буддизма, проникшие в ойратский язык из китайского, относятся, как правило, к безэквивалентной лексике. Из-за большой типологической разницы, перевести священные буддийские тексты на монгольский язык с тибетского или китайского было непростой задачей, писал венгерский востоковед Д. Кара [Кара, 1975, с. 23]. Именно поэтому китайские термины использовались лишь в исключительных случаях, либо заимствовались через другие языки буддизма. Слова эти

относятся к предметам монастырского быта, мифическим существам и отвлеченным философским понятиям.

Лава — калм. уст. морская раковина [8, с. 333]; ср. монг. *лавай* — морская раковина, большая индийская морская улитка [3, с. 296]; ср. др. тюрк. *labaj* — труба, горн, рожок из раковины [6, с. 332] от кит. *螺贝* (пин. *luó-bèi*) — 1) спиралевидная (одностворчатая) раковина; 2) муз. рог (окарина) из раковины (крупного моллюска) [10, с. 33].

Лу — калм. миф. Дракон [8, с. 336] из тиб. *klu* — миф. нага, дракон [22, с. 86]. В тиб. из кит. *龙* (пин. *lóng*) — дракон [10, с. 579].

Сав — калм.1)посуда 2) вместилище, хранилище 3) русло [8, с. 434]; ср. монг. *сав* — 1) вместилище, хранилище, помещение, посуда, сосуд 2) матка 3) мир, вселенная (как вместилище одушевленных веществ) [3, с. 63]; ср. др. тюрк. *sav* — земля; рел. мир, населенный людьми, от кит. *娑婆* (пин. *suōpó*) — 1) будд. Вселенная — достояние одного Будды; 2) мир свободы, что в свою очередь восходит к санскритскому *sahāloka* — мир терпения [6, с. 492].

Перечисленные буддийские термины и понятия проникли в ойратский и в целом в монгольские языки преимущественно при посредничестве уйгурского языка. Лишь редкие термины проникли в ойратский язык через тибетский язык. Большинство из них являются китайскими фонетическими кальками с санскрита, которые уйгуры заимствовали у китайцев как готовые термины. Некоторые, такие как названия монастырей и другие понятия — это собственно китайские термины. Таким образом, наличие в ойратском и других монгольских языках терминов, имеющих китайское происхождение или фонетический облик, связанный с адаптацией санскритских терминов китайцами, свидетельствуют о тесных религиозных контактах народов Центральной Азии.

Сокращения

ср. — сравни
кит. — китайский
калм. — калмыцкий
др. тюрк — древнетюркский
муз. — музыка
будд. — буддизм
монг. — монгольский
п ойр. — письменный ойратский
рел. — религия
пин. — пининь
санскр. — санскрит
парн. — парное
уст. — устаревшее слово
редко. — редко использующееся.

Источники

Arbanburxanizarliq, фотокопия рукописи из коллекции авторов.
Гurbantörölkitöniangxarunabxuiyin üyebükünibürinxura:qsanbodhimöriyin üyeorošiboi. Факсимиле рукописи и переложение на современный монгольский язык Г.Ядамжава. Тод номын гэрэл ТББ. Улаанбаатар, 2018. 402 с.
ДТС — Древнетюркский словарь
БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь
БКРС — Большой китайско-русский словарь
КРС — Калмыцко-русский словарь
КитРС – Китайско-русский словарь
МХҮҮТ — Монгол хэлний харь үгийн толь
ТРАССП — тибестко-русско-английский словарь с санскритскими параллелями
КРСП — Калмыцко-русский словарь Позднеева

КРАС — Китайско-русско-английский словарь

Литература

1. Бадгаев Н. Б. Религиозная лексика в калмыцком героическом эпосе «Джангар» //Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2014. – №. 4.
2. Бира Ш. Монгольская историография (XII-XVII). Изд-во «Наука» ГРВЛ. М.: 1978. 320 с.
3. Большой академический монгольско-русский словарь в 4 т. М.: «Academia», 2001.
4. Большой китайско-русский словарь в 4 т. Ред. И.М. Ошанин. М.: Наука, 1984. Т. III
5. Владимирцов Б.Я. Работы по монгольскому языкознанию. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. 951с.
6. Древнетюркский словарь . Ленинград. Изд-во «Наука». 1969. 678 с.
7. Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах. Сост. А. М. Позднеев. СПб.: Типография императорской академии наук, 1911. 306 с.
8. Калмыцко-русский словарь. ред. Б.Д. Муниев. М.: Изд-во «Русский язык», 1977. 768 с.
9. Кара Д. Книги монгольских кочевников. (Семь веков монгольской письменности). М.: ГРВЛ. 1975. 229 с.
10. Китайско-русский словарь. Сост. Ся Чжунъи Исправленное издание. М.: Вече, 2008. 1280 с.
11. Корнеев Г.Б., Бадмаев Э.Д. «Большедербетовская рукопись Arbanburxanizarliq (Изречения десяти будд)» // Сетевое востоковедение: Устные и письменные традиции в контексте межкультурного взаимодействия. Материалы II международного научного форума 29 ноября — 2 декабря 2018 г. Элиста, 2018. С. 206-210.
12. Лувсанбалдан Х. Тод үсэг, түүний дурсгаалууд. Шинжлэх ухааны академи. Улаанбаатар. 1975. 356 с.
13. Мирзаева С.В. «Бхадрачарья» как памятник тибето-монгольской буддийской литературы. Элиста. КалмНЦ РАН. 2018. 416 с.
14. Монгол хэлний харь үгийн толь. Сост. О. Сүхбаатар. Улаанбаатар: 1997. 236 с.
15. Омакаева Э. У. Лингвокультурологическое исследование эпического текста и проблема буддийской картины мира // " Джангар" в евразийском пространстве. – 2004. – С. 97-99.
16. Омакаева Э. У. Национальный эпос: язык, религия, картина мира //Бурят-монголы накануне III тысячелетия: опыт кочевой цивилизации. Россия-Восток-Запад в судьбе народа: докл. и тез. Междунар. симпозиума, г. Улан-Удэ. – 1997. – С. 24-28.
17. Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в связи с отношением сего последнего к народу. Элиста. Калм. кн. изд-во. 1993. 496 с.
18. Раднаабадраа. Равжам Зая Бандидын тууж Сарны гэрэл хэмээх оршив. Латин галиг, үгийн цэс үйлдэж кирилл бичгээр хөрвүүлэн, тайлбар бичсэн Х. Бямбажав. Улаанбаатар. 2009. 252 с.
19. Сазыкин А.Г. Видения буддийского ада. Спб., Изд-во А. Терентьева «Нартанг», 2004. 256 с.
20. Сазыкин А.Г. История Чойжид-дагини. Факсимиле рукописи. Транслитерация текста, перевод с монгольского, исследование и комментарий А.Г. Сазыкина. М.: 1990. 253 с.
21. Сүхбаатар О. Монгол хэлэн дэх самгарди махбод. Шинжлэх ухааны академи. Хэл зохиолын хүрээлэн. Улаанбаатар. 2014. 160 с.
22. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. Сост. Рерих Ю.Н. В 10 т. М.: Изд-во «Наука», 1984-1987. т. 1-10.
23. Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. т. 2. Новосибирск. Новосибирское отделение. Изд-во «Наука», 1991. 232 с.

24. Эрдэмт Мянгад. Равжамба Зая Бандида Намхайжамц судлал. Улаанбаатра. 2008. 276 с.

***

А.И. Манджиева, М.М. Алжеева,
Элиста, Россия

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ С НАЗВАНИЯМИ ЖИВОТНЫХ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

На современном этапе развития фразеологизмы составляют огромнейший историко-культурный пласт в лингвокультурологии Китая. Фразеологические обороты в китайском языке широко применяются практически во всех сферах жизни современного китайского общества и наделены ярко выраженной национальной самобытностью. Владение фразеологическими единицами в китайском языке сегодня выступает в качестве основного признака образованности в современном китайском обществе. Но, зачастую, определение значения некоторых идиом вызывает ряд трудностей в связи с тем, что при их употреблении имеют место компоненты, которые наделены особым семантическим значением. В частности, немало трудностей возникает при употреблении фразеологических оборотов с названиями животных.

Фразеологические обороты относятся к компонентам, имеющим фразеологически-связанное значение, которое проявляется исключительно в связи с определенными понятиями и их словесными обозначениями.

Китайский язык в своем арсенале имеет огромнейшее количество фразеологизмов с семантическим уклоном наименований животных, что свидетельствует о том, насколько ценится животный мир в культуре китайцев.

В данном случае символы животных, применяемые во фразеологизмах, являются олицетворением различных черт характера, манер поведения, особенностей личности человека, а также посредством применения фразеологических оборотов описывается та или иная ситуация, составляя центральную часть высказывания, на которой и выстраивается вся техника иносказания.

Если брать конкретных представителей животного мира, названия которых используют в китайской речи с использованием фразеологических оборотов, то их количество обширно, начиная от домашних животных, диких, травоядных, млекопитающих, и заканчивая сказочными мифологическими животными. Так, из числа домашних животных, как наиболее часто встречаемых образов, применяемых во фразеологических оборотах, можно выделить собаку 狗 (gǒu) , лошадь 马 (mǎ) [10].

Образ собаки в китайских фразеологизмах в большинстве случаев несет негативный оттенок в высказывании. Это связано с тем, что это животное ассоциируется у китайцев с неким враждебным существом, недоброжелателем, несущим зло, жестокость и иногда даже ненависть. Примером фразеологизма с данным компонентом является выражение 狼心狗肺 (lángxīn gǒufèi) символизирующее свирепость и бесчеловечность. Образ собаки в китайской традиции также символизирует подхалимство, лесть, действия в угоду вышестоящему человеку, например, 狗腿子(gǒutuǐzi) выражает значение «прислужник, подхалим».

Лошадь в сознании китайцев является достаточно сильным, трудолюбивым, а также мудрым животным, которому приходится переносить все тягости жизни [10]. Данный образ нашел отражение во многих выражениях, например, 马不停蹄 (mǎ bù tíngtí) – букв. «лошадь не останавливает копыт» или 老马识途 (lǎomǎ shí tú) – букв. «старый конь знает дорогу». Другой пример, 万马齐喑 (wànmǎ qíyīn) «тягостный, мрачный» указывает на

затруднительное положение, обращаясь к образу лошади. Широкое использование данного компонента в различных фразеологических оборотах подтверждается еще и тем, что в китайском быту конь испокон веков играл огромную роль. Он был не только сельскохозяйственным орудием, но и играл роль защитника Родины, являясь воплощением мужественности и жизненной силы.

Одним из самых распространенных образов диких животных в китайской фразеологии является тигр 虎 . Тигр отличается величественностью, гордостью и могуществом, он – царь всех зверей. Испокон веков китайцы любят это животное, но в то же время страшатся его, так как тигр ассоциируется с невероятной опасностью. Например, фразеологический оборот 明知山有虎 , 偏向虎山行 (míngzhī shānyǒuhǔ, piānxiànghǔ shānxíng) досл. «знать, что в горах тигры, и идти прямо в эти горы» означает не бояться трудностей [10].

Особенно популярно в Китае выражение 纸老虎(zhǐlǎohǔ) буквально «бумажный тигр», впервые употребленное Мао Цзэдуном в значении «грозный с виду, но слабый на деле враг». На этой образной основе появилось в дальнейшем немало фразеологических вариантов: 布老虎 (bùlǎohǔ) «тряпичный тигр», 豆腐老虎 (dòufulǎohǔ) «тигр из доуфу».

Утки-мандаринки – одна из излюбленная тем китайских поэтов и писателей. Они символизируют нежно любящих друг друга супругов, например, 鸳鸯座 (yuānyāngzuò) буквально «место уток-мандаринок», в значении «место для пары» (в кинотеатре, ресторане, гостинице) [2].

Мотыльки также символ любви, один из часто обыгрываемых образов в китайской литературе. Например, широко известная история о Лян Шань-бо и Чжу Интай, которые превратились в бабочек, является аналогом европейских Ромео и Джульетты.

Иероглиф 蝶(dié) «бабочка» имеет одинаковое чтение с иероглифом 耋 (dié) , который обозначает 70-летнего старика. Поэтому бабочки еще имеют значение «долголетие».

В народной живописи бабочки и цветы сливы часто изображаются вместе – это символизирует здоровье, долголетие и чистоту. Изображение кота, играющего с бабочками, символизирует удвоенное пожелание счастья – «желаю дожить до 70-80 лет» [10].

Также нельзя не обратить внимание на тот факт, что в русской и китайской литературах одного и то же понятие порой может толковаться в абсолютно противоположных значениях. В России сороке приписываются отрицательные качества, например, болтливая сорока. В китайской же культуре сорока является предвестником счастья «喜鹊» (xǐquè) , ведь согласно известному в Китае мифологическому сюжету именно сороки помогают двум любящим друг друга людям встретиться. Это поверье отражено в таком выражении, как 鹊桥会 (quèqiáohuì), в значении «свидание влюбленных после долгой разлуки».

Образ зайца в русской культуре носит отрицательный характер, у китайцев заяц—это ассоциации с ловкостью, сообразительностью, кротостью. Фразеологизм 守株待兔 (shǒuzhū dàitù) (букв. сторожить дерево, ожидая появления зайца) употребляется в ситуации, когда с иронией говорят о людях, надеющихся исключительно на подарок судьбы вместо того, чтобы самим приложить какие-то усилия для достижения своей цели, о любителях получить что-либо на дармовщинку (ср. русское ждать у моря погоды) [6].

Особый интерес для китаистов представляют китайские фразеологические обороты, которые содержат в своем компонентном составе образы мифических животных, характерных исключительно для китайской культуры. Прежде всего к ним относятся дракон 龙 (lóng) и феникс 凤(fèng). Данные зоонимы широко используются для передачи многих понятий, причем зачастую они употребляются совместно для более экспрессивной передачи различных черт характера человека [4].

Дракон в китайском языке несомненно ассоциируется с силой и величием. Также

принято считать, что именно это мифическое животное является символом императорской власти. Например, идиома 望子成龙 (wàngzǐ chénglóng) выражает желание родителя вырастить своих детей успешными, выдающимися людьми, а выражение 龙骧虎步 (lóngxiānghǔbù) передает значение мужественности и воинственности.

Образ феникса также чаще всего имеет положительную коннотацию, наравне с образом дракона символизируя счастье и успех, например, 龙凤呈祥 (lóngfèngchéngxiáng) – счастливое предзнаменование. Чудесная царь-птица с клювом петуха, зобом ласточки, шеей змеи, узорами на теле как у дракона, хвостом рыбы и панцирем черепахи. Появление феникса в мире считалось знаком наступления в Поднебесной великого благоденствия [1].

Если в основе образа феникса – петух (курица), то цилинь сочетает в себе признаки многих животных: тело оленя с одним рогом, покрытое чешуей. Необходимо отметить, что образ цилиня во фразеологических единицах часто соседствует с еще одним представителем пяти священных существ – фениксом. Сочетание морфем 麟 (lín) и 凤 (fèng) обладает значением «умный», «выделяющийся из толпы». Подобным образом чэнъюй 麟子凤雏 (línzǐfèngchú) «молодняк единорога и птенцы феникса» употребляется по отношению к талантливой молодежи.

Наиболее известными фразеологизмами в китайском языке, которые включают в состав два ранее упомянутые образа одновременно, являются чэнъюи 凤毛麟角 (fèngmáo línjiǎo) и 祥麟瑞凤 (xiáng lín ruì fèng) [9].

Фразеологизм 麟肝凤髓 (línzǐfèngchú) «печень цилиня и мозг феникса», сопоставимый по семантике с таким русским фразеологизмом, как «пища богов». Так в Китае называли вкусное блюдо, деликатес. Реже в литературных произведениях можно встретить другой вариант этого же фразеологизма 龙肝凤髓 (lónggān fèngsuǐ), в котором вместо цилиня упоминается дракон. Подобное явление можно объяснить равновеликой важностью пяти священных существ. Так, в китайском языке существует чэнъюй 龟龙麟凤 (guī lóng lín fèng), включающий образы четырех из пяти священных существ. Он обозначает высоконравственного человека, воспитавшего в себе лучшие человеческие качества.

Проанализировав вышеперечисленные фразеологические обороты, было выявлено, что культура Китая богата самыми разнообразными материалами, связанными с названиями животных, в том числе мифических, являющихся плодом фантазии китайского народа. Также было замечено, что зачастую на смысловое значение компонентов влияет их план выражения, где фонетическое сходство с другим словом или визуальное подобие с каким-либо предметом может являться критерием кардинального переосмысления значения.

В зависимости от роли, исторической значимости, а также популярности различных животных, в сознании китайцев укоренились некие стереотипы, касающиеся того или иного представителя животного мира. Использование зоонимических образов в китайских фразеологизмах определяет не только смысловое содержание высказывания, но также и обусловливает его коннотативное значение.

Литература

1. Алимов И.А., Ермаков М.Е., Мартынов А.С. Срединное государство. Введение в традиционную культуру Китая. – М., 1998.– С. 64.

2.Ван Сицзе. Дунъу вэньхуа сяопинь цзи (Сборник миниатюр о культуре животных). – Ухань, 1998.– С. 213.

3.Войцехович И.В. Практическая фразеология китайского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/ (Дата обращения: 10.10.2019).

4.Доника Е.С. Семантический анализ фразеологизмов с компонентами-зоонимами в китайском и русском языках// Актуальные вопросы и перспективы развития современной науки. 2017.

5.Кравцова М.Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая: Учебное пособие. – СПб.: Лань, ТРИАДА, 2004.

6. Тихонова Е. В., Терешкова Н. С. Особенности перевода фразеологии с китайского языка на русский с учетом национальной специфики. [Электронный ресурс]. // Молодой ученый. – 2015. – №23. – С. 1104-1106. – URL https://moluch.ru/archive/103/22509/ (Дата обращения: 12.10.2019).

7. Фанлай Е. Русско-китайский словарь пословиц и поговорок. – Шанхай: Шанъу Иньшугуань, 2005.

8.Чэнь Си. Переносные значения слов–цветообозначений в устойчивых сочетаниях китайского языка в сопоставлении с русским языком. – М., 1991.

9. Янь Илин. Сопоставительный анализ русских и китайских фразеологизмов с зоонимами. [Электронный ресурс]. // URL: http://nccur.lib.nccu.edu.tw/bitstream/140.119/33283/10/55400610.pdf/ (Датаобращения:10.10.2019)

10. AmyerJalamofuComparative analysis of images of animals of the eastern horoscope in the phraseology of Russian and Chinese languages //Master's thesis –Liaoning: Liaoning Pedagogical University, 2014. – p. 11-17.

***

С. Намжавин,
Москва, Россия

ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ НАРОДА

(на материале китайской лексики)

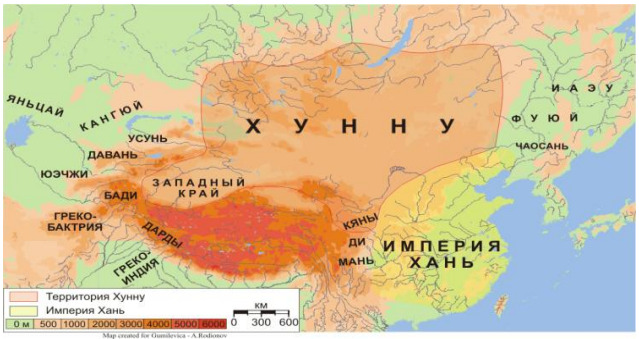
Язык – зеркало культуры. В нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, но и общественное самосознание народа, его истории, традиции, образ жизни, менталитет, система ценностей, видение мира. Как сказал русский писатель Александр Иванович Куприн:«Язык – это история народа. Язык - это путь цивилизации и культуры».

Китайский народ в процессе формирования своей многотысячелетней цивилизации непрерывно контактировал и взаимодействовал с кочевыми народами, жившими на

граничащих территориях на протяжении всей своей истории, и их влияние было неотъемлемой частью процесса становления китайской культуры.

Период с III в. до н.э. по VI в. н.э. был ключевым в истории формирования древнекитайского этноса и китайской модели культуры. В этот период в Среднекитайской равнине по мере укрепления императорской власти, а также развития культуры и экономики складывалась этническая общность - китайский этнос (хань).

В конце III в. до н.э. на севере от Китая возникли могущественные союзы кочевых племен, в первую очередь хунны, сямби и другие. Они создавали в Среднекитайской



равнине свои государства, подчиняя себе как местное земледельческое население, так и племена других кочевников. Для осуществления господства над коренным населением и укрепления своей власти правители этих государств принимали различные меры по распространению своих обычаев, но в то же время, осваивали китайские культурные традиции. Все это способствовало взаимодействию разнообразных этнических культур, в результате чего в каждую культуру проникали инородные элементы, постепенно становившиеся их составной частью. Это оказало влияние на уровень лексики языка, что мы наблюдаем по настоящее время.

В древности своих северных соседей, обитавших к северу от Великой стены, китайцы называли 胡 hú «*ху*», 胡儿 húer «*хуэр*» или 胡人 húrén «*хужэнь*», что означает «чужеземные (варварские) племена». Тибетцы также называли монголов «*хор*». В «Большом китайско-русском словаре» (БКРС) и китайском иероглифическом словаре “新华字典”Xīnhuá zìdǐan (Синьхуа цзыдянь) дается следующее толкование данного слова: 胡 hú /胡儿 húer/胡人 húrén: северные иноплеменники (*сюнну, монголы, тюрки*); чужеземные (*варварские*) племена. Отсюда в китайском языке появился ряд устойчивых выражений, таких как 胡风 húfēng: *а) ветер с севера; б) варварские обычаи; инородный, чужой;*胡雁 hú yàn: *перелётный (с севера) гусь*; 胡角 hújiǎo: *иноземный рог* (*труба*), 胡萝卜 húluóbo:*дикая; морковь.*

Материально-культурные ценности, перенятые у северных соседей, китайцы связывали с словом «ху». Например, одежду, схожую по фасону с монгольским «дээл», которую в древности носила китайская интеллигенция, называли 胡服 húfú «*ху фу*» (*одежда ху*). В «БКРС» - слово 胡服: 北狄服装 (*одежда северных ди*). В разделе «匈奴传» («*Гунны*») в «Исторических записках» Сыма Цянь пишет: 而赵武灵王亦变俗，胡服，习骑射 (*и Князь Чжао Улин тоже изменил старую традицию, перенял одежды северных варваров, учится стрельбе и верховой езде*).Отсюда происходит китайский фразеологизм: 胡服骑射 (носить одежду северных ху, стрелять из лука, сидя верхом на лошади), 胡说八道 говорить ерунду, чушь (досл.: варвары рассуждают о благородном восьмеричном пути)

Следующий пример заимствования - традиционная китайская скрипка 胡琴 húqīn «*хуцинь*». Дословно 胡琴 húqīn переводится как «музыкальный инструмент, заимствованный у северных иноземцев “ху”». Толкование в «БКРС»: 乐器名。中国拉弦乐器的总称。来自北奚族，汉时输入，元代始称为胡琴。有时指琵琶，有时指忽雷等(*общее название струнного музыкального инструмента, впервые появившегося у северных чужеземцев, принятого во время династии Хань. Во время династии Юань его называли «хуцинь». Иногда также именуется «пипа», «хулэй»).* «*Хуцинь*», по своей форме и по способу исполнения имеет сходство с монгольским «морин-хуур», со смычком, сделанным из волос конского хвоста и пропущенного между двумя струнами.

琵琶 pípa «*пипа*» - 乐器名。一种古代的弹拔乐器。出下吧于唐代。大忽雷。китайский музыкальный инструмент. В «БКРС»: китайский четырехструнный инструмент персидского и арабского происхождения, во время династии Хань проникший в Китай. По всей видимости, данное название было заимствовано у монгольских народов - традиционный музыкальный инструмент «*бийв*». Инструмент «*бийв* – ст.монг. и ст.калм.: *biba*» упоминается в «Сокровенном сказании монголов», а также в калмыцком героическом эпосе «Джангар».

Название 忽雷 hūléi «*хулэй*» напоминает название монгольского музыкального инструмента «*хуур*». Поскольку в китайском языке отсутствует переднеязычный дражайший звук [r], его принято передавать переднеязычным смычном звуком [l].

Письменность северных народов китайцы называли 胡书 húshū «*хушу*» (*письменность ху*).

Еще один пример — традиционная, наряду с рисом, китайское мучное блюдо 馒头 mántou. По форме круглая булочка, изготовленная из муки, сваренная на пару, не имеющей начинки. В русском языке нет соответствующего слова для названия данного продукта

питания. Ближе всего ему подходит перевод «*лампушка на пару*». Произношение этого слова напоминает слово «*манты*» - мучное блюдо круглой формы с мясной начинкой, являющееся одним из национальных блюд народов Средней Азии.

В китайском языке также имеются некоторые сложные слова, по морфологической структуре не характерные китайским исконным лексическим единицам, которые передавались одним иероглифом и одним слогом. Например,

葡萄 pútao «*виноград*», 玻璃 bōli «*стекло*», 玫瑰 méigui «*роза*», 蝴蛛 zhīzhū «*паук*», 馄饨 húntun «*мелкие пельмени в бульоне*». Каждое из этих слов этимологически неразложимо, являясь единым целым. По отдельности эти иероглифы не имеют никаких лексических значений. С этой точки зрения эти слова относятся к иноязычному заимствованию. Однако, происхождение этих слов учеными все еще не определено.

Итак, в процессе культурного взаимодействия зачастую один народ или социальная группа заимствует у другого народа, как правило, не то, что им необходимо из утилитарных соображений, а то, что считается престижным или удовлетворяет фундаментальные потребности, которые не могут удовлетворить культурные артефакты и культурные комплексы, имеющиеся в их распоряжении. Рассматриваемые нами примеры позволяют прийти к выводу, что несмотря на то, что в древности китайцы называли «варварами» своих северных соседей, они охотно перенимали их культурные ценности, например, одежду, искусство, военные навыки и т.д.

Таким образом, китайский язык, как неотъемлемая часть культуры этого народа, на протяжении многих веков впитывая в себя иноязычные элементы, адаптируя их до неузнаваемой степени, тем самым обогатил китайскую культуру.

Литература

1. Большой китайско-русский словарь (БКРС) /https://bkrs.info
2. «新华字典»，商务印书馆，北京，1983.
3. А.Л. Семенас Лексика китайского языка. – М.:АСТ: Восток-Запад, 2005.

***

Л.А. Оголова, Ж.Д. Чеджиева, В.Л. Боктаева,
Элиста, Россия

Словообразовательные гнезда в современном английском и калмыцком языках

Словообразование является активно развивающейся областью современного языкознания. Словообразованию принадлежит главное место в процессе пополнения словарного состава языка. По мнению Е.С. Кубряковой, от 75 до 80% слов в славянских языках образованы с помощью морфологической деривации [4, с. 392]. «Словообразование – эта та сфера языка, для которой посильно решение сложнейшей задачи: обозначить все сущее средствами языка, и к тому же с необходимой мерой детализации » [2, с. 65].

Одной из проблем современного словообразования является проблема определения понятия «словообразовательное гнездо». Данное понятие привлекло внимание лингвистов в 20-21в.в.

Целью данной статьи является рассмотреть варианты определения понятия «словообразовательное гнездо», его классификацию в работах отечественных дериватологов, изучающих словообразование калмыцкого и английского языков.

По мнениюД.А. Сусеевой, основным средством образования слов в калмыцком языке является суффиксальный способ. Словообразовательное гнездо объединяет все

однокоренные производные слова. Словообразовательные гнезда характеризуются семантической и материальной общностью. Во главе гнезда находится исходное слово. Д.А. Сусеева подразделяет исходные слова на 8 групп: 1) имена существительные, 2) имена прилагательные, 3) имена числительные, 4) местоимения, 5) глаголы, 6) наречия, 7) послелоги, 8) звукоподражательные и образные слова. Производные слова в словообразовательном гнезде распределяются ступенчато. Д.А. Сусеева называет 5 ступеней словообразования, в калмыцком языке преобладают 1-3 ступени образования [3].

Д.А. Сусеева подчеркивает, что понятия «словообразовательное гнездо» и «словообразовательная парадигма» не тождественны. По мнению ученого, «словообразовательная парадигма – это совокупность словообразовательных моделей, по образцу которых образуются слова от производных слов». «Гнездо – понятие более широкое, чем парадигма» [6, с. 8].

Д.А. Сусеева исследует в своих работах словообразовательные гнезда русского и калмыцкого языков, используя термин калмыцкое словообразовательное гнездо (КСГ). Д.А.Сусеева выделяет следующие признаки КСГ: 1. КСГ имеют упорядоченный характер; 2. в состав КСГ входят однокоренные слова; 3. границы КСГ изменчивы; 4. КСГ неоднородны по стилю; 5. в КСГ существуют два типа формально-семантических отношений слов: мотивированные и немотивированные; 6. КСГ делятся в зависимости от частеречной принадлежности; 7. в КСГ существуют синтагматические и парадигматические отношения [4]. Д.А. Сусеева подчеркивает, что «именно сопоставление СГ двух разнотипных языков (агглютинативного и флективного) открывает новый аспект изучения семантической системы словообразования – когнитивный» [7, с. 106].

Д.Ш. Харанутова рассматривает СГ и их использование при составлении толково-словообразовательных словарей, предлагая располагать СГ параллельно, объединяя их в соответствии с идентичными вершинами. Внимание исследователя привлекает проблема, связанная с «исчезнувшими вершинами гнезд» [8, с. 136] . Для решения данной проблемы Д.Ш. Харанутова предлагает использовать этимологический аспект, применяя синхронно-диахронный подход.

При исследовании СГ английского языка большинство дериватологов используют синхронно-диахронный метод. По мнению Н.В. Вагановой и А.Ю. Трусовой , «такой подход позволяет наиболее точно определить границы синхронного СГ, отнести в одно гнездо производные, этимологически связанные с вершиной или друг с другом и обращенные к вершине внутренней формой, не утратившие мотивационных связей с производящими» [3, с. 25]. Лингвисты классифицируют СГ по производности: 1) свободные, 2) усеченные, 3) связанные. Связанные СГ подразделяются на три группы: 1) гнезда, состоящие из антонимичных дериватов, 2) гнезды, состоящие из глагольных дериватов, 3) гнезда, состоящие из отсубстантивных прилагательных.

Работа В.Г. Павленко посвящена пропорционально-фреймовой организации гнезд однокоренных слов ментального значения в английском языке. В. Г. Павленко подразделяет систему гнезд корней слов ментального значения на отглагольные, деноминативные и деадъективные словообразовательные гнезда. В.Г. Павленко отмечает, что словообразовательные гнезда показывают какие разряды слов наиболее активны в деривационном процессе [7]. По мнению В.Г. Павленко, «наибольшим словообразовательным потенциалом обладают глаголы, от которых производится 60% дериватов» [5, с. 70].

Л.С. Абросимова определяет словообразовательное гнездо как «совокупность однокоренных лексических единиц, связанных мотивационными семантическими отношениями, обусловленными общим корнем и отдельными словообразовательными значениями»[1, с. 328]. По мнению Л.С. Абросимовой, словообразовательное гнездо включает в себя словообразовательные модели, пары, цепи. В работе данного автора исследуется словообразовательное гнездо, образованное от вершины соматизма BRAIN. Словообразовательное гнездо анализируется с точки зрения структуры и семантики. Автор

выделяет суффиксальные модели первой ступени, префиксальные модели, модель конверсии, модель словосложения, модель контаминации. Производные данного словообразовательного гнезда подразделяются на 7 лексико-семантических групп. Автор представляет словообразовательное гнездо «в виде гиперлексемы» [8].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. дериватологи, исследующие СГ в английском и калмыцком языках, применяют синхронн-диахронный метод;
2. анализируют структуру и семантику элементов СГ;
3. рассматривают СГ как совокупность однокоренных слов;
4. подразделяют СГ на вершины и ее производные;
5. выстраивают СГ по принципу иерархии.

Литература

1. Абросимова Л.С. Словообразование в языковой категоризации мира.–Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015.– 328 с.

2. Борисенкова Л.М. Словообразование немецкого языка в когнитивном рассмотрении//Вестник Вятского государственного университета. –Сер. Филология, 2008. №4(2). –С.64-66.

3. Ваганова Н.В., Трусова А.Ю. Связанные словообразовательные гнезда в современном английском языке//Вестник Челябинского государственного университета. 2013.–№20(311). Филология. Искусствоведение. Вып.79.– С.25-28.

4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира.– М.: Языки славянской культуры, 2004. –555 с.

5. Павленко В.Г. Пропозиционально-фреймовая организация однокоренных слов ментального значения в английском языке// Язык и культура. Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2015. –№4(32). –С.63-72.

6. Сусеева Д.А. Словообразовательные гнезда русского и калмыцкого языков в сопоставительном освещении//Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012.–№4.– С.100-107.

7. Сусеева Д.А. Словообразовательный словарь калмыцкого языка. –Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1985.– 244 с.

8. Харанутова Д.Ш. Проблемы моделирования словообразовательных гнезд в генетически родственных языках (на материале монгольского, калмыцкого, бурятского языков)// Вестник Бурятского государственного университета. 2009.– №10.– С.134-138.

***

С.В. Окладникова,
Иркутск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

При знакомстве с лексикой современного китайского языка бросается в глаза крайняя малочисленность звуковых заимствований. Так, например, из 4961 словарной единицы в «Толковом словаре китайских военных терминов» на долю звуковых заимствований приходится лишь около 40 терминов. Аналогичная картина наблюдается как в разговорно - бытовой лексике, так и в научно-технической терминологии Китая. Есть мнение, что из тибетского, маньчжурского, монгольского языков, а также из западных языков в общей сложности китайский язык заимствовал около 900 слов.

К иноязычным заимствованиям относятся все лексические единицы, появление которых в одном языке связано с копированием внешней или внутренней структуры соответствующих прототипов других языков.

Процесс обмена словами между народами приобретает иногда своеобразные формы. Есть факты, свидетельствующие о том, что слова, заимствованные из одного языка в другой, возвращаются в язык-источник преобразованными в соответствии со своеобразием заимствовавшего их языка.

Среди заимствований есть и неосвоенные китайским языком слова, которые резко выделяются на фоне исконной лексики. Особое место среди таких заимствований занимают экзотизмы - слова, которые характеризуют специфические особенности жизни разных народов и употребляются при описании некитайской действительности. Так, при изображении быта зарубежных народов, должностей, званий, рода занятий, положения, денежных знаков, монет и др. экзотизмы не имеют китайских синонимов, поэтому обращение к ним при описании национальной специфики продиктовано необходимостью.

Например, русские слова кремль, большевик, рубль и платье попали в китайский лишь фонетически измененными: кремль - 克里姆林(宫)kèlǐmǔlín(gōng), причем, 宫 gōng – китайское общее словообразующее понятие – дворец; большевик - 布尔什维克 bùérshíwéikè. А существительное 卢布 lúbù (рубль) состоит из компонента 卢 lú (прилагательное - чёрный) и 布 bù (хлопчатобумажная ткань), что семантически никак не связано с представлением о российской денежной единице; платье -布拉吉 bùlājí,布 bù (хлопчатобумажная ткань) ,拉 lā (добывать, возить), 吉 jí(счастье, удача). В середине XX века в Китай экспортировалось большое количество оборудования и товаров, как из СССР, так и из других стран мира, после чего в китайском языке появились новые слова: комбайн - 康拜因 kāngbàiyīn, нейлон - 尼伦 nílún, «Мальборо» (марка сигарет) - 万宝路 wànbǎolù.

Слова «изумруд», «изумрудный» заимствованы в русскую действительность из трёх языков: турецкого, персидско-арабского и греческого. В Китае название этого драгоценного минерала стало фонетическим заимствованием zǔmǔlǜ и приобрело в иероглифической записи вид 祖母绿, где первые два иероглифа не связаны с указанным камнем по смыслу и обозначают понятие «бабушка со стороны отца». Но третий иероглиф 绿 «зелёный» применён не только по звучанию, но и несёт в себе смысловую нагрузку, так как изумруд имеет различных тонов зелёную окраску. К подобному заимствованию можно отнести следующие слова: сауна - 桑拿浴 sāngnáyù (桑 sāng - шелковица белая; 拿 ná – брать, держать; 浴 yù – купаться, очищаться)，Интернет - 因特网 yīn1tèwǎng (因 yīn – причина, повод; 特 tè – специальный, особый; 网 wǎng - сеть), витамин - 维他命 wéitāmìng (维 wéi – вязать, связывать; 他 tā - он ; 命 mìng - жизнь).

С развитием медицины в общее мировое употребление вошли современные понятия ген, гормон, клон, ампула. Не остался в стороне и китайский язык: здесь эти слова стали

фонетическими заимствованиями: 基因 jīyīn, 荷尔蒙 hé'ěrméng, 克隆 kèlóng, 安瓿 ānbù, соответственно. Еще ранее в Китай и китайский язык приходили неизвестные здесь лекарства и медицинские средства, например, аспирин, пенициллин, хинин, формалин, которые были затранскрибированы как: 阿斯匹林 āsīpǐlín, 盘尼西林 pánníxīlín, 奎宁 kuíníng, 福尔马林 fúěrmǎlín, соответственно.

Более двух тысяч лет, отгородившись от кочевников Великой стеной, а от западных стран огромными расстояниями и Тихим океаном, Китай успешно противостоял лингвистической экспансии. Но сегодня, когда страна открыта всему миру, в Китай хлынул поток новых услуг и товаров широкого потребления. Так, например, сюда пришли давно привычные для европейцев и ранее практически не знакомые китайцам, экзотические для местного рынка какао - 可可kěkě, кофе - 咖啡kāfēi, «Пепси-кола» - 百事可乐bǎishì kělè, «Кока-кола» - 可口可乐kěkǒukělè, «Фанта» - 芬达fēndá, пицца - 比萨bǐsà,Макдональдс - 麦当劳màidāngláo и другие.

Массовое внедрение европейской экзотики началось в конце восьмидесятых - начале девяностых годов через сети супермаркетов в крупнейших городах востока страны. Но судьба этих напитков оказалась различна: какао и йогурты так и остались на полках супермаркетов Пекина и Шанхая, а кофе шагнул дальше и достиг западных границ государства.

Кофе попал в Китай в начале XX века как аристократический напиток. Одним из первых китайцев, отведавших кофе, был молодой император Пу И, последний правитель из последней правящей династии Цин. Однако последовавшие вскоре Синьхайская революция, японская оккупация, гражданская война, а затем и «культурная революция» не способствовали развитию рынка «буржуазных» европейских напитков в Китае.

Но началась новая попытка экспансии кофе. Сам же термин кофе стал в китайском языке чистейшим примером фонетического заимствования – английское слово coffee транскрибировано китайскими фонетическими знаками 咖 kā и 啡 fēi, не имеющими смысловых значений, хотя в иероглифах присутствует ключ рот – 口, который входит в состав иероглифов, связанных с напитками и едой. В свою очередь, слово какао получило транскрипцию 可可kěkě. Составляющий его иероглиф имеет самостоятельные значения: 1. мочь, быть в состоянии; 2. разрешается; 3. однако. То есть по смыслу никоим образом не связан с этим напитком.

Приведем другие примеры прямых фонетических заимствований, касающихся напитков и продуктов питания, пришедших в Китай из-за рубежа: «Sprite» - 雪碧xuěbì, квас - 格瓦斯géwǎsī, хлеб - 列巴lièbā.

Производители напитков, не имеющих китайского происхождения, делают расчет на рекламу пресловутого западного образа жизни: «Пить кофе - модно!». Далеко не каждый житель КНР имеет возможность выехать за рубеж, чтобы посмотреть Запад «живьем», а в кофейне «Starbucks», так же, как и в «Макдональдсе», можно чуточку ощутить себя в другом мире.Ставка, как обычно, делается на молодежь. В современном китайском молодежном сленге действительно появились слова: 酷 «kù!» - «жестко, классно, круто»; 酷烈kùliè – жестко, беспощадно (от английского «cool» - круто, жестко);嗨皮hāipí – радостный, веселый (от английского «happy» - счастливый, довольный).

В китайском языке есть полное звукоподражание при наименовании заимствованных терминов, касающихся различных областей: науки, быта, сферы питания.

Так, при наименовании алкогольных напитков 威士 wēishìjì - виски, 白兰地 báilándì - бренди, 伏特加 fútèjiā – водка (причем в приграничных с Россией городах Харбине и Манчжурии есть другое название данного напитка - 俄德克 édékè), 香槟 xiāngbīn – шампанское, характерным является то, что ни один иероглиф по смыслу не имеет отношения к спиртному, а употреблен только для звукоподражания.

Кондитерский термин «шоколад» также пришел в Китай с Запада, став примером классического фонетического заимствования 巧克力 – qiǎokèlì. В среде мусульман Китая появились слова: 穆斯林mùsīlín - мусульманин，喇嘛lǎma - лама, 古兰gǔlán – Коран.

Среди сленговых звукоподражаний в китайском языке можно отметить следующие: 摩的módī - мотоцикл (мотик) и выражения: 呕也 òuyě «Oh, ye!» (О, да!), 欧尅ōu kēi«Ок!» (Окей), 拜拜báibái «Bye-Bye» (Пока, до свидания).

Основной причиной невосприимчивости китайского языка к звуковым заимствованиям, которые проникают в него, главным образом, через письменность, является иероглифический характер письма, закрепление за отдельными слогами и иероглифами определенных значений. Иначе говоря, для китайца каждый слог, обозначенный тем или иным иероглифом, является не только фонетической, но и смысловой единицей [2, с.32].

Некоторую роль в отрицательной реакции китайского языка на звуковые заимствования играют и фонетические факторы. Слоговой характер китайского письма, силлабизм его звуковой системы, удлиняющий фонемный состав иноязычного слова за счет вставления после каждого согласного гласного, часто приводит к появлению многосложных, громоздких лексических единиц, не совсем удобных для языкового общения. Кроме того, в китайском языке, в котором основную массу составляют односложные, двусложные и трехсложные речевые комплексы, произношение многосложных заимствований в некоторой степени противоречит произносительным нормам китайцев и нарушает ритмико-мелодический рисунок речи. Необходимость произношения таких заимствований слитно, без ритмических пауз, подчеркивает их чужеродный характер и представляет определенные трудности для артикуляционной базы китайца.

Наибольшее количество звуковых заимствований падает на английский язык, что объясняется многолетней экономической и политической зависимостью в прошлом феодального Китая от английского и американского империализма. В китайскую техническую лексику из английского языка проникли, например, следующие звуковые заимствования: 坦克 tǎnkè - «танк», 引擎 yǐnqíng (*от англ.* engine) - «двигатель, мотор»,扑克 pūkè «покер» (карточная игра). Из области моды пришли заимствования 比基尼 bǐjīní «бикини» - тип открытого дамского купальника, 夹克 jiākè - жакет, куртка, 皮夹克 píjiākè – пиджак, а также кожаная куртка. Вызывает некоторые сомнения то, что жаргонное словечко 波霸 (bōbà, женщина с пышным бюстом) заимствовано от русского «баба». Но, вместе с тем, такое утверждение не лишено логики, ведь 波 bō – это волна, вал, а 霸 bà – предводитель, лидер, князь. Но такое рассуждение, скорее, можно отнести к шутке.

Китайский язык прибегает к звуковым заимствованиям при принятии терминов, образованных от имен собственных. Заимствованные имена собственные применяются для обозначения индивидуальных предметов безотносительно к их признакам, т.е. в основу их названия не кладется признак, свойственный данному предмету, что играет решающую роль при определении способа заимствования.

Интересно отметить одну разновидность фонетических заимствований фамилий как имен собственных, выступающих в качестве определений в многосоставном термине. В целях краткости фамилия в таких словосочетаниях не транскрибируется полностью, а берется лишь первый корнеслог и к нему добавляется иероглиф 师 shī «наставник, ученый, мастер», например:

- 毕师导火线 Bìshīdǎohuǒxiàn «бикфордов (огнепроводный) шнур»;
- 稳师管 Wěnshīguǎn «трубка Вентури»;

Однако широко распространена также полная передача фамилий в идентичных по структуре терминах:

- 皮托管 Pítuōguǎn«трубка Пито»;
- 敦促伦效应 Dūncùlúnxiàoyìng «эффект Доплера».

В китайском языке можно обнаружить прямые фонетические заимствования из разных языков. Происхождение таких слов в одних случаях еще помнят, в других - уже давно забыли. К числу примеров такого рода относится слово 胡同 hútòng«переулок». Слово это не совсем обычно. Преждевсего, переулки так называют только в Пекине. А объяснение этому заключено в том, что 胡同 hútòng - не исконно китайское слово, а заимствованное из монгольского. На протяжении нескольких столетий Пекин был столицей монгольской династии Юань, и это обстоятельство наложило отпечаток на некоторые особенности пекинского диалекта. Кочевники-монголы называли столичные переулки своим исконным словом hótòng «стойбище». С течением времени оно вошло в язык пекинцев и закрепилось в нем. Родилось даже выражение 胡同串儿 hútòngchuànr – уличный торговец, разносчик. Первоначально слово «оплатить счёт» записывалось и звучало как 买单 mǎidān, но по истечении времени его вытеснило заимствование из Кантонского диалекта 埋单 máidān.

Некоторые новые звуковые заимствования начинают вытеснять существующие кальки или исконно китайские слова. Например, 巴士 bāshì«автобус» (от англ. bus) вытесняет 公共汽车 gōnggòngqìchē, буквально общественная паровая (газовая) повозка. Соответственно, микроавтобус стали называть 小巴 xiǎobā (где 小 xiǎo – маленький), а большой автобус, автобус-экспресс - 大巴 dàbā (где 大 dà – большой). Еще одним примером иностранного заимствования по звучанию в современном китайском языке является слово 奥林匹克 àolínpǐkè «олимпийский» (от olimpic). 奥林匹克运动会 àolínpǐkèyùndònghuì - «олимпиада» представляет собой своего рода гибрид этого заимствования с китайским словом 运动会 yùndònghuì «спортивные состязания». В современном китайском языке прочно закрепился термин 迷你 mínǐ (от англ. mini - очень короткий), причем в значениях короткий, маленький, милый. Он применяется в таких словах, как: 迷你裙 mínǐqún - «мини-юбка» (где 裙 qún – юбка); 迷你手机 mínǐshǒujī – «мини – сотовый» (где 手机 shǒujī – сотовый телефон); 迷你车 mínǐchē – «маленькая модель машины» (где 车 chē – машина) и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема заимствований в современном китайском языке актуальна для лингвистики китайского языка. Лексический фонд китайского языка находится в процессе постоянного изменения. Одни слова выходят из употребления, появляются новые, пополняющие словарный состав языка. Появление новых слов происходит разными путями: путем прямого и непрямого заимствования из других языков или создания новых лексических единиц на основе ресурсов китайского языка. Особенно вырос интерес к иностранным заимствованиям за последние десятилетия и даже за последние годы. Интерес к проблеме заимствования объясняется, во-первых, значительным увеличением удельного веса терминов в лексике любого языка, что вызвано развитием наук и специальных отраслей знания, во-вторых, расширением межъязыковых контактов в связи с возрастанием межгосударственных связей и отношений.

При фонетическом заимствовании воспроизводится внешняя форма, звуковая оболочка иностранного слова. Особенности фонетической структуры китайского языка создают известные трудности для заимствования иноязычной лексики. Однако следует согласиться с мнением И.Д. Кленина о том, что «первоосновой невосприимчивости китайского языка к звуковым заимствованиям является иероглифический характер его письма, закрепление за отдельными слогами определенных значений» [5, с.45].

Литература

1. Баско Н.В., Чэнь Чанвэй. Краткий русско-китайский и китайско-русский экономический словарь. Бизнес &Финансы / Н.В. Баско, Чанвэй Чэнь. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 288 с.

2. Горелов В.И. Стилистика китайского языка / В.И. Горелов. – М.: Восток-Запад, 2006. – 101 с.
3. Демина Н.А., Чжу Канцзи. Учебник китайского языка. Страноведение Китая / Н.А. Демина, Канцзи Чжу. – М.: Восточная литература РАН, 1998. – 351 с.
4. Иванов В.В. Терминология и заимствования в современном китайском языке / В.В. Иванов. – М.: Наука, 1973. – 171 с.
5. Кленин И.Д. Иноязычные заимствования в современном китайском языке / И.Д. Кленин // Мир китайского языка. – 1998. – № 2. – С. 43-49.
6. Кожевников И.Р. Словарь привычных выражений современного китайского языка. 现代汉语惯用语词典 / И.Р. Кожевников. – М.: Восток-Запад, 2005. – 333 с.

***

В.С. Очирова, Э.У. Омакаева, Ж.Д. Чеджиева, Л.А. Оголова,
Элиста, Россия

Отражение гендерных ролей мужчины и женщины в калмыцкой лингвокультуре (на материале пословиц и поговорок)

Как известно, первым естественным разделением внутри общества, повлекшим за собой социальную дифференциацию, явилось разделение по признакам пола и возраста.

Калмыцкая культура большим образом сохранила «рудименты» родового строя, а для общества, находящемся на данном этапе чрезвычайно важно противопоставление по полу и возрасту.

Изначально мужчины и женщины «противопоставлены» друг другу по половому признаку и существование такой дихотомии «мужской/женский» проникает во все сферы человеческого знания. Вследствие такого разделения существует и определенный набор правил и норм поведения, которые и определяют половую принадлежность того или иного индивида. Возникло новое понятие – «гендерная роль», то есть набор ожидаемых образцов поведения для мужчин и для женщин [10, с. 87-89].

Половая (гендерная) принадлежность накладывает отпечаток на все существо человека, она определяет не только социальную половую роль, которую исполняет человек, но и его влечения, его сознательную модель мира, его взаимоотношения с миром, мотивы его действий и поступков, стиль его поведения.

Гендер – это модель социальных отношений между мужчинами и женщинами, не только характеризующая их межличностное общение и взаимодействие в семье, но и организующая их социальные отношения в основных институтах общества. В. М. Черных продолжает мысль о том, что гендер конституируется через определенную систему социализации, разделение труда и принятые в обществе культурные нормы, гендерные стереотипы и роли в зависимости от их биологического пола. Принятые в обществе культурные нормы, гендерные стереотипы и роли включают в себя мифы о «природном назначении» каждого из полов. При этом гендерные роли и нормы не имеют универсального содержания и значительно различаются в различных обществах. В этом смысле быть мужчиной или женщиной – значит выполнять ту или иную роль [11, с. 46-49].

Как отмечает А. В. Кирилина: «Изучению в аспекте гендера поддаются практически все феномены языка». [5, с. 104]. Следовательно, в данной статье нами будут рассмотрены и изучены гендерные роли калмыцкой женщины и калмыцкого мужчины на примере одной области лексикона – паремиологии, что позволит обнаружить как универсальные черты, свойственные многим культурам, так и определить их культурную специфику.

Паремиология показательна с точки зрения культурных стереотипов, зафиксированных в языке. Паремиология избрана в качестве предмета исследования не случайно – она находится на пересечении фразеологии и фольклора, что делает изучение пословиц и поговорок весьма значимыми с позиции современного лингвокультурного подхода [5, с. 110].

А. Б. Имкенова в своей монографии «Этническая идентичность калмыков» пишет, что исследование культуры проводится культуроантропологами не посредством психического изучения индивидуумов, а при помощи специфических приемов: а) наблюдения коллективных проявлений – религиозных обрядов, обычаев, культурных феноменов и так далее; б) наблюдения над словесными сообщениями об индивидуумах и об изучаемых явлениях в области поведения и мышления; в) наблюдения над взаимодействием индивидуумов, воспитанием детей, выполнением ролевых функций мужчины и женщины, соблюдением ими правил и табу, относящихся к родственным отношениям и т. далее. [4, с. 18].

У калмыков, где были сильны матриархальные пережитки, калмыцкая номенклатура родства выделяет особыми терминами родственников по матери, в частности, нахцха – дядя по матери, который считался самым близким из родственников и пользовался особым уважением. Пословиц на эту тему немало. Все они говорят о большом авторитете и почете родственников по материнской линии [9, с. 3-143]:

Усна экн – булг, Кююня экн нахцнр. - Начало воды – родник, Начало народа – родственник по матери (ближе). Эльгняс – экин элгн. Из всех родственников – родственник по матери (ближе). Б. Б. Оконов акцентирует наше внимание на том, что почитания дяди по матери (нахцха) не забыто у калмыков и по сей день. Неслучайно и сейчас бытует пословица, показывающая почтительное отношение в народе к материнской родне, дяде по матери:

Зесин сян зеврдго, Зе нахцх хойр мартгддго. Лучшая медь не ржавеет, племянник и дядя (нахцха) выручат друг друга. Экин элгнд суугад гар, Эцкин элгнд зогсжагад гар, Навещая родственников по матери, посиди, показавшись родственникам по отцу, уходи. Эжин элгнд буугад зоолгдг, Аавин элгнд мерн дееряс зоолгдг, Родственников по матери приветствуют, сойдя с лошади, родственников по отцу, приветствуют, сидя на коне.

В древности у монгольских народов, к которым принадлежат и калмыки, допускалась женитьба на родственнице по линии матери. Причем такой брак считался наиболее прочным и общепринятым. *Нахц эгчян авсн кюн - Насни туршарт жиргдг. Человек, женившийся на родственнице, (по материнской линии), Благоденствует всю жизнь.*

Знаменитый итальянский путешественник Плано Карпини, писавший об истории монголов и побывавший в Монголии в 1246 – 1247 г. г., рассказывал, что у монголов бытовал обычай, который позволял жениться на вдове старшего брата. Отголоски этого древнего обычая – левирата – мы находим в пословицах.

Ах укхля бергн горяс, Акт укхля сярм горяс. Если умрет старший брат, наследство –жена его. Если издохнет конь, наследство – шкура его на крестце.

Родители у калмыков во все времена были безукоризненным авторитетом для своих детей. Особенно почтительное отношение к матери в калмыцких семьях проявлялось с детства, так как мать была воспитателем, другом для своих детей. «Особое положение женщин в семье обусловлено материнскими функциями, которые детерминированы биологически и не зависят от социальных условий» [10, с. 87-89]. Малейшее неуважение к ней считалось бесчестьем и потому говорили: *Ээжин ачиг альхн деерчн Мах чанж огвчн хярюлж болшго. Материнский долг нельзя оплатить даже, если мясо на ладони пожарив, подашь.* Теплота и нежность чувствуется в калмыцких пословицах об отношении матери к детям: *Ээжин седкл – урнд, Урня седкл – кодяд. Мысли матери - в детях, мысли ребенка – в степи.*

В калмыцком паремиологическом фонде немало пословиц о сироте. (12 единиц). Особенное чувство жалости вызывают дети, обделенные родительской лаской. И все же среди этих несчастных, еще более несчастные, потерявшие родную маму: *Эктя ончн орж,*

Эцгтя ончн урудж. Сирота, у которого мама, стремится против ветра, сирота, оставшийся с отцом, следует порывам ветра. [8, с. 140- 144].

В кочевом обществе женщина-калмычка вела всю работу по дому, и от того, как она выполняла эти обязанности, давалась ей оценка. Неписанным мерилом достоинств женщины было умение переносить все тяготы кочевого быта. В понятие «хорошая жена» вкладывается смысл безропотной и умелой исполнительницы любой работы: *Сян герган – герин залмж, Сян селвг – ухани сергмж. Хорошая жена порядок в доме, хороший совет – просветление ума.* В некоторых пословицах противопоставляется «плохой жене» «хорошая». *Сян герган – герин чимг, Му герган – герин буг. Хорошая жена – украшение дома, Плохая жена – обуза дома.* Вариант названной пословицы приведен В. Л. Котвичем, известным ученым-востоковедом [6, с. 3-92]. *Сян герган – герин чимг, Му герган – герин дяясн. Хорошая жена – украшение дома, плохая жена – враг дома.* И даже в оценке лучших качеств девушки брались во внимание, прежде всего, ее трудолюбие, навыки в рукоделии, умение тактично обращаться с людьми: *Кюг халгднь тань, Кюкиг гертнь шинжл. Путника узнавай – в пути, девушку оценивай в доме (родителей).*

Итак, можно сделать вывод, что женщина-калмычка (128 единиц), ее гендерная роль высоко оценивается в традиционном калмыцком обществе. Особенно там, где она выступает в роли матери, жены, хозяйки, преобладает положительная коннотация. Как отмечалось выше, в исследованных нами калмыцких пословично-поговорочных изречениях не встретилось ярко выраженного пренебрежительного отношения к женщине. Однако, существует немало калмыцких пословиц, где также порицается склонность женщины к излишней болтливости: *Амта куукиг баранд хурав чиган болдго. Болтливую девушку хоть в баране (скарб, пожитки) спрячь,она все равно себя выдаст. Куукн кюн уята эс болсн хоон, дунь уга сян. Девушка, если не рукодельница,молчит, и то хорошо. Ут хорма – кол тюшдг, Ут келн – бий бардг. Длинный подол – помеха для ног, Длинный язык – помеха для себя. Ямата хон йовач, Куукдтя гер зянгч. Овцы, пасущиеся с козами, разбредаются, в доме, где воспитываются девушки, распускаются слухи.* В калмыцких пословицах также подчеркивается несовершенство женского ума: *Уснь ут болв чиган, ухань ахрхн (калм). Волос длинный, ум – короткий.*

Отрицательные качества человека, конечно же, порицаются в калмыцких пословицах и поговорках, но эти пословицы – гендерно-нейтральны (т.е. в равной степени относятся и к мужчинам, и к женщинам). Здесь мы согласны с Н.А. Красавским, что все отрицательное в большей степени по сравнению с положительным обращает на себя внимание, что объясняется особенностью психологии восприятия человеком окружающей действительности [7, с. 53].

Народная мысль всегда апеллирует к мужчине, как представителю рода человеческого. Нам кажется любопытной идея о том, что мнение о женщине создавалось мужчинами и именно это мнение закрепилось в нашем сознании. Тогда кем же создавался образ мужчины в народной культуре? Позволим себе предположить, что ими же. В таком случае мужчина предстает как творец культуры, а женщина обречена воспринимать действительность через призму мужского мира.

В богатом фонде калмыцких кратких изречений есть пословицы, которые высоко возносят авторитет мужчины: *Эр нег эндурдг, эрг нег нурдг. Мужчина раз ошибается, обрыв раз обрушивается. Загсн укхля – яснь улддг, Залу укхля – нернь улддг. Рыба погибает – кости остаются, молодец погибает – имя остается.* И все таки, если мужчина, даже пользовавшийся признанным авторитетом, совершал проступок, то и он осуждался народом. Это запечатлено в пословице: *Сян залу заргд унсн, Цаган морн бальчкт унсн мет. Хороший мужчина, попавший под суд, то же, что белая лошадь, упавшая в грязь.*

Большинство калмыцких пословиц отражают мировоззрение скотовода-кочевника, в них нередко проводится параллель между мужчиной и конем: *Кун болх багасн, Кулг болх унгнасн. Будет ли человеком (мужчиной), видно с детства, будет ли иноходцем, видно по жеребенку.* Сопоставлением хорошего коня с удалым, смелым мужчиной дается в

пословицах народное понимание того, что настоящего мужчину можно узнать при верховой езде. Ладный мужчина верхом на коне, с красивой посадкой, смело и ловко управляющий конем, у калмыков считается мерилом лучших качеств человека: *Куукн кююня сяг – гертнь одад мед, Залу кююня сяяг – морн деер мед. Хорошие качества женщины определяй, войдя в дом, Хорошие качества мужчины определяй при езде верхом.* При этом иноходец – конь с наиболее красивым и плавным аллюром часто берется как образец при определении качества мужчины: *Сян морня чееж ондр, Сян залугин чееж сарул. У хорошей лошади грудь высока, У хорошего мужчины мысли светлы.* Иногда иноходец применяется для осуждения мужчины предосудительного поведения. *Седнг кюн – хаврт, Жора морн – намрт. Щеголь (отличается) весною, Иноходец – осенью. Жорад оокн уга, Аляд амрлтан уга. У иноходца нет жира, у беспутного нет спокойствия.*

Проанализировав отобранные пословицы, посвященные калмыцкому мужчине (112 единиц), его гендерной роли в обществе, нам не встретилось ни одной пословицы, в которой присутствовала бы чисто отрицательная коннотация. Мужчина в калмыцких пословицах высоко оценивается.

В калмыцкой культуре мужчина и женщина остаются носителями своих исконных качеств в плане общественных взаимодействий, но меняются ролями в лоне семьи. «В общественном сознании до сих происходит закрепление социальных ролей по половому признаку: мужчина – глава и кормилец семьи, женщина – жена, мать и домашняя хозяйка. Социокультурный и социально-экономический контекст, в котором живут мужчины и женщины, диктует определенные жизненные цели и навязывает определенные социальные роли» [2, с. 3]. В этой связи мужчине приписывается ответственность за поведение женщины. «Оппозиция «маскулинность/ фемининность» выявляет меру дифференциации ролевого поведения мужчин и женщин. В маскулинных культурах она более четкая, здесь поощряются конкуренция и соперничество, прослеживается ориентация на «мужские» ценности: настойчивость, уверенность в себе. В феминных культурах ценится скромность, сдержанность, сочувствие слабым, социальная направленность деятельности» [1, с. 16].

Таким образом, мы можем наблюдать в рамках не только разных культур, но и в пределах одной культуры, калмыцкой, культуру взаимоотношения полов – межполовое (гендерное) общение: Мужчина – Женщина; Калмык – Калмычка. А это значит, что мужская и женская культуры – это разные культуры, которые могут сосуществовать в одном языке. Здесь мы говорим о влиянии культурных традиций на представления о мужском и женском. Вся социальная реальность, с которой мы сталкиваемся, разделена на «мир женщин» и «мир мужчин», и в этих мирах господствуют разные «правила игры».

Литература

1. Бабаева Е. В. Дискурсивное измерение ценностей: Монография. –Волжский: Филиал ГОУВПО «МЭИ (ТУ)» в г. Волжском, 2003. – 102 с.
2. Дмитриева И. В. Формирование гендерных стереотипов средствами массовой информации. АКД. –Москва, 2002. – 21 с.
3. Дубровин М. И. Английские и русские пословицы и поговорки. – М.: «Просвещение», 1995.
4. Имкенова А. Б. Этническая идентичность калмыков. –Элиста, 1999 – С. 3-90.
5. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. – 180 с.
6. Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы. – Элиста. Калмыцкое книжное издательство, 1972. – С. 3-92.
7. Красавский Н. А., Кирносов И. М. Образ женщины в пословично-поговорочном фонде немецкого языка // Языковая личность. – Волгоград: Перемена, 1996. С. 48-54.
8. Манджиева В.С. Гендерные исследования в калмыцком фольклоре (на материале пословиц и поговорок) // Гегэрлт. 2002. – № 1-2 – С. 140-144.

9. Оконов Б. Б. Калмыцкие народные пословицы и поговорки. – Элиста, Калмыцкое книжное издательство, 1980. – 141 с.

10. Рыбникова И. С. Семейные гендерные отношения в современном российском обществе // Гендер, власть, культура: социально-антропологический подход. Межвуз. науч. сб. конф. 2000. – С. 87-89

11. Черных В. М. Женщина и власть: взгляд через призму гендера // Гендер, власть, культура: социально-антропологический подход. Межвуз. науч. сб. конф. 2000. – С. 46-49.

***

Д.Ц. Санджиева,
Элиста, Россия

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ ДЭНА СЯОПИНА И СИ ЦЗИНЬПИНА

Эмоционально-оценочная и идеологически окрашенная лексика выполняют важные функции в политической речи, так как, используя в выступлениях эмоционально окрашенные слова, элементы оценки и идеологемы, политики имеют больше шансов привлечь внимание аудитории, мастерски манипулируя ее настроением.

«Политический язык – это особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений…» [1, с. 36].

Политический язык – это участник политических событий, имеющий свою цель. Он описывает различные сферы политической жизни и имеет огромное влияние на каждый слой нашего общества [2, с.21].

Речи политических лидеров Китая наполнены метафорами, эмоционально-оценочными фразами и идеологемами. Культура Поднебесной подразумевает частое использования различных сравнений, устойчивых выражений и метафор. Особой популярностью пользуются чэнъюи (成语 chéngyǔ) – устойчивые фразеологические сочетания, чаще всего построенные в виде четырех иероглифах по нормам классического китайского языка вэньянь (文言 wényán). Данные выражения носят экспрессивный характер и обладают переносным значением. Перевод данных элементов характеризуется использованием описательного метода переводческой трансформации.

Например, речь Дэна Сяопина, известного деятеля китайской политики, на 2-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва от 12октября 1983 года содержит в себе около 30 чэнъюев, среди которых встречаются следующие примеры:

- описание членов партии, выполняющих подрывную деятельность внутри самой партии, так называемые «вредные элементы»:

1) 以权谋私 (yǐquánmóusī) – «использовать власть в корыстных целях»;

2) 煽风点火 (shānfēngdiǎnhuǒ) – «заниматься подстрекательством», «сеять раздор»;

3) 定时炸弹(dìngshí zhàdàn) – «потенциальная угроза»;

4) 坏人坏事 (huàirén huàishì) – «плохие люди – плохие поступки»;

- описание пошатнувшейся дисциплины партии:

1) 畏难手软(wèinánshǒuruǎn) – «трусость, мягкотелость, боязливость»;

2) 优柔寡断 (yōuróuguǎduàn) – «нерешительность»;

3) 息事宁人 (xīshìníngrén) – «уступчивость»;

4) 软弱涣散(ruǎnruò huànsàn) – «слабость и бездействие»;

5) 离心离德 (líxīnlídé) – «идейный диссонанс»;

6) 故步自封 (gùbùzìfēng) – «ограничение старой практикой, остановка в развитии, закостенелость»;

7) 大惊小怪 (dàjīngxiǎoguài) – «нарастающее недоверие».

С помощью данных речевых оборотов Дэн Сяопин оказывает влияние на участников заседания с целью задуматься о проблемах партии. Взгляды и идеи Дэна Сяопина на развитие Китая оказывают большое влияние и по сей день, а введенные им в оборот различные идеологемы используются его последователями и стали известны далеко за пределами страны. Так, например, оборот «一国两制» (yīguóliǎngzhì) является номинативом политики Дэна Сяопина. В переводе на русский язык данная фраза звучит как «одна страна – две системы», являясь основной национальной политикой, предложенной китайским правительством для достижения мирного воссоединения страны. Согласно приведенным аргументам, «одна страна – две системы» означает, что в условиях развития Китая основная часть государства придерживается социалистической системы, а Гонконг, Макао и Тайвань сохраняют первоначальную капиталистическую систему в течение длительного времени.

Одна из самых известных идеологем в Китае звучит как «социализм с китайской спецификой» («中国特色社会主义» (Zhōngguó tèsè shèhuì zhǔyì)). Она явилась результатом
неудовлетворенности в Китае классической (советской) моделью реализации марксизма-ленинизма. Именно Дэн Сяопин ввел это понятие в обиход и положил начало пути строительства социализма с китайской спецификой. Впервые термин «построение социализма с китайской спецификой» прозвучал на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в 1980 году как цель реформирования государственных механизмов и улучшения работы партии. Ключевым звеном реформирования становится экономика, которая во времена Мао Цзэдуна находилась на заднем плане. Дэн Сяопин выдвигает идею о том, что социализм может строиться с рыночной экономикой.

В выступлениях Си Цзиньпина на 6-м пленарном заседании 18-й Центральной дисциплинарной комиссии Коммунистической партии Китая исследователи отметили эмоциональность речи политика, которая была насыщенна идеологемами и эмоционально-окрашенными фразами, основываясь на частоте их употребления и степени эмоциональности. Среди них можно отметить следующие фразы:

1. 四个«足够自信» (zúgòuzìxìn) – четыре «достаточно уверенно», данной фразой Председатель отметил, что все члены партии должны быть достаточно уверены в решимости Центрального комитета партии в борьбе с коррупцией, должны быть достаточно уверены в своих достижениях в борьбе с коррупцией, должны быть достаточно уверены в положительной энергии, которую они могут принести в борьбе с коррупцией, и должны быть достаточно уверены в своих светлых перспективах борьбы с коррупцией. Используя данную фразу, Си Цзиньпин отметил, что только оставаясь достаточно уверенными в себе, мы находим силы двигаться вперед к поставленной цели, и после неустанных усилий партия сможет достичь новых результатов в создании честного правительства.

2. 民心是最大的政治 (mínxīnshì zuìdà dezhèngzhì) – сердце народа – самая главная политика. Используя данную фразу, Си Цзиньпин отметил, что Народная воля является самой главной политикой, а справедливость – самая большая сила. Борьба с коррупцией укрепляет доверие и поддержку партии со стороны народа, который высоко ценит ее. Си Цзиньпин подчеркнул, что для продвижения партийной и национальной работы необходимо придерживаться ориентированности на проблемы народа и прислушиваться к его голосу.

3. 两个 «没有变» (liǎnggè “méiyǒubiàn”) – два «без изменений». На пленарном заседании Си Цзиньпин отметил, что непоколебимая решимость Центрального комитета партии не изменилась, как не изменилась и цель решительно остановить распространение коррупции. Как считают исследователи, данная фраза полностью отражает цель партии в

продвижении борьбы с коррупцией, которая является концентрированным проявлением политической ответственности.

Выступления китайских политиков всегда отличается многообразием фразеологизмов, метафор, идеологизмов. Примечательно, что, по мнению исследователей, выступления Дэна Сяопина внутри страны по сравнению с его выступлениями во время выступлений за рубежом всегда более насыщены эмоционально-оценочной и идеологически окрашенной лексикой. Это объясняется тем, что насыщенная оборотами речь усваивалась носителями языка больше, чем иностранными слушателями в виду дифференцированности культур.

Особенность перевода речи китайских политиков заключается в лаконичности фраз на языке оригинала, что усложняет задачу переводчика сохранить целостность структуры переводимой речи.

Данное исследование показало, что эмоционально-оценочная и идеологически окрашенная политическая лексика насыщенна метафорами, фразеологизмами и разговорными элементами, зачастую непонятными читателю ввиду отсутствия в языке перевода. Чтобы понять суть переводимой фразы, необходимо глубоко изучить культуру народа изучаемого региона, знать его политическую обстановку, исследовать его литературу.

Успех перевода политической речи, в которой использованы эмоционально-оценочные и идеологически окрашенной лексики, во многом зависит от знаний переводчика, ведь для передачи сути фразы необходимо знать ситуацию, в которой она была произнесена, контекст, в которой она была использована, и культуру народа, на которую рассчитан подобный эмоциональный ход.

Литература

1. Баранов А, Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. – М.: Знание, 1991. – 42 с.

2. 窦卫霖 (Доу Вэйлинь) 政治词汇的文化内涵及其语言策略 (Культурологическое значение политической лексики и языковая стратегия) // 外国语 (Журнал иностранных языков). 2007. – с. 20-27.

***

В.В. Салыкова, А.А. Карманов, Т.С. Горяев,
Элиста, Россия

БУДДИЙСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ МИРА В ЭПИЧЕСКОЙ СТРАНЕ БУМБА

Эпос «Джангар» по праву считается «жемчужиной» народного творчества, энциклопедией этнической культуры ойрат-калмыцкого народа. Особая уникальность эпоса, на наш взгляд, заключается в том, что в нем отразился исторический путь наших предков, их быт, обычаи, традиции, светская и духовная культура. Как отмечают ученые, язык «Джангара» датируется XV-XVI вв., то есть, приходится на пик могущества и расцвета Джунгарского, Волжского и Кукунорского ханств. В это время ойраты и их государства играли видную роль в политике Средней и Центральной Азии, Внешней Монголии, Тибета России, Китая. За это время они оставили не только следы в культурах разных народов, но и много позаимствовали из других национальных культур. Достижения собственной культуры, усиленные «сплавами» других этнических культур, взаимодействовавших с нашими предками, отразились в устном народном творчестве.

В этот же период, произошло одно из важнейших событий в истории монголоязычных народов — принятие тибетской формы буддизма как государственной религии монгольских племен. Раскрывая вопрос о принятии буддизма ойратами, Златкин И.Я. пишет: «Габан-Шараб и Батур-Убаши-Тюмен приписывают инициативу обращения к религии ламаизма торгоутскому нойону Сайн-Тэнэс-Мэргэн Тэмэнэ, примыкавшему в то время к юго-восточной ойратской группировке, и кочевавшему вместе с чоросами. Около 1610 года он обратился с соответствующим предложением к главе ойратского чулагана Байбагасу

хошутскому, к его братьям и другим владетельным князьям» [5, с. 101]. Это событие повлекло за собой принятие буддизма и монголо-ойратских законов «Ик Цааджин бичиг» 1640 года ойратской правящей элитой и простым народом, инициированных джунгарскими князьями.

«Заметное место в «Ик Цааджин бичиг» занимают статьи, посвященные ламаистской церкви. Они узаконивали ламаизм как официальную государственную религию всей Монголии, всех ее ханств и княжеств; объявляли войну шаманизму и шаманам, поощряя в то же время переход аратов в ламы. Давно уже сложившийся фактический союз ламаистской церкви и монгольских феодалов получил в монголо-ойратских законах 1640 года юридическое оформление» [5, с. 114-115].

Принятие буддизма ойратами, утверждение его государственной религией всех монголов, произошедшее по инициативе ойратской правящей элиты, контроль равнинного Тибета ойратским племенем хошутов повлияли на фольклор, и в частности на эпос Джангар. «На Джангаре зато гораздо заметнее буддийское влияние, хотя бы и чисто внешнее; так Джангар и его богатыри рисуются поклонниками Будды, то там, то здесь упоминаются лица буддийского пантеона, говорится о буддийских монастырях; на описания княжеских ставок, утвари, а также на описание той или другой местности лежит налет буддийской культуры…» [3, с. 27].

Географическое положение вынуждало ойратов вести войны за рынки в Средней и Центральной Азии, России и Китая. В целях воспитания в народе боевого духа, отваги, чести и храбрости, сильного и готового к войне общества, одним из основных «орудий» был эпос «Джангар». Осознавая огромную духовную силу и мощь эпоса для народа, буддийские храмы исполняли главную роль в деле распространения «Джангара». «Довольно значительную роль в деле распространения героического эпоса у западно-монгольских ойратских племен играют буддийские монастыри. Главная их роль заключается в том, что они не гонят и не гнали любимых всеми богатырских былин, а оказывали и продолжают оказывать им приют и гостеприимство. Ойратские монастыри не только в одной Северо-Западной Монголии, но и в других местах, населенных ойратами, всегда имели некоторое стремление покровительствовать национальным духовным течениям. Эта черта и сказалась в отношении западно-монгольского ойратского буддийского духовенства к героическому эпосу. В противоположность буддийским монастырям других монгольских племен, ойратские монастыри не стремятся бороться с богатырскими былинами, монахи совсем не считают своей обязанностью презирать, глядеть с высока на эти народные поэтические произведения, считать их греховными, запрещать их исполнять в своем присутствии. Наоборот, ойратские буддийские монахи монастырей Северо-Западной Монголии вполне разделяют любовь своего народа к героическим эпопеям, очень часто, в определенное время, приглашают известных певцов исполнять былины в монастырях [3, с.27].

Буддийским элементам, вкрапленным в полотно эпоса, должного внимания уделялось мало и в дореволюционный период (в связи с недостаточной изученностью буддизма) и в советское время (в связи с советской идеологией, исключающей религию как социальный институт). Среди ученых, в большей или меньшей мере рассматривавших буддийские элементы можно назвать имена С.А. Козина [8], Б.Я. Владимирцова [3]. В советский период при работе над академическим изданием эпоса большое количество буддийской лексики было прокомментировано Э.Б. Оваловым и Н.Ц. Биткеевым [2], в статье «Исследование героического эпоса Джангар» буддийские элементы рассматривал А.Ш. Кичиков [7]. Попытки перевода буддийских понятий предпринимал и С.И. Липкин [9, с. 454] и редакции перевода на французском языке М.И. Цветаевой [9, с. 464-465]

Буддийские элементы начинаются с самых первых строк в прологе эпоса, указывающего на так называемое «время оно»:

«Это было в начале времен,
В стародавний век золотой.
Вечности начинался расцвет.

Величавый брезжил рассвет
Веры бурханов святой [2,с. 17]

Однако в калмыцком оригинале пролога о начале времен речи не идет:
Эрднин экн цагт hаргсн
Эн олн бурхдын шажн делгрх цагт hаргсн… [2, с. 17]
В переводе Семена Липкина изначальный вариант имел другой смысл:

Это было в первые дни,
Во время появления трех эрдэни [4, с. 128]

Три эрдени (Три Драгоценности) — основа всего буддийского учения, эдакий «символ буддийской веры». В три драгоценности буддисты включают: Будду, создателя Учения, само Учение (Дхарму), спасающее людей от страданий и Монашескую общину (Сангху), являющуюся проводником учения Будды и примером практики духовного пути. Однако важно отметить, что государственная политика в СССР не способствовала развитию религий, первый перевод был заменен известным.

Кроме того, начиная с пролога к эпосу «Джангар» говорится:
«Рассказывают о Джангре так:
Был повелитель истинный он,
Желтых четыре истины он
Соединил в своих руках [2, с. 19]

Шатр болсн бумблвнь эврән босгсн
Шарин дөрвн төрән hар деерән авгсн
Шар нарн доркан эзлгсн
Эн нойн гих нер…

В русском переводе интерпретация «четыре желтые истины» является неверной. Слово «төр» имеет значение «правление, государственная власть», а слово «истина» в калмыцком языке называется «үнн». Однако, в объяснении к русскому переводу говорится следующее: что это четыре благородные истины – основы буддийского учения [2,с. 19]

В калмыцком тексте говорится о «Четырех желтых властях», что подразумевает определенный буддийский контекст, причем основа его лежит в рамках тибетской буддийской школы Гелуг, которую называли «желтая, желтошапочная» из-за того, что монахи этой традиции носили желтые шапки. Не имея возможности ознакомиться с тибетскими гелугпскими трактатами о мирском правлении, мы обратились к истокам буддизма, древнеиндийской литературе, и обнаружили в древнем индийском трактате «Артхашастра», написанной Каутильей, информацию о четырех лучших качества для правителя:

1) Философия – санкхья, йога, и локаята
2) Учение о трех ведах
3) Учение о хозяйстве
4) Учение о государственном управлении.

На наш взгляд, нужно искать переосмысленные по буддийски тибетские трактаты о мирском управлении, которые смогут пролить свет на эту фразу. Вполне вероятно, что имеются даже их ойратские переводы, похожие на памятники «Үсн девскртә хаана тууҗ», «Тоть шовуна суphл», «Бигармиҗид хаана тууҗ» и др.

Священная земля, колыбель буддизма для ойратов, упоминаемая в эпосе — Тибет. «Страну свою, всю в совокупности, певец называет разнообразными, но близкими друг другу и знаменательными именами: или это Эрцес-Бумбайская страна, или Батур-Бумбайская

страна или Тангадское царство Джангара, или Таджи-Бумбайская или Тибетско-Бумбайская страна-царство, или Ару-Бумбайская, т.е. Северо-Бумбайская страна в отличие, может быть, от Тибета как страны Южно-Бумбайской, или просто как северная часть одного и того же Бумбайско-Джунгарского царства, или Желтая Зүү-Бумбайского царства, или, наконец, - наше Тангадское Царство. Из прочих топонимических обозначений имеем: Зу тал, «страна Будды Зу», или Тибет, почти тождественная с Желто-Бумбайской Джунгарской страной благословенная страна свирелей окраинная страна Трех шарагольских ханов, платящих, по-видимому дань (алв) хану Джангару…» [8, с. 246].

Буддийские термины и понятия, названия мифических живых существ и монастырей, имена реально живших буддийских учителей и буддийских текстов еще нуждаются в отдельном изучении. Известный монголовед С.А. Козин обращает внимание на этимологии слов буддийского происхождения в эпосе: «Религиозные представления певцов Джангариады достаточно богаты и касаются самых разнообразных сторон в системе так называемого вульгарного буддизма: и его религиозной мифологии, и космогонии (Асурии; кальпы мироздания; Эсроа-тэнгрий, I, 5; Гинар-тенгрий,; мангусы,; Хурмуста-тэнгр; драгоценность Чиндамани; мифические деревья Дамбы-зула. Гасаланг-замбан и его пропаганды (Дзонкава, 1355 – 1477; Джо_Адиша, XI в.,), и имен будд времен (Майтрея (калм. Мээдр), и бодхисаттв (Махакала; Очир-садо, Ямандага; Дара-экэ; Ёми-огненный), и названий частей буддийского канона (Гаджур-Данджур; Дулва ~ Виная, как часть Ганджура), и популярной эсхатологии буддизма (перерождения) и предметов, связанных с культовой стороной (мани, зүү, и как кумир, и как страна кумиров, Тибет; хуварак лама; очир; хадак; докшит; и как лица бодисатв, и как вид служения; шастры; Шидди ~ Сиддха, тарни-заклинания; ёрёль,; усниха).

При этом даже и сами предметы вооружения носят не редко эпитеты ритуального характера, являя примеры врастания культовых представлений в самый быт: плеть Хонгора – хашиль-тарни, меч его – шаджин-шарбанг, т.е опахало веры. В этом отношении характерен для оценки восприятия массами идеологии буддизма портрет ламы Людена, обладателя восточного ведра-чана, как и не менее характерно в похвалах сонму духовенства указание на то, что они не различают слов «твое и мое», в полной гармонии со светскими обитателями блаженной Бумбайской страны, не имеющих понятий о частной собственности. Такое своеобразное понимание этой, по-видимому, основной в представлении народа, идеи буддизма достойно внимания. С другой стороны, в поэме содержится, правда, недостаточно ясная характеристика лам в выражении о том, что у них у лам «Шар улан илһэрд» «желтое и красное различаются» Возможно, допустить, что здесь содержится указание на историческую борьбу «желтошапочного» духовенства с «красношапочным», более древним, и, следовательно, указание на любопытный исторический пережиток. [8, с. 257- 258].

Многие богатыри эпоса в сознании народа связывались буддийскими защитниками и потому «Джангар» представлял собой текст особой, буддийской сакральности: «Надо заметить, что цикл Ээлян Овла носит самые незначительные следы клерикально-буддийского влияния», но вместе с этим, Ээлян Овла отмечает немаловажные моменты, что богатыри Джангра – это Бурханы-Докшиты. Джангар – Ямантака, Хонгор – Махакала. Также «ламаисты-гелюнги и багши не преминули воспользоваться даже совпадением числа (12 богатырей «Джангара» - 12 гегянов из сонма Амитабы – Яминтаги), чтобы убедить слушателей в небесном, божественном происхождении богатырей – защитников народа [7, с. 145-146.]. Более того, Джангару покровительствуют сами будды – просветленные существа: «На лбу у него изображение Майдара. На маковке опочил будда Очир-сатва. Лама Адиша блюдит и хранит его руки и ноги, его чистую и прекрасную грудь» Здесь происходит смешение представлений о силе богатыря и его небесных покровителей: силой он равен слонам и львам, духам-хранителям, небожителям во главе с Хормустой, хотя Майдари (вм. Махакалы) Очир-сатва (вм. Ваджра [Очир]- дари) и прочие будды продолжают покровительствовать герою» [6, с. 27-28].

Буддийский мир эпоса, ждущий своего исследователя многогранен и богат, он содержит значительную и немаловажную (для воспитания в слушателях «Джангара» веры)

часть буддийской космологии, философии, оккультных практик и основных названий божеств. «Джангар», как народный эпос, вобравший в себя поэтический и сказительский талант множества ойратских и калмыцких поколений рапсодов, многие из которых были глубоко верующими людьми, а возможно и буддийскими монахами, содержит глубокий и сложный пласт буддийских воззрений наших предков. Мы рассмотрели лишь несколько слов, которых во всех песнях эпоса значительно больше. То, о чем мы сказали в статье — лишь малая крупица того буддизма, который был спрятан нашими предками в эпосе. Сегодня, когда нет гонений, а напротив, идет возрождение религии, принципиально важно отыскать черновики первоначальных вариантов перевода «Джангара» С. Липкина, изменить устоявшиеся подходы к изучению эпоса, включив в него и буддийскую часть, и всячески способствовать тому, чтобы народный эпос «Джангар» был достоянием не только любителей, но и тех, кто занимается практикой Дхармы.

Литература

1. *«Джангар».* Материалы и Исследования. Научное издание. Составитель В.З. Церенов. Художник И.Д. Шаховский. Редактор Н.Ц. Манджиев. – Москва: ППП Типография «Наука», 2004. – 574 с.
2. *«Джангар»:* Калмыцкий героический эпос. Литературно-художественное издание. На калмыцком и русском. Пер. с калмыцкого на русский язык С.И. Липкина; Вступ. Ст. С.Ю. Неклюдова. – Элиста: ООО «Фирма МСП» 2013. – 316 с.
3. Владимирцов Б.Я. Монголо-ойратский героический эпос //Джангар. Материалы и исследования,2004. – С. 52-109
4. Закруткин В.А. К истории изучения «Джангра» // Джангар. Материалы и исследования,2004. – С. 128-165
5. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635-1758). Издание второе. Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы. – Москва, 1983. – 332 с.
6. Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника Научное издание. – Издание 3-е, репринтное. 1997
7. Кичиков А. Ш. Исследование героического эпоса «Джангар». – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1976. – 154 с.
8. Козин С.А. Общие сведенья о Джангариаде и вопрос о времени ее сложения //Джангар. Материалы и исследования,2004. – 231-263 с.
9. ЛипкинС.И. Джангариада и вопрос ее наблюдения //Джангар. Материалы и исследования,2004. – 454 - 470 с.

***

Турдуматова Э.Б., Лиджи-Горяева М.С,.
Элиста, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ АССИМЕТРИИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Гендерные исследования – это новая междисциплинарная область научных исследований, которая изучает мужское и женское поведение, мышление, общение, отношение общества к личности и возможности ее самореализации в зависимости от полоролевых стереотипов, которые создаются не природой, а самим обществом.

В последнее время эта проблематика бурно обсуждается, и является актуальной для нашего времени, так как именно сейчас меняются многовековые традиции, стереотипы в отношениях мужчин и женщин.

Полоролевая традиция общественного сознания восходит к древнекитайской философии с ее основными понятиями – ян и инь. Концепция о взаимодействии полярных сил «инь» и «ян» как основных сил движения, дуализм которых выражается в неразрывном

единстве и борьбе светлого и темного, твердого и мягкого, мужского и женского начал в природе, легла в основу учения о символах взаимодействия крайних противоположностей. [2]

Являясь одной из самых древних, китайская культура сохранила свою самобытность, в которой на всех этапах развития общества существовала четкая иерархическая система взаимоотношений людей. Китайская женщина в этой системе занимала одну из нижних позиций. В зависимости от правящего режима менялся и статус женщины в обществе. Эти изменения мы рассмотрим на языковых элементах, которые образовывали концепт «женщина».

Ввиду особенностей письменности в китайском языке гендерная асимметрия проявляется на уровне структуры письменного знака (логограммы). В китайском языке половая принадлежность обозначается логограммами 女 nǚ (женщина) и 男 nán (мужчина). Примечательно, что логограмма 女 nǚ представляет собой пиктографическое изображение коленопреклоненного человека со скрещенными перед собой руками, т.е. раба. Присвоение данному знаку лексического значения «женщина» демонстрирует бесправное, подчиненное положение китайской женщины.

Логограмма 男 nán состоит из логограмм 田 tián (поле) и 力 lì (сила), демонстрируя тем самым более высокое положение мужчины, объясняя это тем, что на плечах мужчин лежала ответственность за семью, за сельское хозяйство, что прослеживается в логограммах.

В отличие от логограммы 女(женщина), логограмма 男 (мужчина) крайне редко присутствует в качестве графосемантического компонента в составе более сложных знаков, а именно: 舅 jiù (дядя, со стороны матери; свекор; шурин, брат жены), 嬲 niǎo (дразнить; приставать; флиртовать, заигрывать; забавляться; причинять беспокойство, беспокоить, надоедать), 甥 shēng (племянник, сын сестры; зять; внук, сын дочери).

В словообразовании при сложении знаков для обозначения лиц мужского и женского пола, знак, обозначающий лицо мужского пола, всегда будет предшествовать знаку, обозначающему лицо женского пола, например:

–父母 fùmǔ (отец и мать),
–夫妇 fūfù (мужчины и женщины, муж и жена),
–男女 nánnǚ (мужчины и женщины),
–叔婶 shūshěn (дядя и тетя),
–夫妻 fūqī (муж и жена),
–公婆 gōngpó (свекор и свекровь),
–子女 zǐnǚ (сыновья и дочери, мужчины и женщины),
–儿女 érnǚ (сыновья и дочери, мужчины и женщины) и др.

Подобная асимметрия проявляется и в словосочетаниях, таких как:

–皇帝与皇后 huángdì yǔ huánghòu – император и императрица,
–王子和公主 wángzǐ hé gōngzhǔ – принц и принцесса,
–爷爷奶奶 yéyenǎinai – дедушки и бабушки,
–叔叔阿姨 shūshu āyí – дяди и тети,
–兄弟姐妹 xiōngdijiěmèi – братья и сестры, и др. [5]

Даже в таких выражениях, известных в мире как «Дамы и господа!», «Ladiesandgentlemen!», где первым обычно идет слово, обозначающее женский пол, после которого идет слово, обозначающее мужской, в китайском языке:

先生们，女士们! Xiānshēngmen, nǚshìmen! – Господа, дамы!

Асимметрия также просматривается в лексемах, указывающих на семейное положение человека. Так, немолодую незамужнюю девушку обычно называют 老姑娘 lǎogūniang (старая дева), 老处女 lǎochǔnǚ (старая дева). Эти лексемы несут ярко выраженный отрицательный смысл, так как указывают на «скверный характер, плохую уживчивость и отрицание факта наличия потенциальных кандидатов в мужья» [4]. Абсолютно противоположная ситуация

наблюдается с лексемой 单身汉 dānshēnhàn – холостяк, немолодой неженатый мужчина, которая лишь указывает на «наличие полной свободы и отсутствие забот и проблем, связанных с содержанием семьи» [2, с. 45].

Примечательно, что подобная асимметрия проявляется и в устойчивых идиоматических оборотах (чэнъюй). В китайской фразеологии ясно отражается образ несвободной женщины, специфика ее характера и восприятие ее деятельности, которую оценивают весьма низко, а также явно проявляется незначительность мнения.

- **男尊女卑** nánzūnnǚ bēi – уважение к мужчине и презрение к женщине;
- **男耕女织** nángēngnǚ zhī – мужчина пашет, женщина прядёт - домашние дела (разделение мужского и женского труда);
- **男盗女娼** nándàonǚ chāng – мужчины – воры, а женщины – проститутки (полное падение нравов; безнравственное общество);
- **善男信女** shànnánxìnnǚ – благочестивые, набожные люди;
- 婊子送客一虚情假意 biǎozisòngkè yī xū qíngjiǎyì – (букв, «проститутка провожает клиента — притворные чувства»);
- 夫荣妻贵 fū róngqī gui - мужу почёт и жене уважение - почести мужа достаются и жене;
- 夫贵妻荣 fū guì qī róng – муж в почете и жена в достатке (удачный брак).

Рождение детей на благо родителей считалось основной целью брачной жизни и, как думали верующие, обеспечивало старшему поколению загробный покой. Но не все дети могли впоследствии служить своим усопшим родителям. Усопшему отцу может приносить жертвы старший сын, деду – старший внук по прямой линии. Девочка, когда придет время станет невестой и уйдет в чужое семейство, поэтому она не сможет приносить жертвы усопшим родителям. Разницу между рождением сына и дочери отражают такие фразеологизмы:

–**弄瓦之喜** nòngwǎzhīxǐ - дарить черепицу в качестве игрушки - рождение дочери, поздравление по случаю рождения девочки;

–**弄璋之喜** nòngzhāngzhīxǐ - дарить нефритовый скипетр в качестве игрушки - рождение мальчика, поздравления по случаю мальчика;

–**重男**轻女 zhòngnánqīngnǚ – ценить мужчин и презирать женщин, лелеять мальчиков (сыновей) и пренебрегать девочками (дочерьми).

Женщине приписывались четыре добродетели: супружеская верность, правда в речах, скромность в поведении, усердие в работе. Что отражается во фразеологизм:

三从四德 sāncóngsì dé , который означает тройную покорность и 4 достоинства - традиционная формула требований к женщине (покорность: отцу, мужу, сыну; добродетель, скромность в речах, женственность, трудолюбие).

Таким образом, в китайском лингвосознании доминирует андроцентрический взгляд на гендерные отношения. Гендерная асимметрия проявляется, прежде всего, в субъективном восприятии женщины как объекта собственности. Женщина обязана была подчиняться мужчине. Ее место определялось строго в рамках домашних обязанностей. В обществе ценились такие качества как способность женщины к материнству, женская привлекательность, хозяйственность, покорность, при этом отрицательно оценивались такие качества, как болтливость, недалекий ум, вздорный нрав и тому подобное.

Литература

1. Войцехович И.В. Практическая фразеология современного китайского языка. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 512 с.

2. Горошко Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма. — М., 2003.

3. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.,1999.

4. 新华成语词典 – Новый китайский словарь идиоматических выражений. – Пекин: Коммерческое издательство, 2008. – 1046 с.
5. Китайско-русский словарь. Под редакцией Ся Чжунъи. М.: Вече, 2008.

***

К.В. Чалбанова,
Элиста, Россия

Художественное своеобразие ранней женской прозы Китая

Женщины в древнем Китае не пользовались статусом, ни социальным, ни политическим, предоставленным мужчинам. Женщины были подчинены сначала своим отцам, затем своим мужьям и, наконец, в случае вдовства, их сыновьям в системе, известной как «три последователя» или санкун. Часто жестокое обращение с женщинами, социальное разделение и принуждение к борьбе за любовь их мужа с наложницами делали место женщины незавидным. Тем не менее, несмотря на суровые реалии жизни в обществе, где преобладают мужчины, и навеки под тяжестью философских и религиозных норм, которые были созданы мужчинами для работы на мужчин, некоторые женщины преодолели эти барьеры. Практические реалии повседневной жизни означали, что многие женщины могли и обходили условности, а некоторые стали жить необыкновенной жизнью, создавая великую литературу, стипендии и даже управляя самой Китайской империей.

По крайней мере, с теоретической точки зрения, вклад женщин, а на самом деле и необходимость, в общество был признан по принципу Инь и Ян. Даже здесь, однако, мужчина (ян) со связанными с ним качествами является преобладающим и имеет ассоциации, которые едва ли считаются превосходящими по отношению к женщине (ин): жесткий по сравнению с мягким, сильный против подчиняющийся, светлый против темного, богатый против бедного и так далее.

В Китае все знали, что лучше родиться мужчиной, и даже персонажи женского пола в традиционной литературе иногда заявляли, что они были мужчинами в предыдущей жизни, но в этой жизни родились женщины в качестве наказания за прошлые поступки. Другим распространенным знакомством с женским персонажем в таких историях была строка «к сожалению, она родилась женщиной». Ребенок мужского пола рос, чтобы внести финансовый вклад в семью, выполнять ритуалы, подобные тем, которые совершаются в поклонении предкам, и увековечивать фамилию. Напротив, женщина не может зарабатывать денег и однажды покинет семью и присоединится к мужу. Следовательно, многие девочки были брошены вскоре после рождения. Тем девочкам, которые выжили, давали такие имена, как Целомудрие, Жемчужина, Экономия, или названия цветов и птиц в надежде, что девочка оправдает это имя и получит привлекательные предложения о браке.

Ожидалось, что женщины преуспеют в четырех областях: верность, осторожная речь, трудолюбие и изящные манеры. Добродетель женщины была особенно ценным атрибутом в китайском обществе. Женщинам, считающимся особенно добродетельными, такими как целомудренные вдовы, иногда после смерти давали честь святыни, памятника или памятной таблички, или их имена публиковались в почетных некрологах. Эта практика была особенно популярна после работы неоконфуцианского ученого Чжу Си в XII веке нашей эры.

才, свободно переводимый как «литературный талант», является признаком, характеризующим лиричность, глубокую интеллектуальность и аналитическое мастерство.[2, с. 24] Хотя было признано, что и женщины, и мужчины обладали才, фраза 女人無才便是德 (для женщин нехватка литературного таланта является добродетелью) [2, с. 23] суммирует доминирующее мнение, что литературное поле традиционно было областью для мужчин. Несмотря на это убеждение, работы, написанные женщинами, играют неотъемлемую роль на протяжении всей истории Китая. До XX-го века было много женщин-писателей, которых

уважала интеллигенция их эпохи, даже если большая часть их работ считалась менее важной, чем работа мужчин в целом. [1, с. 17] Авторы-женщины помогали создавать такие темы, как романтика, брак, гендерные роли и политика, окружающая женщин.

Китай уже давно известен как странапоэзии и обрядов. Многие женщины были известны своими литературными произведениями в древнем Китае, и некоторые из них передавались последующим поколениям. Это особенно проявлялось на юге от реки Янцзы после Цинской династии, где было значительное число женщин-поэтов и писателей. Согласно записям «Исследований произведений женщин прошлых династий» Ху Вэнькая насчитывалось свыше 4000 китайских женских писателей, большинство из которых были *гуйсю*. Таким образом, эти два иероглифа «*гуйсю*» часто появлялись в названиях древних китайских женских поэтических сборников. К примеру, «Коллекция работ Гуйсю прошлых династий», составленных У Юэсяо, «Биографии Гуйсю династии Цин», скомпилированная Юнь Чжу, «Коллекция поэзии Гуйсю династии Цин» Хуан Чжимо, «Записи Гуйсю о классической поэзии» под редакцией Тяо Сишэн, «Обзор литературных произведений Гуйсю в династии Цин» под редакцией Шань Шили, «Представление поэтов Гуйсю династии Цин» под редакцией Ши Шуи и т.д. Так называемые гуйсю являлись девушками из образованных семей. Древние гуйсю обладали следующими качествами: 1. Большинство из них были рождены в образованных и финансово благополучных семьях. Они вели комфортную и стабильную жизнь, им не приходилось беспокоиться о повседневных жизненных потребностях и им была предоставлена благоприятная среда для учебы. 2. Образование, которое они получили, было в основном домашним обучением. 3. Они были обучены по очень традиционной схеме, и их обучение в основном охватывало три области: во-первых, *Заповеди для женщин, Четыре книги для женщин* и т.д.; во-вторых, древние стихи, проза и оды; и в-третьих, исторические записи. 4. Их жизнь была в значительной степени ограничена в будуаре, дворе, вокруг семьи и родственников. Из-за вышеупомянутых ограничений, как правило, считается, что видения женщин-писателей в древние времена были не столь широкими; их сочинения были довольно однообразными, в основном сфокусированными на скрытой любви и романтике, женских расставаниях, весенней тоске, осенних мыслях и любовных отношениях в будуаре.

Первые женщины, упомянутые в библиографиях, были поэтами. [1, с. 6] Эстетическая природа поэзии высоко ценилась, в то время как художественная литература рассматривалась как путь, взятый из-за неудачной карьеры или коммерческой деятельности.[1, с. 18] Заметное увеличение женской грамотности имело место во время поздней имперской эры. Одним из наиболее известных поэтов этого времени была Мао Сюхуэй, поэт XVI-го века, которая написала стихотворение, основанное на неспособности ее мужа занять должность государственного служащего; стихотворение проводит параллели между мужчиной и женщиной, поскольку они испытывают трудности на политической и домашней арене соответственно. Другими известными поэтессами были Гао Чжисянь, Сюэ Тао, Ли Цинчжао.

Сюэ Тао была одной из самых известных китайских поэтов и куртизанкой династии Тан. Около 450 стихов Сюэ Тао были собраны в «Коллекции парчи реки», которая сохранилась до XIV-го века. В настоящее время известно около 100 ее стихотворений, что больше, чем у любой другой женщины династии Тан. Они широко варьируются по тону и тематике, подтверждая живой ум и не просто знакомство с великими традициями ранней китайской поэзии. [5, с. 12]

《送友人》

薛涛

水国蒹葭夜有霜，月寒山色共苍苍。

谁言千里自今夕，离梦杳如关塞长。

Ли Цинчжао, под псевдонимом Домовладелец Иань (易安居士), была поэтом и эссеистом во времена династии Сун. [1, с. 24] Она считается одним из величайших поэтов в

истории Китая. До того, как она вышла замуж, ее поэзия была уже хорошо известна в элитных кругах. В 1101 году она вышла замуж за Чжао Минчэна, с которым они разделяли интересы в коллекции произведений искусства и эпиграфике. Они жили на территории современного Шаньдуна. После того, как ее муж начал свою официальную карьеру, он часто отсутствовал. Они не были особенно богаты, но разделяли удовольствие от сбора надписей и каллиграфии, которые делали их повседневную жизнь важными, и они жили счастливо вместе. Это вдохновило на некоторые любовные стихи, которые она написала. Ли и ее муж собрали много книг. Они разделяли любовь к поэзии и часто писали друг другу стихи, а также писали о бронзовых артефактах династий Шан и Чжоу. После смерти мужа Ли описала свою семейную жизнь и суматоху ее бегства в Послесловии к посмертно опубликованной работе ее мужа, Jīn Shí Lù (金石錄). Ее более ранняя поэзия изображает ее беззаботные дни как женщины высшего общества, и отмечена ее элегантностью. Впоследствии Ли поселилась в Ханчжоу, где правительство Сун сделало его новой столицей после войны с чжурчжэнями. В этот период она продолжала писать стихи. Она также продолжала работать над завершением книги «金石錄», которая была первоначально написана ее супругом. Книга была в основном о каллиграфии на бронзе и камнях: в ней также упоминаются документы, которые Ли и Чжао собрали и просмотрели в ранний период. Известно, что только около ста ее стихотворений дошли до наших дней, в основном в форме цы, где прослеживаются ее различные состояния в жизни. Также сохранилось несколько стихов в форме ши, Послесловие и изучение поэзии в стиле цы. Ее жизнь была полна изгибов и поворотов, и ее стихи можно разделить на две основные части – разделительной линией, когда она двигалась на юг. В раннем периоде большинство ее стихов были связаны с ее чувствами как девушки. Они были больше похожи на стихи о любви. После ее переезда на юг они были тесно связаны с ее ненавистью к войне против чжурчжэней и ее патриотизмом. Ей приписывают первую детальную критику метрик китайской поэзии. Ее считали мастером 婉约派 («деликатная сдержанность»).

《如梦令·昨夜雨疏风骤》

李清照

昨夜雨疏风骤，浓睡不消残酒。

试问卷帘人，却道海棠依旧。

知否，知否？应是绿肥红瘦。

Пан Чжао (41 – 115 гг. н.э.) была одной из самых известных женщин-писательниц и ученых в раннем Китае. Она написала комментарии к конфуцианской классике, и ее самой известной работой остается ее «Nuje» или «Инструкции для женщин», которая расширила четыре ожидаемые от женщин добродетели (речь, добродетель, поведение и работа), впервые изложенные в классическом ритуальном тексте Лицзи. Хотя Чжао подчеркнула, что женщины должны оставаться подвластными своим мужьям, она выразила уверенность в преимуществах обучения женщин (чтобы лучше помогать работе своего мужа). Текст Nuje был очень влиятельным, изучался бесчисленными поколениями женщин и даже читался для тех, кто не мог читать.

Литература

1. Chang. K.S. & Saussy. H. (Eds.). Women writers of traditional China: An anthology of poetry and criticism. – Stanford, California: Stanford University Press, 1999.

2. Larson, W. Women and Writing in Modern China. –Stanford, California: Stanford University Press, 1998.

3. Mark Cartright. Women in ancient China. Ancient History Encyclopedia, 2017. Режим доступа: https://www.ancient.eu/article/1136/women-in-ancient-china/

4. Wenkai, Hu. An Investigation of Women’s Works of Past Dynasties. –Shanghai: Shanghai Antique Press, 1984.

5. *Yu, Lu. Readings Of Chinese Poet Xue Tao (Thesis). –University of Massachusetts Amherst, 2010.*

***

Ж.Д. Чеджиева, В.С. Очирова, Л.А. Оголова, Г.М. Мучкаева,
Элиста, Россия

ЗООНИМИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В КАЛМЫЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Анималистическая лексика является активным участником фразообразования в калмыцком и английском языках. Анализ зоонимов в контексте устойчивых словосочетаний представляется важным в плане изучения языковой картины мира. По утверждению Ю.Л. Лясоты, исследование данного языкового пласта может быть реализовано двояко: во-первых, внутри языка, во-вторых, должно проводиться сопоставление с аналогичной сверхобщностью в других языках [7, с. 11].

Поэтому мы считаем целесообразным провести сопоставительный анализ паремиологических и фразеологических единиц, отражающих культурную специфику разных наций.

Сопоставительный анализ позволяет выявить совпадения, расхождения и особенности метафорического использования животных для характеристики человека.

Целью нашего исследования является выявление высокой частотности употребления зоонимов *собака* и *лошадь* в составе фразеологических единиц калмыцкого и английского языков. Материалом для анализа в статье служат калмыцкие и английские фразеологические единицы с компонентом ‘животное’. Указанные единицы в их переводе на русский язык взяты из различных лексикографических источников (см. список источников).

На протяжении многих веков люди приручали животных, изучали их поведение и формировали свое отношение к ним.

Это отношение закреплялось в форме неких устойчивых стереотипов восприятия определенных животных, которые в свою очередь можно было проследить в пословицах и поговорках. Пословицы совершенны в силу своей многократной употребляемости и выражают ценности каждой культуры. По мнению Гачева, ценности, общие для всех народов, располагаются в различном соотношении и это особая структура общих для всех народов элементов и составляет национальный образ, а в упрощенном выражении - модель мира [2, с.44]. В процессе совместной жизнедеятельности отношение к тому или иному животному складывалось в зависимости от степени его важности и нужности. За такое продолжительное время можно узнать как положительные, так и отрицательные стороны того или иного животного.

Самым первым животным, приручённым и одомашненным человеком, была собака. Собака охраняла жилище и домашний скот человека. В разных культурах зооним собака имеет различные коннотации. Важной национальной чертой англичан является любовь к животным. К разряду излюбленных животных относится, прежде всего, собака. Образ собаки в английской культуре ассоциируется с положительными качествами.

Например, фразеологическая единица *olddog* (букв. старая собака) [7, с. 13] выражает теплые приятельские отношения, а пословица *Loveme, lovemydog* (любишь меня, люби и мою собаку) [4, с. 944] показывает, что человек, уважающий хозяина дома, должен хорошо относиться и к его собаке, т.е. ко всему, что принадлежит или окружает хозяина. Образ собаки также используется для характеристики высокой степени мастерства и умения. Например, фразеологическая единица в английском языке *acleverdog* [4, с. 219] означает умница, ловкий малый, а выражение *bedog* (*olddog*) *atathing* (букв. быть собакой в чем-либо)

– «быть знатоком своего дела»; *atopdog* – «господствующая или победившая сторона» [4, с. 221] .

Уважительное отношение к собаке показано на примере пословицы*Itisdoggedthatdoesit* (букв. Именно терпеливый добивается успеха) – Рус.яз. «Терпение и труд все перетрут. Всякое дело терпением одолеть можно» [5, с. 52]; *Agooddogdeservesagoodbone* (букв. Хорошей собаке - хорошая кость) [4, с. 219].

Несмотря на то, что собака играет большую роль в жизни человека, с ее образом связано и много отрицательных коннотаций. Мы можем встретить пословицы с образом собаки, имеющим бранное, ругательное значение. Например, фразеологическая единица *go to the dogs* означает «пойти ко всем чертям». Пословица *The dog returns to his vomit.* Букв. «Собака возвращается к своей блевотине» [4, с. 219] показывает, что человек снова предается прежним порокам. Фразеологические единицы *use (treat) somebody like a dog* букв. «обращаться с кем-либо, как с собакой» и *lead somebody a dog's life* - «бедствовать, влачитьжалкоесуществование» отражают негативное отношение к кому-либо; *a gay dog* – «беспутный человек, кутила, распутник» [4, с. 219].

В пословицах калмыцкого языка также наблюдаются положительные оценки зоонима *собака*. Об этом говорит А.Г. Митиров, известный ученый, историк и этнограф: «У калмыков сноха собаку называла не словом «ноха» - собака, а тяягн, как члена семьи». Например, пословицы: *Иньгин нохад иньг болдг* (букв. Даже с собакой своей возлюбленной заводят дружбу); *Адунд йовх күмнд уург кергтә, авд йовх күмнд ноха кергтә* (букв. Табунщику нужна урга, а охотнику нужна собака) [9, с. 593]; *Гертән бәәхлә гесн өлсдг, йовхла яс кемлдг (* букв. Если (собака) дома, она голодает; если ходит, гложет кости) [3, с. 80]; показывают уважительное отношение к собаке. В калмыцкой культуре с образом собаки часто связаны и отрицательные ассоциации, например: *Нохан көл идсн кевтә.* Букв. «Словнособачьюногусъел» [6, с. 382]; «Ш*ург чиген биш, барг чиген биш*». Букв. «И ни борзая, и ни овчарка». Рус.яз. «ни то, ни се» [9, с. 594]. *Һазр идх мал уга, һаң гих ноха уга*. Букв. «Нет скотины, которая паслась бы, нет собаки, которая тявкала бы». Рус.яз. «Ни кола, ни двора». [9, с.592] .Пословица *Ноха мис хойрла әдл бәәх*. Букв. «Живет как кошка с собакой» [9, с. 592] показывает неуживчивость собаки, ее нетерпимость.

В калмыцкой культуре особой фразеологической активностью отличается зооним *лошадь***.** В калмыцких пословицах говорится о ее значении в жизни калмыцкого народа в прошлом. В старину лошадь ценилась дороже всего, для степняка не было ничего важней. Всадник не расставался с конем ни в будни, ни в праздники: в кочевьях, на свадьбах, на пастбищах, на скачках, на охоте. Хороший скакун был самым быстрым, самым любимым, а также единственно доступным транспортом: *Мөртә күн җивртәлә әдл.* «У кого конь, у того крылья» [6, с. 360]; *Мөрн угаһар дова давад уга, махн угаһар хот идәд уга.* Букв. «Без коня не перевалил гору, без мяса не ел пищу» [9, с. 571]. Поэтому, образ коня ассоциируется с положительными качествами.

В калмыцкой культуре зооним *лошадь* – символ благополучия, например: *Хол һазриг өөрхн кедг – мөрн эрднь, хойр кү иньг кедг – күүкн эрднь*. Букв. «Сокровище – конь, который может сделать далекую землю близкой, сокровище – девушка, которая может сделать двух людей друзьями»; *Мана мөрн бас гүүх.* Букв. «Наша лошадь тоже побежит» – «И на нашей улице будет праздник» [1, с. 131];

Прекрасный скакун всегда вызывал восхищение у калмыка: *Мөрнә сәәг йовад меддг, мөңгнә сәәг хәәләд меддг.* Букв. «Качество коня познается в езде, качество серебра – при ковке» [9, с. 575]; *Сән кумиг санаһарнь, сән мөриг йовдларнь.* Букв. «Хорошего человека определяют по его мыслям, а доброго коня – по его поступи» [9,с. 574].

В калмыцкой культуре лошадь ассоциируется с трудолюбием, силой и выносливостью: *Шудрмг күүнә мөрнь гүүдг.* Букв. «У активного, энергичного человека лошадь бежит» [1, с. 131]; *Гүүхд – гүн хурдн, гүжрхд – ажрһ хурдн.* Букв. «Для бега кобылица быстра, когда нужна выносливость и сила – жеребец быстр» [9, с. 578]; *Мөрн эцв*

чигн эмәлән даана, модн хатв чигн мөчрән дана. Букв. «Конь хоть и устал, но седло несет, дерево хоть и засохнет, но ветви удерживает» [9, с. 571].

В английской культуре зооним *лошадь* также является символом трудолюбия. Хороший работник у англичан силен как лошадь: strong as a horse и любит много работать: *All lay loads on a willing horse.* «Охочая лошадка всю поклажу везет»; *a willing horse* (букв. охочая (до работы) лошадка), т.е. человек, охотно взваливающий на себя работу, работяга [4, с. 399]. Следующая фразеологическая ед. *work like a horse* описывает тяжелый изматывающий труд.

В средние века лошадь была принадлежностью людей из высших сословий, которые в свою очередь использовали лошадь не для работы, а как средство передвижения в мирное время, и на войне.

Феодалы сидя верхом на коне, свысока смотрели на пеших простолюдинов. Следующая фразеологическая единица *to be on (to get on) the high horse* букв. быть (садиться на высокую лошадь) значит «важничать, высокомерно держаться, смотреть сверху вниз» [4, с. 397]; *Don't ride the high horse.* Букв. «Не езди на высоком коне» [10, с. 58] означает не предаваться мечтаниям и не быть заносчивым; Come off your high horse – не задирайте носа» [4, с. 397]; *If wishes were horses, beggars would ride.* «Если бы желания были конями, нищие могли бы ездить верхом» [11].

В процессе анализа англо-русского фразеологического словаря под редакцией А.В. Кунина было сделано следующее наблюдение: зооним *собака* отличается высокой частотностью употребления в составе фразеологических единиц английского языка. Такие экзотические животные, как *leopard* – леопард, *tiger* – тигр, *elephant* – слон характеризуются однократным употреблением. В калмыцком языке особой фразеологической активностью отличается зооним *лошадь*. Между тем, в калмыцких фразеологических единицах используются наименования в большей степени домашних животных. Это объясняется тем, что основной хозяйственной деятельностью калмыков было скотоводство.

Таким образом, семантика фразеологической единицы *собака* в английском и калмыцком языках в определенной степени сходна. Зооним *собака* обладает положительными коннотациями, как в калмыцкой, так и в английской культуре. Зооним *лошадь* в калмыцкой культуре имеет положительные коннотации в большей степени, хотя в пословицах калмыцкого языка наблюдаются и отрицательные коннотации: *Му мөрнд үүлн ацан.* Букв. «Для плохой лошади туча в тягость». Как показывают материалы нашего исследования, фразеологические единицы с компонентом *собака* и *лошадь* находятся в активном употреблении в современных калмыцком и английском языках.

Литература

1. Бардаев Э.Ч., Пюрбеев Г.Ц. Фразеологический словарь калмыцкого языка.–Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. –142 с.
2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. –М.: Сов. писатель,1988.–441 с.
3. Котвич В.Л. Калмыцкие загадки и пословицы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. –95 с.
4. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1984. 944 с.
5. Кусковская С.Ф. Сборник английских пословиц и поговорок. Минск: Высш. шк., 1987. 253 с.
6. Калмыцко-русский словарь / под ред. Муниева Б.Д. –М.: Рус. яз., 1977. –768 с.
7. Лясота Ю.Л. Английская зоосемия. –Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1984. –116 с.
8. Митиров А.Г. Избранные труды. /Вступ. ст. Н.Г. Очировой, сост., подг. тексов и указателей Т.И. Шараповой. –Элиста: КИГИ РАН, 2012. –236 с.
9. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Сост., пер. Б.Х. Тодаевой.–Элиста: НПП «Джангар», 2007. –839 с.
10. Райдаут Р., Уиттинг К. Толковый словарь английских пословиц. –М.: Изд-во

«Лань», 1997.– 250 с.
11. Румянцева И.М. Русские и английские пословицы и поговорки.–М.: Филоматис, 2008. –400 с.

***

Чэнь Сюе,
Астрахань, Россия

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА ФОНЕ КВАЛИФИКАЦИОННОГО ЭКЗАМЕНА CATTI ДЛЯ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Квалификационный экзамен CATTI для переводчиков (ChinaAccreditationTestforTranslatorsandInterpreters): самый авторитетный тест на переводческую аккредитацию с китайского на английский, японский, французский, арабский, русский, немецкий, испанский языки. В своей градации подразумевает наличие четырёх уровней. Тест призван проверить знания экзаменуемого в области лингвистики, социального и культурного бэкграунда, а также владение переводческими навыками. Тест включён в программу многих китайских ВУЗов, а также требуется для поступления на некоторые специальности в аспирантуру.

В российском сообществе переводчиков до сих пор не существует профессиональный стандарт. То есть вроде бы он есть: ВУЗы готовят специалистов, студенты сдают экзамены, получают дипломы, работают. Но вот четкого современного стандарта, что должен знать и уметь переводчик на разных этапах своего профессионального развития нет. Зато он есть в Китае. И если учщиеся поглядывают в сторону китайского рынка и собираются начать работать с китайскими БП или крупными компаниями, то необходимо сдать экзамен CATTI.

Всего в Китае выделяют четыре профессиональные категории для переводчиков: Профессиональный путь переводчика в Китае начинается с третьей категории (三级译者). Переводчик третьей категории должен иметь некоторые знания в области науки и культуры, а также общие навыки устного и письменного перевода в своей языковой паре. Переводчик второй категории (二级译者) владеет знаниями в области науки и культуры и имеет хорошие навыки устного и письменного перевода и может обеспечить устный и письменный перевод в отдельных областях с некоторыми затруднениями. Переводчик первой категории (一级译者) имеет обширные знания в сфере науки и культуры, и высокую квалификацию в области устного и письменного перевода. Может обеспечить перевод высокой сложности в различных сферах и способен выполнять перевод важных международных конференций и может выполнять завершающую редакцию перевода. Переводчик высшей категории （高级译者）имеет продолжительный опыт перевода, обширные знания в сфере науки и культуры, достиг высокого уровня в устном и письменном переводе, способен решать большинство сложных переводческих задач в устном и письменном переводе, а также вносит существенный вклад в развитие отрасли письменного и устного перевода, проводит практическое и теоретическое обучение переводу.

В этой работе только исследуем письменный тест на втором уровне. Этот тип разделяют на 2 части: 1) грамматика; 2) письменный перевод. Экзамен второй категории применяется к учащимся, которые изучают китайский язык на втором или третьем курсе.

В грамматической части, в содержание входят а) лексика и грамматика-в этой части 35 незаконнченных предложений. Под каждым предложением предлагаются 4 варианта ответа, обозначенных буквами A,B,C,D. Выбирите вариант, наиболее подходящий. Здесь 35 баллов; б) чтение и понимание - в этой части всего 5 текстов 25 вопросов и 50 баллов; в) заполнение пропусков - в этой части есть только одна статья, в которой 15 пропусков за 15 баллов. Как обычно экзамен проводится утром с 09:00-11:00. За 2 часа учащиеся должны выпонить все задания.

В части перевода-тип экзамена: перевести 2 статьи с русского на китайский, в тексте всего 800 слов, за 100 минут (60 баллов). И перевод 2 текста с китайского на русский за 80 минут (40 баллов). Правила выбранной темы: сфера выбранной темы очень обширная, в том числе содержатся политические, дипломатические, экономические, культурные, образовательные, экологические сферы и.т.д. Как обычно экзамен будет проводить после обеда в 13:00-16:00.

Процесс обучения китайскому языку должен быть тесно связан с практикой и выбором профессии учащихся. Другими словами, здесь речь идет о моделировании учебной деятельности у иностранных (русских) учащихся, лексико-грамматические навыки и умения позволят им осуществлять коммуникацию по оптимальным параметрам. А также способы, которые помогут избегать типичные лексические и грамматические ошибки с самого начального этапа.

Для необходимости следует, перечислить какие типичные ошибки возникают в процессе обучения.

1. Произношение:

1.1)

Иероглиф	Правильное произношение	ошибочное
进	jin	ji
要	yao	ao
深	shen	sheng
气	qi	ji
开	kai	kwai
竟	jing	jin
也	ye	yin
有	you	yong
日	ri	re

Таблица 1

1.2) Учашиеся не могут различить второй тон от четверного тона

Приведем примеры: 是 shì - 十 shí

Причина образования - это то, что в русском языке есть совсем другая система тональности. Тон может взаимодействовать с другими гортанными, или ларингальными, признаками (англ. *laryngealfeatures*), то есть свойствами речевого сигнала, определяемыми особенностями движения гортани. Это в первую очередь фонацияи голос.

Тон тесно связан с системами музыкального ударения. Фонетические механизмы музыкального ударения весьма похожи на тоновые и часто (но не всегда) связаны с теми же акустическими противопоставлениями (частота основного тона и её изменение, фонация).

На классическом китайском языке *вэньянь*: 施氏食狮史, читается как Shī shì shí shī shǐ 'История про то, как человек по фамилии Ши поедал львов'. (Стихотворение написано в шутку. Многие односложные слова *вэньяня* и древнекитайского языка, в том числе содержащиеся в данном заголовке, в современном китайском языке употребляются только в составе двусложных и многосложных слов. Следует также учесть, что в древнекитайском, приведенные слоги читались по-другому и не обязательно были омофонами).

3.Орфография

А) Студенты часто не могут отличить многозначное слово от иероглифов с несколькими вариантами произношения. Например: 公—共

В этой статье обощили 50 многозначных слов и иероглифов с несколькими вариантами произношения, которые студенты чато путаю:

1.单：单(shàn，姓)老师说，单(chán 匈奴族首领)于只会骑马，不会骑单(dān)车。

2. 折：这两批货物都打折(zhé)出售，严重折(shé)本，他再也经不起这样折(zhē)腾了。3. 喝：武松大喝(hè)一声：“快拿酒来!我要喝(hē)十二碗。”博得众食客一阵喝(hè)彩。4. 着：你这着(zhāo 名词)真绝，让他干着(zháo 动词)急，又无法着(zhuó)手应付，心里老是悬着(zhe)。

5. 蕃：吐蕃(bō 藏族的前身)族在青藏高原生活、蕃(fán 茂盛、繁多)衍了几千年。

6. 量：有闲心思量(liáng)她，没度量(liàng)宽容她。野外测量(liáng)要量(liàng)力而行。

7. 沓：他把纷至沓(tà)来的想法及时写在一沓(dá)纸上，从不见他有疲沓(ta)之色。

8. 烊：商店晚上也要开门，打烊(yàng 晚上关门)过早不好，糖烊(yáng 溶化)了都卖不动了。

9. 载：据史书记载(zǎi)，王昭君多才多艺，每逢三年五载(zǎi)汉匈首脑聚会，她都要载(zài)歌载(zài)舞。

10. 曝：陈涛参加体育锻炼缺乏毅力、一曝(pù)十寒的事情在校会上被曝(bào)光，他感到十分羞愧。

11. 宁：尽管他生活一直没宁(níng)静过，但他宁(nìng)死不屈，也不息事宁(níng)人。12. 和：天气暖和(huo)，小和(hé)在家和(huó 动词)泥抹墙;他讲原则性，是非面前从不和(huò)稀泥，也不随声附和(hè 动词)别人，更不会在麻将桌上高喊：“我和(hú)了。

13. 省：湖北副省(shěng)长李大强如能早些省(xǐng)悟，就不致于丢官弃职、气得不省(xǐng)人事了。

14. 拗：这首诗写得太拗(ào)口了，但他执拗(niù)不改，气得我把笔杆都拗(ǎo)断了。15. 臭：臭气熏天的臭(chòu)是指气味难闻，无声无臭的臭(xiù)是泛指一般气味。

16. 度：度(dù 姓)老师宽宏大度(dù 名词)，一向度(duó 动词)德量力，从不以己度(duó 动词)人

17. 哄：他那像哄(hǒng)小孩似的话，引得人们哄(hāng)堂大笑，大家听了一哄(hòng)而散。

18. 丧：他穿着丧(sāng)服，为丧(sāng)葬费发愁，神情沮丧(sàng)、垂头丧(sàng)气。19. 差：他每次出差(chāi)差(chà)不多都要出点差(chā)错。

20.扎：鱼拼命挣扎(zhá)，鱼刺扎(zhā)破了手，他随意包扎(zā)一下。

21. 埋：他自己懒散，却总是埋(mán)怨别人埋(mái)头工作。

22. 盛：盛(shèng)老师盛(shèng)情邀我去她家做客，并帮我盛(chéng)饭。

23. 伧：这个人衣着寒伧(chen)，语言伧(cāng)俗。

24. 创：勇于创(chuàng)造的人难免会遭受创(chuāng)伤。

25. 伯：我是她的大伯(bó)，不是她的大伯(bǎi)子。

26. 疟：发疟(yāo)子就是患了疟(nüe)疾。

27. 看：看(kān)守大门的保安也很喜欢看(kàn)小说。

28. 行：银行(háng)发行(xíng)股票，报纸刊登行(háng) 情。

29. 艾：他在耆艾(ài)之年得了艾(ài)滋病，整天自怨自艾(yì)。

30. 把：你把(bǎ)水缸把(bà)摔坏了，以后使用没把(bǎ)柄了。

31. 传:《鸿门宴》是汉代传(zhuàn)记而不是唐代传(chuán)奇。

32. 荷：荷(hé)花旁边站着一位荷(hè)枪实弹的战士。

33. 涨：我说她涨(zhǎng)了工资，她就涨(zhàng)红着脸摇头否认。

34. 奇：数学中奇(jī)数是最奇(qí)妙的。

35. 炮：能用打红的炮(pào)筒炮(bāo)羊肉和炮(páo)制药材吗？

36. 给：请把这封信交给(gěi 团长，告诉他，前线的供给(jǐ)一定要有保障。

37. 冠：他得了冠(guàn)军后就有点冠(guān)冕堂皇了。

38. 干：穿着干(gān)净的衣服干(gàn)脏活，真有点不协调。

39. 巷：矿下的巷(hàng)道与北京四合院的小巷(xiàng)有点相似。

40. 薄：薄(bò)荷油味不薄(báo)，很受欢迎，但要薄(bó)利多销
41. 拓：拓片、拓本的“拓”读 tà ，开拓、拓荒的“拓”读 tuò 。
42. 恶：这条恶(è)狗真可恶(wù)，满身臭味，让人闻了就恶(ě)心。
43. 便：局长大腹便便(piōn)，行动不便(biàn)。
44. 宿：小明在宿(sù)舍说了一宿(xiǔ)有关星宿(xiù)的常识。
45. 号：受了批评，那几名小号(hà)手都号(háo)啕大哭起来。
46. 藏：西藏(zàng)的布达拉宫是收藏(cáng)大藏(zàng)经的宝藏(zàng)。
47. 轧：轧(zhá)钢车间的工人很团结，没有相互倾轧(yà)
48. 卡：这辆藏匿毒品的卡(kǎ)车在过关卡(qiǎ)时被截住了。
49. 调：出现矛盾要先调(diào)查，然后调(tiáo)解。
50. 模：这两件瓷器模(mǔ)样很相似，像是由一个模(mó)型做出来的。

Если студенты знают эти слова наизусть, то им не составит труда написать экзамен на высокий балл.

Б) Можно решить этот вопрос с другой стороны, в этой работе прилагается такая модель, как “ПФП” （ происхождение+переносное значение+культурный фон +практика/перевод). Это значит с самого начало, когда в процессе обучения преподавателям необходимо обьяснять учащимся все значении иероглифов, но это трудно для студентам и преподавателям, которым не носительного языка. И поэтом в этой работе попытам с помошью китайского сказа,поэзии и последовательного процесса начертании иероглифов имровизировать сказку.

Приведем пример:

(последовательного процесса начертании иероглифов)

С помошью этого способ основный процесс это во-первых анаоизировать образ иероглифов во-вторых обьяснить основное значение; в-трктьех расширять переносное значение; в-чевертых с помошью древние разказы, поэзии и.т.д показать культурный фон иероглифов. Здесь мы взяли иероглиф “口”.

	Это коробчатный образ как губы Человека когда люди улыбаются
	Это одна вертикаль как зубы человека
	И поэтом иероглиф “口”в форме надписи на костях и брозе значит когда люди смеяются, они обнажают зубы

Таблица2

Иероглиф «рот» внешне похож на рот, которым человек может и говорить, и кушать.

口- пиктограмма, основное значение которого было «рот человека». В произведении Бай Джуйи «Старик продаёт уголь» есть выражение «продавать уголь и зарабатывать деньги на одежду, которую ношу, на еду, которую ем». В том числе 口 указывает на рот. В гадальных надписях и в надписях на бронзе 口 похож на человека, который улыбается. Люди спрашивают: поскольку рот может открываться и закрываться, почему древние люди нарисовали рот только открытым? Не проще ли закрыть рот? На самом деле, это функция рта.

Мы все знаем, что рот для того, что бы говорить и есть, а когда говоришь и ешь, рот открыт, поэтому его так изображали.

Иероглиф «口» имеет много разных значений. Во-первых, этот иероглиф используют, говоря об органе, которым мы едим. К тому же у одного человека - один рот, таким образом смысл иероглифа расширяется, иероглиф «口» выступает в роли синонима иероглифа «人».

Например, в философском трактате «Гуань-Цзы» морской царь говорил: 10 ртов - 10 человек едят соль. Другой пример: выражения «три рта в семье» и «содержать и прокармливать семью» имеют это же значение. В то же время, иероглиф «口» используется в качестве счетного слова для людей. Например, «несколько людей» - 几个人, так же можем использовать - 几口人。

Кроме этого, изначально у иероглифа 口 было очень много других значений, таких как "отверстие" и "емкость внутренняя и наружная", в таких фразах, как "колодезное отверстие" и "горлышко бутылки".

Так же, в общем значении можно употреблять, говоря о разных местах, куда человек может выйти или пройти например, дверь, окно, перекрёсток. Так же, этот иероглиф используют говорят об отверстии, образовавшемся на коже, например, рана или порез.

Иероглиф « 口 » может использоваться как иероглифический ключ, он является составной частью другого иероглифа, например: 吃(кушать), 中 (середина), 叫(называть), 词 (слово).

Заключение

В этом году первый раз квалификационный экзамен CATTI для переводчиков(ChinaAccreditationTestforTranslatorsandInterpreters) проводит в России. Это событие дало нам открывение, нам как преподаватели обучение китайскому языку должны обдумать будущее направление учебного процесса.

В результате CATTI касается от очень обширных знаний , учащихся все знания запоминают это не реально. И поэтом автор предлогает модель ПФП. Здесь абсолютно есть необходимости в процессе обучения сразу дать учащимся основное значение и переносное значение и показать им культурный фон, чтобы тернировать их чуство языка. Такая модель тоже помогает избегать типичные ошибки.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и нрактика преподавания языков). СПб: Златоуст, 1999. - 472 с.

2. Архипова Е.В. Основы методики развития речи учащихся. М., 2004. - 192 с.

2. Башатов Н.А., Исакова Р.К., Гуральская И.М. К вопросу о создании электронных дидактических материалов для обучения языкам // Русский язык за рубежом. 2002 No 3. – с. 69-71.

3. Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1965. - 227 с.

4. Сюй Шэнь.Обьяснение и происхождение слова, Пекин., 2017. - 208с.

5. http://www.catti.net.cn (Официальный сайт CATTI)

***

Чжан Жуй,
Москва, Россия

中俄高等教育交流合作的状况与发展

教育是国家发展进步的重要推动力，也是促进各国人民交流合作的重要纽带。近年来，中俄教育合作深入发展，两国高等院校交流更加密切，为增进两国和两国人民相互了解和友谊、推动中俄全面战略协作伙伴关系高水平发展发挥了积极作用。

一、 中俄高教交流的主要形式与状况

1. 互派留学生

70 年前，两国建立外交关系后俄罗斯副总理、俄中人文合作委员会俄方主席戈利科娃 2018 年 10 月底在俄中人文合作委员会第十九次会议期间表示，近几年，俄罗斯和中国在教育领域合作成果丰硕。双方留学生总人数规模逐年增加，已经接**近 8.5** 万人（中国在俄罗斯留学的学生 5 万多人，俄罗斯在中国留学的学生 3 万多人，含访问学者和短期交换生）。双方相信到 2020 年这一数字可以达到两国政府 2014 年提出的 10 万人的目标。

2. 高等教育展

两国每年定期轮流举办，从 2000 年开始，已经举办了 19 次。

3. 大学校长论坛

不定期举行，有**国家层面**的（重点大学校长论坛）和**区域性**的（俄远东和西伯利亚大学与中国东北地区校长论坛）

4. 大学生艺术节

每年轮流举办，邀请对方国家 1000 名大学生参加联欢活动。

二、 中俄高教合作的主要形式与状况

近年来两国高等教育合作经历了**项目合作—成立合作机构---合作办学**的发展过程，迈入新的发展时期，教育合作的广度和深度不断拓宽，合作方式不断创新。截至 2018 年共签署合作协议**近 1000** 份，正在运行的中俄合作办学机构和项目已有 **100 多个**，两国高校间的合作越来越密切，层次越来越高。

俄罗斯 “5-100 计划”发展规划高校和中国“双一流”高校

（一）主要合作形式

1. 项目合作

（1） 人才培养

2+2、3+1、4+1、1+1 等双学位项目，本科、硕士、副博士、远程教育

（2） 科研项目、联合发表论文

俄罗斯联邦教育与科学部副部长柳德米拉·奥戈罗多娃（2017 年底）：

⊙双方在科研项目、联合发表论文方面的合作主要是在理工类学科

⊙最近三年来，俄罗斯和中国科学家国际水平（进入 Scopus）的联合论文数量超过 5500 篇，大部分论文属于自然科学领域（90%以上）

2. 成立合作机构

● 联合研究生院：

⊙2002 年，北京大学和莫斯科大学共同组建了联合研究生院，是中俄第一个研究生教育国际合作机构；⊙2004 年黑龙江农业大学与俄远东大学建立了联合研究生院

● 联合学院、研究中心、实验室：

⊙彼得大帝理工大学与中国江苏师范大学：联合工程学院、新能源技术与材料科研中心；与哈尔滨工业大学设立了“功能性材料”实验室⊙俄新西伯利亚国立大学与中国黑龙江大学联合创立中俄学院；⊙俄罗斯远东联邦大学与哈尔滨理工大学设立了俄中北极工程与科研中心；⊙萨马拉大学分别同西安理工大学与北京空间科技信息研究所设立了两所航空研究

方面的国际实验室

3. 合作办学

● **深圳北理莫斯科大学**

2014 年 7 月在两国元首见证下签署协议，2017 年 9 月正式招生。这标志着俄中双方在教育领域的合作达到了前所未有的新高度。

● **上海合作组织大学**（非实体的、国际组织的）

上合大学成立于 2007 年，是由普京总统倡议建立的，由

上合组织 6 个成员国的 80 多所高校共同组成。

（二）两国高教合作层次

政府间的：

● **互设俄语、汉语中心（孔子学院），合作进行语言和文化推广。**

目前俄罗斯在中国设立了

35个语言文化中心,中国在俄罗斯开设了23所孔子学院/孔子课堂，自2007年以来累计学员数约**15万**人，参加文化活动人数约**17万**人，提供奖学金名额近**3000个**

⊙俄罗斯国立人文大学孔子学院

2006 年 12 月批准成立，2007 年 9 月招生，2013 年获评

先进孔院；11 年来共有学员 8173 人（成人、中学生），144 人获奖学金去中国留学，网站年访问量超 60 万次。

● **建立中俄大学联盟（学术研究合作与交流平台）**

按学科和专业建立的大学联盟目前有 8 个：综合性大学、经济、新闻、教育、工科、艺术、文化、交通。

区域性的：

⊙“伏尔加河-长江”互动式中俄大学联盟的工作正在进行。2017 年 10 月，俄 36 所、中 29 所，共 65 所高校，第一个区域性联盟

⊙俄远东及西伯利亚与中国东三省大学联盟

高校间的：最普遍、最广泛的

三、 存在的问题

● **从总体来看：**

1. 发展不均衡。从区域来看，远东、西伯利亚和东北发展较好，俄高校和中国南方高校的合作还有很大的空间；**从层次上来看，**普通大学比重点大学合作的愿望更强烈，项目更多更实；**从学科来看，**理工科的合作发展较好，人文科学、社会科学、农业领域的合作有待加强和提高，尤其是在研究及发表论文方面。

2．语言的障碍。据俄媒体报道，最近十年，学习汉语的俄罗斯人数量增长两倍。1997 年学习汉语的俄罗斯人约为 5000 人，2007 年人数为 1.7 万人，2017 年学习汉语的人数已经达到 5.6 万人。其中 39%汉语学习者在大学学习;31%学生在中小学学习;25%的人在语言学习班学习;5%的人在中国孔子学院学习。2019 年将汉语纳入国家高考统一考试科目。

据估算，中国目前约有 10 万人学习俄语，138 所大学开设俄语专业，但优秀的俄语人才只有 1 万人左右。

● **从高校来看：**

1. 双方大学间的交流还不够多，尤其是校长的出访较少，相互了解还不够全面和深入，影响了合作的开展和发展。

2. 两国重点大学固有理念，“看西方”，创新性思维不够。

3. 缺少信息和联系渠道。

四、 发展前景

● **需求：**现在是两国关系最好的时期，在各个领域的合作全面展开，需要大批俄语+汉语+专业的复合型人才。

- **可能**：中俄高等教育领域的交流与合作，尤其是两国高校间的合作，还存在很大的发展空间。

  例如：对外经济贸易大学
- 中国国家教育部直属、商务部共建的全国重点大学
- 中国极少数同时获得 AACSB、EQUIS、CAMEA 以及 AMBA 认证、以及中俄国际职业资格认证的大学
- 中国国际化程度最高的大学之一，留学生数量在全国高校排第二名
- 毕业生就业全国排名第二、起薪排名第五、薪资增幅第一
- 中国高校综合满意度排名并列第一 （与北大、清华）
- 中国财经类大学排名第一、综合排名全国第二十八名
- 中俄经济类大学联盟牵头大学

2018 年，UIBE 有来自 160 多个国家的留学生 3400 多人，本硕博学历生 2600 多人，其中俄罗斯留学生有 164 人，不到 5%，虽然排名第二，但学历生还不如第三名的哈萨克斯坦多，与排名第一的是韩国（782 人，占 23%）差距非常大。因此有很大的发展和增长的空间。

结语：教育领域，尤其是高等教育的交流与合作开始得最早，发展得最好，所以，作为其他领域合作发展得基础，两国高等教育领域的交流与合作的深度和广度还会不断扩大，继续蓬勃发展。

***

Чжао Линьцзян,
Тяньцзинь, КНР

天津外国语大学网上中华文化体验室的建设设想*

基金项目：天津外国语大学 2018 年度本科教学质量与教学改革研究计划项目
“互联网+背景下高校中华文化体验室的建设与思考——以天津外国语大学为例”
（项目编号：TJWD18D07）*

天津外国语大学中华文化体验室通过营造真实的文化环境，利用现代科学技术，让留学生在亲身体验中学习汉语、感受文化，起到了宣传中国文化的目的。中华文化体验室既是天外留学生体验中国文化的主阵地，也是天外向海外宾朋展示和交流中华文化的重要窗口。在现今情况下，“互联网+”突破了各行各业原有的形态和结构，使各种业态在互联中创新和发展，本文把高校中华文化体验室的建设置于此背景下展开研究，以加深多媒体技术在中华文化传承中的应用。我们在深入挖掘优秀传统文化中易于网上体验的特色内容上下功夫，致力于线上线下内容的深度融合，开辟体验中华传统文化的新途径，探索中华文化在高校传播的平台建设，打造中华传统文化体验推广的新模式。

一、研究现状分析

国内研究中华文化体验室建设的文献相对比较丰富。宁继鸣（2014）对山东大学中华传统文化研究与体验基地的设计及运行理念进行了详细分析和深入论述，对高校文化体验室的建设具有启发意义。张婷[2]（2017）、张光义[3]（2017）等特别强调中华优秀传统文化体验教育应该致力于功能教室（体验场馆）建设，但并没有对如何建设体验室进行详尽的论述，也没有提到如何在互联网背景下建设中华文化体验室。目前关于中华文化体验室建设的研究已经取得了一些成果，但这些文献大多着重于实体体验室的构建，没有注意到在信息技术发达的今天建设网络文化体验室的重要性。尽管如此，前人的研究成果对我们在“互联网+”

背景下建设中华文化体验室仍然具有指导意义。

二、研究思路

在参阅大量关于“互联网+”对各类实体文化场馆建设影响的文献基础上，结合高校文化体验室建设人文环境方面的特性，我们依据科学性和可行性相结合、全面性和简易性相结合的原则，在征询教育专家、教学一线教师及本校留学生的基础上，筛选出易于网上体验的文化项目，以“互联网+”的思维模式设计建设具有实用性的网上体验室；然后在理论的指导下进行校内中外学生体验评测，依据收集到的反馈信息进行科学合理的修正；最后进行正式的实证应用研究。本研究成果一方面可以直接用于天外中华文化体验室的升级改造，使体验室能够做到线上与线下互动，更好地服务中外师生，使之成为“天津市来华留学生中华文化体验基地”，发挥体验室更好的效能。另一方面，研究成果也可以推广到建有中华文化体验室的兄弟院校，使中华文化体验在“互联网+”的背景下走出一条新路。

三、天津外国语大学中华文化体验室（实体）简介

天津外国语大学中华文化体验室在“十二五”期间开始动工建设，2015 年 7 月开始投入使用，位于逸夫教学楼 7 层西配楼内，建筑面积约 400 平米，由外体验室和内体验室两部分组成。

外体验室设有中华传统文化展示墙和中国元素展示柜。在展示墙上，通过实物、图片和文字，依次介绍了文房四宝、景德镇陶瓷、丝绸、中华棋艺、古琴、国粹京剧、中国历代风俗、风筝、剪纸、皮影戏、门神等极具代表性的中华元素；沿着文化墙展示于地面上的是中国十大传世名画之中的“清明上河图”，该画卷采用散点透视构图法，生动记录了中国十二世纪北宋汴京的城市面貌和当时社会各阶层人民的生活状况，是汴京当年繁荣的见证，也是北宋城市经济情况的真实写照；在中华元素展示柜上，摆放有青花瓷瓶、漆器瓷盘、如意摆件、唐三彩、龙舟和郑和下西洋轮船模型等能够体现传统中国元素符号的实物。外体验室还设有茶艺体验区，中外学生在这里进行茶艺表演、茶艺知识讲解以及现场饮茶体验，让来客深刻体验中华茶文化。

内体验室前部设有一小型舞台，用于中华传统服饰展示、戏曲话剧表演、专题知识讲座等；中部的国学讲堂放置有仿古书桌，用以模拟古代私塾，让来访者体验中国古代的传统教育，在日常情况下，此讲堂也是天外留学生的上课教室，国际交流学院的文化选修课，如书法篆刻、音乐戏剧等课程均在此进行，国学讲堂顶棚悬挂有雍容华贵的宫灯，侧顶棚镶嵌有《弟子规》的部分内容，用以教导学生追随圣贤的教诲来做人做事；尾部有两个书架，用以展示承载着中华悠久历史、传统文化的《四书五经》、《二十四史》等古籍。内体验室两侧设有 6 个展柜，展示的物品分别为：滕王阁建筑模型、地动仪模型、景德镇太极八卦摆件、活字印刷、蜀绣刺品以及玉白菜。内体验室还设有六个体验区：书画体验区、乐器体验区、古代兵器体验区、棋艺体验区、手工艺体验区以及服饰体验区。在各体验区有多种精心遴选的实物展品，来访者可以通过各种方式与他们亲密接触：持毛笔写中国字画中国画、持古代兵器穿越到唐朝、穿民族服饰并留影、编中国结剪吉祥纸等。

总之，天外文化体验室始终以“体验中华文化，感受华夏文明”这一理念来规划与建设，室内的每一处设计、每一件摆件，都可以发现他们背后所根植的文化基因，如果你步入其中，中国历史文化的特质将变得触手可及。

四、“互联网+”背景下天外中华文化体验室的建设

（一）“互联网+”背景下中华文化体验室中华元素的提取

中华民族历史源远流长，传统文化博大精深，因此，如何确立代表中华传统因素、符合时代特征、易于网上体验的内容是建设网上体验室的关键步骤之一。通过检阅相关文献，结合实体体验室的设计理念，在调研天外留学生的基础上，我们摘取了如下几种元素作为建设网上体验室的内容，它们是：中华河山、中国影视、中国节日、中国文学、中国建筑、中国瓷器、中国茶艺、中国书画、中国手工、中国武术、中国戏曲、天津民俗。这几种元素内涵丰富、覆盖古今、展示全面，能让国外友人准确全面地了解一个古老而现代的中国，如果

运用合理，辅以系列性活动的开展，能够做到网上体验与实体体验的有机结合，这是在“互联网+”的背景下对传统文化体验室的升级改造，便于天津外国语大以此为基地，向来访的客人讲好中国故事，传播好中国声音。

中国的山河壮丽，气象万千，有许多引人入胜的自然景观，有些巍峨壮观、景色迷人；有些旖旎秀丽、千姿百态；还有些与宗教、文化融为一体，让人沉醉其中。中华河山美景无数，我们展示的内容主要以三山五岳和两条母亲河为主体，展示形式包括美图欣赏、视频介绍以及网上专题讲座等，让学生从表层到深层，对中国的大好河山有一个全新的、整体的认识。从古至今，山川河流孕育了多姿多彩的华夏文明，留下了深邃的思想和智慧；历朝历代都以河山做依托成就其伟业，而文人骚客们更不会缺席名山大川，留下了其诗词歌赋。外国留学生对这些知识的了解与体验，可以加深对中华文化的认识，激发亲身游历其中，探索中华文明的激情。

建筑是一个国家、一个地区历史发展的象征和社会环境的缩影，中国建筑植根于深厚的传统文化，表现出鲜明的人文主义精神，是中华文化百花园中一朵绚丽的奇葩，长城、园林、宫殿、桥梁、庙宇等等无不令世界叹为观止。从这些神奇的建筑中，留学生可以读出中国的历史、了解中国的地理、体会中国的思维、品味中国的文化。中国古代建筑在世界上的地位人尽皆知，但中国的现代建筑，也是网上体验室不可缺少的重要元素。上海世博馆、鸟巢水立方以及港珠澳大桥等建筑所体现出来的中国智慧，也在网上体验室的涵盖范围之内。

文学艺术以艺术化的话语方式，叙述让人类产生共鸣的情感故事，无形中拉近不同文化、不同语言、不同信仰、不同肤色的人们之间的距离。中国文学的传播对于中国形象的塑造起着举足轻重的作用，留学生通过阅读文学作品可以形成对于中国的初步而丰富的印象。我们这里所说的中国文学包括中国古代文学和现当代文学。古代文学中的诗经、楚辞、汉赋、唐诗、宋词、元曲、明清小说等，是华夏民族对人类社会所贡献出的精神财富，其中的经典作品蕴含着中国人的思维观念，反映着中国人的生活哲学，是外国人全面而深入理解中国的一种重要渠道。现当代文学因其具有动态建构和传递中国现代形象的功能，有利于培养外国人对中华文明的认同感，因而在高校中华文化体验室的建设中也不可或缺。讲好中国故事，传播好中国声音，塑造好国家形象，是中国文学对外传播的使命，也是我们建设中华文化体验室的总原则。

中国节日融汇集聚着民族传统中的众多特质，与中华民族源远流长的历史文化一脉相承，具有极强的凝聚力和极广的包容性，是中华民族珍贵的文化遗产。依据蔡燕[4]的调查分析，来华留学生对中华传统节日认知率较高的顺序是：春节、中秋节、端午节、元宵节、清明节和七夕节。我们网上展示的主要是在国内外影响范围比较广、庆祝形式比较多的传统节日，这些节日活动形式以及与之相关的诗歌音乐作品等都可以成为网上体验展示的内容。中国的节日文化是各国留学生所渴望了解与体验的内容，有了丰富的网上资源作为参考，可以让他们对中国节日文化有更加深刻的了解。

影视作品是加强中外人民相互了解、增进彼此友谊的重要渠道，在夯实民意方面的作用越来越凸显，目前中国影视作品已经成为中国文化海外传播的一大亮点。“中国影视作品是中国故事生动、鲜明的言说，中华民族的精神信念与文化，国人具体的言语行为、非言语行为、价值取向，以及与中国人如何进行跨文化交际，都可以让学习者通过具有视听媒介的影像来感受。[5] ”中国影视的内容多种多样，涵盖生活的方方面面，涉及中华文化的各种元素与类型，这要求我们在影视内容与类型的选择上既要突出中华文化的核心内容，又要展现中国当代元素、反映当代大众生活，既要有故事片，又要有纪录片、写实片等。

中国武术是中华传统文化的精髓，从造字法上来分析，“武”，止戈为武，所以“武术”即是制止战争、维护和平的技术。中华武术有着悠久的历史，具有广泛的群众基础，是中国人民在长期的社会实践中不断积累和创造出来的一项实用性比较强的文化遗产。中华武术门派林立、种类繁多，网上展示的内容不可能面面俱到，我们着重展示中华武术形成的历史、武术门派、典型拳种等，其中以展示少林拳和太极拳为主。天下功夫出少林，少林武术

作为一个影响范围甚广的武术门派，以其刚健有力、朴实无华而享誉海内外。太极拳是近代形成的拳种，是中国武术拳种中最具生命力的一支，主要有陈式、杨式、武式、吴式、孙式、和式等，群众基础非常广泛，现今在中国每个城市的任何一个街心公园，我们几乎都可以看到练习太极的城市市民。网上体验开设有杨氏和陈氏太极微课，每周更新，留学生可以据此自我研习。

中国戏曲极具中国特色、具有多方面的审美价值，主要戏种有京剧、越剧、黄梅戏、评剧、豫剧等，这五大剧种是我们网上展示的主要内容，除了文字介绍，每个剧种都配有典型剧目赏析、名家唱段欣赏等。在中国文化走出去的过程中，京剧已捷足先登，成为介绍、传播中国传统艺术的重要媒介之一，京剧板块是我们网上体验室建设的重中之重。这一内容我们主要委托学生社团“天外京剧社”负责维护运行，除了更新社团活动信息、网上微课之外，还经常组织线下联谊活动，京剧社现已吸引多名外国留学生加入，成为天外促进中外交流的一张靓丽名片。

中国书法和绘画同源，具有很高的艺术欣赏价值，在世界艺术史上占具极高的地位。中国书法的理想境界是和谐，这种和谐是通过参差布局、轻重缓急、左避右让、浓淡相间等手段表达出来的，笔画间的映带之势、顾盼之姿、刚柔相济毫无疑问受到中国传统文化的影响。水墨画是中国传统绘画的代表，它以清水和黑墨为基本作画原料，通过黑与白的变化，让人产生联想，追求一种似与不似的感觉，与西洋的写实画形成了一种鲜明的对比，更具中国特色，深受学生的喜欢。书法和绘画资料丰富，是汉语学习者借助现代多媒体技术最易网上体验的项目。我们可以让学生拿起网上毛笔，在电脑上书写作品或创作中国画，并找专业人员进行网上点评。

网上展示的中国手工主要是中国结、剪纸和风筝。中国结是中华民族特有的民间手工艺术，以其丰富多变的样式、独具特色的中华神韵，体现出了深厚的文化底蕴。在中华文化的对外交流过程中，作为传统文化代表之一的中国结，受到世界各国友人的喜爱。中国结代表着团结幸福平安，体现了中国人的文化信仰及追求真、善、美的良好愿望。剪纸在中国具有广泛的群众基础，已经融入各族人民的日常生活之中，是民俗活动的重要组成部分。民间剪纸常常把多种物象叠加组合产生出理想中的美好结果，如三阳开泰、喜鹊登梅、鱼跃龙门等。风筝也是独具中国特色的手工艺品，从古至今一直是人们审美和娱乐的重要工具。网上展示的手工内容除了基本知识介绍之外，还开设有相关的教学微课，方便留学生课下自学，真正体现网上体验的优势。

中国茶艺在唐代就开始萌芽，在清代极盛一时，一直绵延到今天，可以说起源久远，文化底蕴深厚，成为当今中国人人喜爱的一种集审美、保健、交友与娱乐的休闲活动形式。茶艺是华夏民族在品茗活动中逐渐形成的一种深具艺术气息的文化现象，体现出形式和精神上的相互统一。茶艺包括选茶、斟水、烹茶等一系列内容。网上体验内容分为茶的历史、茶的种类、茶文化、茶与其他艺术、茶艺流程体验等，让学生在虚拟的环境中也能品味到一缕茶香。

中国瓷器在对外交流中历来都扮演者十分重要的角色，在英文中“瓷器（china）”与中国（China）同为一词，足以说明其完全可以作为中国的代表。四百多年前，通过丝绸之路，瓷器成为联系中国和世界的纽带。现在普通中国老百姓的日常生活离不了瓷器，外国留学生在中国生活，也总有瓷器的陪伴，因此，网上体验开办这一板块内容显得尤为必要，在网上我们以视频和动画的形式让学生认识瓷器的制作流程，提高学生对中国瓷器的认识。网上展示将按照历史年代对中国瓷器作不同的介绍，按照产地对瓷器进行细致的分析，按照瓷器的种类进行深层文化阐释等。现在的“一带一路”已经全新启航，不断创新的中国瓷器将延续不断地把华夏之美远播世界。

天津民俗是我们网上体验室的特色内容，因为留学生在天津学习生活，所以接触最多的就是本地的风景名胜、文化地理及普通市民的生活，因此我们认为建设这一栏目非常实用、也非常必要。黄崖关长城、北少林寺享誉海内外，杨柳青木板年画、霍元甲武术园也令留学

生眼界大开，特色小吃狗不理包子、耳朵眼炸糕、十八街麻花、煎饼果子等也让外国学子赞不绝口，还有风筝魏、泥人张、妈祖庙等极具地域特色的内容成为留学生融入天津生活、开启中国印象的初始之门。在留学生入校教育仪式上，我们会向留学生重点推介此栏目的信息，寄希望于通过此栏目，留学生能够尽快认识天津，顺利开启新生活。

（二）“互联网+”背景下中华文化网上体验层级体系的设计

以上筛选出的中华传统元素具有时代特征，易于网上体验，为了清楚地展示体验内容，在设计网页前，需要规划具有实用性的层级体系。天津外国语大学“互联网+”背景下中华文化网上体验层级体系如表 1 所示。

表 1 天津外国语大学“互联网+”背景下中华文化网上体验层级体系

一级标题	中华河山	中国建筑	中国文学	中国节日	中国影视	中国武术
二级标题	中国名山	万里长城	唐	春节	历史影视	武术流派
	大江大河	古代园林	宋	元宵节	现代影视	少林功夫
		中国桥梁	元	清明节	纪录片	太极拳
		中国庙宇	明	端午节		
		四合院	清	七夕节		
		现代建筑	近代	中秋节		
			现代	重阳节		

表 1（续） 天津外国语大学“互联网+”背景下中华文化网上体验层级体系

一级标题	中国戏曲	中国书画	中国手工	中国茶艺	中国瓷器	天津民俗
二级标题	梨园简介	中国书法	中国结	茶的历史	历代名瓷	天津山河
	京剧	中国绘画	剪纸	茶的种类	瓷器种类	天津建筑
	越剧		风筝	茶文化	瓷文化	天津武术
	黄梅戏			茶艺体验		天津饮食
	评剧					天津手工
	豫剧					市民生活

（三）中华文化体验室网上体验与线下体验的衔接与贯通

中华文化网上体验的内容我们在实体体验室都有相互对应的相关课程或活动，方便同学们线上线下结合，提高文化体验的效果，中华文化体验室网上体验与线下体验的衔接与贯通如表 2 所示。

表 2 中华文化体验室网上体验与线下体验的衔接与贯通

网上体验	中华河山	中国建筑	中国文学	中国节日	中国影视	中国武术
线下活动	“中国名山大川行”系列讲座及游学活动	“中华建筑欣赏”视频放映活动	学生文学社团“国风华艺社”系列活动	中国节日讲座及文化体验活动	每周一次的影视放映活动	中国功夫系列电影放映及太极课程

表 2（续） 中华文化体验室网上体验与线下体验的衔接与贯通

网上体验	中国戏曲	中国书画	中国手工	中国茶艺	中国瓷器	天津民俗
线下活动	天外京剧社系列活动	校书画社系列活动及文化选修课	手工制作讲座及文化选修课	茶艺体验活动	央视纪录片《瓷路》放映活动	选修课及实地探访活动

在“互联网+”背景下，高校中华文化体验室的建设必须加深多媒体技术在中华文化传承中的应用，考虑网上体验内容的设计与运行。网上体验室的设计符合现代学生的学习习惯，有利于线上线下的深度融合，扩展中华文化体验室的时间和空间维度，发挥其实用功能。本文筛选出 12 种传统元素，基本能够代表中华文化的精髓，在此基础上建构出来的中华文化网上体验层级体系，能够满足广大留学生对中华文化了解与学习要求，通过网上体验与实体体验有机的衔接与贯通，充分提高了体验室的使用效果，促进了中华文化的高效传播。天津外国语大学中华文化体验室基于互联网的设计对于兄弟高校探索中华文化传播平台的建设具有一定的参考价值。

参考文献

1. 宁继鸣. 基于体验的文化教学与传播——中华传统文化研究与体验基地建设分析[J]. 世界汉语教学学会通讯，2014（3）：29-31.

2. 张婷. 公共图书馆国学阅读推广的实践与思考——以南京图书馆国学馆建设为例[J]. 图书馆研究与工作，2017（12）：60-62.

3. 张广义. 中华优秀传统文化体验教育基本问题的思考[J]. 现代教育，2017（1）：7-9.

4. 蔡燕. 外国人中国传统节日认知与参与情况研究——以山东大学来华留学生为例[J]，民俗研究，2015（4）：148-159

5. 李炜. 孔子学院中国影视文化传播现状及对策[J]. —华中师范大学学报（人文社会科学版），2019（5）：76-84

***

Е.А. Эрдниева,
Элиста, Россия

КИТАЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КАЛМЫЦКОМ И МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

В истории развития калмыцкого и монгольского языков заимствования, как и в других языках, имеют важное значение. Заимствование в калмыцком и монгольском языках является одним из способов пополнения лексического состава языка, а также одним из способов номинации новых понятий и явлений. Китайские заимствованные слова являются одним из пластов лексического состава монгольских языков. Взаимодействие китайского и монгольского языков начинается примерно в XIII в. и происходило в форме активного заимствования китаизмов монгольским языком и их адаптацией на лексическом, фонологическом и грамматическом уровнях языковой системы. Как отмечает Ц.Д. Номинханов: «….китайские заимствования могли проникнуть в ойратский / калмыцкий/ язык через посредство других монгольских племен, живших южнее ойратов…» [7, с.31].

Основными условиями проникновения в монгольские языки иноязычных слов, в частности из китайского языка, являются торговля, переселение, путешествия, завоевывание, тесный территориальный контакт, культурная связь. Политические, экономические, культурные связи Монголии и Китая были установлены еще в глубокой древности. С одной стороны, Монголия - страна, богатая скотом и продуктами животноводства, вызывала интерес иностранных купцов. С другой - Китай - страна, производящая в изобилии зерно, муку, ткани и другие товары широкого потребления, была заинтересована в продаже их в другие страны, в закупке скота. По этой причине в истории обеих стран равноправная торговля между ними являлась жизненно важным вопросом, который всегда стоял остро.

Также следует отметить, еще одним важным условием, которое способствовало процессу заимствования помимо исторических связей, является степень владения билингвами обоими языками. Б.Я. Владимирцов отмечал, что «...на монгольском языке говорят довольно многочисленные представители иных языковых миров, для которых монгольский является языком подсобным. На первом месте следует упомянуть китайцев,

главным образом, уроженцев провинций Шаньси, Шэньси, Ганьсу, Чжили, Манджурии и Южной Монголии» [6, с.19].

«Так почти все южные монголы, а также баргу-буряты и дагуры находятся под воздействием китайского языка; многие представители этих племен, говорящие на соответствующих монгольских диалектах, не только хорошо владеют китайским, но часто являются двуязычными, одинаково владея своим монгольским говором и одним из китайских диалектов» [6, с.15].

Процесс заимствования китайских слов в монгольские языки происходил довольно интенсивно и долго. Что же касается калмыцкого языка, Э.Ч. Бардаев писал: «В основном же проникновение китаизмов в калмыцкий язык проходило в период Джунгарского ханства через монгольский разговорный язык и его письменные источники. Процесс заимствования прекратился со времени ухода ойрат-калмыков из Западной Монголии и вхождения калмыков в состав Российской империи (нач. XVII в.). Поэтому китаизмов в калмыцком языке несравненно меньше, чем, скажем, в собственном монгольском или бурятском языках» [2, с. 91].

В калмыцком языке китаизмов значительно меньше по количеству, чем в монгольском языке, но по тематике они самые разнообразные, здесь военные термины, названия титулов, наименования различных изделий, административных делений, а также встречаются военные и религиозные термины. В данной статье мы проведем классификацию китаизмов по тематическим признакам и представим их в сопоставлении с китайскими эквивалентами в виде иероглифов и транслитерации. Например:

1. Слова, относящиеся к сфере хозяйства и быта:

1. *калм.***бу** /*монг.***буу** «ружье» >*кит.*炮 **pào** «пушка, огнестрельное оружие»

2. *калм.* **банз** уст. 1) «банза, доска» 2) «орудие пытки и наказания» – *монг.***банз** 1) «доска» 2) уст. «бандза, орудие пытки и наказания» > *кит.* 板子 **bǎnzi** 1) «доска, доска для гравировки (печатания)» 2) «батоги для наказания преступников»

3. *калм.***биир** «кисточка (для живописи)» - *монг.* **бийр** 1) «кисть для письма или живописи» 2) «кисточка для нанесения краски или клея» >*кит.*笔 **bǐ** «кисть, перо, карандаш, ручка»

4. *калм. / монг.* – **һанз / гаанс** «курительная трубка» >*кит.*管子 **guǎnzi** « труба, трубка, трубочка»

5. *калм.* **даальң** «переметная сумка» - *монг.***даалин** 1) «большая переметная сума» 2) «дорожный мешок, чемодан» > *кит.*褡裢 **dàlian** «переметная сумка, перекидной кошель (на плечо), поясной кошель»

6. *калм.***хуувң** «кувшин» - *монг.***хуу** «кувшин с ручкой для чая»> *кит.*壶 **hú** «чайник, кувшин, фляга, сосуд»

7.*калм.* **дүүжң** 1) «люлька, колябель» 2) «качели» 3) «гиря у весов» - *монг.***дуужинг** 1) «качели» 2) «что-либо качающееся, висячее, подвешенное» > *кит.* 秋千 **qiūqiān**« качели

8.*калм.* **дең** «свеча» - *монг.***дэн** «светильник, каганец; лампа, горелка, фонарь» >*кит.* 灯 **deng** «лампа, фонарь, светильник, горелка»

9. *калм.***зуух** «яма (для разведения огня), глинобитный очаг» – *монг.***зуух** «печка, очаг, яма для разведения огня» >*кит.*灶火 **zàohuo** «кухонный очаг

10. *калм.***луузн** / *монг.***луужин** «компас» > *кит.*罗经 **luójīng** « компас»

11. *калм.***шазң** / *монг.***шаазан** «фарфор, фаянс, изделия из фарфора» >*кит.*Cházhóng «фарфор, изделия из фарфора»

12.*калм.* **ша** «уст. сетко, сито,» *монг.***шаа** 1) «вид редкой сетчатой ткани, флер, тюль» 2) «сетко, сито»> *кит.* 纱 **shā** 1) «нить, пряжа» 2) «тюль, вуаль, кисея, сетка, флер»

13. *калм.* **шуһу** «шкаф» >*кит.* 橱柜 **chúguì** «шкаф»

14. *монг.***хоовон** «жаровня»> *кит.*火盆 **huǒpén** «жаровня»

15. *монг.***саз** «тёрка» > *кит.*擦子 **cāzi** «терка»

2. Продукты питания:

1.*калм.* **манту** / *монг.***мантуу** «лепешка, испеченная на пару» >*кит.* 馒头 **mántou** «хлебец, приготовленный на пару, пампушка, маньтоу, паровые лепешки»

2. *калм.***лувң** «морковь» - *монг.***луувaн** «морковь» > *кит.*萝卜 **luóbo** «морковь»

3. *калм. / монг.* **тоор** «персик» >*кит.*桃 **táo** «персик»

4. *калм.* **цэ** «чай» / *монг.***цай** «чай» > *кит.*茶 **chá** «чай»

5. *калм./ монг.***цуу** « уксус» > *кит.*醋 **cù** «уксус»

6. *монг.* **байцаа** «капуста»> *кит.*白菜 **báicài** «капуста»

7. *монг.* **чэс** «баклажан» > *кит.*茄子 **qiézi** «баклажан»

8. *калм.***гүнз** «уст. рел. трапеза, угощение духовных лиц» - *монг.***жунз** «джунза» (рисовая каша с изюмом и бамбуковыми листьями) >*кит.* 粽子 **zòngzi** «цзунцзы - кушанье из клейкого риса с разнообразными начинками в бамбуковых или других листьях»

9. *калм.* **hy** «дыня» - *монг.***гуа** «тыква» >*кит.*瓜 **guā** «бахчевые культуры, дыня, тыква, арбуз»

3. Названия тканей и одежды:

1. *калм.* **ша**/ *монг.***шаа** 1) «вид редкой сетчатой ткани, флер, тюль» > *кит.* 纱 **shā** 1) «нить, пряжа» 2) «тюль, вуаль, кисея, сетка, флер»

2. *монг.***ваадан** 1) «тканина, оберточная материя, простыня, платок, полотнище, кусок материи для завертывания чего-либо для узла» 2) «пеленка, узел, узелок с вещами; сверток» 3) «скатерть, большая салфетка, покрывало» >*кит.* 包单 **bāodān**1) «обертка, простыня, платок для узла»

4. Постройки, сооружения:

1. *калм.* **тәәз** уст. «театральная сцена» - *монг..* **тайз** «театральная сцена» >*кит.*台子 **táizi** «сцена, подмостки»

2. *.монг.***гуанз** «столовая, ресторан» > *кит.* 馆 子 **guǎnzi**«закусочная, ресторан, трактир»

3. *калм.* **саң** «уст. казна, хранилище, сокровищница, фонд» – *монг.* **сан** 1) «амбар» 2) «фонд, хранилище чего-либо; сокровищница; клад, кладовая»>*кит.* 藏 **cáng** «склад, кладовая, хранилище, амбар, сокровищница»

4. *монг.***пунз**1) «хлев» 2) «чулан, амбарчик» >*кит.* 棚子 **péngzi** «сарай»

5. *монг.***пуус** 1) «магазин, лавка»2) «торговая фирма; торговое предприятие; торговое заведение» > *кит.***铺子 pùzi** «магазин, лавка»

5. Музыкальные инструменты:

1. *калм./ монг.***ёочин** «многострунные цимбалы» >*кит.*洋琴 **yángqín** «цимбалы, цитра» (музыкальный струнный инструмент)

2.*калм./монг.* **шанз** уст. «шанза»/ «шандз» (название струнного муз.инструмента) >*кит.*弦子 **xiánzǐ** «саньсянь» (трехструнный щипковый муз.инструмент)

3.*калм./ монг.***хучир** «двухструнный смычковый музыкальный инструмент» > *кит.*胡琴 **húqin** «хуцинь , китайская скрипка»

6. Административные термины:

1. *калм.* **баа** «штраф» - *монг.* **баа**1) «штраф, пеня, конфискация» 2) « укор, укоризна, порицание; сетование» > *кит.* 罚 **fá**1) «штраф, откуп, фант» 2) «наказание, кара» 3) «проступок»

2. *калм.* **җанҗң** / *монг.***жанжин** «главнокомандующий, полководец, генерал» >*кит.*将军 **jiāngjūn** «генерал, полководец, главнокомандующий»

3. *калм. /монг.* **нойон** «господин» > *кит.*老爷 **1aoyè** «господин, начальник»

4. *калм.***тәәж** ист. «тайджи, князь»- *монг.* **тайджи** «тайджи, князь» >*кит.* 台吉 **táiji** «монг. тайджи (один феодальных титулов), княжич, дворянин»

5. *калм.* **тәәш** ист. «наместник тайши» (феодально –чиновничий титул в дореволюционной Калмыкии) - *монг.* **тайш** 1)ист. «тайши» (первая из двенадцати степеней феодально –чиновничего титула в дореволюционной Монголии) 2) уст. «старший наставник» >*кит.*太师 **tàishī** 1) стар. «наставник императора» (почетный титул, жалуемый двором буддийскому монаху)

6. *калм. / монг.***хууль** уст. «закон» >*кит.*规律 **guīlǜ** «закон, закономерность»

7. *калм.***цальң** уст. «зарплата, жалование» - *монг.***цалин** «зарплата, стипендия»> *кит.*钱粮 **qiángliang** 1) «довольствие, жалованье, содержание» (эпоха Цин) 2) «земельный налог»

8. *калм.* **шаң** «вознаграждение, поощрение» - *монг.* **шан(г)** «награда, премия» >*кит.* 赏 **shǎng** «награда, подарок, премия»

7. Слова, относящиеся к торговле, ростовщичеству:

1.*калм.***данҗ** уст. «заклад, залог» – *монг.***данж** «заклад, залог» > *кит.*当 **dàng** «закладывать, залог»

2. *калм.***лаңгу** уст. «прилавок» – *монг.***лангуу** «прилавок, стойка» >*кит.*栏柜 **lánguì** «прилавок, стойка»

3. *калм.* **нәәмән/** *монг.***маймаа(наймаа)** «торговля, коммерция»>*кит.*买卖 **maimài** 1) «купля-продажа, торговля» 2) «магазин, лавка»

4. *калм.* **саң** уст. «казна, хранилище, сокровищница, фонд» – *монг.* **сан** 1) «амбар» 2) «фонд, хранилище чего-либо, сокровищница, клад, кладовая»> *кит.*藏 **cáng** «склад, кладовая, хранилище, амбар, сокровищница»

5. *монг.***сампин** «счёты»> *кит.*算盘 **suànpan** «счеты, счетная доска, абак,счетная номограмма, расчет, план»

8. Меры измерения:

1. *калм.***җин** / *монг.***жин** уст. «джин, китайская мера веса, равная 0,6 кг.» >*кит.* 斤 **jīn** «китайская мера веса, 0,5 кг.»

2. *калм.* **лаң**/ *монг.***лан** «мера веса, равная 37, 3 гр.» >*кит.*量 **liàng** «мера веса, равная 50 гр.»

3. *монг.* **цэн** «цен - мера веса около 4 г» >*кит.*签 **qián** «цянь - мера веса, равная 5 граммам»

9. Названия, относящиеся к животному миру:

1. *калм.***лус** «мул, лошак» - *монг.***луус** «мул»> *кит.* 骡子 **luózi** «мул, лошак»

2. *калм.***нав/** *монг.***хав** «собака малорослой породы» > кит. 狗 **gǒu** «собака»

3. *калм.* **лу** / *монг.***луу** «миф. дракон, название пятого года животного цикла»>*кит.*龙 **lóng** «миф. дракон»

4. *монг.***жанлан** «таракан»>*кит.* 蟑螂 **zhāngláng** «таракан»

10. Названия, относящиеся к растительному миру:

1. *калм.* **ну** «дыня» - *монг.***гуа** «тыква» >*кит.*瓜 **guā** «бахчевые культуры, дыня, тыква, арбуз»

2. *калм. / монг.* **тоор** «персик»>*кит.*桃 **táo** «персик»

3. *калм.***лувң** «морковь» - *монг.***лууван** «морковь» > *кит.*萝卜 **luóbo** «морковь»

4. *монг.* **байцаа** «капуста»> *кит.*白菜 **báicài** «капуста»

5. *монг.***хуангуа** «огурец» > *кит.*黄瓜 **huángguā** «огурец»

6. *монг.* **интоор** «вишня» > *кит.*樱桃 **yīngtáo**«вишня».

Таким образом, можно утверждать, что китайские заимствования получили довольно широкое распространение в монгольских языках и сыграли исключительно позитивную роль в развитии лексико-семантической системы монгольских языков. Пройдя полную адаптацию в лексике калмыцкого и монгольского языков, одни из них прочно вошли в лексическую систему и обросли большим числом грамматических и семантических производных. Другие присущи разговорной речи, а третьи отходят в состав историзмов.

Литература

1. Бардаев Э. Ч. Заимствованная лексика в калмыцком языке // Монголоведные исследования.– Элиста, 1983. –С. 37-53.
2. Бардаев Э.Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология. – Элиста.: Калмыцкое книжное издательство, 1985. с.153.
3. Басангов Б. Б. Русско-калмыцкий словарь. –Элиста, 1963 (около 25 тыс. слов).
4. Бертагаев Т.А. Лексика современных монгольских литературных языков. –М., 1974.
5. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. –Ленинград, 1934.
6. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. – Ленинград, 1929.
7. Номинханов Ц.Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. – Москва.: Изд-во «Наука», 1975.– С. 326.
8. Семенас А.Л. Особенности лексических заимствований в китайском языке // Вопросы языкознания, 1997. – №1. – С. 48-57

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ

С.И. Байрамова,
Иркутск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ВЗРОСЛЫХ, ИЗУЧАЮЩИХ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В условиях стремительного развития кросскультурных, социально-экономических связей между Россией и Китаем растет интерес к изучению китайского языка не только в сфере профессионального образования, но и среди работающих взрослых, которые начинают изучать китайский язык в рамках дополнительного образования. Интерес к китайскому языку у взрослых обучающихся продиктован как профессиональными потребностями, так и личностными мотивами: стремление к самосовершенствованию, к общению на китайском языке в туристических поездках и т.д. В настоящей статье под взрослыми обучающимися мы понимаем субъектов, которые ведут самостоятельную жизнь, вышли из роли обучающихся по дневной форме обучения и занимаются трудовой деятельностью.

Как правило, языковые курсы в системе дополнительного образования характеризуются краткосрочностью и малым количеством часов в неделю. Перед преподавателями китайского языка поставлена принципиально новая задача за минимально короткий срок сформировать начальный уровень иноязычной коммуникативной компетенции взрослых обучающихся, достаточный для элементарного общения на китайском языке и для дальнейшего самосовершенствования языка.

Иноязычная коммуникативная компетенция рассматривается нами как способность к взаимодействию с другими людьми в различных сферах деятельности, используя знаковые

системы другого языка и культурный код межличностного общения. Развитие коммуникативной компетенции невозможно без формирования у русскоговорящих взрослых обучающихся фонетико-фонологической компетенции.

Фонетико-фонологическая компетенция (ФФК) как «субкомпонент лингвистической компетенции, включает интериоризованные знания о звуковой системе современного иностранного языка, релевантные перцептивные и артикуляционные навыки, умения адекватно оперировать ими в соответствии с языковой ситуацией, а также комплекс внутренних инструментально-интеграционных мотивов, убеждений, ценностей, обеспечивающих высокое качество профессиональной деятельности» [2, с. 42]. ФФК является многоаспектным понятием, которое состоит из «когнитивного, прагматического, социокультурного и рефлексивного компонентов» [6, с. 287].

Для успешного формирования ФФК необходимо четко определить содержание обучения на начальном этапе в аудитории взрослых с учетом их психовозрастных особенностей. М.Коздра формулирует следующие особенности:

1. Необходимость понимать, почему нужно изучать что-то, прежде чем начинать обучаться этому;
2. направленность учебного процесса на достижение практической значимости (прагматичный подход);
3. нацеленность на использование полученных знаний и умений для решения задач в контексте реальной жизни;
4. сохранение мотивации до тех пор, пока урок помогает выполнять задания или заниматься проблемами, встречающимися в жизненных ситуациях;
5. ответственность за свои решения;
6. обладание большим объемом личностного, межличностного и профессионального опыта, воздействующего на формирование конкретного мировоззрения, влияющего на преподаваемый материал [4, с. 78].

Процесс формирования ФФК обусловлен установлением определенных соответствий на когнитивном уровне языкового сознания обучаемого. На начальном этапе обучения взрослые слушатели должны получить представление о фонетико-фонологической системе китайского языка, составе слога, звукобуквенном алфавите китайского языка путунхуа, об особенностях просодической системы китайского языка. При этом важной основой для формирования ФФК на начальном этапе обучения является определение оптимальной лингводидактической единицы. Единицами методической организации языкового материала для обучения произношению европейских языков являются фонемы и интонемы. Рекомендуется начинать усвоение европейских языков с отдельных звуков, так как, считается, что при произнесении изолированного звука легче добиться слухового контроля. После постановки нового звука проводят его первичное закрепление в упражнениях на произношение слогов и слов. Постановка китайского произношения на основе изолированных звуков не представляется целесообразной. Это обусловлено целым рядом причин:

1) В китайском языке помимо качественных единиц сегментной структуры – фонем, морфем, слов, словосочетаний – есть дополнительная единица суперсегментной структуры – слоговой тон, который выполняет ту же смыслоразличительную функцию, что и фонема. Это означает, что один и тот же слог, произнесенный разными тонами, приобретает различные смысловые значения. Языковое сознание китайцев, «взращенное на слоговых тонах, несущих лексическую семантику» [7, с. 232], хорошо воспринимает движение частоты колебаний основного тона голоса. Русские слышат выделение слогов по силе их произнесения, тогда как китайцы воспринимают именно тональные характеристики слога.

2) В китайском языке согласные звуки не обладают автономией и не могут самостоятельно, без последующего гласного, реализовываться в речи. Это подчеркивает характерную особенность китайского языка: в китайском слоге невозможно сочетание согласных, но возможно сочетание гласных. Произнесение инициали отдельно от финали

невозможно, в связи с чем, даже на начальном этапе постановки произношения, инициаль произносится вместе с финалью, образуя слог, например, не (b), а обязательно (bo). Эта данность определяет невозможность постановки произношения одного звука (инициали) отдельно от финали.

3) Тон китайского языка служит не только для различения смысла, но и «является той внешней силой, которая поддерживает единство фонем в слоге, … придает отдельной фонеме способность выступать как целый слог» [8, с. 10].

4) Информация о фонеме не сосредоточена только в одном звуке по причине коартикуляции. Суть коартикуляции заключается в том, что артикуляционный аппарат надстраивается на произношение сначала одного звука, затем начинает принимать форму для произнесения следующего звука, после чего опять меняется для произнесения третьего звука и т.д. Поэтому исследователи склоняются к мнению, что фонемы (гласные и согласные) могут распознаваться параллельно, и основным фонетическим элементом является слог, как наиболее просто выделяемая из речевого потока линейная единица. Дифференциальные признаки фонем реализуются, как правило, в пределах слога. Это подтверждается исследованиями Л.А. Чистович, которые показывают, что характеристикой воспринимаемого речевого отрезка является гласная фонема, и человек способен выделять начало и окончание гласного в воспринимаемом стимуле [10, с. 68].

5) В китайском языке в качестве перцептивного эталона при восприятии речи можно рассматривать как слог, так и слово, тем более что фонетическое деление китайской речи на слоги и семантическое деление на морфемы приводит к одним и тем же слоговым морфемам. Слоговые морфемы регулярно употребляются в качестве односложных слов в китайском национальном языке и служат материалом для формирования многосложных лингвистических единиц.

6) В русском языке, по экспериментальным данным Л.А. Чистович, при восприятии речи слуховая система человека осуществляет сегментацию непрерывного речевого потока на последовательность отрезков «гласных» и «негласных» (гласный + согласный или гласный + пауза), поэтому словесное ударение определяется длительностью гласного. В китайском языке тон характеризуется тремя акустическими признаками: высотой, длительностью и интенсивностью произношения. Согласно исследованиям Н.А. Спешнева, под тоном следует понимать совокупность ряда взаимосвязанных акустических признаков, таких как регистр, частотный диапазон, определение интенсивности внутри финали, длительность слогообразующего гласного, фарингализация [9, с. 16]. Традиционно тон рассматривают как часть финали, но М.К. Румянцев экспериментально доказал, что в китайском языке акустическая информация о тоне рассредоточена между всеми элементами слога, а не только представлена в звучании одной гласной [7, с. 42]. По его мнению, китайский слог – это не просто следование звуков речи друг за другом, а цельный компонент, построенный на взаимном проникновении его элементов. Таким образом, произнесенный определенным тоном слог становится значимой единицей языка – морфемой или односложным словом.

Е.Д. Поливанов основной минимальной произносительной единицей китайского языка выделял силлабему. Под силлабемой он понимал представление определенного состава слога из согласных и гласных звуков. При этом в состав силлабемы он не включал ни признак тона, ни признак силового ударения. А.А. Драгунов является автором слогофонемной концепции китайского языка. Следует упомянуть, что в дальнейших исследованиях, связанных с разработкой общелингвистического понятия фонемы и разграничения собственно фонологических и морфологических аспектов языка Драгуновы исключили термин слогофонема из научного обихода, так как не отказались от фонематического членения слога в китайском языке. Они рассматривают фонему как единицу, способную различать смысл морфем и слов, но не являющуюся носителем смысла, как это имеет место в индоевропейских языках. В китайском языке минимальной фонетической величиной, способной иметь значение, т.е. функционировать в качестве слова

или морфемы, является не отдельный звук речи (фонема), а тонированный слог. Невозможность произнесения китайской согласной фонемы без гласной фонемы, наличие обязательного тона у гласной фонемы, автоматически превращающей комбинацию согласного и гласного в тонированный слог, т.е. значимую единицу языка позволяет рассматривать китайскую морфему в качестве главного объекта восприятия на начальном этапе обучения китайскому произношению.

Использование китайской морфемы в качестве методической единицы позволяет уже с первых уроков водно-фонетического курса обеспечивать формирование прагматического компонента ФФК. Следует построить вводно-фонетический курс таким образом, чтобы знакомство со звуками китайского языка строилось на морфемах – односложных словах, из которых без особых усилий можно было бы составить простой диалог. Специфика диалога как формы коммуникации позволяет развивать фонетические навыки в рецепции (восприятие речи), так и в продукции (реагирование на реплику собеседника). Формирование слухопроизносительных навыков китайского языка на уровне морфемы позволяет параллельно осваивать и звуковой, и лексический состав морфем, а чем быстрее и эффективнее у взрослых обучающихся будут сформированы фонетические и лексические навыки, тем быстрее они выйдут на смысловой уровень управления китайской речью, необходимой для поддержания мотивации.

Важным компонентом ФФК на начальном этапе обучения является рефлексивный компонент, т.е. овладение умениями и навыками самоконтроля и самокоррекции. Развитие умения адекватного самооценивания возможно посредством осознанного овладения китайским произношением. Следует учить взрослых обучающихся чувствовать свой артикуляторный аппарат, для этого постановку китайского произношения следует осуществлять на основе сопоставительного анализа звуков русского и китайского языков.

С рефлексивным компонентом координирует социокультурный компонент ФФК, суть которого заключается в установлении на когнитивном уровне языкового сознания взрослых слушателей определенных соответствий между языковой формой родного (русского) языка и внутренними законами китайского языка. Более точно переосмыслить внутренние законы чужого языка возможно при осознанном сопоставлении двух языков. К моменту изучения китайского языка у взрослых обучающихся уже сформированы когнитивные структуры родного русского языка, поэтому в учебном процессе посредством учебных заданий необходимо формировать структурную специфику изучаемого языка в сравнении с элементами своего языкового сознания.

По мнению П.Я. Гальперина, если подобная дифференциация не происходит, то «формальные структуры обоих языков непосредственно увязываются с одними и теми же внеязыковыми объектами. И тогда последние начинают одновременно вызывать ассоциации с формальными структурами обоих языков, и большая или меньшая интерференция неизбежна» [1, с. 101].

Так, например, обучающимся необходимо объяснить, что в русском языке дифференциальными признаками обладают согласные, а в китайском языке – гласные, поэтому требуется уделять особое внимание упражнениям на восприятие и воспроизводство китайских гласных.

Слушатели, привыкшие к определенному слогоделению в русском языке, в котором слог не является значимой единицей языка, должны осознавать, что в китайском языке последовательность согласных и гласных в слоге строго упорядочена, так как на возникновение особой строго фиксированной структуры китайского слога оказала влияние иероглифическая письменность, а именно традиционный (со 2 века н.э.) метод транскрипции иероглифов 反切.

К тому же, контрастивный анализ фонетических систем китайского и русского языков позволяет прогнозировать трудности обучения русскоязычных обучающихся китайской фонетике и разработать физиологическую последовательность изучения фонетических явлений.

Таким образом, при формировании фонетико-фонологической компетенции в аудитории взрослых обучающихся следует уделять особое внимание выбору соответствующих методов, основанных на важных андрагогических принципах обучения: системность обучения, принцип опоры на опыт обучающегося, принцип индивидуализации, принцип актуализации результатов обучения, контекстность обучения и принцип осознанности обучения [3, с. 25].

Литература

1. Гальперин П. Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления / П. Я. Гальперин // Вопр. философии. – 1977. – №4. – С. 95-101.
2. Гончарова Н.Л. Формирование иноязычной фонетико-фонологической компетенции у студентов лингвистов: на материале английского языка: дис. … канд. пед. наук : 13.00.08 / Н.Л. Гончарова . - Ставрополь: РГБ, 2007. – 212 с.
3. Змеёв С.И. Технология обучения взрослых: учеб.пособие для студ. высш.учеб.заведений / С.И. Змеёв. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 128 с.
4. Коздра М. Каким должен быть учебник по русскому языку как иностранному для взрослых учащихся // Русистика.2019.Т.17. № 1. С.78-89
5. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию: избр. работы / Е. Д. Поливанов; вступ. ст. А. А. Леонтьев; Акад. наук СССР, Ин-т народов Азии. – М.: Наука, 1968. - 376 с.
6. Присная Л.Л. Фонетико-фонологическая компетенция и ее компетентный состав// Известия Рос. гос. пед. Ун-та им. А.И. Герцена, серия «Общественные и гуманитарные науки», ч.1. – 2008. - № 32. – С.287-289
7. Румянцев М. К. Фонетика и фонология современного китайского языка / М. К. Румянцев. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 302 с.
8. Софронов М. В. Китайский язык и китайская письменность: курс лекций / М. В. Софронов. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 638 с.
9. Спешнев Н. А. Фонетика китайского языка: учеб.пособие / Н. А. Спешнев. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. – 141 с.
10. Чистович Л. А. Физиология речи. Восприятие речи человеком / Л. А. Чистович, А. В. Венцов, М. П. Гранстрем. – Л.: Наука, 1976. – 388 с.

***

О.Н. Болдырева,
Элиста, Россия

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО СТАЖЕРАМ ИЗ КИТАЯ

Страноведение–это наука о стране, язык которой изучается иностранными гражданами.Страноведениепредоставляетиностранцам информацию об истории, географии, экономике, этнографии и политической структуре России. Это комплексная академическая дисциплина, которая сформировалась на стыке различных наук. Она знакомит иностранных граждан с наиболее типичными явлениями, процессами и тенденциями экономической, социальной, политической и духовной жизни России.

При встрече с зарубежной аудиторией необходимо предоставить краткий обзор культурных событий и туров, доступных во время их пребывания в России. Посещение музеев, выставок и театров, знакомство с литературой и кино, общение с носителями языка, несомненно, будет способствовать адаптации и социализации иностранцев, их погружению в языковую и культурную среду.

Отличительные особенности курса «Страноведение»:систематичность и комплексность дисциплины,т.е. включение в него информации поистории, географии и другим дисциплинам. Страноведение является социальной дисциплиной, поскольку она связывает

знания из разных областей с целостным представлением о развитии общественной жизни в России; это динамичная дисциплина, т.к. она должна предоставлять соответствующую информацию и поднимать проблемы нашего времени; эта дисциплина насыщена сравнительно-историческим материалом, который позволяет проследить формирование факта современного общества.

Курс «Страноведение» должен быть ориентирован на определенный уровень языковой компетенции. Это чрезвычайно полезно на начальном этапе, поскольку позволяет студентам избавиться от неправильных идей, помогая им ориентироваться в новых условиях жизни. Поэтому не стоит ориентироваться на экзотику, редкость, которая встречается в культуре людей. Целью курса является систематическое изложение основной информациио России, наиболее значимой для иностранных студентов.На среднем и продвинутом этапах сведения могут быть расширены различными способами, в том числе с помощью лингвистических, страноведческих и лингвокультурологических методов.

Курс должен быть ориентирован на национальность студентов, изучающих русский язык. Акцент следует сделать на общем позитиве в истории и культуре наций. Мы должны искать общий язык, контакты, пересечения, которые объединяют культуры. Т.к. идея сходства судьбы объединяет. Не следует фокусироваться на неблагоприятных контактах культур. Если этого нельзя избежать, следует отметить положительные моменты, произошедшие в истории взаимодействия наций, обратить внимание на тот факт, что мир меняется, а вместе с ним и политические, и идеологические пристрастия, которые вряд ли помогут в общении.

Курс «Страноведение» доступен на разных уровнях изучения языка: на базовом, среднем, продвинутом уровне. Кроме того, этот курс полезен для будущих преподавателей русского языка как иностранного. Данная дисциплина должна сопровождаться соответствующими программами.

Курс страноведения представляет большой интерес и ценность на начальном этапе, когда язык и культура только начинают изучаться. Как указано в программе для начального этапа обучения, курс «Страноведение» входит в структуру общепрофессиональных дисциплин и является обязательным для студентов, которые обучаются по гуманитарным и естественным специальностям на факультете довузовской подготовки и обучения иностранных граждан.Цельдисциплины - ознакомить стажеров из Китая с базовой информацией об истории, этнографии и экономике России, чтобы развить позитивное отношение к России и народам, живущим в ней. Задачи курса включают ознакомление с важнейшими этапами исторического развития России, показать ее место в системе мировых культур. Количество часов дисциплины варьируются от 32 до 64. Форма итоговой проверки –зачет и экзамен.

На продвинутом этапе знакомство с культурой России продолжается. Но здесь это происходит не в отдельном курсе страноведения, а в изучении русского языка как иностранного, где подчеркивается лингвистический и страноведческий аспекты, на которыйпреподаватель делает акцент во время практических занятий по изучению русского языка.

В целом курс «Страноведение» должен дать стажерам из Китая знания по русской истории и современности, дать целостный взгляд на Россию и ее место в мировом сообществе, помочь познакомиться с этой страной в различных аспектах: историческом, культурном, религиозном, природно-географическом, этнологическом.

К сожалению, в современных образовательных программах по русскому языку как иностранному, хотя и предъявляются требования к разным уровням владения языком и предоставляется содержание предметной компетенции, однако темы страноведения представлены очень широко. Остается нерешенным вопрос о том, из каких единиц должно состоять знание по каждой теме, о предмете каких реалий следует помнить о страноведческом минимуме и какие лексические единицы им соответствуют, перечень вопросов, требующих обсуждения, не приводится, рекомендаций по содержанию текстов нет.

Литература

1. Болдырева О.Н. Русский язык как иностранный через призму разговорной практики // Материалы Международного форума «Один пояс – один путь: образование, наука, культура». Элиста, 2019. С. 12-14

2. Болдырева О.Н., Чжао Цзыхэн Межкультурная коммуникация в контексте прагматической способности // Известия Южного федерального университета. - 2019. - № 2. - С. 180-187

3. Гитман Е. К., Хлыбова М. А. Концентрированное обучение иностранному языку в неязыковом вузе: монография. Пермь: Прокростъ, 2014. 135 с.

4. Дунаенко Е. В. К вопросу об интенсификации обучения лингвистическим дисциплинам в техническом вузе (на материале курса «Русский язык и культура речи») // Филология и культура. Philology and Culture. - 2013. - № 1 (31). - С. 236-239.

5. Дунаенко Е.В., Бурцева Т.А. Организационные условия и методика преподавания дисциплины «Страноведение» при концентрированном обучении иностранных студентов русскому языку на подготовительных курсах // Филология и культура, 2018 №2(52), с. 214-217

6. Зинченко В. П. Мир образования и / или образование мира // Мир образования. - 1996. № 3. - С. 7-15.

7. Ибрагимов Г. И. Концентрированное обучение: теория, история, практика. Казань, 2010. 364 с.

8. Каганский В.Л. Методологические заметки о современном россиеведении // Кентавр. Методологический и игротехнический альманах. Вып. 33, 20046. С. 61 - 64.

9. Калашникова Л. М., Ковалик Л. Д. Инновационные подходы к преподаванию иностранных языков в неязыковом вузе // Вестник Магнитогорской консерватории. - 2008. - № 2. - С. 54-60.

10. Селезнева Г.Я. Страноведение и лингвострановедение. Учебно-методическое пособие. Воронеж, 2016.

***

Ванчарай Батмаа,
Улан-Батор, Монголия

СТАТУС-КВО И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ В МОНГОЛИИ
蒙古国汉语教学现状及展望

蒙古和中国有着几千年的邻国关系，蒙中之间的历史文化源远流长。蒙古汉语教学历史也长。蒙古国立大学中文系开辟了蒙古国现代汉语教学的历史。从 1957 年到现在我国汉语教学已走过 50 多年的历程。这 50 多年的历程大体上可以分成三个发展阶段：

初创阶段：（1957 – 1968 年）在蒙古国立大学外语系首次开设了汉语课程，尽管招生数量极少，但培养了蒙古国最早的一批汉语人才。这一时期蒙古国立大学培养出 52 名汉语专业人才。1965 年由于政治的原因汉语教学停止。

恢复和发展阶段：（1973 - 1990 年）从 1973 年开始汉语教学恢复了，蒙古国立大学外语系从蒙语系选出数名学生改学汉语，两年后，1975 年正式开设汉语班。从此，汉语教学在蒙古国逐步发展，招生规模不断扩大，师资力量也日益成熟。这一时期蒙古国立大学培养出 79 名汉语专业人才。经过 80 年代的挫折和停顿后，汉语教学再度兴起和发展。

蓬勃发展的阶段：（自 1990 年至今）随着蒙古国政治经济改革及蒙中两国友好合作关系的发展，我国汉语教学事业也开始快速发展。1993 年，蒙古国立大学正式成立中文教研室，新成立的外语学院 —— 现人文大学和蒙古国立教育大学分别于 1990 和 1991

年开设了汉语班。同时中国政府也在资金、设备、人才方面对蒙古的汉语教学事业给予不断的支持，不间断地派遣对外汉语教师到蒙古国立大学帮助从事汉语教学及科研活动。这都极大地推动了我国汉语教学的迅速发展。

特别是最近几年随着蒙中两国关系迅速发展，政治、经济、教育、文化等领域的合作交流也日益频繁，汉语教学不断深入，其规模也不断扩展，汉语教学事业已成为一股热潮，学汉语的人数逐年增加，汉语已开始成为重要外语之一。顺应这种潮流，蒙古国纷纷建立了汉语大专院校，汉语中、小学。2003 年成立的蒙古国汉语教师协会为了全面深入地了解蒙古国汉语教学的详尽情况，更好地服务于蒙古国汉语教学，定期对已开设汉语课程的国立和私立的大、中、小学中进行一系列调查研究。调查研究的主要目的在于明确汉语教学水平，弥补现存的缺点，总结经验和已取得的成就，加强各学校的交流沟通，紧密合作并更加完善汉语教学方法，从而提高学生们的汉语水平。

根据蒙古国汉语教师协会最近进行的调查统计，目前我国共有 60 多所大、中、小学从事汉语教学，学汉语人数已达 1000 多人，与 2003 年相比增加了 3.5 倍，与 2007 年相比增加了 2 倍。汉语教学除了首都乌兰巴托市以外，还分布在科布多、鄂尔浑、达尔汗乌拉、东方、东戈壁等省。在地方学习汉语的学生数目约占汉语学生总数的 7%。这表明蒙古汉语教学活动还是主要集中在首都乌兰巴托。

现今在蒙古从事汉语教学的大专院校共有近 30 所，学生总数为 3320 多人，占学汉语总人数的 34%。其中公立学校有 9 所（这里包括蒙古国立大学下属的外国语言文化学院、蒙古语言文化学院、国际关系学院、乌兰巴托学院及鄂尔浑省分校五校），学生人数为 1484 人，占学汉语总人数的 15 %，占在高等院校学汉语总人数的 45%。其余学生在 20 多所私立学校学习汉语。

蒙古目前有 30 多所中、小学从事汉语教学，学生总数为 6403 人。其中公立 5 所学校有 1163 名学生学习汉语，而私立中、小学有 30 所，学生人数为 5240 多人，占学汉语总人数的 54%，占汉语中小学生的 82%。这说明大多数中小学生在私立中小学学习汉语。

这组数字表明国立和私立高等院校学生人数差别不大，与此相反，私立中小学学汉语的学生要比国立中小学的学生多得多。

下面分别详细介绍蒙古大专院校和中小学的具体情况。

一、 蒙古大专院校汉语教学现状

现今蒙古国共有 30 所大专院校从事汉语教学，约 3324 名大学生在学习汉语。其中国立高等院校有 9 所，学生人数为 1484 人，私立大专院校有 21 所，学生人数为 1840 多人。蒙古高等院校外语教学课程建设一般有三种基本形式，这就是外语主修科，双项科（复合性科目）。汉语教学也不例外。当前开设汉语主修科目的 20 所高校有 1790 多名学生，其中大约一半在国立院校学习，一半在私立院校主修汉语。主修汉语的本科专业主要有汉语语言学、汉学、汉语教育与翻译。最近几年的随着社会对汉语人才需求的变化而呈现的新趋势是汉语主修的学生人数渐渐减少，2003 年主修汉语学生总数占全国汉语学生总数的 78%，那目前这个比例已经下降到 54%了。与此相反，在高校选修汉语或学习双学位的学生比例从 2003 年的 22%增加到 46%。

开设汉语选修课目的大专院校有 15 所，学生数目也不少，从 2003 年的 265 人增加到现有的 1250 多人。在大学选修汉语的主要本科专业有经济学、管理学、国际关系学等专业。近几年随着我国矿业部门的迅速发展，有不少高校采矿工程专业开始多开设汉语选修教学。选修课目期限大多是一到六个学期。

蒙古有一些学校开设双项科目，如汉学—历史、汉语--旅游管理学、经济学--汉语专业等。从事这样教学形式的共有 5 所，其中公立学校有 3 所，私立有 2 所，一共现有 280 多名学生学习双学位。复合性科目开设的班级各校有所不同，比如有的学校从一、二年级同时

开设汉语和旅游管理学、经济学、英语等复合课程，汉语共学习 2-4 年。由于近几年蒙中两国关系迅速发展，对汉语人才的需求量越来越大，此外两国合作关系领域也不断扩展，社会市场需要双学位人才，这不仅对蒙古的汉语教学事业的发展，而且对双学位人才的大量培养也提供了极好的机遇。虽然这是社会实际要求，但是由于汉语教学本身的质量问题，这形式待遇完善。此外有的高等院校开始和中国高校联合办学实施 2+2 项目，如蒙古财经学院和中国大连科技大学 2010 年已培养出第一届毕业生。

各大专院校共有 118 名汉语教师任教，比 2003 年增加了 2 倍，其中本国教师为 69 人，占汉语教师总数的 58%，中国教师为 49 人，占汉语教师总数的 41%。绝大大部分是中国国家汉语国际推广领导小组办公室（国家汉办）派遣的志愿者老师和本校校际交流被聘请来的中国老师。

下面介绍一下汉语教学大纲制定和教材使用的问题。调查结果表明，目前由于政府部门缺乏合理的规划和指导，整个汉语教学和建设都由各学校自行制定，所以可以说蒙古汉语教学至今还没有各级水平的统一的教学大纲，教学内容有所不同，学校自行选用教科书。对于课程的设置和课目安排来说，大部分学校初级班课程分为汉语语音课、听力课、口语课、词汇课、语法课等几门基本科目；中、高级班大部分分为汉语口语课、听力课、语法课、词汇课和写作课。除此以外，还有一些学校不分科目，直接设置综合汉语课程，按班级安排初、中、高级汉语综合课。

开设汉语主修课的大专院校汉语课程每周平均有 9，8 课时，其中一周上最多汉语课课时有 22-26 学时，一周汉语课课时最少的有 3 课时。开设复合性科目的大专院校一周汉语课平均学时为 6，开设选修科目学校一周平均为 4 课时。

汉语各大专院校主要采用中国国内高校专门为外国留学生编写的对外汉语教科书。目前蒙古大专院校在初级班最普遍使用的有北京语言大学出版的“汉语教程”配套教材、“标准中文”、“博雅汉语”“当代中文”、“发展汉语”等；在高级阶段有的学校使用的教材有北京语言大学和北京大学出版的“高级汉语教程” 、“高级汉语口语”等教材。由此可见，各校教科书使用情况有随意性，没有教学水平的统一标准，造成各校各班级同学的汉语水平差异很大。

二、 蒙古中小学汉语现状

根据调查研究，从事汉语教学的中小学主要集中在首都乌兰巴托市，共有 34 所学校，学汉语学生总数为 6403 人。其中公立 5 所学校有 1160 多学生学习汉语，而私立中、小学有 29 所，学生人数为 5240 多人，占学汉语总人数的 54%，是学汉语中小学生的 82%。这说明大多数中小学生在私立中小学学习汉语。随着蒙中两国关系和交往的迅速发展，汉语教学事业快速扩展，开设汉语班的私立中小学日益增加，学汉语的中小学生数目逐年增加。

汉语教学规模最大，学生人数最多的都是私立中小学，如“育才”（约有 1000 名学生）、“友谊”旅蒙华侨学校（800 多名学生） 、“贺希格”等中文完全中学。

蒙古中小学的汉语教学形式一般有三种形式，这就是中文完全学校，即从一或年级开设汉语课程的汉语学校，另一种是从 2-11 年级开始必修汉语作为第一外语的学校，第三种教学形式是学生自愿选修汉语，选修汉语的年级和期限有所不同，有的学生学习 3-4 年汉语，有的学习 8-9 年汉语。目前汉语完全中学学习汉语人数最多，约 5095 多名学生，与 2003 年和 2007 年相比分别增加了 2.8 倍和 6.3 倍；选修汉语人数少，大约 1308 人。

在中小学学习汉语人数持续不断增长，在整个汉语教学体系中开始占重要地位，汉语中小学生总数占汉语学生总数的比例从 2003 年的 34%提升到 48%。不久将来这一大批中学毕业生会影响高校的汉语教学。

蒙古各汉语中小学共有 142 名汉语教师任教。其中本国教师仅有 18 人，占汉语教师总数的 12.6%，中国教师为 124 人，占汉语教师总数的 47%。虽然在中小学学汉语人数比在大专院校的大约多一倍，但是本土汉语教师极少数，绝大多数是中国国籍教师，包括华侨、

内蒙古等教师，大部分是本校校际交流被聘请来的中国教师和中国国家汉语国际推广领导小组办公室（国家汉办）派遣的志愿者老师，没有按照蒙中两国政府间教育交流协议中国政府派遣的、通过中国对外汉语教师资格考试的专家教师工作。

对于蒙古中小学的汉语教学大纲制定和教材使用的问题，根据调研结果，情况和大专院校类似，由于政府部门缺乏合理的规划和指导，整个汉语教学和建设都由各学校自行制定，至今还没有各级水平的统一的教学大纲，教学内容有所不同，学校自行选用教科书。蒙古从 2008 年开始实行 12 年制中等教育，2011-2012 年准备在高中学习汉语作为第二外语，蒙古教育文化科学部正在制定中学汉语教学大纲，后来都被取消。

对于课程的设置和课目安排来说，除了中文完全中学以外，大部分学校按班级安排初、中、高级汉语综合课。中文完全中学一般部分科目，直接使用中国人民教育出版社出版的中国中等学校用的“九年义务教育课程试验标准教科书”，一周课时也多，大约 16-20 课时，其他中小学汉语课时少一些，2-8 课时一周。

汉语各中小学主要采用中国国内编写并使用的教材。中文完全学校一部分使用中国初中学九年义务教育课程语文教材，同时用中国国内编写的汉语教科书和国家汉办出版的汉蒙语教材。选修汉语的大部分中小学普遍使用中国高校专门为外国留学生编写的对外汉语教科书，如上面提到的“汉语教程”、“初级汉语课本”等教材。

三、蒙古国汉语师资问题

众所周知，最近几年由于蒙中两国关系的蓬勃发展，时代的飞跃发展和国际交流活动的增多，在蒙古的汉语教学不断深入，其规模也不断的扩展，汉语已开始成为重要的外语之一。当前汉语教学市场的快速扩张，迫切要求我国汉语教学探索新的教学路子，提高教师素质，科学地提高汉语教学质量，以满足社会汉语人才的需求。近 30 年我国的汉语教学积累了丰富的经验，汉语教学成果显著，得到了大家的肯定，与此同时社会还提出了更高的要求，要求各校更加提高教学质量，加强国内外交流，集中师资力量，合理地规划和设置汉语教学，科学、有机地联系各级教学阶段。在社会对学汉语的需求越来越高的时候，我们于 2003 年成立蒙古国汉语教师协会，于 2003、2007、2012、2016 年分别举办全国汉语教师研讨会。历届研讨会分析整个蒙古的汉语教学的情况，包括汉语各级学校汉语教学现状、教学大纲、使用教材、汉语教学方法，交流经验。

下面介绍一下蒙古汉语教师队伍的具体情况。

根据新调查研究，汉语各大专院校和中小学共有 260 名汉语教师任教，比 2003 年增加了 2 倍。其中本国教师为 87 人，占汉语教师总数的 33%。中国教师共有 173 人，其中按照蒙中两国政府间文化教育交流协议被聘请来蒙古任教的有 4 人，比 2003 年增加了 3 人。近几年中国国家汉为了支持蒙古汉语教学事业公派来很多志愿者教师到我国各地学校工作，人数也不断增加，从 2004 年的第一批队伍的 14 人 2007 年已增加到 50 多人，2011 年已超过了 120 多人。目前本土和中国汉语教师分布不平衡，主要一个特点是在中小学中国汉语教师多，有 124 人，占蒙古汉语教师总数的 77.5%，中小学汉语教师总数的 87%。那么在高校汉语教师总数为 118 人，本土教师有 69 人，占蒙古汉语教师总数的 26%，高校汉语教师总数的 58%。

现今共有 87 名蒙古汉语教师任教，其中有 69 人在高校任教，仅有 18 名教师在中小学教汉语。其中大多数是女教师，男老师占蒙古汉语教师的 28%，大多数在高校教书。对汉语教师年龄来说，多大数是 25-45 岁的年轻老师。看蒙古汉语教师的学历，获得博士学位或攻读博士研究生的教师约占 29%，其余大部分是硕士学位的教师。总之，蒙古汉语教师的 65%人已获得硕士和硕士以上学位。大部分博士生教师在中国高校留学读学位。

蒙古国汉语教师协会成立以来，该协会每年两次和山东大学联合举办汉语师资培训，共有 200 多人参加。

随着我国社会经济各领域的发展、蒙中两国关系的发展、蒙古汉语教学也面临着很多改变和挑战。最近几年的汉语学生人数不断增加，汉语教师的总数也持续增加。一方面蒙古汉语教师素质有所提高，积累丰富的工作经验，各校重视汉语教学质量问题、开展对外合作交流，另一方面蒙古政府部门开始注重各级学校的汉语教学，中国有关机关也提供师资、教材方面的援助，这些都是对推动各校汉语教学，把蒙古的汉语教学事业推向前进，进一步加强教学一定有很大的帮助。

我们希望通过这次调研大家能获得较为全面的信息了解蒙古汉语教学的情况，能看到我国汉语教学发展的未来，我们深信蒙古的汉语教学事业会有一个灿烂的前景。

参考文献

1. Gerelt-IreeduiB. 蒙古国汉语教学的发展. 人文大学出版社. 2003
2. 李正义. 蒙古国"汉语热"的成因及思考. 蒙古国立大学出版社. 2003
3. Batmaa V. 蒙古汉语教学现状及展望. 台湾铭传大学学报. 2008
4. 胡维娜. 蒙古国汉语教学现状调研报告. 国际关系研究所出版社. 2009
5. Базаррагчаа Ц.нар. Монгол Улсад хятад судлалын бэлтгэж эхэлсний 50 жилийн түүхэн товчоон. Ном Хур. 2007
6. 王珂. 蒙古国立大学中文系汉语教学状况调查报告.10.7666/d.y1821997.2010
7. 隽娅玮.蒙古国汉语教学状况及相关对策的研究.黑龙江大学.2012
8. 崔 秀 钟 .《欧洲语言共同参考框架》新理念下的国际汉语教育研究——以蒙古国立大学的汉语教学实践为例.蒙古国立大学.2014
9. Бадмаанямбуу Д. нар. Хятад судлалын салбар – Нэгэн жаран. Удам соёл. 2017
10. 蒙古汉学与文化发展报告.中国教育图书进出口公司. 2019

***

Е.В. Голубева,
Элиста, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ СИНТАКСИСА У СТУДЕНТОВ-КИТАЙЦЕВ

Русский и китайский языки обладают разной структурной организацией и совсем не похожи с точки зрения специфики функционирования грамматических категорий системных единиц. Китайский язык принципиально отличается от русского, являясь аналитическим. При аналитической структуре грамматические значения передаются в основном при помощи синтаксических конструкций, порядка слов, контекстуального окружения и системы служебных единиц. Функция слова в китайском языке определяется не морфологическими правилами, а синтаксисом [2, с. 21-25]. Это создает трудности при изучении РКИ студентами-китайцами. Отсутствие алфавита, синтез диалектных особенностей в едином китайском языке, иероглифическая письменность, тоновая дифференциация, специфика речевого аппарата носителей – все это создает серьезные трудности в процессе обучения китайцев. Некоторые интерферентные особенности интонирования и произношения китайцев, говорящих на русском языке, не корректируются, поэтому китайский акцент с годами практически не исчезает. Так, для китайской устной речи характерны: неразличение звуков [р] – [л]; отсутствие четкой артикуляции при произнесении [в], замена [в] на [w]; смягчение твердых согласных; смешивание шипящих звуков и т.д.

При обучении китайцев следует учитывать методические особенности национальной системы образования. Китайские студенты при подготовке к экзаменам привыкли заучивать слова и тексты, так как в средней школе методика преподавания направлена на

автоматизацию процесса запоминания. Следует сказать, что в китайских средних школах в одном классе могут учиться 50-60 человек, это очень много по сравнению с российскими школами. В китайских университетах академические группы студентов языковых специальностей состоят из 20-30 человек, поэтому, вероятно, процесс заучивания является чуть ли не единственным способом освоения учебных дисциплин.

Преподаватели, ведущие дисциплины РКИ в группах китайских студентов, сталкиваются с тем, что обучающиеся справляются с тестовыми заданиями по дисциплине «Лексика. Грамматика» на первом сертификационном уровне на 98%, благодаря заучиванию, но не могут сдать экзамен по говорению на том же уровне.

Уровневая система обучения РКИ предполагает постепенное движение от простого к сложному. Актуальность обучения синтаксису обусловлена прежде всего задачами коммуникативного метода, именно способность правильно строить предложения позволяет иностранцу эффективно общаться, достигая определенных коммуникативных целей, быть понятым и понимать, чувствовать себя уверенно, быстрее адаптироваться в иноязычном окружении.

Синтаксис любого языка представляет собой высшую форму его функционирования, именно в умении понимать и изменять синтаксические связи в соответствии с коммуникативным замыслом состоит продвинутое владение иностранным языком. Подготовка к изучению синтаксиса РКИ начинается на элементарном уровне, формируются теоретические основания для формирования навыков использования единиц синтаксиса. Классификация синтаксических единиц на продвинутом уровне не должна сильно отличаться от систематизации грамматического материала для носителей языка, иностранцы должно понимать логику изложения, видеть системное представление материала.

Так, при изучении словосочетаний необходимо обратить внимание обучающихся на грамматическую форму главного и зависимого слов, отработать теоретический материал при выполнении упражнений по образцу. Например: Составьте словосочетания по модели: стул из дерева – деревянный стул; кольцо из золота – золотое кольцо; читать (как?) быстро; говорить (как?) хорошо. На следующем этапе преподаватель может использовать предложения для синтаксического анализа словосочетаний, постепенно усложняя модель и схематический состав.

В данной статье рассматриваются способы обучения китайских (и не только) студентов, методические приемы, позволяющие преподавателю продемонстрировать возможности моделирования словосочетания, разбор предложения на словосочетания; единицы синтаксиса представляются в виде «конструктов», которые можно «собрать» и «разобрать» в соответствии с определенными моделями.

Поиск инновационных способов представления материала для обучения иностранцев обусловил представление синтаксиса как взаимосвязанной системы «конструктов». «Пользователю» языка необходимо усвоить модели (в соответствии с лексическим минимум каждого сертификационного уровня РКИ), активное использование которых позволит автоматизировать речевую деятельность, выбирать языковые средства, не задумываясь.

Трудности, связанные с освоением синтаксиса РКИ, начинаются на этапе изучения глагольного управления. Так, студенты-китайцы очень хорошо усваивают системные закономерности образования форм, которые характеризуются повторяемостью и частотностью, например: учиться в университете, работать в офисе, но – родиться в тысяча девятьсот девяносто восьмом году.

Освоение структуры простого предложения и простого осложненного предложения в процессе преподавания РКИ китайским студентам так же имеет свои особенности. Понимая структуру и особенности функционирования, китайцы не могут эффективно использовать их в ситуациях общения вне аудитории.

Анализ методической литературы и опыт преподавания РКИ у китайских студентов в вузе свидетельствуют о том, что иностранные студенты ограничиваются достижением сертификационного уровня В2, поэтому рабочие программы и материалы для преподавания

редко содержат пригодные методические средства для обучения на этом уровне. Необходимо отметить, что продвинутый уровень владения РКИ, соответствующий уровню С1 «эффективный в профессиональной деятельности», предполагает выполнение ограниченных профессиональных обязанностей, удовлетворяет минимальные коммуникативные потребности говорящего, связанные с работой или учебной деятельностью.

Недостаточная подготовка студентов в процессе уровневого обучения РКИ может нивелироваться при вертикальной структуризации материала: звуки → слоги → слова →словосочетания → простые предложения →сложные предложения → текст. На каждом этапе преподаватель имеет возможность оценить уровень подготовки студента, определить слабые места, скорректировать ошибки, систематизировать информацию.

Использование грамматического тренажера в виде тренировочных упражнений автоматизирует навыки сборки/разборки языкового «конструктора», поэтому при обучении иностранцев целесообразно использование схем, демонстрирующих синтаксические связи; рекомендуется проведение командных игр, ускоряющих навыки построения правильного простого, осложненного, сложного предложения, «оживляет» процесс обучения.

Освоение подобных навыков приближает иностранцев к сертификационному уровню С2 «свободное владение», сближает с носителями языка, позволяет осознанно использовать средства языка в соответствии с ситуацией общения. Практика преподавания в китайских группах требует постоянного оживления процесса обучения в аудитории, динамики, постоянного переключения видов обучающей деятельности, поэтому использование игры «Схемы» (игрокам нужно как можно быстрее придумать предложение по представленным схемам) может стать эффективных методическим инструментом в формировании автоматизации коммуникативных навыков. Китайские студенты традиционно ведут себя очень сдержанно, при всей своей бытовой непосредственности в ситуации учебного дискурса китайцы не проявляют инициативы, отмалчиваются, предпочитают не отвечать.

Таким образом, при обучении студентов-китайцев необходимо корректировать содержание занятий в соответствии с фактическим уровнем владения РКИ, учитывать национально-культурные особенности менталитета китайцев, выбирать задания, которые позволят преподавателю переключать виды продуктивной и непродуктивной деятельности, стимулировать потребность в коммуникации в соответствии с грамматико-стилистическими нормами русского языка. Синтаксис РКИ обладает уникальным набором характеристик, которые могут помочь в построении схематических моделей при обучении иностранных студентов, понимании субъектно-объектных отношений, синтаксических связей в предложении.

Процесс обучения китайских студентов на разных уровнях обучения РКИ требует от преподавателя поиска новых эффективных учебно-методических материалов для проведения занятий, которые автоматизируют полученные навыки обучающихся, позволяют строить сложные синтаксические единицы без долгого поиска языковых средств, правильно выбирать семантико-стилистическую, падежную, видовременную формы, а также учитывать дискурсивные особенности общения.

Литература

1. Голубева Е.В. Результаты ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов-китайцев, изучающих РКИ // Вестник КалмГУ. № 39(3), 2018. Элиста: Изд-во КалмГУ. С. 72-81.

2. Голубева Е.В., Бадмаева З.В. Омонимия в китайском языке // Молодой исследователь: вызовы и перспективы: сб. ст. по материалам Международной научно-практической конференции «Молодой исследователь: вызовы и перспективы». № 47(100). М., Изд. «Интернаука», 2018.

3. Голубева Е.В., Бадмаева З.В. Изучение русского языка в Китайском нефтяном университете – Пекин, кампус Карамай (из опыта работы) // Материалы VII Международной

научно-практической конференции «Русский язык в современном Китае». 19-20 апреля 2019 г. Хайлар КНР, 2019.

4. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение / Андрюшина Н.П. и др. М.-СПб.: Златоуст, 1999. 36 с.

5. Лингводидактическая программа по русскому языку как иностранному: Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень.: Учебное пособие. М.: РУДН, 2010. 181 с.

6. Михеева А.А. К вопросу об эффективных методах обучения русскому языку как иностранному // http://www.allbest.ru/

***

Э.О-Г Дальдинова, Т.М Кекеева,
Элиста, Россия

ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

К духовному наследию калмыков относится многожанровый калмыцкий фольклор. Среди его образцов особо выделяются калмыцкие сказки – одно из ярких высокохудожественных проявлений духовной культуры народа – создававшиеся на протяжении многих веков талантливыми представителями народа.[3, с.57]

Этнические ценности, представленные в народных сказках, приобретают особое значение в процессе овладения иностранным языком как средством межкультурной коммуникации, что позволяет квалифицировать сказку как одно из эффективных средств обучения иностранному языку с этнической направленностью. Использование народных сказок, фольклора в процессе обучения иностранному языку обеспечивает изучение иностранного языка как феномена национальной культуры других народов. Это способствует воспитанию у обучаемых культуры общения, принятой в современном цивилизованном мире, позволяет превратить процесс овладения иностранным языком и культурой в дидактический полилог культур. В результате обеспечивается самосознание обучаемого как поликультурной и иноязычной личности, проявляющейся во всем своем многообразии – в обращенности к другим культурам, в восприятии другого социокультурного фона и менталитета

При отборе текстов калмыцких сказок использовались критерии параллелизма, оригинальности, занимательности, доступности. Нами был использован сборник калмыцких сказок ,переведенных на немецкий язык нашей соотечественницей Еленой Джамбиновой ,прожившей длительное время в Германии[4, с. 6].Следует отметить ,что немецкие ученые внесли весомый вклад в изучение фольклора калмыков .Они прибыли в калмыцкие поселения из г. Гернгуте.Примечательно,что впервые калмыцкие сказки были опубликованы на немецком языке.Особая заслуга в изучении калмыцкого фольклора принадлежитБ. Бергману. Он долгое время жил среди калмыков,изучал язык,устное народное творчество кочевников.[2, с.4]

Учащимся были предложены для знакомства все виды сказок, которые существуют в традиционной классификации. Были отобраны калмыцкие народные сказки, которые делятся на сказки о животных, бытовые сказки, волшебные, богатырские. Критерий параллелизма и оригинальности нашел свое отражение при отборе калмыцких сказок, которые имеют схожие мотивы со сказками других народов. Следующим критерием, который был использован при отборе калмыцких сказок, является критерий занимательности Как показывает анализ калмыцких сказок, время глагола, употребляемое для описания событий в сказке, – это прошедшее время общего вида (Imperfekt). Все анализируемые нами сказки написаны в этом времени. Если же какие-то факты выделяются особо как предшествующие основному ходу событий, употребляются соответствующие формы немецкой системы времен. Прямая речь персонажей не относится к построению художественного времени произведения, она имитирует факты живой речи. Для этого в калмыцких сказках используется настоящее время

(Präsens). «MeineTochtersitztnichtarbeitendzuHause, ihrEssenistgutundreichlich». Помимо временных форм глагола, для создания художественного времени в калмыцких сказках используются лексические единицы, которые четко указывают, что действие происходит в прошлом: Einmal, ineinerWoche, eswarvorvielenJahren. Национальное своеобразие калмыцких сказок и их особый колорит наиболее ярко проявляются в специфике художественно-выразительных языковых средств, основными из которых являются традиционные формулы.С помощью лексических единиц в сказке создается типичное начало (typicalbeginning), которое вводит читателя в атмосферу сказки. Кроме типичного начала, почти все сказки имеют типичное окончание (typicalending). Например: «DerAlteundseineFraulebtenlangeundglücklich». Сказка служит основой для развития умений и навыков устной и письменной речи. Ученик действует от своего собственного лица (обоснование позиции героев, дискуссия по проблеме, затронутой в тексте, написание рецензии, отзыва на текст, составление продолжения истории рассказа и др.). Учащиеся отвечают на вопросы к тексту, комментируют его содержание, высказывают свою точку зрения на полученную информацию, составляют письменный вариант собственного текста.

Использование этнического компонента обучения немецкому языку в виде переведенных на немецкий язык народных калмыцких сказок обеспечивает значительное повышение мотивации к изучению немецкого языка, способствует усилению эмоциональности в овладении немецким языком, развивает умение межкультурной коммуникации, содействует воспитанию многоязычной и поликультурной личности. Особое внимание в обучении нами было уделено развитию умения понимать метафоричность сказки. Задача заключалась в том, чтобы научить учащихся извлекать из иноязычного текста сказки нравственные уроки, понимать метафоричность сказки и уметь интерпретировать ее содержание.

Большое значение имеет формирование умения антиципации, сущность которой заключается в умении предвосхищать содержание текста сказки за счет вдумчивого прочтения заголовка и прогнозирование того, какое содержание может быть при таком заголовке.Особенность обучения чтению сказок заключается в развитии умения читать, извлекать смысл между строк. Понимание реализуется не на смысловом, а на языковом уровне. Это довольно распространенное явление при несовершенном владении иностранным языком, когда все слова понятны, а смысл текста (сказки) неясен [1, с. 47].

Произведения устного народного творчества оказывают воздействие на степень познавательной самостоятельности учащихся. Целесообразно дальнейшее совершенствование творческого использования педагогического потенциала фольклора как средства формирования иноязычной учебно-речевой деятельности учащихся. Внедрение в практику методических рекомендаций по использованию национальной сказки в обучении иностранным языкам, апробированных в учебном процессе, позволит усовершенствовать процесс обучения иностранному языку в национальной школе.Следует подчеркнуть,что калмыцкие сказки обладают значительным лингводидактическим потенциалом.Ученики знакомятся с культурными ценностями своего народа через иностранный язык,в данном случае немецкий.Они учатся понимать метафоричность ,подтекст сказки ,так как эти понятия являются ключевыми позициями к пониманию калмыцких сказок.Мы пришли к выводу,что калмыцкие сказки,переведенные на немецкий язык,целесообразно использовать как эффективное средство при обучении чтению на немецком языке.

Литература

1. Барышников Н.В. Методика обучения второму иностранному языку в школе. – М.: Просвещение. – 2003. – 159 с.

2. Бураева Т.В. Язык калмыцких народных сказок (на материале «Калмыцких сказок» Г.И. Рамстедта). Дисс. канд.фил.наук. – Элиста,2006.-184 с.

3. Дальдинова Э.О-Г. Использование калмыцких сказок в обучении чтению на иностранном языке(немецкий язык, национальная школа Калмыкии). – Дисс… канд.пед.наук.- Пятигорск.-2004.-202с.

4. Helena DshambinovaMärchen der Kalmücken. Hrsg. UndübersetztvonHelenaDshambinova.– Frankfurt am Main, 1993. – 142 s.

***

А.В. Дышин,
Владивосток, Россия

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КНР И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В нашей стране много говорится об академическом предпринимательстве, под которым понимается предпринимательство в вузах Российской Федерации. С учетом постоянно продлеваемых санкций против Российской Федерации, которые затрагивают все новые области, а также связанного с этим общего недостатка средств для финансирования учреждений высшей школы, идея достаточно актуальная. Однако, несмотря на горячее желание вузов заработать какие-нибудь деньги и принятие Федерального закона №217-ФЗ от 02.08.2009 года, который должен был этому значительно способствовать, процесс идет медленно. В сложных условиях на помощь обычно приходит опыт других стран, в нашем случае опыт КНР. Если по данным Министерства образования и науки Российской Федерации на конец 2017 г. в нашей стране в соответствии с Федеральным законом №217-ФЗ от 02.08.2009 года было создано порядка 3тыс. так называемых «малых инновационных предприятий» [2], то в КНР успешно действовало порядка 180 тыс. так называемых «маленьких гигантов», которые созданы при участии вузов, они являются высокотехнологичными предприятиями, их особенностью является то, что число занятых на них не должно превышать 100 человек [1]. Понятно, что такая большая разница как в количестве, так и в качестве выпускаемой продукции заслуживает изучения опыта в области академического предпринимательства в КНР для использования в российских условиях.

В последнее время активно обсуждается роль так называемой модели «тройной спирали» в развитии общества, которое основано на знаниях. Модель «тройной спирали» была предложена в 2000 г. профессором университета г. Ньюкасл Г. Ицковицем и профессором университета г.Амстердам Л. Лейдесдорфом [4]. Их модель основывалась на модели известного бразильского ученого Х. Сабато, так называемом «треугольнике Сабато», который выражал соотношение между государством, бизнесом и университетами в период развития инновационной экономики [3]. Однако, если Х. Сабато в основу ставил государство, которое регулирует инновационное развитие и определяет векторы его развития, то Г. Ицковиц и Л. Лейсдорф видят движущую силу этого «треугольника» в университетах и отводят им основную роль в развитии инновационной экономики. Государство, с их точки зрения, должно выделять не менее 3,5-5% ВВП страны на развитие науки и инноваций и создавать условия для привлечения бизнеса к сотрудничеству с исследовательскими университетами в сфере создания новых разработок и их внедрения. Нас интересует, в какой степени практика развития академического предпринимательства в КНР соответствует теории «тройной спирали».

В процессе исследования применялись методы теоретического обобщения, анализа и синтеза, классификации, статистического анализа и форсайт-анализа.

В рамках мероприятий, связанных с проведением Дней провинции Хэйлунцзян в Приморском крае в ноябре 2016 г., Дней Приморского края в провинции Хэйлунцзян в июне 2017 г., Дней китайского инвестора в Приморском крае в декабре 2017 г., при содействии

соответствующих структур Администрации Приморского края были проведены форсайт-сессии, в ходе которых с использованием методов форсайт-анализа участники определяли перспективы развития двусторонних отношений и предпринимательства на уровне приграничных провинций КНР и Приморского края Российской Федерации. Был разработан опросник, который распространялся как среди отечественных, так и среди китайских предпринимателей. Вопросник содержал как общие вопросы, связанные со сферой деятельности иностранных и отечественных предпринимателей, характером и объемом производства, так и специфические вопросы, связанные с основными проблемами в их деятельности, источниками финансирования и условиями кредитования. Для обработки полученных данных на первом этапе использовались методы контент-анализа, затем для обработки данных было использовано программное обеспечение «Statistica 10».

Развитие академического предпринимательства в Китае связывают с именем Конфуция и с созданием им первой частной академии. Средства на содержание частной академии Конфуций и его наиболее талантливые ученики получали за счет оказания консалтинговых услуг местным правителям, которые расплачивались в денежной и натуральной форме, а также за счет редакционно-издательской деятельности. По некоторым данным, он составил и редактировал летопись «Чуньцю», а также канонические книги «Шицзин» («Книга истории»), «Шицзин» («Книга песен») и «Ицзин» («Книга перемен»), а также написал достаточно большой комментарий к последней книге. В последующий период до образования КНР (1949г.) академическое предпринимательство осуществлялось в форме оказания консалтинговых услуг и редакционно-издательской деятельности. После образования КНР академическое предпринимательство осуществлялось под строгим контролем государства, хотя иногда (1958-1960 гг., 1966-1976 гг.) контроль ослабевал. Активизация академического предпринимательства наступила после 1983 года, когда в стране началась всеобъемлющая экономическая реформа. Как уже было сказано выше, в настоящее время в КНР действует порядка 180 тыс. малых высокотехнологичных предприятий, большая часть из них тесно связана с местными высшими учебными заведениями. Как показал анализ полученных в ходе исследования данных, хотя консалтинговые услуги и редакционно-издательская деятельность продолжают входить в сферу деятельности малых высокотехнологичных предприятий, они составляют от25% до 30% в стоимостном отношении в объеме предоставляемых услуг и выпуске продукции. Большая часть (от 70% до 75%) приходится на выпуск высокотехнологичной продукции. Что касается источников финансирования, то от 65% до 70% средств поступает от участия в государственных целевых программах научно-технического развития. От 10% до 15% поступает от региональных и провинциальных целевых программ и от крупных корпораций с государственным участием.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что государство в Китае играет основную роль в финансировании развития малого предпринимательства и, в частности, малого высокотехнологичного предпринимательства. Тогда для характеристики развития академического предпринимательства в Китае в большей степени подходит не модель «тройной спирали» Г. Ицковица и Л. Лейсдорфа, а «треугольник Сабато» с главной ролью государства в этих процессах.

Российской Федерации следует изучать опыт организации и развития академического предпринимательства в КНР. Первоначальные условия для развития академического предпринимательства в наших странах были сходными, в Китае и в России были и до сих пор остаются академические институты и вузы, которые достаточно плохо приспособлены к новым экономическим условиям, связанным с сокращением централизованного финансирования и насущной потребностью самостоятельно зарабатывать денежные средства, необходимые для дальнейшего развития, совершенствования материальной базы и повышения уровня жизни сотрудников. Тем ценнее для России опыт Китая в данной области, который смог не только реформировать прежнюю систему, но и обеспечить ее динамичное

развитие, включая накопление необходимых ресурсов для саморазвития системы. Как и в Китае, в России государство должно играть активную роль в этом процессе.

Литература

1. Жэньминь жибао, 25.06.2018.
2. Наука и технологии Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: www.strf.ru/ (Дата обращения : 8.06.2019).
3. Sabato, J. Ensayos en campera, Juarez Editor, Rio de Janeiro, 1979.
4.Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии/Генри Ицковиц; пер. с англ. под ред. А.Ф.Уварова. - Томск. Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники,2010.

***

Р.Б. Дякиева,
Элиста, Россия

ВКЛАД ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИИ В ГУМАНИТАРНУЮ ПОЛИТИКУ МИРА (НА ПРИМЕРЕ КАЛМГУ)

Социально-экономические и технологические преобразования в современном мире и выдвигают непростые задачи, и эти задачи неизбежно связаны с функционированием института образования и выступает одним из инструментов формирования гуманитарной политики, как в отдельно взятом государстве, так и во всем мире. В последние годы возрастает роль вузов в качестве «лабораторий», где разрабатываются, апробируются и внедряются новые идеи и технологии, отвечающие вызовам глобализации. В целом в XXI веке образование изменилось настолько, что востребованным стало «новое» отношение к образованию, новое качество образования и в концепцию такой трансформации образования гармонично вписывается дальнейшее развитие глобального образовательного пространства.

Наряду с данными актуальными и перспективными направлениями деятельности вузов, ключевым для них становится и международная деятельность, расширение границ своего влияния и вширь и вглубь. Безусловно, каждый вуз склонен развивать, поддерживать и продвигать приоритетные для него направления исследований и образовательных программ в потенциальных областях науки, где он сможет занять ведущие позиции. Для Калмыцкого государственного университета сотрудничество в образовательной сфере стало важным направлением в его гуманитарной политике, составной частью межгосударственной интеграционной политики: сегодня вуз имеет более 100 подписанных договоров с образовательными и научными учреждениями Азии и Европы, в том числе Китая, Монголии, Южной Кореи, Казахстана, Индии, Чехии, Германии, Австрии, Словакии. Несмотря на активное взаимодействие, важной стратегической задачей КалмГУ остается расширение географии партнерских взаимоотношений, углубление и развитие имеющихся связей, налаживание сетевых форм взаимодействия.

Сформированная и сохраняющаяся более 400 лет в Калмыкии толерантная поликультурная среда представляет собой ценный ресурс для продуктивного межрегионального и международного взаимодействия. Общественно-политическое развитие Калмыкии, культура, история, верования, просвещение и другие актуальные вопросы на фоне языкового и межкультурного взаимодействия создают панораму исторической жизни народа и региона в целом и уникальную среду для расширения международного пространства.

Наиболее важным применительно к открытому образованию становится принцип гуманизации, в целом гуманитарность становится системообразующей компонентой новой образовательной парадигмы калмыцкого вуза. Важным стратегическим направлением Калмыцкого университета стало расширение гуманитарного сотрудничества в области востоковедных исследований и продвижения русского языка и культуры. Здесь ключевые результаты достигнуты за счет реализации проекта «Калмыкия как трансграничный регион в восточном секторе России», позволившего сделать качественный скачок в развитии международного и межрегионального сотрудничества. Уникальность проекта заключается в том, что изначально проект был задуман как комплексный. С одной стороны, главной целью было масштабирование деятельности вуза по созданию гуманитарной основы для развития культурных социально-экономических связей региона со странами восточного мира, в том числе ШОС («мягкая безопасность»), с другой – реализация комплекса мероприятий по гармонизации межнациональных и межэтнических взаимоотношений в регионе, обеспечение этнокультурной безопасности территории, сохранение национального культурного наследия. По словам ректора КалмГУ Бадмы Салаева на начало 2019-2020 учебного года уже подписаны 100 Соглашений. Стратегическими партнерами выступили ведущие востоковедные центры России, ближнего и дальнего зарубежья, в том числе ведущие институты РАН и академические центры Монголии, Китая, Казахстана, Киргизии Узбекистана и других стран [1].

Вся история становления и развития российской государственности связана с идеей евразийства. Тюрко-монгольский компонент является культурно-историческим фактором, который связывает Россию со странами Средней и Центральной Азии.

В этой связи, развитие востоковедного направления – это социальный заказ многонационального и поликонфессионального общества Республики Калмыкия. Развивая востоковедение, университет активно взаимодействует с ведущими вузами и академическими институтами системы Российской академии наук, прежде всего: Институтом востоковедения РАН, Институтом языкознания РАН, Институтом восточных рукописей РАН, Институтом лингвистических исследований РАН, Академией наук Абхазии. Тесное сотрудничество востоковедного центра университета с вузами и академическими центрами Монголии, Китая, Казахстана, Киргизии, Азербайджана, Абхазии, Туркменистана, Ирана превращает вуз в агента культурного влияния и ещё одним фактором российского присутствия в этих странах и регионах. Первым стратегическим проектом стал проект под названием «Восточный вектор России: кросс-культурное взаимодействие народов».

Основными результатами реализации проекта, помимо деятельности научного центра «Восточный вектор России: кросс-культурное взаимодействие народов», реализация 20 научных проектов с вузами-партнёрами по изучению взаимодействия тюркских, монгольских и русского этносов, создание образовательных программ в области трансграничных связей в регионе Прикаспия и странах Шанхайской организации сотрудничества [2].

В конечном итоге это усилит качество подготовки кадров, активизацию экспорта российских образовательных услуг в зарубежные государства, популяризацию российского образования за рубежом, укрепление межрегиональных (международных) связей, которые потом могут вылиться в совместные инвест-проекты.

Выбор Калмыцкого госуниверситета в качестве ключевого фактора для «восточного» научного центра не случаен: КГУ, приобретя статус опорного вуза, он является одним из успешных вузов региона. Помимо проекта «Восточный вектор России», ученые и преподаватели КГУ ведут работу и в области реализации гуманитарной миссии вуза через деятельность Экспертного центра по сохранению и продвижению русского языка и культуры, ресурсного центра по обеспечению реализации политики импортозамещения и решения задач продовольственной безопасности в АПК, диверсификации портфеля профессиональных образовательных программ и т.д.

Расширяя международное сотрудничество, Калмыцкий университет стремится быть открытым и доступным для совместных исследований по разным научным направлениям. Так, в период с 2013 по 2016 гг. на базе КалмГУ проведены 4 Международные конференции, в том числе «Великие евразийские миграции». Необходимо отметить, что проекты по проведению данной конференции, включая и остальные, были поддержаны Российским гуманитарным научным фондом. Кроме того, в ноябре 2015 года КалмГУ организовал Международный Форум «Университеты Евразии». Результатом работы Форума стал разработанный план по взаимодействию с вузами – партнерами, подписавшими Соглашение о создании Евразийского научно-образовательного Содружества.

Также в декабре 2017 и 2018 гг. были проведены два Международных Форума «Сетевое востоковедение: образование, наука, культура». В его работе приняли участие более 500 ученых из Китая, Монголии, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, а также регионов РФ. О востребованности международного формата данного Форума свидетельствует не только заочный интерес ученых стран, входящих в ШОС, но личное их участие в Форумах и заявки на посещение аналогичного Форума в 2019 году.

Таким образом, исторически сложившаяся миссия и географическое положение определили важную задачу для флагмана регионального образования – Калмыцкого государственного университета служить научно-образовательным мостом, несущим гуманитарную миссию, соединяя европейские и азиатские достижения и перспективы.И межвузовское сотрудничество, в частности, программы совместных дипломов и двойных дипломов стали основным инструментом формирования общеевропейского пространства высшего образования и научных исследований. Очень эффективной и широко развитой формой сотрудничества являются программы академических и научных обменов и стажировок, как студентов, так и преподавателей [3].

Современные условия развития общества ставят новые задачи перед высшим образованием – готовить специалиста, отвечающего изменившимся запросам общества. Молодые специалисты должны обладать большей, чем вчера, профессиональной мобильностью, что требует достаточно высокого уровня интеллектуальной деятельности. Это обусловлено особенностями новых социально-экономических условий и интенсификацией научно-технического прогресса.

Следуя этой тенденции, КалмГУ были открыты совместные магистерские программы «Сравнительное языкознание» и «Алтаистика и общее языкознание» и в настоящее время осуществлен первый выпуск по системе двойных дипломовдвух высших учебных заведений -Иссыкульского госуниверситета и КалмГУ.Согласно договору с Западно-Казахстанским государственным университетом им. Х. Утемесова бакалавры из Казахстана прошли языковую стажировку по калмыцкому языку в КалмГУ. Магистранты КалмГУ, выполняющие диссертации на материале казахских и калмыцких языков, направляются на языковую стажировку в Казахстан.

В настоящее время 15 выпускников средних школ Киргизстана (генетические калмыки, г. Каракол) обучаются на 2-х профилях направления «Филология» КалмГУ: «калмыцкий язык и литература, русский язык и литература», «калмыцкий язык и литература, иностранный язык», для обучающихся из Киргизии один из тюркских языков является родным.

Представители тюркоязычных стран СНГ продолжают обучение в магистратуре и аспирантуре КалмГУ, вузах-партнерах и научных учреждениях.

Благодаря тесному сотрудничеству, у университета степного региона есть хорошие возможности стать востоковедным центром, сотрудничающим с вузами Монголии, Китая, Казахстана, Ирана и других государств восточного региона. У калмыцкого народа богатая история, связывающая Европу и Азию.

Наряду с этим самые тесные контакты в последние годы налажены между КалмГУ и китайскими вузами, история которых начинается с 1999 года, когда впервые в рамках реализации программы «Регионоведение» было введено преподавание китайского языка. В

список стратегических партнеров сегодня 15 вузов Китайской Народной Республики. Формы и область взаимодействия КГУ с партнерскими вузами Китая затрагивают самые разные направления образовательной, научной и культурной деятельности. Это студенческие обмены, совместные научно-исследовательские проекты, научные и образовательные стажировки преподавателей и студентов, создание центров языка и культуры на площадках вузов-партнеров, функционирование Института Конфуция культурные обмены и другие формы сотрудничества.

С 2013 года реализуется проект «Россия онлайн», в который вовлечены разные категории университетского сообщества китайских вузов: студенты, преподаватели, слушатели Центров русского языка в Китае и др. Проект позволяет участникам успешно закрепить свои знания русского языка, лучше узнать культуру нашей страны через проведение занятий посредством программы Skype видеоконференций.

Активизации сотрудничества с китайскими вузами способствовала личное посещение вузов Китая ректором КалмГУ Б.К.Салаевым в июне 2018 года. Делегация Калмыкии во главе с ректором приняла участие в заседании Попечительского Совета Института Конфуция в г.Хух-Хото. Были подведены итоги работы Института Конфуция на базе КалмГУ за последние четыре года, проведен анализ проведенных мероприятий. Оценивая его деятельность, ректор Университета Внутренней Монголии Чэнь Гоцин отметил, что «…данная организация развивает дружеские взаимоотношения Китая с Россией, реализует большое количество проектов, способствующих росту понимания китайской истории и традиций в России» [4].

При многополярности культур, конфессий, убеждений и ускоряющихся процессов глобализации в современном мире возрастает роль высших учебных заведений. Калмыцкий госуниверситет в течение полувека своей деятельности стал точкой притяжения и стартовой площадкой для многих международных проектов. Сегодня партнерами КалмГУ являются более чем 50 университетов страны и мира, большинство из которых находятся в странах Азии и Востока.

Глобальность мышления, способность к анализу различных информационных потоков, готовность к творческому решению проблем — это важнейшие характеристики человека XXI столетия. Именно поэтому функции образования в современную эпоху значительно сложнее, чем простая передача опыта и знаний от поколения к поколению. Сегодня можно констатировать, что интеграция в образовательной сфере является наиболее актуальным и многообещающим процессом именно в рамках содружества разных государств. В данном контексте особо выделяется языковой и культурный аспект интеграции в сфере образования, так как широкое применение русского языка государствами содружества и сохранение информационного пространства являются важными активами в процессе развития общего образовательного пространства.

Литература

1. Калмыцкий университет, 2018, № 2
2. https://www.politrus.ru/[Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.politrus.ru/2017/05/25/kalm-news-11/ (дата обращения: 12.09.2019).
3. Абдраимов Б.Ж. Межвузовское сотрудничество как ключевой фактор развития общего образовательного пространства: Евразийское измерение. Информационно-аналитический Центр. Лаборатория общественно-политического развития стран Ближнего зарубежья https://ia-centr.ru
4. Калмыцкий университет, 2018, № 7

***

В.А. Любимова,
Астрахань, Россия

ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Иностранный язык, как средство межкультурной коммуникации занимает не последнее место в поликультурном образовании. Овладение иностранным языком невозможно без параллельного изучение соответствующей культуры. «Если понимать под культурой все, что делает и думает нация, то речь фиксирует, как эта нация думает». [1. с. 91] По мнению Х. Брауна Дугласа, культура – это контекст, внутри которого мы существуем, думаем, чувствуем и общаемся друг с другом. [4. с. 23] Если организовать процесс обучения и воспитания таким образом, чтобы учащиеся наряду с иностранным языком овладевали феномен национальной культуры страны изучаемого языка, будет обеспечено овладевание не только коммуникативными навыками, но и навыками межкультурной коммуникации.

Несмотря на разногласия в методологических подходах и аспектах исследований межкультурной коммуникации, большинство ученых придерживаются мысли, что главными целями исследований в этой сфере являются: систематическое изложение основных проблем межкультурной коммуникации, овладение основными понятиями и терминологией; развитие культурной восприимчивости, способности к правильной интерпретации конкретных проявлений коммуникативного поведения в различных культурах; формирование практических навыков и умений в общении с представителями других культур. В культуре любого народа важное место занимает язык. Язык – это инструмент культуры, формирующий личность человека, именно через язык воспринимается менталитет, традиции и обычаи своего народа, а также специфический культурный образ мира.[2. с. 14-15]

Таким образом, помимо культурологического, языковое образование является специфическим средством хранения и передачи информации, а также управления поведением человека. Благодаря языку осуществляется специфически человеческая форма передачи социального опыта, культурных норм и традиций, через язык реализуется преемственность различных поколений и исторических эпох. Основные функции языка – это средство выражения мыслей, средство общения. Язык служит коммуникации и может быть названной коммуникативным процессом в чистом виде. Поскольку культуру как специфический признак приспособления человека к окружающей среде тоже можно назвать коммуникацией, становится очевидным, что связь языка, культуры и коммуникации является естественной и неразрывной.

Иностранный язык, как одно из главных средств межкультурной коммуникации, необходимо изучать как феномен национальной культуры, как «Языковую модель» мира данного народа и данной культуры, и, как результат, возможно формирование особого типа компетенции – лингвосоциокультурной, тем самым обеспечив полноценное межкультурное общение и взаимопонимание. Именно тогда и состоится диалог культур.

Обучение вообще, и обучение языку в частности, преследует не только прагматическую цель – обеспечить студентов необходимыми средствами для речевого взаимодействия, но и развивающую и общеобразовательную цели, даже в большей степени. Изучать иностранный язык означает почувствовать культурную общение с носителями языка и привнести в общение особую полноту, глубину и многоплановость. Обучение языку как средству осуществления межкультурной коммуникации также имеет целью превратить обучаемого из пассивного потребителя информации, в исполнителя собственных задач и задач общества, для развития своего творческого потенциала и обеспечения пользы социуму.

Согласно Национальной доктрине образования основной целью обучения иностранному языку является развитие умения использовать иностранный язык как инструмент межкультурного общения в любых сферах жизнедеятельности. Стратегической же целью является ориентация обучения на выполнение современного заказа – овладения

иностранным языком как средством коммуникации и обеспечения достижения цели коммуникации. Необходимо отметить, что в процессе межкультурной коммуникации воспитывается как общая, так и профессиональная культура будущих специалистов, расширяется их мировоззрение, воспитывается личное отношение к другой культуре, воспитывается культура общения, ценностные ориентации, чувства, эмоции, позитивное отношение к культуре народа, говорящего на иностранном языке.[3]

Обучение иностранному языку может проходить как среде родного языка, так сказать без погружения, и в языковой среде изучаемого языка. Каждый из вариантов имеет свои плюсы и минусы. При обучении в родной языковой среде обучающийся находится в знакомых для него условиях, не испытывает дискомфорта или ограничений от необходимости устраивать быт и организовывать свое окружение до состояния привычного. Огромным минусом тут будет недостаток именно языкового окружения, который так необходим для усвоения языка.

Что же касается обучения в другой языковой среде, несомненным преимуществом ее будет полное погружение в нее, и, как следствие, более глубокое понимание лингвокультурных особенностей страны изучаемого языка. Однако тут же могут проявиться первые проблемы именно в межкультурной коммуникации, вызванные непониманием традиций и обычаев народа той страны.

Обучение за рубежом уже давно не является редкостью. Границы образования расширяются и сейчас уже не составляет большого труда попасть на обучение в другую страну. Погружение в другую лингвокультурологическую среду, выход из своего круга общения, расширение границ комфортного безусловно дает значительное преимущество при выборе стратегии коммуникации, чему способствует как внимательность к межкультурным различиям, так и развивающаяся гибкость и терпимость коммуницирующего. [5. с. 276]

Как показывает опыт, весомая часть проблем при общении с представителями других культур происходит из-за неразумения оснований и причин поведения партнера по общению. Коммуниканты при определенных обстоятельствах ожидают определенного поведения, не увидев ожидаемой реакции, приходят к ошибочным выводам о культуре, с представителем которой они общаются. Поэтому немаловажным в современном образовании является воспитание толерантности. В первую очередь данным качеством должен обладать педагог. Толерантный педагог осознает, что его поведение воспринимают как образец, овладевает и использует соответствующие навыки для развития диалога и мирного разрешения конфликтов; поощряет творческие подходы к решению проблем; обеспечивает условия для совместной конструктивной активности участников образовательного процесса и для личностных достижений, не поддерживает агрессивное поведение или обостренное соперничество; способствует привлечению учащихся и родителей к принятию решений и разработок программ совместной деятельности; учит критически мыслить и ценить позиции других; четко формулирует свою позицию в спорных вопросах; ценит культурное разнообразие и создает условия для признания культурных различий и их проявлений в жизни.

Очевидно, что межкультурная компетентность не образуется сама по себе, ее необходимо целенаправленно и комплексно формировать. В результате обучения выпускники должны быть подготовлены к межкультурной коммуникации с представителями других национальностей, способны вести диалог и с уважением относиться к культурным различиям, ведь именно умение находить решения, базируясь на принципах толерантности, определяет уровень межкультурной компетенции специалиста. Именно межкультурная компетенция должна стать одной из важнейших характеристик специалиста, под которой понимается совокупность профессиональных качеств, включая: теоретические знания о национальных культур, психологические свойства (открытость, гибкость, терпимость, готовность работать с представителями других культур), практические навыки эффективных межкультурных коммуникаций.

Расширение и качественные изменения характера социально-культурного содержания политики нашего государства и выход на международную арену, признание нашей государственности, интернационализация всех сфер жизни общества делают поликультурное образование реально значимым и важным в практической и интеллектуальной деятельности человека. Оно становится деятельным фактором социально-экономического и общекультурного развития общества.

Литература

1. Корнилов О.А. Языковые модели мира //Россия и Запад: диалог культур. – М., 1994.
2. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М., 2000.
3. Тупченко В. В. Преподавание иностранного языка как средства межкультурной коммуникации в высшей школе. [Электронный ресурс]. (Режим доступа: http://oaji.net/articles/2014/690-1396431655.pdf)
4. Brown Douglas H. Principles of Language Learning and Teaching. San-Francisco, 1987.
Samovar L., Porter R. Intercultural Communication. – Belmont: Wadsworth, 1994. 40

***

Нин Хуайин,
Волгоград, Россия

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ИНТЕРНЕТ-ОБРАЗОВАНИЕ

Понятие Информатизация образования

Информатизация образования в Китае началась в конце 90 годов прошлого века. Все описания о понятии «информатизация образования» похожи друг на друга, в общем ее понимают как всестороннее и глубокое использование современных информационных технологий в образовании. «Информатизация образования способствует процессу реформирования и развития образования".

«Информатизация образования» может быть разделена на две части: информатизация преподавания и информационные большие данные.

1. информатизация преподавания или по-другому «Информатизация в преподавании»

Это нам всем знакомо, это использование современной технологий в преподавании с целью повышения качества и эффективности преподавания. В преподавании мы используем разные ресурсы, сегодня очень удобно взять их с интернета, например, картины, записи, видео, с помощью которых мы лучше даем учащимся представление и понятие о учебных материалах.

2. Большие данные

Большие данные дают нам больше методов преподавания. С помощью анализа больших данных мы лучше знаем, как растут наши ученики, какие плюсы и минусы, какие материалы лучше понимают, запоминают, а какие нет; нам виднее, как развивается образование в регионах... По этим данным создается база учебных материалов, презентаций, которые и открыты для учащихся.

Концепция «Интернет +

По словам премьера Китая Ли Кэцян (2015), нужно составить план «Интернет +», объединяя мобильный интернет, облачные вычисления, большие данные и сеть товаров, способствовать развитию электронной торговле, промышленному интернету и интернет-финансам.

«Интернет + все», например, разные программы появились для покупки, платежа, денежного перевода... Существуют интернет-магазины, интернет-супермаркет, интернет-библиотека. Сегодня на мобильном телефоне мы можем делать очень много, когда у нас есть интернет: покупаем вещи, проверять почту, написать письма или отвечать на письма, платить за свет, газу, квартиру; существует и много программ для общения, например,

китайская программа Вичат, не только для общение, но и на нем проводим платеж при покупке в магазинах, в кафе, на рынке.

«**Интернет + образование»**

В интернет + образовании пять основных элементов: учебные ресурсы, методы обучения, отношения между учителем и учеником, педагогическая среда и модель управления.

Пример: интернет-ресурсы для обучения китайскому языку на сайте штаб-квартиры ИК.

В 2003 г. факультет русского языка ТУИЯ уже сделал интернет-уроки русского языка разных уровней, где студенты могут делать упражнения по грамматике, посмотреть видео-материалы, послушать звукозаписи.

А Информатизация в профессиональном образовании не только помогает нам найти новые методы преподавания, делать уроки в интернете, но и дает нам новую концепцию, содержание.

Информатизация в профессиональномобразовании:

С помощью больших данных нам легче понять, какие специалисты нужны в ближайшие 5 лет, и сколько, для кого мы готовим специалистов.

Сотрудничество между учебными учреждениями и предприятиями в подготовке специалистов

- Виртуальные ситуативные модели
- Виртуальные заводы и фабрики

***

Л.А. Староверкина,
Элиста, Россия

РОЛЬ КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ ПРИ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН НА ДОВУЗОВСКОМ ЭТАПЕ

Основным средством достижения взаимопонимания людей является их общение, в процессе которого люди проявляют себя, раскрывают все свои качества. Для этого они должны владеть разнообразным арсеналом средств культурного общения и уметь их применять в жизненных ситуациях, им должно быть комфортно в любой стране, в разных социальных группах. Но хорошо известно, что иностранные граждане, решившие получать образование в России, часто сталкиваются с целым рядом адаптационных проблем (языковых, учебных, бытовых, социокультурных). Согласно многочисленным исследованиям психологов, период полной адаптации в иноязычной среде занимает неменьше десяти месяцев. Мы говорим лишь об «относительной» адаптации, поскольку о полной адаптации часто нельзя говорить даже после многих летпребывания человека за границей. Уже с первых дней пребывания вроссийском образовательном учреждении иностранцы общаются сперсоналом различных служб в вузе международного отдела, деканатаподготовительного факультета, медицинского центра, бухгалтерии, библиотеке. Они пытаются решить как учебные, так и бытовые вопросы: получить место в общежитии, организовать питание, выяснить, где и когда состоятся занятия. Одна из главных трудностей иностранных граждан - это недостаточноевладение русским языком, знание которого является важным условиемадаптации иностранных граждан к новой социально-культурной среде: чембыстрее студенты включаются в общение на русском языке, тембезболезненнее и успешнее идет процесс адаптации.

Ведущие отечественные лингвисты давно говорят о том, чтонеобходимо изучать язык не сам по себе, а в привязке к конкретнымречевым ситуациям, что поможет быстрее сформировать речевые навыки. «Мы должны научить учащегося в определенных условиях его бытиявступать в коммуникацию так, как это принято в данных условиях бытия и

сиспользованием тех языковых / речевых элементов коммуникации, которыесоотносятся с этими принятыми правилами» [2, с. 336]. Известные методисты-филологи, посвятившие себя работе синостранцами (Т.И. Капитонова, Е.И. Мотина, С.А. Хавронина, М.М. Нахабина) считают, что овладеть коммуникативными навыками можнотолько в процессе коммуникативной деятельности. Именно этазакономерность лежит в основе принципа коммуникативности обучения, предписывающего овладеть навыками иноязычного общения через самоиноязычное общение: говорению через говорение, чтению через чтение, аудированию через аудирование, письму через письмо. Вот почему самымважным условием формирования коммуникативных умений являетсяпрактика студентов в соответствующих видах речевой деятельности.

Известно, что общение на любом неродном языке являетсятрудоемким как для студентов, так и для преподавателей. Следуя за такимиучеными - филологами, как О.А.Крылова, Московкин Л.В., Щукин А.Н. идругими, мы можем утверждать, что закономерности формированиякоммуникативных умений - умений аудирования, говорения, чтения, письма- закладываются еще на довузовском этапе, на начальном уровне изученияруссского языка как иностранного. Обучая иностранных граждан нафакультете довузовской подготовки и обучения иностранных граждан вКалмыцком государственном университете с 2000 года, мы пришли к выводу, что такая типичная для вуза форма как лекция, совершенно неприемлема дляиностранцев, которые обучаются на довузовском этапе. Поэтому на нашемфакультете обучение общению осуществляется на практических занятиях, которые позволяют максимально индивидуализировать и интенсифицироватьпроцесс овладения русским языком. Для этих целей нами формируютсямалые учебные группы, состоящие из 8-10 человек.

В данной статье мы попытались выделить несколько закономерностейобучения иноязычной речевой деятельности, на которые должен обращатьвнимание преподаватель, работающий на подготовительном факультете. Во-первых, формирование коммуникативных умений должноосуществляться регулярно, при этом речевая практика должна усложняться. Во-вторых, упражнения, позволяющие развить коммуникативные уменияДолжны выполняться регулярно, на каждом занятии. При этом от занятия кзанятию возрастает объем общения (объем учебных тестов), возрастаетскорость выполнения заданий, увеличивается количество незнакомых слов в текстах для аудирования и чтения, а главное возрастает степень самостоятельности обучающихся при выполнении учебных заданий. В- третьих, в процессе формирования коммуникативных умений также необходимо развивать у обучающихся механизм осмысления. Понимание смысла текста, произнесенной преподавателем фразы, очень важно для тех, кто изучаетрусский язык как иностранный, учится коммуникативному общению, составляетдиалоги,монологи.Таким образом, формируя коммуникативные умения у иностранныхграждан, изучающих русский язык как неродной на довузовском этапе, мыпомогаем им адаптироваться, справиться с трудностями, включиться вчужую среду, а это своего рода психологическая поддержка, заинтересованность и сформированность познавательной потребности приизучении русского языка как иностранного.

Литература

1.Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М.,2009.

2.Прохоров Ю.В. Национальные социокультурные стереотипы речевогообщения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 2006.

3.Хачатурова С.С. Русский экспресс 1: Коммуникативный курс русскогоязыка для начинающих.- М., 2001.

***

Л. Ш. Шасаидова,
Ташкент, Узбекистан

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ УСТНОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ НА МЛАДШИХ КУРСАХ (КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК)

В методике обучения китайскому языку как иностранному все еще не достигнуто единое мнение по проблеме, касающейся того, с какого этапа изучения языка следует начать обучение устной речи. Профессоры Пекинского Университета языков Ли Чжу, Цзян Липин выдвигают предложение о том, что на первоначальном этапе обучения китайскому языку обучение устрой речи может вестись на основе следующей модели [2]:

1. Организация уроков китайского языка на первичном этапе. Студенты из числа видов речевой деятельности быстрее всего хотят достигнуть результатов по формированию и развитию навыков говорения. В этих целях они хотят, чтобы уроки устной речи проводились с первых дней изучения языка. Несмотря на то, что комплексные уроки китайского языка внесены в учебный план, урок устной речи проводится в качестве урока тренировки навыков устной речи. Если в учебный план включены отдельные уроки устной речи, то данные уроки нацелены на аудирование и выполнение речевых упражнений, развивающих навыки говорения.

2. Организация уроков устной речи после владения студентами знаний на уровне коммуникации. Основная цель уроков устной речи – развитие коммуникативных навыков студентов, следовательно, для этого студенты должны получить фонетические, лексические, грамматические навыки, необходимые для коммуникации, что в свою очередь активизируют соответсвующие навыки, которые помогают студентам производить аутентичную речевую деятельность. Применяя эти навыки, студенты могут входить в контакт. Строго определенных норм знаний и навыков, которыми должны обладать студенты для организации уроков устной речи не установлено. Авторы пособия утверждают, что для этого необходимо основываться на критериях, установленных в стандарте выявления уровня знания китайского языка [1]. Согласно стандарту, на первом этапе по навыкам говорения студенты должны усвоить 1033 слов, 90% грамматики, осваиваемой на первом этапе, то есть они уже должны обладать навыками речи и коммуникации. Нужно отметить, что после освоения знаний и навыков, рекомендуется организовывать уроки устной речи.

3. Специальный урок устной речи.

Данные уроки устной речи считаются уроками специальной речи, направленные только на говорение и аудирование, это способствует на повышение коммуникативной компетенции.

Мы постарались изучить вопрос обучения устной речи на китайском языке, разделив его на несколько частей, исходя из принципов обучения и методов развития навыков устной речевой деятельности:

1. Метод развития диалогической речи; 2. Метод развития монологической речи; 3. Техника работы над ошибками.

1. Метод развития диалогической речи.

Вопросно-ответные упражнения. Вопросы-ответы составляют основу коммуникативного общения между людьми, поэтому естественно, что устная речь входит в основную задачу урока. Требования таких занятий формируются исходя из специальности студентов, их характера, возраста, интересов и жизненных потребностей.

Упражнения направленные на правильную постановку вопроса. Умение задать вопрос также составляет основу коммуникации. На китайском языке постановка вопроса, то есть применение вопросительных местоимений, используемых в вопросительных предложениях несколько сложны, и их применение не основываются на определенные критерии. Самый

широко применяемый вид упражнения по составлению вопроса это *направленные и произвольные* вопросы. В упражнении по составлению направленных вопросов преподаватель в качестве образца для составления вопроса задает определенную тему. Например, для групп, находящихся на начальном этапе обучения определяются темы следующих направлений: имена, профессии, семья, нация и другие. На среднем и высоком уровнях выбираются сложные темы, такие как хобби, эмоции, дружба, патриотизм и другие.

Беседа с помощью карточек. Преподаватель раздает карточки, где отдельно написаны вопросы и ответы студентам, далее он задает им задачу для продолжения беседы.

Демонстрация. Демонстрация это вид упражнений, где выявляется весь потенциал студента: творческий, художественный, креативный и др. Разница упражнений по демонстрации от простых диалогических занятий в том, что в них движение (мимика, жест) и беседа идут параллельно. Посредством таких упражнений они учатся связывать слова и предложения между собой, применять их в коммуникативном общении и учатся мыслить на китайском языке.

1. Метод развития монологической речи

Составление рассказа по рисунку. При этом можно использовать рисунки на различные темы. Данное упражнение основано на наглядности и влияет на ведение уроков устной речи. Наглядными пособиями могут быть карты, пейзажи или портреты. Используя карту, студенты могут рассказать о географическом расположении, границах, климате и природе своей страны и страны изучаемого языка; используя пейзаж, они могут рассказать о природе, исторических памятниках; глядя на портреты и картины, выполняются упражнения по монологической речи о членах семьи, одноклассниках или известных лиц. Применение таких упражнений в комплексных уроках на первичном этапе дает хороший эффект. Данный метод позволяет освоить грамматику изучаемого языка, это способствует тому, что студент овладевает не только лексическими знаниями, а так же грамматическими.

Упражнение для формирования правильности чтения. Данный урок считается механическим и разделяется на аудирование и пересказ, а также на прочтение и пересказ. Суть и объем данных занятий устанавливаются, исходя из уровня знаний студента и требований уроков устной речи. Главное, чтобы задания и упражнения были короткими, простыми, интересными, образов было немного.

Упражнение по устному описанию (изложение). Требование данного упражнения – описание какого-либо случая или происшествия. Объектом описания могут быть какое-либо место, внешний вид, событие, процесс. Речь каждого студента не должна превышать 8-10 фраз, возможность выполнить упражнение должна быть предоставлена всем.

Упражнение по короткому описанию. Изложение короткого содержания записи и аудиотекста. Это упражнение помогает сконцентрировать мысли и суждения студентов и выразить их на китайском языке.

3. Техника работы с ошибками. Исправление ошибок является основным звеном, обеспечивающим качество устного урока. Данная техника направляется не только на повышение уровня устной речи, но и на то, чтобы студенты в последующем не повторяли ошибок. При этом необходимо поощрять студентов за устную речь, а также избегать сравнения уровня знаний студентов. Ниже мы приводим образцы техники работы с ошибками, активно используемые в деятельности по обучению:

Метод повторных вопросов. В целом, ошибки студентов происходят из-за того, что они не усваивают языковой материал хорошо или в совершенстве. При этом преподаватель должен уделять значение тому, чтобы студент сам исправлял свои ошибки, поэтому, необходимо стимулировать деятельность в этом направлении. Метод повторных вопросов помогает студентам осознать свои ошибки. Это дает возможность им исправлять их самим. Например:

生: 我昨天晚上没睡觉了。

师：你昨天晚上为什么没睡觉?

生: 我昨天晚上和朋友谈话了，所以没睡觉。

师: 对了，“没” 后边不要“了”

В данном предложении студент, применяя отрицательную форму прошедшего времени, допустил ошибку, использовав после глагола суффикс прошедшего времени “了”. Преподаватель, задав грамматически правильный вопрос, таким образом, указывает ему на его ошибку, после этого студент правильно отвечает на очередной вопрос преподавателя. В завершении преподаватель говорит студенту: “правильно, после отрицательного слова “没” не нужно ставить “了””, поощряя тем самым студента.

Метод еще одного повтора. Если студенты в процессе говорения допускают ошибку, то преподаватель сразу же просит повторить еще раз. При таком методе студент понимает, что допустил ошибку в своем предложении, затем он повторяет предложение уже в исправленном варианте.

Метод совместного повтора. Порой студент не чувствует, что допустил ошибку в своем предложении. В этом случае преподаватель выражением лица должен указать на допущенную ошибку студента. Такой метод – повторения правильного варианта, предотвращает чувство страха совершить ошибку у студентов.

Метод указания на ошибку своими действиями. При использовании данного метода преподаватели мало говорят при исправлении ошибок, выигрывают время и остается достаточно времени для того, чтобы студенты выполнили упражнение по повторению. Например, кивание головой в смысле подтверждения означает правильный ответ, отрицательное качание головой означает неправильный ответ, круговые движений указательным пальцем означают просьбу повторить ответ.

Метод указания на ошибку путем выписывания на доске. На завершающем этапе работы над ошибками очень удобен метод выписывания на доску. На таком уроке на доску пишутся ошибочные предложения, часто допускаемые студентами, в продолжении дается правильный вариант. Этот метод помогает привлечь внимание студента к правильному варианту и его автоматическому запоминанию.

Метод раздачи карточек исправления ошибок. В процессе урока преподаватель индивидуально записывает ошибки, допущенные студентом и снизу дает правильный вариант. Карточки незаметно раздаются студентам. На карточках может быть записано произношение слова, которое студент не знает, переводы ошибочных слов. Это самый удобный способ работы с ошибками и применяется для предотвращении того, чтобы ошибка одного студента не влияла на ошибки других.

Ни одна из ошибок не должна остаться неисправленной, активные ошибки в произношении, применении грамматических форм и слов, подборе стилистически подходящих слов должны исправляться с применением разъяснений.

Литература

1. Международная программа по обучению китайскому языку. - Пекин, 2009.
2. 李珠, 姜丽萍 著。怎样教外人汉语。北京语言大学出版社2008年256页
3. 刘巍.,张冬秀., 孙熙春.对外汉语教学理论与实务. 北京:清华大学出版社 2017。277 页
4.丁迪蒙.汉语课堂教学技[M]，学术出版社，2006 年

ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, КУЛЬТУРА

Материалы II Международного форума

Научное издание

Подписано в печать 15.11.2019.
Формат 60х84/8. Усл. п. л. .
Тираж 300 экз. Заказ 4177.

Издательство Калмыцкого университета
358000 Элиста, ул. Пушкина, 11

Отпечатано в Печатном салоне «Лого Про»
358000 Элиста, ул. Хонинова, 18

ISBN 978-5-91458-326-9

Издательство
Калмыцкого университета, 2019